Борис МАНСУРОВ

Лара моего романа

Борис Пастернак и Ольга Ивинская

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

В основу этой книги положены записи бесед автора с Ольгой Ивинской — последней любовью и музой Бориса Пастернака. Читателям, интересующимся творчеством великого русского поэта, будет интересно узнать, как рождались блистательные стихи из романа «Доктор Живаго» (прототипом главной героини которого стала Ивинская), как создавался стихотворный цикл «Когда разгуляется», как шла работа над гениальным переводом «Фауста» Гете.

В воспоминаниях Б. Мансурова содержатся поистине сенсационные сведения о судьбе уникального архива Ивинской, завещании Пастернака и сбывшихся пророчествах поэта.

Для самого широкого круга любителей русской литературы.

- Борис Мансуров
  - ○
  - ○ От издательства
  - ○ Вместо предисловия
  - ○ Глава первая
  - ○
  - ○ Глава вторая
  - ○ Глава третья
  - ○ Глава четвертая
  - ○ Глава пятая
  - ○ Глава шестая
  - ○ Приложения
    - ■ Ольга Ивинская
    - ■ Вадим Козовой
    - ■ Израиль Борисович Гутчин
    - ■ Константин Богатырев
    - ■ Серджо Д’Анджело
  - ○ Библиография
- notes
  - ○ 1
  - ○ 2
  - ○ 3
  - ○ 4
  - ○ 5
  - ○ 6
  - ○ 7
  - ○ 8
  - ○ 9

- ○ 10
- ○ 11
- ○ 12
- ○ 13
- ○ 14
- ○ 15
- ○ 16
- ○ 17
- ○ 18
- ○ 19
- ○ 20
- ○ 21
- ○ 22
- ○ 23
- ○ 24
- ○ 25
- ○ 26
- ○ 27
- ○ 28
- ○ 29
- ○ 30
- ○ 31
- ○ 32
- ○ 33
- ○ 34
- ○ 35
- ○ 36
- ○ 37
- ○ 38
- ○ 39
- ○ 40
- ○ 41
- ○ 42
- ○ 43
- ○ 44
- ○ 45
- ○ 46
- ○ 47
- ○ 48
- ○ 49
- ○ 50
- ○ 51
- ○ 52
- ○ 53

- ○ 54
- ○ 55
- ○ 56
- ○ 57
- ○ 58
- ○ 59
- ○ 60
- ○ 61
- ○ 62
- ○ 63
- ○ 64
- ○ 65
- ○ 66
- ○ 67
- ○ 68
- ○ 69
- ○ 70
- ○ 71
- ○ 72
- ○ 73
- ○ 74
- ○ 75
- ○ 76
- ○ 77
- ○ 78
- ○ 79
- ○ 80
- ○ 81
- ○ 82
- ○ 83
- ○ 84
- ○ 85
- ○ 86
- ○ 87
- ○ 88
- ○ 89
- ○ 90
- ○ 91
- ○ 92
- ○ 93
- ○ 94
- ○ 95
- ○ 96
- ○ 97

- ○ 98
- ○ 99
- ○ 100
- ○ 101
- ○ 102
- ○ 103
- ○ 104
- ○ 105
- ○ 106
- ○ 107
- ○ 108
- ○ 109
- ○ 110
- ○ 111
- ○ 112
- ○ 113
- ○ 114
- ○ 115
- ○ 116
- ○ 117
- ○ 118
- ○ 119
- ○ 120
- ○ 121
- ○ 122
- ○ 123
- ○ 124
- ○ 125
- ○ 126
- ○ 127
- ○ 128
- ○ 129
- ○ 130
- ○ 131
- ○ 132
- ○ 133
- ○ 134
- ○ 135
- ○ 136
- ○ 137
- ○ 138
- ○ 139
- ○ 140
- ○ 141

- ○ 142
- ○ 143
- ○ 144
- ○ 145
- ○ 146
- ○ 147
- ○ 148
- ○ 149
- ○ 150
- ○ 151
- ○ 152
- ○ 153
- ○ 154
- ○ 155
- ○ 156
- ○ 157
- ○ 158
- ○ 159
- ○ 160
- ○ 161
- ○ 162
- ○ 163
- ○ 164
- ○ 165
- ○ 166
- ○ 167
- ○ 168
- ○ 169
- ○ 170
- ○ 171
- ○ 172
- ○ 173
- ○ 174
- ○ 175
- ○ 176
- ○ 177
- ○ 178
- ○ 179
- ○ 180
- ○ 181
- ○ 182
- ○ 183
- ○ 184
- ○ 185

- ○ 186
- ○ 187
- ○ 188
- ○ 189
- ○ 190
- ○ 191
- ○ 192
- ○ 193
- ○ 194
- ○ 195
- ○ 196
- ○ 197
- ○ 198
- ○ 199
- ○ 200
- ○ 201
- ○ 202
- ○ 203
- ○ 204
- ○ 205
- ○ 206
- ○ 207
- ○ 208
- ○ 209
- ○ 210
- ○ 211
- ○ 212
- ○ 213
- ○ 214
- ○ 215
- ○ 216
- ○ 217
- ○ 218
- ○ 219
- ○ 220
- ○ 221
- ○ 222
- ○ 223
- ○ 224
- ○ 225
- ○ 226
- ○ 227
- ○ 228
- ○ 229

- ○ 230
- ○ 231
- ○ 232
- ○ 233
- ○ 234
- ○ 235
- ○ 236
- ○ 237
- ○ 238
- ○ 239
- ○ 240
- ○ 241
- ○ 242
- ○ 243
- ○ 244
- ○ 245
- ○ 246
- ○ 247
- ○ 248
- ○ 249
- ○ 250
- ○ 251
- ○ 252
- ○ 253
- ○ 254
- ○ 255
- ○ 256
- ○ 257
- ○ 258
- ○ 259
- ○ 260
- ○ 261
- ○ 262
- ○ 263
- ○ 264
- ○ 265
- ○ 266
- ○ 267
- ○ 268
- ○ 269
- ○ 270
- ○ 271
- ○ 272
- ○ 273

- ○ 274
- ○ 275
- ○ 276
- ○ 277
- ○ 278
- ○ 279
- ○ 280
- ○ 281
- ○ 282
- ○ 283
- ○ 284
- ○ 285
- ○ 286
- ○ 287
- ○ 288
- ○ 289
- ○ 290
- ○ 291
- ○ 292
- ○ 293
- ○ 294
- ○ 295
- ○ 296
- ○ 297
- ○ 298
- ○ 299
- ○ 300
- ○ 301
- ○ 302
- ○ 303
- ○ 304
- ○ 305
- ○ 306
- ○ 307
- ○ 308
- ○ 309
- ○ 310
- ○ 311
- ○ 312
- ○ 313
- ○ 314
- ○ 315
- ○ 316
- ○ 317

- ○ 318
- ○ 319
- ○ 320
- ○ 321
- ○ 322
- ○ 323
- ○ 324
- ○ 325
- ○ 326
- ○ 327
- ○ 328
- ○ 329
- ○ 330
- ○ 331
- ○ 332
- ○ 333
- ○ 334
- ○ 335
- ○ 336
- ○ 337
- ○ 338
- ○ 339
- ○ 340
- ○ 341
- ○ 342
- ○ 343
- ○ 344
- ○ 345
- ○ 346
- ○ 347
- ○ 348
- ○ 349
- ○ 350
- ○ 351
- ○ 352
- ○ 353
- ○ 354
- ○ 355
- ○ 356
- ○ 357
- ○ 358
- ○ 359
- ○ 360
- ○ 361

- ○ 362
- ○ 363
- ○ 364
- ○ 365
- ○ 366
- ○ 367
- ○ 368
- ○ 369
- ○ 370
- ○ 371
- ○ 372
- ○ 373
- ○ 374
- ○ 375
- ○ 376
- ○ 377
- ○ 378
- ○ 379
- ○ 380
- ○ 381
- ○ 382
- ○ 383
- ○ 384
- ○ 385
- ○ 386
- ○ 387
- ○ 388
- ○ 389
- ○ 390
- ○ 391
- ○ 392
- ○ 393
- ○ 394
- ○ 395
- ○ 396
- ○ 397
- ○ 398
- ○ 399
- ○ 400
- ○ 401
- ○ 402
- ○ 403
- ○ 404
- ○ 405

- ○ 406
- ○ 407
- ○ 408
- ○ 409
- ○ 410
- ○ 411
- ○ 412
- ○ 413
- ○ 414
- ○ 415
- ○ 416
- ○ 417

Борис Мансуров
Лара моего романа: Борис Пастернак и Ольга Ивинская

Памяти Мити (Дмитрия Виноградова) и моей сестры Аллы Мансуровой посвящаю эту книгу.

От издательства
О книге и ее авторе

Истину ищут одиночки и порывают со всеми, кто любит ее недостаточно.

Борис Пастернак

Б.М. Мансуров окончил МЭИ, автор учебника по микроэлектронике, более 70 научных статей и 40 изобретений. Автор статей и книг о Борисе Пастернаке и Марине Цветаевой

«Лара моего романа» — так говорил поэт Борис Пастернак об Ольге Ивинской, которая была его последней любовью и прототипом главной героини «Доктора Живаго». Книга, которую вы сейчас держите в руках, рассказывает об этой любви, о верности и гражданском мужестве людей, наделенных доброй душой и удивительным талантом, об их жизни в условиях

советской действительности. Читателю откроются яркие — в том числе малоизвестные и почти никому не известные до сей поры — страницы пастернаковского творчества того периода, когда в ответ на присуждение поэту Нобелевской премии на него с яростью набросились советские писатели и власти. Не сломаться, выдержать агрессивный натиск системы, на себе испытать предательство «друзей и родных» и продолжать творить — это стало возможным только благодаря поддержке близких по духу людей, таких, как Ольга Ивинская и ее дети Ирина и Митя, как Ариадна Эфрон (дочь Марины Цветаевой) и преданный друг семьи Кома Иванов.

Автор книги Борис Мансуров был дружен с Ольгой Ивинской, ее сыном и дочерью. Благодаря его стараниям впервые в России вышла в свет книга воспоминаний О. Ивинской «Годы с Борисом Пастенаком. В плену времени», еще в конце 1970-х издававшаяся в двадцати странах мира, но запрещенная в СССР. Борис Мансуров сумел записать и сохранить воспоминания о встречах и разговорах с Ольгой Ивинской, включая более сотни откровенных, увлекательных бесед, которые касались малоизвестных фактов, ситуаций, обстоятельств жизни и творчества Бориса Пастернака.

Ольга Всеволодовна Ивинская рассказала о реальных причинах и истоках рождения блистательных стихотворений из «тетради Юрия Живаго», знаменитого цикла стихов «Когда разгуляется» и всемирно известного перевода «Фауста» Гете.

С 1994 года Борис Мансуров участвовал в заседаниях судов по делу об архиве Ивинской. Он приходил туда вместе с ее сыном Митей — Дмитрием Виноградовым, страдавшим от неизлечимой болезни. Острые, откровенные Митины оценки важных эпизодов жизни его матери и Бориса Пастернака постоянно присутствуют в тексте книги.

Читатель узнает о причинах изъятия следователями КГБ в 1949 и 1960 годах архива Ивинской и о том, почему он и сегодня не возвращен законным владельцам.

Специальная глава посвящена рассказу Ивинской о завещании Пастернака и включает материалы из публикаций, вышедших после смерти Ольги Всеволодовны. Это сборник «А за мною шум погони…» (2001), книги Зои Масленниковой «Портрет Бориса Пастернака» (1995), Карло Фельтринелли «Senior Servis. Жизнь Джанджакомо Фельтринелли» (2003), Серджо Д'Анджело «Дело Пастернака. Воспоминания очевидца» (2007), а также письма Ариадны Эфрон к О. Ивинской и И. Емельяновой («Жизнь есть животное полосатое», 2004).

Большая глава книги посвящена интереснейшей переписке

Пастернака с «пламенным другом» из Германии Ренатой Швейцер — об этом, к сожалению, пока очень мало известно российским читателям.

Книга «Лара моего романа» проиллюстрирована уникальными фотографиями. В приложении дана краткая биографическая информация об Ольге Ивинской, Вадиме Козовом, Израиле Гутчине, Константине Богатыреве и Серджо Д'Анджело.

Ранее публикации Б. Мансурова о Борисе Пастернаке и Ольге Ивинской выходили в журнале «Большой Вашингтон» (США) и в парижских изданиях — журнале «Грани» и газете «Русская мысль».

Автор этой книги, которая безусловно найдет своего читателя в России и за рубежом — ведь интерес к творчеству выдающегося поэта России растет, — бережно хранит редкое издание с автографом Бориса Пастернака, подаренное ему сыном Ольги Ивинской. На титуле — дарственная надпись, исполненная символического смысла:

> Эта книга подарена мною Борису Мансурову, испытанному, верному, любящему другу моей мамы, О. В. Ивинской, и, в порядке наследования — моему.
>
> В судный день 28 августа 2000 г.
> Д. А. Виноградов, сын О. Ивинской.
>
> Б. Пастернак выразил бы Боре Мансурову свою признательность более многословно. Но — что делать!

Вместо предисловия
Встречи с Ольгой Ивинской

«О как я люблю тебя» — и в письме, отправленном через три дня: «Милая моя жизнь!» Эти слова написал Борис Пастернак своей возлюбленной Ольге Ивинской из тбилисской ссылки в феврале 1959 года. Его выслали из Москвы на время пребывания в столице правительственной делегации из Великобритании. Премьер-министр Гарольд Макмиллан включил в свою программу встречу с Борисом Пастернаком — нобелевским лауреатом 1958 года по литературе, однако после многомесячной травли поэта, инспирированной партийными идеологами в ответ на присуждение ему Нобелевской премии[1], этой встречи советское правительство допустить не могло. Органы госбезопасности, осведомленные о том, что многие журналисты хотели бы встретиться с Ларой романа Пастернака «Доктор Живаго», отправили Ивинскую из Москвы в Ленинград. Об Ольге-Ларе широко было известно за рубежом из писем Бориса Леонидовича к сестрам в Англию, из интервью Фельтринелли — издателя «Доктора Живаго», из выступлений немецких журналистов, посещавших Ивинскую и Пастернака в Москве и Измалкове. Об этом рассказывал во Франции и Англии французский аспирант, славист Жорж Нива, друживший с дочерью Ольги Всеволодовны Ириной, студенткой литературного института[2].

Впервые я услышал стихи Бориса Пастернака осенью 1953 года в Самарканде, где родился и учился у выдающихся педагогов, сосланных или эвакуированных во время войны из Ленинграда и Москвы. Уровень преподавания был очень высоким: из 53 выпускников 1954 года золотых медалистов было 12, серебряных — 7. В тот год 21 выпускник нашей школы отправился поступать в вузы Москвы и Ленинграда, и все поступили.

Наша учительница русского языка и литературы Жозефина Людвиговна — немка, высланная в начале 1941 года из Ленинграда, — впервые прочла нам, ученикам десятого класса школы № 37 имени Пушкина, пастернаковский «Марбург» и цветаевское «Моим стихам».

Когда я учился в Московском энергетическом институте, до нас, технарей, осенью 1958 года докатились «волны народного гнева», захлестнувшие «клеветника и предателя» Пастернака, которому подлые империалисты заплатили 30 сребреников в виде Нобелевской премии. Мой однокурсник и сосед по комнате в

общежитии, 30-летний Халик, член КПСС, проводил с нами разъяснительную беседу об антисоветской роли Бориса Пастернака. Эти материалы ему выдали на внеочередном партбюро факультета в МЭИ, чтобы остановить возможное брожение умов: студенты ведь не читали романа Пастернака и могли не понять причин «всенародного гнева».

В 1993 году я рассказал Ольге Ивинской о просветительских беседах моего однокурсника со студентами. И вот что она поведала о событиях той осени 1958-го:

> В то время Евгений[3] уже не служил в армии и работал преподавателем — по-моему, как раз в МЭИ. Он был членом партии и, конечно, по требованию партийной организации и органов вынужден был приехать утром 28 октября 1958-го в Переделкино и вместе с Леней[4] потребовать от отца оказаться от Нобелевской премии. Об этом в гневе говорил Борис Леонидович, когда неожиданно в полдень пришел в нашу избу совершенно опустошенным и при Мите стал просить меня вместе уйти из жизни.
>
> Леня говорил мне о шантаже органов осенью 1976 года, потрясенный убийством Кости Богатырева. Он сообщил, что 27 октября 1958-го его вызвали в МГУ на беседу с участием неизвестных в штатском и сказали, чтобы завтра он не приходил на занятия, а отправился с утра к отцу в Переделкино. Ему заявили, что если Пастернак не откажется от Нобелевской премии, его, Леню, исключат из МГУ и отправят в армию на перевоспитание как члена семьи антисоветчика.
>
> Борю я успокаивала, убеждала, что власти вынудили детей прийти к отцу с ультиматумом. Мне непонятно, почему до сих пор Евгений сам об этом не написал. Борис Леонидович говорил тогда, что советская власть непрерывно превращает детей в Павликов Морозовых.

Я прочел «Доктора Живаго» уже после окончания МЭИ: наша однокурсница Нонна Вулис достала его нелегальную фотокопию. Меня поразили и сам роман, и стихи Юрия Живаго. Особенно запомнились «Мело, мело по всей земле…», «Свидание», «Август» и «Рождественская звезда».

С набиравшей обороты перестройкой на радио зазвучали стихи Пастернака, и вот с первых номеров 1988 года журнал «Новый мир» стал печатать роман «Доктор Живаго». А в начале октября того же года, когда мы с женой смотрели по телевизору еженедельную литературную передачу, произошло нечто

странное.

Прошли три 12-минутных сюжета и оставалось минут пять до окончания программы, как вдруг на экране появилась женщина в летах со следами былой красоты. В интерьере, состоявшем из старинного зеркала и лампы в стиле викторианской эпохи, незнакомка рассказывала о Пастернаке, об их любви, о скандале, связанном с его романом, а также о стихах, которые поэт посвятил ей: «Мело, мело по всей земле», «Засыплет снег дороги», «Я кончился, а ты — жива»…

— Наша любовь вспыхнула осенью 1946 года после встречи с Борисом Леонидовичем в редакции «Нового мира», где я работала в отделе поэзии, — рассказывала с экрана таинственная женщина. Ведущий, находившийся за кадром, попросил:

— Ольга Всеволодовна, расскажите об аресте и погибшем в тюрьме ребенке от Бориса Пастернака…

Но ответа не последовало, сюжет оборвался, изображение исчезло, оставив нас в полном изумлении. Значит, жива женщина, которую любил Пастернак и которой посвятил свои стихи? Что за булгаковщина?!

Мы в недоумении переглядывались, а по экрану ползли титры: «Режиссер Олег Корвяков»… Так ведь Корвяков, известный режиссер, получивший в 1985 году Государственную премию за два фильма из сериала к 40-летию победы в Великой Отечественной войне, — мой школьный друг из Самарканда. Как могло случиться, что он не позвонил мне, не сообщил о показе его работы на телевидении? Ведь он всегда это делал! Звоню Олегу домой — возмущаюсь. Оказывается, он сам удивлен демонстрацией его сюжета об Ивинской на Центральном телевидении. Попросил впредь говорить об этом только при личной встрече.

Вскоре мы встретились. Олег сообщил, что более двух часов снимал беседу с Ольгой Ивинской в ее квартирке на Вятской улице и сделал 15-минутный сюжет для телевидения. Однако где-то наверху тема «Пастернак и Ивинская» вызвала резкое недовольство, и сюжет не пустили в эфир: в 1988 году еще оставалась в силе советская система с ее органами госбезопасности. Однако в урезанном виде материал об Ивинской в последний момент все же поместили в передачу — похоже, требовалось оправдать статью расходов на съемку сюжета, чтобы можно было составить убедительный отчет для руководства.

Олег рассказал о том, что Ивинская — последняя любовь Бориса Пастернака, что ей он посвятил большинство стихов, вошедших в тетрадь Юрия Живаго, что облик Ивинской и черты ее характера присутствуют в образе Лары — главной героини

романа. Об этом писал Борис Леонидович в своих письмах. Ольга Всеволодовна могла бы рассказать много интересного и никому пока не известного из их жизни с Борисом Пастернаком.

За любовь к опальному поэту и верность своему чувству Ивинскую дважды отправляли в советские лагеря: в 1949-м по приказу Сталина, а в 1960-м, после смерти Пастернака, — по указанию Хрущева. Эта женщина — редкий пример того, как человека из литературной среды, попавшего в тюрьму при «безумце и убийце» (определение Пастернака) Сталине, бросили в нее снова и при так называемом демократе, а по мнению Пастернака — «дураке и свинье» Хрущеве, который, успешно развенчав культ личности своего предшественника, наломал немало дров в роли Первого секретаря ЦК КПСС. Она осмелилась любить и защищать от советской власти непокорного поэта Бориса Пастернака, которого никак не получалось загнать в стойло соцреализма[5]. Ивинская рассказывала про возмущение Пастернака тем, как после Первого съезда писателей в 1934 году Сталин с помощью Горького затолкал всех писателей в один загон и больше не разрешил провести при своей жизни ни одного съезда. Когда Борис Леонидович спросил об этом парадоксе Константина Федина, тот сказал, что Сталин считает писательские съезды вредной говорильней. «Зачем отрывать их от работы? Пусть лучше пишут, а когда мы даем им премии — пусть говорят, что думают». Второй съезд Союза писателей состоялся в 1954 году, после смерти Сталина.

С 1940 года кремлевский хозяин ежегодно раздавал послушным советским писателям и деятелям культуры многочисленные Сталинские премии с денежными подачками. Видные соцреалисты поощрялись многократно: Константин Симонов получил премию пять раз, Алексей Толстой — три раза, причем третью — в 1946 году, посмертно, Федин и Сурков награждались дважды. Пастернак никогда не удостаивался этой премии — Сталин так и не дождался от него увековечивания в романе, хотя много раз посылал писателю сигналы. При Хрущеве Бориса Леонидовича также никогда не награждали бывшей Сталинской, ставшей затем Государственной премией. Но, как говорил Варлам Шаламов, одна литературная Нобелевская покроет тысячи холуйских Сталинских. «Потому тема „Пастернак и Ивинская“ крайне нежелательна для органов и советского литературного ареопага», — заключил свой рассказ мой школьный друг режиссер Олег Корвяков.

Я стал просить Олега устроить встречу с Ивинской, чтобы поблагодарить и подарить цветы. Олег пояснил, что Ольга Всеволодовна избегает встреч с незнакомыми людьми, опасаясь

провокаций, но он попытается уговорить ее принять меня. Дней через пять он диктовал мне номер ее телефона.

На мой звонок ответил строгий мужской голос, допытывавшийся, почему я хочу посетить Ивинскую. Я долго ему что-то объяснял, как вдруг услышал голос женский: «Поскольку вы друг Олега Корвякова, я вас приму дома. Приезжайте 31 октября к 17 часам, улица Вятская…»

И вот день 31 октября 1988 года наконец наступил. Я купил семь сине-сиреневых хризантем и коробку конфет, взял журнал «Новый мир» с главами «Доктора Живаго» и помчался на встречу с последней любовью великого поэта.

Дверь мне открыл суровый мужчина лет 50 и сразу предупредил:

— Мама чувствует себя плохо, прошу не задерживаться больше 15 минут.

— Митя, что же ты сразу пугаешь гостя? — слышу мягкий голос из комнаты. — Входите, входите. Друг Олега — и мой добрый друг, тем более и имя у вас родное — Борис.

Принимая цветы, Ольга Всеволодовна заметила:

— Этот цвет очень любил Борис Леонидович. А еще ему нравилось сочетание темно-синего с желтым[6].

Странно, но и мне очень нравилось сочетание темно-синего с желтым. Помню взрыв смеха моей жены и ее подруги Иры, когда я посоветовал пришить к синему платью желтые пуговицы. Думаю, это связано с местом, где я родился и где прошла моя юность — с землей древнего Самарканда: синие купола дворцов и гробниц времен Тамерлана с рассыпанными среди вековой синевы золотыми звездами и желтыми цветами.

Беседуя с Ивинской о жизни Пастернака, я неожиданно обнаружил много совпадений с эпизодами моей жизни. Например, нас с братом Эриком тайно крестила старая няня Параскева в 1942 году в православной церкви — единственной, действовавшей во время войны в Самарканде. Отец был на фронте, а мама, член партии, работавшая преподавателем в университете, уже через неделю вынуждена была уволить Параскеву: о факте крещения было доложено органам. Пастернак писал в автобиографическом очерке, что его в детстве тайно крестила русская няня Акулина. В молодости я случайно убил красивую птицу и, обливаясь слезами, тайно от всех похоронил ее под персиковым деревом. Пастернак писал, что в молодости, на Урале, случайно убил птицу и тоже со слезами похоронил ее. У меня, как и у Бориса Леонидовича, была сломана правая нога: я перенес операцию, и это изменило мою походку. Мне казались важными даже такие незначительные совпадения, как имя Борис

и рождение под знаком Водолея. У меня музыкальный слух — я даже учился играть на скрипке, главной едой я тоже считаю суп. Моя привычка задаривать друзей, равнодушие к собственной одежде, постоянное нежелание что-либо покупать для себя, привычка целовать при встрече знакомых, близких по духу женщин, а также другие мелочи отдаленно напоминали привычки Пастернака.

В тот первый приход к Ивинской я пробыл у нее около часа. Отказавшись от чая, слушал рассказ о романе, вышедшем в «Новом мире», и удивился, почему ее воспоминания никто не опубликовал. Ольга Всеволодовна показала мне свою книгу «В плену времени», изданную в Париже в 1978 году. На мой вопрос о том, где можно ее прочитать, ответила:

— Я думаю, что нигде. А вы приходите ко мне и читайте книгу здесь.

Митя[7] просто подскочил на месте:

— Как это — приходить и читать?

Ольга Всеволодовна уверенно заявила:

— Борису можно, он друг Олега и нам уже не чужой. И мне будет с кем поговорить, совсем меня без людей оставили. А жить ведь недолго осталось.

Написав мне на обложке «Нового мира» слова благодарности за визит, она заметила:

— Октябрь — месяц для меня знаменательный: в 1946 году в октябре ко мне в редакции «Нового мира» подошел Борис Леонидович, и началась наша жизнь.

Арестованная органами после смерти Пастернака в 1960 году, Ивинская, страдая и тоскуя, в 1962-м писала своей подруге Люсе Поповой из лагеря:

> Как часто я говорила Боре, чуть он заговорит о смерти: не подстрой мне такого свинства! И как мы не хотели думать, что смерть может нас разлучить. Как он был спокоен, что ничто не разлучит нас! И вот, видимо, надо было не удерживать мне его: умереть вдвоем, как он хотел, сразу, в октябре, в разгар скандала. А все женская моя погоня за счастьем — все еще порадоваться. Дура я все же беспечная. <…> Люся, а ты честно думаешь, что мы еще увидимся? Я много думала о Боре и о тебе в этот день. Все с тобой связано. Ты самая близкая, и не в мелочах, а так — в основных вехах жизни.

Именно концлагерем, так же жестко, как Варлам Шаламов, назвала места своего заключения Ольга Ивинская. С Шаламовым

Ольга Всеволодовна встретилась вновь через 25 лет, по его возвращении с Колымы в Москву. Они были знакомы с середины 30-х годов, когда вместе работали в одном журнале. Шаламов был влюблен в Ольгу и помнил о ней все годы заключения в колымском концлагере.

Я дал слово бывать у Ивинской каждый четверг после пяти вечера, когда Митя уже возвращался с работы. Он постоянно жил у мамы на Вятской улице, оберегая ее покой и помогая во всем. Зайдя к Ивинской ровно через неделю, я больше часа читал книгу «В плену времени», а затем мы пили чай, и Ольга Всеволодовна с интересом говорила о перестройке. Она надеялась, что теперь появится возможность рассказать людям правду о Пастернаке. Ивинская сохраняла прекрасную память, живую речь и удивительное чувство юмора.

Ее книга поразила меня обилием интереснейших и ранее неизвестных подробностей из жизни Пастернака, важных сведений об истоках рождения знаменитых стихов, об удивительной истории написания и выхода в свет романа «Доктор Живаго». В книге Ивинской были приведены погромные речи известных советских писателей, клеймивших предателя Пастернака за Нобелевскую премию в октябре 1958 года. Особо выделялись главы, где пересказаны откровенные беседы Пастернака с любимой женщиной о власти и мироздании, об окружавших его людях и родне, с которыми он не мог делиться сокровенными мыслями. Ивинская писала о простоте и сложности гениального человека, создавшего в последнее десятилетие своей жизни литературные шедевры мирового значения. И важным толчком для этого стали глубинное взаимопонимание и любовь поэта и Ольги.

Подтверждение своему впечатлению от книги Ивинской я позже нашел в письмах Пастернака. Например, в предновогоднем, откровенном письме сестрам в Англию от 17 декабря 1957 года Пастернак пишет:

> Шура[8], общие знакомые, так называемые друзья дома и даже члены моей семьи понятия не имеют о вещах слишком близких, больших и великих, чтобы я стал посвящать их в их ход. Одних я щажу, чтобы не волновать, другие — чересчур средние, давно остановившиеся в развитии, опустившиеся, которых я принимаю и угощаю обедами по воскресеньям, чтобы Зине не было так скучно. Главная линия жизни проходит мимо, вне их досягания, не затрудняя их понимания, ведомая только Ольге Всеволодовне. Это два разных, не

сообщающихся мира.

В письме из тбилисской ссылки от 4 марта 1959 года Борис Леонидович обращается к Ольге: «Олюша, золото мое <…> Радость моя, прелесть моя, какое невероятное счастье, что ты есть на свете <…> будем великодушны к другим <…> во имя светлой неразрывности, так горячо, так постоянно и полно связывающей нас <…> Обнимаю тебя, белая прелесть и нежность моя <…>».

У меня возник закономерный вопрос к Ольге Всеволодовне: почему ее книгу не издали теперь, когда активно идет перестройка?

— Издательство «Советский писатель» даже подписало со мной договор. Вот жду, что еще при жизни выйдет в России моя книга из плена времени, — с надеждой сообщила Ольга Ивинская.

К началу 1990 года число наших встреч перевалило за три десятка. Приближался юбилей поэта, а о книге не было ни слуху ни духу. В январе открылась большая юбилейная выставка к столетию Бориса Пастернака. Поразительной особенностью ее являлось полное отсутствие какого-либо упоминания об Ольге Ивинской — последней любви и друге поэта, той, кому он посвятил, по словам литератора Владимира Корнилова, быть может, лучшие стихи русской любовной лирики.

При этом пастернаковские юбилейные конференции и публикации за рубежом неизменно говорили об Ольге Ивинской как о Ларе романа «Доктор Живаго», как о Гретхен-Маргарите гениального пастернаковского перевода «Фауста» Гете, как о любимой женщине — адресате знаменитых стихов поэта. Такие публикации присылала Ирина[9] из Парижа, где жила с семьей с 1985 года. Ольге приходили вырезки из английских, итальянских, немецких и американских газет и журналов с поздравлениями с юбилеем Бориса Пастернака. Известный писатель Борис Парамонов, много лет работающий литературным обозревателем на радио «Свобода», в обширном исследовании романа «Доктор Живаго» и книги Ивинской «В плену времени», опубликованном в парижском русском журнале «Континент», выразительно и точно отметил: «Ивинская — не только любовь Пастернака, это его Тема!»

Маститый знаток русской литературы Глеб Струве, впервые издавший вместе с профессором Борисом Филипповым четырехтомное собрание сочинений Пастернака[10], вышедшее в 1961 году в Мичиганском университете, США, прочитав книгу Ивинской, написал: «Несмотря на ГУЛАГ, Лара выполнила данное

Пастернаку слово. Она будет долго жить в своих словах, написанных ею как пленником времени. Ее мощное писательское дарование — великолепное описание людей и событий — даст ее книге долгую жизнь. Пастернак знал, что делал, когда выбрал Ивинскую источником своего вдохновения».

По поводу юбилейной выставки Митя сказал:

— Видна мертвая хватка советских органов, ЦГАЛИ и семейства Пастернак, железом, обмокнутым в сурьму, выжигающих всякое упоминание о маме.

На его запрос в «Советский писатель» по поводу издания книги последовал невразумительный ответ об отсутствии бумаги, о возникших трудностях и тому подобном. Тогда Митя произнес знаковую фразу:

— Похоже, мы попались на крючок органов, а книга мамы никогда в СССР не выйдет. Как говорила Ариадна Сергеевна, властям и семейству нужно только глазированное вранье о Пастернаке, а Ольгу представят злобной антисоветчицей, сбивавшей Пастернака со светлого пути к коммунизму.

Ольга Всеволодовна заметила:

— Аля[11] всегда добавляла, что мы туда не дойдем — помрем в вестибюле.

С досады на обман и унижение я предложил Ивинской издать ее книгу через благотворительную организацию Чернобыльского комитета, где тогда работал. Моя сестра Алла Мансурова, литератор, руководила центром «Дети Чернобыля» и активно поддержала меня. Митя только усмехнулся на это предложение. А Ольга Всеволодовна согласилась:

— Книга все равно лежит в «Совписе»[12] без движения.

Я подготовил письмо от Госкомчернобыля и отвез его в «Совпис», уверив, что будем издавать книгу ограниченным тиражом для детей чернобыльцев. Заверения подействовали, и нам передали права на издание. Однако попытка издать книгу в 1991 году не увенчалась успехом, о чем я не сказал Ивинской. Митя чутьем догадался об этом, но с любопытством наблюдал за моими усилиями.

В августе 1991-го в СССР провалился антигосударственный путч и сменилось руководство советских органов. Тогда я попросил председателя Госкомчернобыля Волощука разрешить издать книгу Ивинской тиражом 20 тысяч экземпляров. Мою просьбу активно поддержала его жена Лена, очень любившая поэзию Пастернака[13].

При подготовке издания я предложил Ивинской внести в книгу дополнения, раскрыть ряд загадок и заполнить белые пятна, оставшиеся в тексте с советских времен, но она отказалась.

— Попробуйте издать то, что вышло в Париже в 1978 году, — попросила она.

Мне удалось уговорить Ольгу Всеволодовну назвать книгу «Годы с Борисом Пастернаком», а на титуле обложки поставить полюбившуюся мне фотографию Пастернака с Ивинской, сделанную в измалковской избе. На тыльной стороне обложки договорились поместить фотографию молодой Ольги и строки из письма Пастернака о Ларе его романа. На эти мои просьбы она легко согласилась. Книгу печатали в тверской типографии.

26 июня 1992 года Ольга Никифорова и Сергей Томаш, мои друзья из издательской фирмы «Чернобыль-пресс», привезли из Твери два сигнальных экземпляра книги «Годы с Борисом Пастернаком». На следующий день мы с женой Любой и десятилетним внуком Ильей приехали на Вятскую улицу, где в узком кругу отмечался 80-летний юбилей Ольги Ивинской.

Когда пришел мой черед поздравлять виновницу торжества, я с волнением вручил Ольге Всеволодовне два экземпляра ее книги, впервые изданной в России. Листая книгу, Ивинская выглядела спокойной, что особенно бросалось в глаза на фоне радостного восхищения ее гостей.

Присутствовавшая на юбилейной встрече Анна Саакянц, ближайший помощник Ариадны Эфрон по изданию наследия Марины Цветаевой, сказала, обращаясь ко мне:

— Поздравляю за мужество! Такую книгу можно было издать только за сто первым километром.

Затем, увидев в книге адрес тверской типографии, она воскликнула:

— Я так и знала!

У Саакянц, друга Ольги Ивинской и Ирины Емельяновой, был богатый опыт изнурительной борьбы с органами и цензурой при издании сборников стихотворений Марины Цветаевой.

Неожиданно для всех Ольга Всеволодовна попросила у Мити авторучку и на одном экземпляре книги написала: «Дорогому Борису Мансуровичу, благодаря его воле вышла эта книга. О. Ивинская. 27 июня 1992 года».

Я стал ее убеждать, что через неделю привезут тираж из Твери, и тогда можно будет дарить книги всем. Но она настояла, чтобы я взял книгу сейчас. Дней через десять я привез Ольге Всеволодовне пять пачек книг «Годы с Борисом Пастернаком». Только тогда, попросив меня вскрыть одну из пачек, Ивинская радостно засмеялась и воскликнула: «О Господи! Неужели?!»

После затянувшейся паузы, выпив лекарство, она сказала:

— Знаете, до этого момента я не верила, что книга выйдет в России при моей жизни. А те два экземпляра, что вы вручили на

юбилее, я считала ленинскими[14]: их сделали, чтобы я успокоилась, но тиража книги никогда не будет. Боже, как я жалею, что не верила в выход книги! Теперь я должна вам рассказать многое из того, что хотела написать. Потому прошу вас регулярно приходить ко мне и задавать любые вопросы, я отвечу на них без оглядки на лица и обстоятельства. Вам я буду рассказывать и то, что пока никому не известно[15].

Больше всего меня интересовало, как родились стихотворения из тетради Юрия Живаго — в книге воспоминаний об этом говорилось, но слишком кратко. Хотелось узнать, как создавались блистательный перевод «Фауста», очаровательный веер стихотворных переводов Шандора Петефи и почему Пастернак снова взялся за перевод трагедии «Мария Стюарт». Конечно, я надеялся также услышать о содержимом архива Ивинской, изъятого органами при аресте, и хотел узнать, когда будут опубликованы его материалы. Ольга Всеволодовна сказала, что есть много интересных подробностей, связанных со стихами, написанными между Измалковым и Переделкиным летом 1953 года, и стихами, вошедшими в цикл «Когда разгуляется».

Наши беседы проходили с частыми паузами, так как через каждые семь-десять минут разговора Ольга Всеволодовна должна была успокоиться и отдохнуть. Многие ее откровения казались мне просто невероятными, но позже я убеждался в их правдивости, находя подтверждения в других источниках и публикациях, выходивших после ее смерти. Интересная закономерность присутствовала в ходе этих бесед: в начале рассказа Ольга Всеволодовна обычно говорила «Борис Леонидович», а уже в следующем упоминании — «Боря».

К концу 1992 года вышел советский пятитомник собрания сочинений Пастернака, где имелись кое-какие формальные комментарии к стихам поэта. Знаменитые стихи 1947–1960-х годов комментировались сухо и серо, на что я посетовал Ивинской.

— Откуда им знать о реальной жизни Бориса Леонидовича, которая отразилась в его стихах? — ответила она. — Вторая книга романа, стихи и переводы 50-х годов передают взлеты, бури и противостояние власти в нашей с Борей жизни и любви. Борис Леонидович всегда хотел сам написать комментарий к своим стихам и переводам. Он жаловался, что предисловие к переводу «Фауста» ему категорически запретили сделать. Сборник его стихов 1957 года, к которому Боря готовил интересный комментарий, запретили к изданию из-за скандала с романом. Боря говорил мне: «Как можно понять появление второй части стихотворения Лермонтова памяти Пушкина, если не знать, что

стихотворение „На смерть поэта“ („Погиб поэт, невольник чести“) вызвало при дворе царя насмешки и подлый наговор в адрес Натальи Николаевны? „Она недолго задержится во вдовушках, быстро выскочит замуж“ — такую мерзкую сплетню привез Лермонтову с царского двора придворный повеса. Лермонтов в гневе прогнал его и написал вторую, резкую часть стихотворения: „А вы, надменные потомки… Вы, жадною толпой стоящие у трона, / Свободы, Гения и Славы палачи…“ За этот протест царь сослал Лермонтова на Кавказ, на смерть. Боюсь, что после моей смерти и тебя, Олюшка, будут преследовать сплетни и наговоры. И найдется ли новый Лермонтов, который защитит тебя?» Так печально заключил наш разговор Борис Леонидович[16].

В одной из бесед Ивинская говорила, какой болью стала для Пастернака гибель Марины Цветаевой:

> Он сокрушался, что не смог убедить Марину в начале войны 1941 года переехать с Муром[17] жить к нему в Переделкино. Марина сказала Боре, что подумает над его предложением, но внезапно сорвалась и уехала с сыном вместе с эвакуировавшейся группой семей писателей. Борис Леонидович успел приехать на речной вокзал, чтобы проводить ее[18]. Он рассказывал, что после возвращения из Франции Цветаева жила в чудовищной обстановке в Болшево[19], под надзором органов. Встречался он с ней тайком. Она совсем не могла писать стихов, и он искал ей работу по переводам, для заработка: Алю и Сергея арестовали, она же с Муром металась по комнатам и углам в поисках пристанища. В то время Зина запретила Борису Леонидовичу приютить Цветаеву у них, заявив: «Ты хочешь, чтобы нас с Ленечкой тоже арестовали, когда придут за ней?»[20] Он бы пошел на это, но Марина категорически отказалась, позволив ему оказывать ей только материальную помощь. К началу 1941-го у нее как-то наладился быт, были заказы на переводы, но мрак неизвестности об участи мужа и дочери тяготил ее и держал в остром напряжении. «Она советовалась со мной, кому написать прошение за мужа и дочь. Я сказал ей, что всеми жизнями распоряжается только Сталин, писать надо ему. Марина резко заявила, что Сталину никогда не будет писать, так как она его не выбирала вождем. Послала прошение на Берию, но никакого ответа не последовало. Казалось, поэзия ее покинула навсегда, и вдруг весной 1941-го по Москве распространилось удивительное

стихотворение „Ты стол накрыл на шестерых“. Это был ее последний шедевр — ответ на предательство Арсения Тарковского[21]. А ведь об этой истории мало кому известно», — закончил наш разговор о важности комментариев к стихам Боря.

Конспектируя наши беседы, я записал подробные комментарии Ивинской к более чем 40 стихотворениям и переводам Пастернака, узнал о ярких и забавных эпизодах из жизни Бориса Леонидовича и Ольги, отразившихся в строках известных стихов. «Борис Леонидович был всем смыслом и праздником моей жизни», — говорила мне Ольга Всеволодовна. В стихотворении, которое осталось в день ее ареста 6 октября 1949 года на листе, заправленном в пишущую машинку, Ольга написала Борису Пастернаку: «С рожденья — все твое!»

Неожиданным стал рассказ Ивинской о том, что посвященное ей стихотворение «Зимняя ночь» («Мело, мело по всей земле…») хорошо знал Сталин.

Об этом она услышала от Александра Фадеева, сталинского генсека Союза писателей. Фадеев рассказал Ивинской также о причине инфаркта, случившегося у Пастернака в конце 1952 года. Разговор произошел в самом начале мая 1956-го во время случайной поездки Ольги Всеволодовны с Фадеевым на машине из Переделкина в Москву[22].

Ивинская особенно подробно говорила о стихах из тетради Юрия Живаго. Оказалось, что волнующая «Разлука» возникла под впечатлением от их встречи с Пастернаком в Измалкове в июне 1953-го, когда поэт на самом деле укололся о невынутую иголку. Мой неожиданный пассаж по поводу стремительного стихотворения под названием «Ветер» («Я кончился, а ты жива…») вызвал удивительный рассказ Ольги Всеволодовны об истории его рождении и настоящем названии. Тогда же она объяснила причину возникновения частых трафаретных названий «Ветер», которые Пастернак давал многим своим стихам.

Комментарий Ивинской к стихотворению «Недотрога» расширил Митя. Он помнил, как «Недотрога» стала предметом нешуточной борьбы нескольких поклонниц Пастернака, требовавших даже от Ольги Всеволодовны признать их адресатами этого стихотворения.

Ивинская ответила и на вопрос, почему величественная «Рождественская звезда» не стала завершающим стихотворением всего романа «Доктор Живаго». Я узнал, какую музыку хотел слышать Пастернак при чтении этого стихотворения.

Услышал живые комментарии к знаменитому циклу стихов

«Когда разгуляется». Оказалось, что стихотворение «Ева», как и ранее написанный «Хмель», были связаны с яркими летними картинами: ракиты, невод и купальщицы на берегу Самаринского пруда в Измалкове, где Ольга и Борис часто прогуливались. Суть «Четырех отрывков о Блоке», в очередной раз названных «Ветер», хорошо прокомментировал поэт В. Корнилов, встречавшийся с Пастернаком: «Эти стихи написаны Пастернаком в защиту своей любимой женщины. Гений сам выбирает себе героинь».

Ивинская рассказывала, что, написав стихи о Блоке, Борис Леонидович стал говорить о Пушкине: «Мне всегда казалось, что я перестал бы понимать Пушкина, если бы он нуждался в нашем понимании больше, чем в Наталии Николаевне»[23].

В осенних стихах измалковской поры звонко отозвалось утреннее петушиное многоголосье, которое поэт слышал у Ольги на кузьмичевском дворе. Здесь же он пил «горячий кофе по утрам», перед тем как идти на Большую дачу. Ольга Ивинская подтвердила мою догадку о том, памятником какой дороге стало ажурное стихотворение Пастернака «Дорога». Непонятная мне ранее связь потока писем, обрушившихся на Бориса Леонидовича после выхода в свет романа, с «кошачьими и лисьими следами» объяснилась привязанностью Ольги к умным урчащим красавицам, которых она спасала и оберегала в кузьмичевском доме в Измалкове. Об этом подробно рассказывала мне и приезжавшей из Германии моей доброй знакомой по Цветаевским кострам Лилии Цибарт давняя жительница Измалковской деревни, соседка Кузьмича Нина Михайловна[24].

От Ивинской я узнал о причинах появления в стихотворениях 1956 года «Проблеск света» и «Когда разгуляется» мольбы поэта за благополучие в судьбе дорогого ему человека. Этим человеком был талантливый писатель Варлам Шаламов (1907–1982), прошедший через ад колымских лагерей. Любовь Шаламова к Ивинской, вспыхнувшая еще в 30-х годах, когда они вместе работали в редакции журнала, и преклонение перед гением Пастернака привели его к горькому решению прекратить с июля 1956 года поездки в Измалково: узнав о любви Бориса и Ольги, Шаламов наступил на горло собственной песне[25].

Лесной пейзаж, лежавший у Пастернака «под ногами» ранней весной, когда он направлялся коротким путем с Большой дачи к Ольге, появился в строках стихотворения «Весна в лесу». Картины природы, которые наблюдали Пастернак с Ольгой на прогулках летом 1957-го в старинном имении Трубецких во время лечения Бориса Леонидовича в санатории «Узкое», остались в стихах «Липовая аллея» и «Деревья, только ради вас». К последнему шедевру Пастернака, запоздавшему в тетрадь Юрия Живаго,

относил Вадим Козовой[26] стихотворение «Единственные дни». Его Пастернак привез в марте 1959 года из тбилисской ссылки в дар Ольге.

Из этой ссылки, куда Бориса Леонидовича срочно вывезла самолетом Зинаида Николаевна 20 февраля 1959 года[27], Пастернак, тоскуя в разлуке, ежедневно отправлял Ольге письма. Письма получала в Москве Ирина и пересылала маме в Ленинград. В письме от 26 февраля Пастернак пишет: «Олюша, дорогая моя, моя золотая, родная Олюша! Как я по тебе соскучился! <…> Олюша любушка, золотая моя и мой ангел! <…> Мне нечего тебе рассказать. Что я тут делаю? Главным образом — скрываюсь». Все эти письма приводит Ольга Ивинская в своей книге.

Письмо от 1 марта 1959 года: «Дорогая Олюша! <…> Прошло только десять дней, и мне трудно вообразить, что мне, может быть, дано будет услышать твой голос и тебя увидеть. <…> Мысль, что идущее от тебя счастье, сосредоточенность и работа в достаточной скорости ждут меня, кажется мне дерзкою, незаслуженной и несбыточной мечтой».

Это состояние тоски, ожидания встречи с любимой и веры в продолжение счастья отражено в стихотворении «Единственные дни»:

> И любящие, как во сне, друг к другу тянутся поспешней.
> <…>
> И дольше века длится день, и не кончается объятье!

Ивинская рассказывала:

— После выхода романа Борис Леонидович говорил о нескольких стихотворениях, которые он хотел бы видеть в тетради Живаго. Об этом он сообщал в письмах к Жаклин. Боря также хотел видеть свои стихи в том первозданном виде, в каком он их написал для меня. Многие из них я опубликовала в своей книге «В плену времени».

Поэтому здесь я также привожу тексты стихотворений Пастернака в том варианте, в котором они приведены в книге Ивинской, если они расходятся с вариантами, опубликованными в советских сборниках. Это будет особенно заметно в стихотворениях «Осень», «Лето в городе», «Недотрога», «Вакханалия», «Нобелевская премия».

Ольга Ивинская довольно остро комментировала «необычные» стихи поэта, где нет завораживающей пастернаковской лирики: «Нобелевская премия» (январь 1959 года), «Друзья, родные — милый хлам…» (сентябрь 1959 года),

«Перед красой земли в апреле…» (апрель 1960 года). Эти стихотворения, написанные после тяжких нобелевских дней, когда, по словам Ариадны, произошла великая переоценка ценностей, явились реакцией поэта на «низости, предательства и пустословия» со стороны «друзей» и родни.

Комментируя эти «нелирические» стихи, Ольга Всеволодовна рассказывала мне о материалах архива, изъятого у нее органами при аресте в августе 1960 года. С 1988-го, после полной реабилитации, она добивалась возврата и опубликования интереснейших материалов, которые грозил уничтожить в 1960-м следователь КГБ Алексаночкин, если Ивинская не подпишет признательное заявление. Она хорошо помнила, как сожгли на Лубянке более 400 страниц автографов и писем из числа изъятых у нее материалов во время ареста в 1949 году, поэтому ценой своего повторного тюремного заключения в 1960-м сохранила бесценный архив с рукописями и письмами Пастернака. Для этого Ольга Всеволодовна, находясь в Лубянской тюрьме, написала признательное заявление следственным органам КГБ. Но жестокая советская система обманула ее, осудив и отправив в концлагерь вместе с дочерью и отняв архив.

Об этом архиве, о моих беседах на эту тему с Вадимом в Париже, об интервью итальянского журналиста Д'Анджело в январе 1998 года американской газете «Новое русское слово» подробно рассказано в главе «Судьба архива Ольги Ивинской». В нашей беседе я спрашивал у Ольги Всеволодовны, почему она не хочет оставить свой архив в ЦГАЛИ, ведь там находятся материалы Ариадны Эфрон. Ее ответ был следующим:

> ЦГАЛИ был создан по указанию Сталина при НКВД в 1934 году. С 30-х годов туда свозились книги, письма, ценные картины, иконы, уникальная утварь, отнятые при арестах у тысяч репрессированных. Это были материалы и ценные вещи старых большевиков, военачальников, служителей церкви, ученых, писателей, художников.
>
> Многие ценности затем пропадали из ЦГАЛИ, появляясь за границей. Этим занимались специальные люди из органов и отобранные советскими властями зарубежные бизнесмены. В период перестройки стали известны имена таких покупателей-продавцов ценностей, отнятых у жертв террора. Это, например, американские бизнесмены Гульбекян и Хаммер, связанные с советской верхушкой.
>
> Доступ к архивам ЦГАЛИ имели только проверенные, служившие интересам властей люди. Они

обеспечивали отбор, искажение и просто уничтожение неугодных власти архивных материалов. Эти люди сознательно скрывают истину. Женя Евтушенко[28] довольно точно сказал о назначении ЦГАЛИ в своем стихотворении:

> Лаврентий Павлович[29], меня вы проморгали,
> Забыв упечь в Лубянку — ваше ЦГАЛИ.

Ариадна также не желала отдавать свой архив в ЦГАЛИ, но ее вынудили это сделать. Аля говорила мне, что передаст все свои материалы в Государственный литературный музей[30].

От Ивинской я впервые узнал о главных положениях завещания Пастернака, которое было похищено органами в июне 1960 года. Об этом пишет в своей книге сын Джанджакомо Фельтринелли Карло[31]:

> За несколько недель до того Пастернак был еще жив, супруги Гарритано (он — корреспондент «Унита») привезли значительную сумму в рублях. <…> Супружескую пару тогда же попросили передать Фельтринелли конверт с уведомлением о получении денег и завещание Бориса в пользу Ольги. <…> Гарритано сказали ей, что на следующий день уезжают в Рим, однако вместо этого отправились на Кавказ и потеряли (или позволили изъять у себя) документы во время сильного ливня. <…> После происшествия с Гарритано Ольга прекращает отношения со всеми, кроме Шеве и Фельтринелли. <…> При ее аресте гэбэшники обыскали дом и нашли письмо из Италии, в котором содержался совет общаться только с Шеве.

О трагическом состоянии матери после потери супругами Гарритано важнейших документов Пастернака, направленных Ивинской к Фельтринелли, очень ярко напишет Ирина[32]. Об этом же говорит в своей книге и сама Ольга Всеволодовна. Тема завещания Пастернака с советских времен была запретной.

В начале 1994 года, когда вышла книга воспоминаний Зинаиды Николаевны[33] и сборник воспоминаний современников Пастернака[34], в одной из наших бесед по поводу этих публикаций Ольга Ивинская сказала:

— Уже прошло тридцать лет и три года, как в старой сказке,

со дня смерти Бори, но никто из родни или завсегдатаев Большой дачи не смог написать так нужную властям фразу: «Борис Пастернак умер внезапно и потому не успел написать завещание».

Пастернак обсуждал с Ольгой положения завещания в конце апреля, когда принес ей в Измалково рукопись пьесы «Слепая красавица». О содержании завещания подробно рассказывал Ивинской их верный друг Костя Богатырев[35], когда 5 мая 1960 года принес ей от Пастернака диплом американской академии.

Сообщение по радио «Эхо Москвы» о диком происшествии на переделкинском кладбище осенью 2006 года напомнило мне фрагмент нашей беседы с Ивинской о завещании Пастернака. Она говорила о навязчивой идее Бориса Леонидовича — похоронить его в Милане, под покровительством Фельтринелли. Эта тема возникла еще в октябре 1958-го, когда Пастернак просил Ольгу вместе покончить жизнь самоубийством из-за предательства родни.

Утром 23 апреля 1960-го, когда поэт в последний раз пришел к Ольге в Измалково, чтобы передать рукопись пьесы «Слепая красавица», он настаивал:

— Пойми, Олюшка! Если советские власти оскорбляют и травят нас при жизни, то будут безнаказанно глумиться над могилой после моей смерти. Надо просить Фельтринелли, чтобы он выкупил мое тело у властей, а также выкупил тебя с детьми. Ирина выйдет замуж за Жоржа (аспирант-славист из Франции, стажировавшийся в Москве. — *Б. М.*) и уедет во Францию, а ты с мамой и Митей будешь жить в Милане рядом с моим прахом под покровительством Фельтринелли. Согласись, что это разумно и защитит тебя от преследования этой безнравственной и наглой власти. Денегу Фельтринелли и Жаклин на все расходы и твою достойную жизнь за границей достаточно, так как основную часть гонорара за роман я оставил у них. Все доверенности на тебя мы уже отправили к ним. А Фельтринелли и Жаклин ты можешь полностью довериться, они никогда не подводили нас в эти жестокие годы[36].

О желании быть похороненным в Милане Пастернак написал Жаклин 14 ноября 1959 года: «Пусть Фельтринелли оценит мое уважение и дружбу. Даже в случае разрыва я хочу, чтобы он выкупил, пусть даже за большие деньги, мое тело у советской власти и похоронил в Милане. А Ольга отправится хранительницей могилы»[37].

Мрачное пророчество Пастернака об осквернении его могилы сбылось. Осенью 2006 года радио «Эхо Москвы» сообщило дикую весть: неизвестные вандалы свалили кучи мусора на могилу Бориса Пастернака в Переделкине и подожгли их.

Немногие знают, что за поддержку Пастернака и Ивинской осквернению подвергалась и могила известного писателя Константина Георгиевича Паустовского, дружившего с Пастернаком. Об этом рассказывала Ивинской Ариадна Эфрон, постоянно жившая в Тарусе. Она была очень дружна с Паустовским, который также жил в Тарусе, и присутствовала на его похоронах на тарусском кладбище[38].

Подробные сведения о завещании Пастернака и истории его исчезновения приведены в главе «Завещание Бориса Пастернака».

27 июня 2007 года, в день рождения Ольги Ивинской, я приехал с двумя букетами цветов на переделкинское кладбище, где от могилы Пастернака до могилы Ивинской всего 200 метров. К этому времени памятник Борису Пастернаку уже отдраили от гари и копоти после зловонного костра, устроенного вандалами на его могиле. Неожиданно бросились в глаза многочисленные темные точки на светлом гранитном лице поэта. И я вспомнил вопрос, который задал Ивинской в 1993 году после прочтения письма Пастернака к Жаклин во Францию.

20 августа 1959 года, посылая автобиографию, Борис Леонидович в своем письме к Жаклин откровенно пишет:

> Вы никогда не поверите, каким я был иногда трусом, невнимательным и безразличным, не думающим о последствиях. Такова была моя первая женитьба. Я вступил в брак, не желая, уступив настойчивости брата девушки, с которой у нас было невинное знакомство, и ее родителей. <…> Этот обман длился восемь лет. От этих отношений, которые не были ни глубокой любовью, ни увлекающей страстью, родился ребенок, мальчик.
>
> У меня есть теория. Красота есть отпечаток правды чувства, след его силы и искренности. Некрасивый ребенок — следствие отцовского преступления, притворства или терпения взамен естественной привязанности и страстной, ревнивой нежности. Чувство несправедливости и боли от того, что не я, виновник, а мой старший сын, неповинный в преступлении, обезображен веснушками и розовой кожей[39].

Обратив внимание на это место из письма Пастернака, я спросил у Ольги Всеволодовны, почему Борис Леонидович так не любил веснушки. Ивинская объяснила.

> Как говорил мне Боря, при виде лица человека с веснушками перед ним возникало рябое лицо ненавистного ему Сталина. Борис Леонидович с жутким

чувством запомнил при встрече со Сталиным обилие зловещих темных точек на его лице, оставшихся от перенесенной в юности оспы.

В нашем мордовском концлагере, где в 50-х годах сидели политзаключенные, ходило прозвище кремлевского хозяина — Рябой. Сидевшая с нами знаменитая политзаключенная Баркова, ранее много лет работавшая в кремлевских стенах, говорила, что такое прозвище у Кобы (еще одна кличка Сталина. — Б. М.) было на Кавказе в криминальной среде. Об этой кличке Сталина — Рябой — пишет также Надежда Мандельштам в своих воспоминаниях о времени ссылки Осипа Мандельштама в Чердынь и Воронеж.

Боря всегда был недоволен, если кто-то говорил ему о семейном сходстве или тем более о сходстве характеров[40]. Когда осенью 1964-го я вышла из концлагеря, то навестила первую жену Пастернака, о болезни которой писала нам Ариадна. Помню, что при этом посещении меня поразило сходство Евгения с матерью, и я поняла причину раздражения Бориса Леонидовича на реплики о том, что старший сын чем-то похож на него. Леня же лицом, конечно, походил на Зинаиду. Особенно неприязненно Борис Леонидович говорил о Евгении 28 октября 1958-го, когда пришел в Измалково истерзанным и просил меня вместе покончить с жизнью из-за предательства сыновей. Тогда впервые прозвучали при Мите его резкие слова о Евгении как о «веснушчатом подобии».

Из книги Ивинской, вышедшей в 1992 году в России, тысячи читателей узнали о реальной жизни Бориса Пастернака, об истории создания и издания его «антисоветского» романа. Стали известны в России имена и злобные речи сановных советских писателей, клеймивших «предателя Пастернака», получившего Нобелевскую премию за службу империалистам. За рубежом книга «В плену времени» была напечатана еще в 1978 году в 20 странах, вызвав огромный интерес и резонанс. Советская власть сделала вид, что такой книги вообще не существует, а на сведения о существовании Ольги Ивинской в СССР действовал полный информационный запрет. Как она писала в своем стихотворении после выхода книги в Париже, «советские власти на все на те года плиту гранита положили». О контроле органов, за исключением упоминаний об Ольге Ивинской в официальных советских изданиях, несмотря на начавшуюся перестройку,

наглядно говорит издание книги стихов зарубежной лирики в переводах Пастернака.

Книга «Синий свет» вышла в 1990 году в государственном издательстве «Советская Россия» с пространным, на 20 страницах, предисловием Николая Банникова. Редактор Банников до осени 1958 года, начала нобелевского шабаша, был лучшим другом Ольги Ивинской и Бориса Пастернака. В 1956 году он готовил сборник стихов Пастернака и активно помогал Ольге отстаивать включение в сборник ранних стихотворений Бориса Леонидовича, которые Пастернак считал вычурностями. Банников специально снимал дачу в Измалкове, рядом с Ольгой, чтобы постоянно приходить к ней на встречи с Пастернаком. В 1956-м Банников посвятил Ольге восторженные стихи:

> Позвольте назвать вас мадам Рекамье,
> Княгиней Волконскою нашей.
> <…>
> Из золота чистого ваша душа…
> Любая деревня при вас хороша[41].

После нобелевских гонений на Пастернака Банников, как говорила мне Ольга Ивинская, исчез с измалковских тропинок, а Пастернак больше не хотел иметь с ним никаких дел. В предисловии к стихам из «Синего света» Банников на странице 14 пишет: «О любовных стихах Петефи тогда Пастернак говорил, что, переводя их, он мысленно обращал каждое стихотворение к женщине, которой тогда был увлечен. В дарственной надписи на книге Пастернак написал ей: „Я переводил вас обоих“».

Но Банников так и не назвал имя Ольги Ивинской — женщины, которой Пастернак тогда был увлечен и которой посвятил замечательные переводы.

Ивинская считала, что запрет на ее книгу в СССР спас ее от судебного преследования со стороны органов и писательской верхушки. Она неоднократно получала анонимные угрозы за правду, опубликованную в книге. Но в 1992-м, когда книга «Годы с Борисом Пастернаком» получила широкий резонанс в России, «друзья, родные — милый хлам» всполошились и развернули кампанию по дискредитации Ольги Ивинской.

Как говорил Вадим Козовой, дирижировала всем «группа захвата», которая увидела угрозу возврата архива, отнятого у Ольги Всеволодовны при аресте. Уже действовало решение Верховного суда РФ, принятое осенью 1988 года, о полной реабилитации Ивинской и ее дочери как незаконно арестованных и осужденных. Суд постановил также вернуть все изъятые при

аресте Ивинской материалы.

Конечно, «группа захвата» из ЦГАЛИ и не думала возвращать что-либо. Ольга Всеволодовна очень переживала и волновалась за сохранность архива:

— Право, я не знаю, что там, в ЦГАЛИ, из автографов Бори осталось. Мне сообщили, что уже нет листа с дарственной надписью Бори «Ларе от Юры», которую он сделал, когда дарил мне вторую часть рукописи «Доктора Живаго». Волкова[42] как-то предлагала мне получить копии материалов, но я должна иметь спасенные от уничтожения подлинники. Копии я сама смогу передать во многие литературные архивы. А в 1991 году Митя рассказал, что на встрече с итальянским профессором видел купленные этим итальянцем подлинные архивные документы с грифом «Секретно» из дела Пастернака. В них содержались доносы писателей и органов, а также карательные решения на меня и Бориса Леонидовича. Эта история с продажей закрытых архивных документов меня очень удивила и взволновала[43].

Вадим Козовой отмечал:

— Скрывая делишки семейства Пастернак и свои тайные дела, «группа захвата» организовывала нападки на любую публикацию, где звучало хоть одно доброе слово в адрес Ивинской. Под их огонь попала скульптор и литератор Зоя Масленикова, опубликовавшая в журнале «Нева», в 9-м номере за 1988 год, дневниковые записи своих бесед с Борисом Пастернаком. Она привела криминальные для советских властей и родственников слова Пастернака, сказанные им в дни нобелевской травли. 31 октября 1958 года Пастернак сказал Зое: «Ольга — это мое счастье». И еще: «Если придется уехать из России, то я все завещаю Ольге».

Комментируя клевету из статьи Дардыкиной и наговоры Евгения Борисовича в адрес Ивинской, опубликованные в его книге «Биография Пастернака» в 1997 году, как раз в разгар суда по делу об архиве, Вадим сказал:

— Об этом явлении говорил Борис Пастернак еще в «Охранной грамоте»: замечательно перерождаются понятия, когда к наветам и лжи привыкают. Эта ложь и клевета на Ольгу Всеволодовну, последнюю любовь поэта, стала с 60-х годов атрибутом хорошего литературного тона, открывающего двери в советские архивы различным лояльным к ЦГАЛИ пастернаковедам.

Вадим также рассказывал:

— После публикаций Зои Масленниковой о Пастернаке в 1988 году официальный разоблачитель от Союза писателей Лев Озеров написал гневное письмо в ее адрес, которое опубликовано в

номере 12 журнала «Горизонт» от 1988 года. В письме категорически утверждается: «Масленикова исказила и утрировала образ Пастернака и его жены. <…> Она не понимала, о чем рассказывал ей Б. Пастернак. Она случайный человек, глубоко чуждый поэту».

Масленикова достойно ответила на обвинение:

> Авторы письма утверждают, что написание мемуаров проходило у них на глазах. Это их главный аргумент. <…> За восемь лет, что я была в доме Пастернака, четверых из шести подписавших письмо я почти никогда там не видела и практически с ними не знакома. Л. А. Озеров при мне стал бывать в доме, когда работа над воспоминаниями Зинаиды Николаевны была уже закончена. <…> Опорочиваются записи моих разговоров с Пастернаком. Копия их, подаренная мной, находится у родных Пастернака. Они пользуются ею как источником в своей работе, всегда хвалили за точность, цитировали в статье о «Докторе Живаго» в «Новом мире». <…> Весной 1987 г. я предложила воспоминания Зинаиды Николаевны в журнал «Дружба народов». Они получили высокую оценку критика Н. Б. Ивановой[44], назвавшей их сенсацией. Редакция приняла их к печати, прислала гарантийное письмо и анонсировала публикацию на 1989 год. Но тут вмешались родственники Пастернака. Они предложили представить более полный вариант нашей с З. Н. работы и вообще не ставить нигде моего имени. Редакция не пожелала ссориться с источником будущих публикаций о Пастернаке и, понимая незаконность этих притязаний, с сожалением предпочла вовсе отказаться от публикации. <…> На деле все это сводится к притязаниям родственников Пастернака на монопольное владение материалами, связанными с его творчеством и жизнью.

Вадим Козовой пояснил мне в мае 1998 года:

— История с попыткой дискредитировать работу Зои Масленниковой чрезвычайно символическая, с далеко идущими последствиями. Зоя сразу не поняла, что в 1988 году она стала жертвой «группы захвата», которой на дух не нужна правда о любви Пастернака к Ольге Ивинской. Ведь именно Ивинской Борис Леонидович завещал оставить свои рукописи, если его вышлют из страны. Но потом, когда «неизвестные» разгромили мастерскую Масленниковой со скульптурными портретами Бориса Пастернака, Зоя поняла, с кем имеет дело. Журнал «Горизонт»

опубликовал в 1988 году рядом с пасквилем на Масленикову и ее развернутый ответ, а также сдержанный комментарий редакции журнала.

Редакция журнала «Горизонт» написала: «У нас не было и нет каких-либо оснований лишать Зою Масленикову права на воспоминания о жене поэта, на собственную точку зрения, даже если кому-то она представляется неверной. Сделанное ею заслуживает и уважения, и благодарности».

— А теперь, — говорил мне Козовой, — публикуя пасквиль Дардыкиной, якобы открытый для разных мнений и дискуссий МК не только не помещает в этом номере мнение Ирины, мое или Мити, но даже спустя месяцы не публикует письмо зарубежных славистов. Эти французские литераторы[45], хорошо знавшие Пастернака и Ольгу, назвали заказную публикацию Дардыкиной ясным русским словом — «подлость».

Письмо профессоров-славистов Вадиму удалось опубликовать весной 1998 года в единственной российской газете «Известия», которая не была еще зависимой от властей. За рубежом многочисленные письма протеста против статьи Дардыкиной опубликовали все центральные газеты Европы и Америки.

В интервью американской газете «Новое русское слово» за январь 1998 года непосредственный участник событий издания романа Д'Анджело сказал: «Эта заказная статья в МК инспирирована людьми, захватившими архив Ивинской».

Карло Фельтринелли в своей книге об отце пишет: «Если Пастернака не арестовали в 1957–1959 годах, то только благодаря Ольге Ивинской. Ее умелые и отчаянные действия смогли спасти Пастернака и издать его роман „Доктор Живаго“, чего больше всего в жизни желал поэт».

С каким-то куражом рассказывала мне Ольга Ивинская о том времени, когда был издан роман «Доктор Живаго» в Италии:

> В октябре 1958 года по заданию ЦК КПСС в Италию ринулся секретарь Союза писателей Сурков, ненавидевший Пастернака. Его истеричные требования к издателю отдать рукопись романа вызвали холодную и ироничную реакцию Фельтринелли. Сурков вернулся из Италии с носом, получив от Фельтринелли прозвище Гиена в Сиропе. Мы с Борей от души смеялись в Измалкове, читая остроумное письмо Фельтринелли, понимавшего сложность нашей борьбы с властями, которое пришло в ответ на грозные требования вернуть рукопись. Ответ Фельтринелли передали нам через месяц, когда попытка Суркова отнять у Фельтринелли

текст романа закончилась ничем[46].

В ответ на очередную бессмысленную телеграмму с требованием вернуть рукопись Фельтринелли 10 октября 1958 года направляет в адрес Пастернака письмо с копией в Гослитиздат, в котором удивленно вопрошает:

Дорогой господин Пастернак!

Я получил Вашу телеграмму, так же, как и Ваше письмо. Я спешу выразить свое удивление.

1. Мы не видим в том тексте, который находится у нас, ничего такого, что могло бы вызвать Ваши нарекания.

2. Мы с Вами заключили соглашение, по которому Вы уступаете нам право публикации своей книги.

3. Мы охотно предоставили Вам отсрочку в публикации книги за границей. Но теперь, когда стало очевидно, что советские издательства не намерены печатать Вашу книгу, мы более не видим оснований для продления отсрочки.

4. Дабы не усугублять напряженность, которая возникла вследствие Вашей совершенно неуместной телеграммы, мы позволим себе посоветовать Вам не пытаться помешать скорому выходу книги. Эти попытки не остановят публикацию, но придадут всему событию тон политического скандала.

Примите, милостивый государь, мои самые сердечные приветствия.

Дж. Фельтринелли.

Читая этот ответ, Борис Леонидович заразительно смеялся и с юмором заметил, что Джанджакомо перещеголял всех веселых плутов из комедий Гольдони[47]. Я говорила Боре, что в такого итальянца нельзя не влюбиться. Фельтринелли вышел из компартии Италии, но не поддался на угрозы и издал роман Пастернака в ноябре 1957 года.

После ареста и осуждения Ивинской и ее дочери Ирины в декабре 1960-го по сфабрикованному обвинению в контрабанде валюты первыми забили тревогу Д’Анджело и английские журналисты, а Фельтринелли организовал широкую волну

протеста в мире с целью освобождения невиновных «женщин Пастернака»[48].

23 января 1961 года международный ПЕН-клуб обращается в Союз писателей СССР с письмом на имя Суркова: «В связи с сообщением об осуждении Ольги Ивинской и ее дочери[49] ПЕН-клуб и Общество писателей Лондона настоятельно просят Вас настаивать на немедленном опубликовании материалов процесса».

Сурков отвечает: «Нам странно, что международный ПЕН-клуб так поспешно и решительно выступает в защиту обыкновенных авантюристок, не имеющих никакого отношения к литературе, не потрудившись даже узнать, кто они, кем и за что осуждены».

Генеральный секретарь ПЕН-клуба господин Карвер настаивает на просьбе: «В моей последней телеграмме выражено удивление по поводу Вашей мысли, что ПЕН-клуб и Общество писателей не имеют представления о том, кто такая госпожа Ивинская, и что мы могли предпринять свои действия, не обдумав серьезно этого дела. Чтобы рассеять всякие неправильные представления, не могли бы Вы, как я просил Вас в своих телеграммах, просить власти опубликовать стенографический отчет судебного процесса. Все это дело вызвало глубочайший интерес на Западе, в особенности в литературных кругах».

3 апреля 1961 года Сурков шлет Карверу пространное письмо, основные положения которого звучали в передачах советского радио на заграницу в январе 1961-го. В них много «ярких» и симптоматичных «фактов» и утверждений.

Сурков пишет: «Так, в западной печати и в показаниях Ивинской значилось, что эти деньги якобы получались для Б. Пастернака. <…> Я побеседовал с настоящей женой Пастернака Зинаидой Николаевной и самыми его интимными друзьями Всеволодом и Тамарой Ивановыми. <…> В литературной среде знали Ивинскую как способную на все авантюристку, афишировавшую свою близость к Пастернаку. <…> Как нас заверила жена Пастернака и его друзья Ивановы, Пастернак не мог брать этих денег, т. к. до последнего дня своей жизни жил на свой легальный заработок»[50].

Между тем в письме к Жаклин от 14 ноября 1959 года Пастернак напоминает о тех деньгах, которые обеспечивали безбедную жизнь Большой дачи при отсутствии гонораров за его переводы и стихи: «Вечером пришли Ваши 10 тысяч рублей, а в первый раз было 20 тысяч рублей и затем 5 тысяч рублей. Как это было снова кстати!» В книге Карло Фельтринелли приведены данные о передаче денег от Фельтринелли к Пастернаку начиная

с 1957 года: «21 декабря 1957 года — 12 800 рублей, июнь 1958 года — 14 000 рублей, октябрь 1958 года — 10 000 рублей» и так далее[51].

Ивинская рассказывала мне:

— Семейство Пастернак на встречах со следователями КГБ в 1960 году об этом забыло, а те сделали вид, что об этом ничего не ведают.

В письме к своей подруге Люсе Поповой из лагеря летом 1962 года Ивинская написала: «Я легко могла доказать на суде, что не я, а в основном формальная семейка пользовалась тем, за что осудили меня, да еще с присущей им подлостью. Они на эти деньги покупали машины и т. п. Они ни о чем не заботились, только хапали денежки, а мы их покорно им доставляли. Хапали — они, а потом притворялись, что ничего не знают»[52].

В своем пространном письме в ПЕН-клуб Сурков сообщает:

> Огромная пачка оригинальных писем Фельтринелли и его агента журналиста Д'Анджело, хранящаяся в судебном деле, наглядно показывает, что и издатель, и «самый близкий человек» Ивинская руководствовались в этом чисто меркантильными соображениями[53].
>
> Вся пачка писем Фельтринелли и международного жулика Д'Анджело раскрывают их, а вместе с ними и Ивинскую, как грязных циников в делах и злых гениев в жизни незаурядного и субъективно глубоко честного поэта Бориса Пастернака.

Так заклеймил авантюристов Сурков.

Карло Фельтринелли в своей книге привел заявление отца по поводу ареста Ивинской и ее дочери, которое он разослал в 1961 году в новостные агентства всего мира: «Я считаю, что Ольга Ивинская не ответственна ни за ввоз денежных сумм, ни за их назначение. Потому что, во-первых, требование доставить эти деньги исходило только от Пастернака, и во-вторых, Пастернак хотел, чтобы сумма в рублях была передана — безразлично, в его руки или руки Ивинской»[54].

Ивинская была осуждена советским закрытым судом на восемь лет, а Ирина — на три года за контрабанду валюты. Фельтринелли, Д'Анджело, известные зарубежные писатели и журналисты прилагали огромные усилия для освобождения невиновных женщин. В результате Джанджакомо Фельтринелли выкупил у советских властей досрочное освобождение Ирины в 1962 году и Ольги Ивинской — в 1964-м. Карло Фельтринелли в своей книге рассказывает: чтобы договориться с советскими властями, его отец передал рукописи работ Маркса и Энгельса,

которыми владел, в Институт марксизма-ленинизма при ЦК КПСС. Кроме того, он передал лично Поспелову, директору ИМЛИ, несколько писем-автографов Пастернака, которые писатель присылал конфиденциально к Фельтринелли в период борьбы за издание «Доктора Живаго» в Италии. В книге также опубликовано обращение Фельтринелли к члену ЦК ИКП товарищу Секкье от 12 октября 1961 года: «Я надеюсь, что этот мой жест одностороннего разоружения сможет привести к пересмотру в соответствующих инстанциях судьбы Ивинской и ее дочери. <…> Я прилагаю английскую статью, в ней приводится ряд заявлений Суркова, стиль которых далек от того, что приличествовало бы в полемике между советским гражданином и западным миром»[55].

Опубликованное в 1961-м в английской печати письмо Суркова к Каверу вызвало ответную реакцию у Д'Анджело. Он пишет Суркову: «Ваше утверждение о том, что Ивинская действовала за спиной Пастернака и во вред ему, абсолютно ложно. <…> Вы всегда ненавидели Пастернака. Но и смерть Пастернака не погасила Вашей ярости, которую Вы, при помощи ложных обвинений и клеветы, обратили против двух беззащитных и тяжелобольных женщин[56]. <…> Вы лжете самым беззастенчивым образом. Будьте смелым, предъявите все письма и документы процесса. Будет интересно увидеть, кто при этом потеряет свое лицо».

Эту линию сурковской лжи продолжали советские пастернаковеды, что с болью наблюдал Митя. Он изучал многочисленные публикации в советской и постсоветской печати и обратил мое внимание на появление «особо изощренной и подлой лжи на маму» после ее смерти.

Митя говорил мне, что в 1997 году вышла биография Пастернака, сочиненная Евгением Борисовичем, где наряду с прежними наговорами на Ивинскую впервые прозвучала новая ложь:

— Евгений Борисович стал утверждать: «Ивинская своими истериками заставила Пастернака отказаться от Нобелевской премии. Она хотела иметь заказы на переводы».

Так он скрывал свою вину за вынужденный отказ Бориса Леонидовича от Нобелевской премии. Ранее Евгений уже распространял ложь о том, что «Ивинская вернулась из первого лагеря осенью 1953 года, и папочка ее уже не любил, а только помогал из благодарности», хотя лучше всех знал, что она была освобождена в начале мая 1953-го, а с конца мая уже жила рядом с Большой дачей в Измалкове, куда ежедневно приходил Борис Леонидович.

Митя рассказал:

— В своих воспоминаниях Зинаида написала, как ей сообщил Асеев о встречах Пастернака с Ольгой в Переделкине. Зинаида тогда «позвонила Евгению, сыну Бориса Леонидовича от первой жены, и просила его поехать к отцу в Переделкино, чтобы прекратить эти свидания»[57]. Евгений срочно поехал к «папочке» с требованием Зинаиды прекратить встречи с Ивинской, но Пастернак, как написала Зинаида Николаевна, его прогнал. Однако ложь о возвращении мамы из лагеря «осенью 1953 года» и наговоры о ее аресте в 1949-м за махинации с гонорарами тиражируются советскими пастернаковедами[58].

На одной из встреч в Литературном музее Москвы в Трубниковском, куда я пришел с Аленой Акатовой, поэтессой из Германии, любящей и знающей творчество Пастернака, сотрудник музея говорил: «Я знаю наверняка, что Ивинскую арестовали в 1949 году за махинации в журнале „Огонек“. Об этом много раз писали Евгений Борисович и Лидия Чуковская». На мой вопрос, читал ли он материалы КГБ из дела Ивинской 1949 года, опубликованные в «Литературной газете» в № 11 за 1994 год, господин литератор ответил, что «не помнит такого». А в этой статье приведены следующие сведения:

• текст постановления об аресте Ольги Ивинской «за проявление антисоветских настроений и настроений террористического характера»;

• протоколы допросов Ивинской следователем МГБ Семеновым, на которых ежедневно задавались вопросы о «проанглийских настроениях и изменнических намерениях Пастернака»;

• 29 июля 1950 года Ивинская была осуждена «тройкой» по статье 58–10 части 1 «За антисоветскую деятельность и связь с лицами, подозреваемыми в шпионаже»[59].

Взрыв негодования вызвало у Мити интервью, которое дал Евгений Пастернак американской газете «Панорама» в августе 2000 года перед решающим заседанием Савеловского суда по делу архива Ивинской. В нем Евгений Борисович утверждал, что «папочка никогда бы не поддерживал отношений с Ивинской, *если бы ее не закатали в тюрьму»*. Другая сентенция Евгения Борисовича гласила, что в книге Ивинской *«нельзя отличить правду от вранья»*[60].

Митя назвал это интервью развязным и хамским и добавил:

— Как прав был Борис Леонидович, когда назвал Евгения жалким подобием и просил маму никогда не иметь с ним отношений!

Возмущенный содержанием интервью, Митя написал в адрес

Евгения Пастернака резкое письмо, сказав мне, что в гневе использовал в письме ряд нелитературных выражений. Я не стану повторять Митины «нелитературные выражения» в своей книге, считаю, что их должен озвучить сам Евгений Борисович.

Я говорил с Митей в химкинском госпитале за два месяца до его кончины — он умер 6 июля 2004 года и похоронен на переделкинском кладбище рядом с мамой. Митя просил меня написать подробно, ни на кого не оглядываясь, о наших беседах с ним и мамой.

Я дал ему слово написать о том, что узнал за многие годы встреч с Ольгой Ивинской, из бесед с ним, с Вадимом, Ириной, Люсей Поповой, Израилем Борисовичем Гутчиным и Соней Богатыревой. Тогда же спросил у Мити, надо ли мне показать рукописи Ирине. Митя решительно заявил:

— Ни в коем случае. Ира такой же миротворец, как и мама. Та все жалела Евгения, оправдывая его предательство по отношению к отцу тем, что делать эти подлости его принуждали власти. Но Ариадна, говоря о семействе Пастернак, приводила маме известную русскую пословицу: таким не делай добра — не получишь зла.

Митя вспомнил, что Ирина уговорила его подписать сомнительное письмо в журнал «Большой Вашингтон», где печаталась моя статья с рассказом Ивинской о завещании Пастернака. Ирина сообщала, что раз завещание не нашли, то и писать об этом не надо. Однако адвокат Косачевский, защищавший Ольгу Ивинскую в 1960-м, написал о том скоротечном заседании суда еще в 1989 году:

> Прокурор перебил Ивинскую: у Пастернака оставалось двое сыновей, какая же она наследница? Ответ Ивинской на суде был четким:
>
> — С конца апреля 1960 года Борис Леонидович выслал издателю Фельтринелли распоряжение: «Все следуемые мне гонорары за издания „Доктора Живаго“ и других произведений за рубежом завещаю О. В. Ивинской».
>
> В ходатайстве защиты о вызове в суд и допросе Фельтринелли было отказано[61].

Карло Фельтринелли в своей книге ясно пишет, что завещание Пастернака похитили советские органы. Прочитав эту книгу, Митя с досадой отметил:

— Письмо о том, что раз завещание не нашли, значит, о нем не следует писать, Ирина в адрес Карло Фельтринелли посылать не стала[62].

После резкого письма Мити в адрес Евгения Борисовича деятельность последнего в отношении Ивинской приобрела еще более грубые формы, что заставило очень сдержанную Ирину вступиться за честь мамы. В феврале 2004 года она пишет письмо кинорежиссеру Эльдару Рязанову:

> После просмотра Вашего фильма о Б. Л. Пастернаке «Поговорим о превратностях любви» хочу посетовать на его прискорбные неточности (Ирина пишет о грязных сплетнях, попавших в фильм Рязанова. — Б. М.). <…> Поэтому я вправе настаивать на том, чтобы Вы нашли способ опровергнуть эту дезинформацию и сняли упомянутый эпизод при повторном показе фильма. <…> Вам, замечательному мастеру в изображении нюансов человеческой психологии, должно быть понятно, насколько приятно нам с братом было услышать из уст Е. Б. Пастернака, что **каждый раз, возвращаясь от Ивинской, папочка принимал горячую ванну с мылом.** (курсив[63] мой. — Б. М.) Пусть это останется на его совести, говорит о его уме и вкусе. Но разве нельзя было откорректировать отснятый материал, отказаться от какой-то вопиющей пошлости? <…> Глубоко уважая Ваш талант, любовь к поэзии Пастернака, Ваш человеческий такт, надеюсь, что мое письмо не останется без ответа.

Это письмо было отправлено Эльдару Рязанову Ириной и Митей 8 февраля 2004 года[64].

Вскоре Ирина прочла очередную книгу, которую выпустили Евгений Борисович и Елена Владимировна Пастернак[65]. Не в силах сдержать возмущения, она пишет в адрес Евгения многостраничное письмо. Приведу здесь одно из важных положений этого письма.

Евгений Борисович!

> Я уже не один раз пыталась написать Вам, натыкаясь в печати на разные неприятные выпады в мамин адрес. Но всегда откладывала. <…> Я купила и прочла замечательно интересную книгу, подготовленную Вами: «Письма Пастернака к родителям и сестрам». Она открыла мне много нового с неожиданных сторон — и в

характере Бориса Леонидовича, и в распутывании разных ситуаций. <…> Однако когда мы приближаемся к последним годам его жизни, к тому времени, которому и я была свидетельницей, Ваши комментарии и необъективны, и недоброжелательны, и попросту неверны. Это не только мое мнение.

Почему, например, Вы позволяете себе такие подтасовки? На странице 838 книги приводится письмо Бориса Леонидовича (от 6 октября 1958 года. — Б. М.) сестре Жозефине:

«If the Nobel prize of this year (as sometimes the rumour goes) will be assigned to me, and the necessity or the possibility for me comes to go abroad (all the matter is still absolutely dark to me), I can see no means not to try and not to take with me Olga in the voyage, if the permission only is to be obtained, not to say about to probability of my own travel».

Рядом (на странице 839) приведен перевод письма на русский:

«Если в этом году мне будет присуждена Нобелевская премия (как иногда доходят слухи) и у меня появится необходимость или мне можно будет поехать за границу (все это для меня в полной тени), я не вижу возможности и не стану пытаться брать с собою в путешествие Ольгу, если только я получу разрешение, речь пойдет о возможности лишь моей собственной поездки».

Ведь даже на школьном уровне знаний английского ясно, что смысл перевода противоположен оригиналу! К чему это? И это далеко не один раз.

Право, моих знаний, учитывая 20-летний опыт переводов технических текстов с английского, хватило для понимания того, что на странице 839 Евгений Пастернак организовал примитивную подтасовку важных мыслей «папочки». Для гарантии я попросил перевести это предложение из письма Пастернака профессионального литератора-переводчика. Профессионал с 30-летним стажем С. Лузан сделал перевод этого отрывка из письма:

«Я не вижу никаких причин не постараться и не захотеть взять с собой Ольгу в эту поездку, если только разрешение на это будет получено, не говоря уже о вероятности моей собственной поездки».

Я показал ему перевод, помещенный в книге. Он улыбнулся и

сказал: «Видимо, кому-то выгодна эта неправда».

В апреле 2007 года мы с женой Любой были в Чехии. В отеле рядом с нами за столиком оказался восьмилетний русский мальчик Боря, который приехал отдыхать вместе с дедом и бабушкой из Лондона. Он бодро беседовал по-английски с кем-то по телефону. И я решил с помощью второклассника Бори проверить версию Ирины, так сказать, на школьном уровне знаний английского. Привожу перевод восьмилетнего мальчика:

«Если Нобелевская премия этого года (как идет слух) будет вручена мне и будет возможность поехать за границу, я не вижу причин не пытаться и не хотеть взять Ольгу в круиз, если будет получено разрешение, не говоря о возможности моего личного путешествия».

Действительно, в сравнении с переводом Евгения Борисовича и Елены Владимировны Пастернак получились «две большие разницы». По поводу перевода из книги восьмилетний Боря сказал:

— *Человек, который такое сделал, совсем не знает английского.*

С недоумением подумал, как будут читать этот перевод писем дети сестер Пастернака, Жозефины и Лидии, родившиеся в Англии и знающие английский язык и истинный смысл этих писем к своим матерям.

Я надеялся, что этот конфуз Евгений Борисович исправит в 11-томном собрании сочинений, объявленном как первое полное собрание сочинений Пастернака. В материалах о его презентации[66], состоявшейся 15 ноября 2006 года в бывшей усадьбе князей Шаховских, сообщается: «Евгений Борисович особенно отметил на презентации полного собрания сочинений папочки <…> что это исключительно материалы, подтвержденные фактами, тем, что говорил сам автор». Видимо, Евгений Борисович имел в виду то, что написал сам Борис Леонидович Пастернак.

Прием, с помощью которого Евгений решил выйти из тупика, не исправляя искаженного перевода письма Пастернака, сразил меня окончательно, напомнив пророческие слова Пастернака, сказанные им при Ольге Всеволодовне и Мите о Евгении 28 октября 1958 года в Измалкове. В 10-м томе Евгений Борисович и Елена Владимировна Пастернак на странице 394 повторили тот же искаженный перевод письма, но не поместили его подлинного английского текста. Они вообще устранили из этого собрания сочинений все оригинальные тексты иноязычных писем Пастернака — на английском, французском и немецком языках. Даны лишь их переводы, зачастую, как показано выше,

искажающие смысл.

А ведь таких писем, написанных Пастернаком в 1956–1960 годах, несколько десятков. Это письма периода борьбы Бориса Леонидовича и Ольги Всеволодовны с советскими писателями и властями за выход романа, а также яростного и трагического времени после присуждения поэту Нобелевской премии. Это важнейшие, по утверждению самого Пастернака, письма. На английском — к сестрам Жоне и Лиде, к Коллинзу, Брунеру… На французском — к Жаклин, Элен Пельтье, Фельтринелли… На немецком — к Ренате Швейцер, Руге, Крузе, Тэнсу…

Пастернак в 1957 году писал сестрам и Жаклин о том, что специально посылает им письма на английском и французском, так как это увеличит вероятность их попадания адресатам. Ольга Всеволодовна говорила, что Борис Леонидович сообщал сестрам: «Отслеживающим мою переписку на почте органам сложнее проверять иностранные тексты писем, потому они могут дойти до адресата».

Скрывать от читателей «полного собрания сочинений» подлинные тексты иноязычных писем Пастернака теперь, в третьем тысячелетии — полный нонсенс. Потому, на мой взгляд, вышедшие 11 томов точнее будет называть собранием сочинений и *переводов* писем Пастернака (сокращенно — СС и ПП, 2005).

Символично и то, что из собрания сочинений исключили резкое письмо Пастернака к Евгению от 31 мая 1954 года, где он пишет:

«Отвечаю тебе против воли. <…> Ты страшно все, может быть, под влиянием мамы, преувеличиваешь. <…> Ты пишешь: „Мы с тобой одной крови, папочка“. А на черта мне эта кровь, твоя или моя? Мне брюхом, утробой, а не только головой — ближе всякой крови „Фауст“, за посылку которого ты меня благодаришь».

Это письмо было опубликовано на странице 503 книги «Существованья ткань сквозная» (М.: НЛО, 1998). Евгений Борисович и Елена Владимировна Пастернак не включили в СС и ПП несколько десятков писем Пастернака, которые были раньше известны внимательным читателям как важнейшие. Вот несколько примеров.

В СС и ПП отсутствует откровенное мировоззренческое письмо поэта к Ренате Швейцер, которое Пастернак послал 7 мая 1958 года специально, отмечая важность письма, нарочным через Италию. В нем, в частности, сказано:

> Пользуюсь случаем окольным путем написать Вам больше и свободнее. <…> Ольга Всеволодовна

> Ивинская — Лара моего романа. <…> Она — олицетворение радости жизни и самоотдачи. <…> Ограниченная лишь важнейшим общность самого существа и есть подлинная, почти абсолютная форма взаимного притяжения, притяжения духа, радостного порыва, экзистенциальной родственности…[67]

Далее. В СС и ПП нет письма Пастернака от 28 сентября 1958 года к сестре Лиде в Англию, где он просит присылать отзывы на роман на адрес Ольги[68].

Нет в СС и ПП важнейшего «пятитомного» письма (так назвал это письмо сам Пастернак) к Жаклин от 17 января 1960 года, где он пишет о конфликте между Фельтринелли и Жаклин, который усугублялся атмосферой разлада на даче и откровенной слежкой за ним и Ольгой. В этом письме есть такие строки:

> Жаклин, мне так мало осталось жить! <…> Жорж мог бы описать Вам замаскированную зависимость, в которой тайная полиция (МГБ) постоянно нас держит (меня и всю семью Ольги, ее сына, дочь и ее саму, как бы заложников), все время шпионя и следя, судя по собственным открытым и бесстыдным признаниям этого учреждения[69].

В 11-м томе СС помещены воспоминания современников о Пастернаке, уже выходившие в 1993 году в издательстве «Слово», которое выпустило и СС и ПП, 2005. С удивлением обнаружил, что из числа составителей и авторов комментариев к воспоминаниям из тома 11 исключена фамилия известной писательницы Маэль Фейнберг, которая готовила и подробно комментировала книгу воспоминаний в 1993 году. Взамен устраненной Фейнберг появился Евгений Борисович Пастернак, даже не упомянувший об огромной работе Фейнберг, что резко контрастирует с нормами этики, принятыми в цивилизованном мире. Вспомнилось замечание Мити относительно оценки качеств Евгения Борисовича и Елены Владимировны Пастернак, которую им дал Иосиф Бродский: об этом написано в комментарии к стихотворению Пастернака «Магдалина».

Евгений Борисович исключил из 11-го тома интереснейшие воспоминания писателя Даниила Данина, а также воспоминания любимого адресата Пастернака в Германии — Ренаты Швейцер, входившие в сборник воспоминаний 1993 года.

Отсутствие ярких и бескомпромиссных воспоминаний Данина особенно огорчило меня потому, что главный редактор «Слова» Диана Тевекелян — дочь писателя Тевекеляна, главного

редактора издательства «Московский рабочий». Мне дважды приходилось быть гостем в его доме — он приходился дядей моему ближайшему школьному другу Эдику Новицкому.

Варткез Арутюнович говорил с нами о трудной судьбе честного писателя в стране. Именно в «Московском рабочем» у Тевекеляна впервые в 1996 году вышла блистательная книга Данина «Бремя стыда». В ней приведена документальная хроника жизни и противостояния Пастернака бесчеловечной системе и бездарной, завистливой писательской массе.

Советские писатели не любили правдивости и таланта Данина. Его ненавидели писательские бонзы за презрение к холуйству и восхищение творчеством Бориса Пастернака. При встрече с Даниным в 1996 году в доме-музее Марины Цветаевой на представлении его книги я подарил ему книгу Ивинской «Годы с Борисом Пастернаком». И услышал:

— Я с Ольгой Всеволодовной был близко знаком. Это была очень красивая и талантливая женщина, дважды спасшая Пастернака для России[70].

На мой немой вопрос Данин ответил:

— Первый раз Ольга Всеволодовна спасла Пастернака в нобелевские дни от самоубийства, а затем спасла для России живой образ Бориса Пастернака, написав о нем замечательную книгу.

О Ренате Швейцер кратко написала в своей книге Ольга Ивинская. В 2004 году мне посчастливилось узнать много нового о Ренате через мою добрую знакомую в Германии — Лилию Цибарт-Фогельзанг. Ее интервью со столетней жительницей Берлина Лизелоттой Лаабс, хорошо знавшей Ренату и дружившей с ней, приведено в главе «Пастернак и Рената Швейцер».

Евгений Борисович не допустил в собрании ни строчки из воспоминаний Зои Масленниковой, о которых он с восторгом отзывался в период суда по делу об архиве Ивинской. Он также не включил в СС и ПП, 2005 ни одного слова из личных воспоминаний Ирины Емельяновой о Пастернаке, которые были опубликованы в ее книге «Легенды Потаповского переулка». При этом в своих публикациях о «папочке» он неоднократно пользовался «Ирочкиным архивом», полученным от нее в 1962 году.

Борис Леонидович был очень привязан к Ирине и говорил о ней Ольге: «Лелюша, ее устами всегда говорит правда. Тот будет счастливый человек, кто поймет, какая это тонкая и особенная душа». На книге перевода «Фауста», подаренной Ире, он написал: «Ирочка, это твой экземпляр. Я верю в тебя, и уверен в твоем будущем. Будь смела душой и мыслью, мечтой и волей. Доверяй

природе, духу судьбы, крупным событиям, а из людей — только тем, немногим, тысячу раз проверенным, достойным твоей веры. Почти отечески, твой Б. П. 3 ноября 1955 года, Переделкино».

Из письма Пастернака сестрам в Англию от 11 мая 1958 года: «Ирочка, о которой в ее институте распространили легенду, будто она моя приемная дочь (она прелестная, очень смелая и одаренная девочка), за моей спиной зовет меня Классюшей (от слова „классик“). Она очень в курсе всего, относящегося ко мне».

* * *

Эта книга была уже написана, когда неожиданно произошла встреча с прошлым, где многое было скрыто в тумане кривотолков и лжи, распространяемых советскими пастернаковедами.

8 сентября 2007 года я вновь приехал на могилу Ивинской и встретил там Ирину с друзьями. Прошло 12 лет со дня смерти Ольги Всеволодовны. Ирина сказала мне, что 11 сентября в филиале Литературного музея в Трубниковском переулке состоится встреча с Серджо Д'Анджело, где он представит свою книгу «Дело Пастернака. Воспоминания очевидца», вышедшую в издательстве НЛО в Москве. Ирина попросила меня передать Серджо свою книгу «Пастернак и Ивинская», которая вышла в 2006 году в Москве в издательстве «Вагриус», с дарственной надписью, поскольку сама улетает утром 11 сентября в Париж и не сможет быть на презентации.

Меня приятно удивил приезд Серджо в Москву: ведь ему исполнилось 85 лет, и казалось, что в таком возрасте добраться до Москвы из Италии не так-то просто. Издание книги и встречу организовал президент Центра «Русский дом» в Вашингтоне и издательства русскоязычной газеты «Континент» Эдуард Лозанский.

Серджо, конечно, знаковая личность в истории «романа с романом» — непосредственный участник передачи романа в Италию и всех перипетий противоборства с советскими властям, пытавшимися любыми средствами предотвратить выход в свет «Доктора Живаго». О нем не раз упоминала в наших беседах Ивинская, говоря о многих загадках в событиях того бурного времени. Серджо первым принес Ольге 23 ноября 1957 года весть о выходе романа в Италии. Ольга уже вечером сообщила эту ошеломляющую новость Пастернаку. Борис Леонидович примчался 24 ноября из Переделкина на Потаповский, чтобы вместе с Ольгой и Серджо отпраздновать победу.

11 сентября 2007 года в филиал Литмузея пришли многие известные литераторы, критики и деятели культуры, ставшие свидетелями увлекательного действа: В. Аксенов, Н. Александров, Д. Быков, А. Демидова, Э. Лозанский, М. Пешкова, М. Чудакова и другие. Встречу вел К. М. Поливанов. Здесь же присутствовал Евгений Борисович Пастернак с женой Еленой Владимировной.

Серджо рассказал о своей книге и тех сведениях в «деле Пастернака», которые раньше не были известны широкому читателю, а в России искажались или замалчивались. Готовя книгу к выпуску в России, издательство НЛО просило разрешения у Д'Анджело поручить Евгению Борисовичу написать предисловие к книге Серджо «Дело Пастернака».

К удивлению Серджо, сын поэта не написал предисловия к книге (о чем была ясная договоренность с издательством), а поместил вместо этого пространные «Заметки на полях „Воспоминаний…“» с целью, как сказал на встрече Серджо, «обесценить мои воспоминания». Д'Анджело был явно возмущен «недопустимым вторжением в текст книги» жены Евгения Борисовича Елены Владимировны, ее мелкими замечаниями и придирками.

В официальном тексте «Ответа Евгению Пастернаку», который был роздан присутствующим, Серджо, в частности, пишет:

> В период возникновения и развития «дела „Доктора Живаго“» Евгений Борисович, которому было чуть более 30 лет, был совершенно несведущ в отношении политической подоплеки и угроз, с которыми был вынужден иметь дело Пастернак вместе с Ольгой Ивинской. <…> Пастернак имел обыкновение скрывать или приуменьшать в глазах семьи опасности, выпавшие на его долю, еще и потому, что его жена Зинаида, как напишет Сурков в послании к партбоссу Суслову 19 августа 1961 года, была «безусловно лояльной к советской власти женщиной, никогда не одобрявшей того, что сделал ее муж со своим последним романом».
>
> В 1989 году, когда уже не требовалось прибегать ко лжи, чтобы избежать преследования со стороны властей, Евгений Борисович рассказал в книге «Б. Пастернак. Материалы для биографии» на страницах 628–629, что весной 1956 года «представитель иностранной комиссии Союза писателей привез в гости к Пастернаку члена итальянской компартии Д'Анджело. <…> В обстановке официального визита рукопись романа была передана

Д'Анджело для ознакомления». То есть Евгений Пастернак и по прошествии 33 лет все еще не был в курсе совершенно неофициального характера переделкинской встречи, но в особенности твердого решения, принятого Пастернаком во время этой встречи, опубликовать свой роман за границей. Иными словами, он ничего не знал о побудительных мотивах того, что Ивинская назовет «романом о романе».

В выступлении Евгения Борисовича прозвучало его твердое убеждение, известное из всех его многочисленных книг, публикаций и выступлений, в том, что Ольга Ивинская и Д'Анджело давили на Пастернака, заставляя его подписывать письма и телеграммы в угоду властям.

И здесь взяла слово Мариэтта Чудакова, известный в мире историк литературы, писатель и публицист, президент Общества Михаила Афанасьевича Булгакова. Она, как всегда ясно и по сути проблемы, сказала:

— Я говорю сейчас как исследователь, хорошо знающий примеры из истории русской литературы. Ни один настоящий мужчина, тем более великий писатель, к которым, несомненно, относится Борис Пастернак, никогда не совершает принципиальных поступков под давлением или поддаваясь на уговоры любимых женщин или друзей. Он совершает все решающие поступки и действия только согласно своему личному пониманию проблемы и только в соответствии со своей личной волей.

Аудитория разразилась аплодисментами, а Серджо восхищенно произнес: «Браво, синьора!»

Я передал Серджо книгу — подарок Ирины Емельяновой и рассказал ему о знакомстве с Ивинской и перипетиях издания ее книги в России в 1992 году. Здесь же, в музее, я купил несколько экземпляров книги Д'Анджело. Прочитав ее, я понял, почему она вызвала такое отторжение у Евгения Борисовича и его жены.

Среди множества важных свидетельств и фактов из истории издания романа «Доктор Живаго», приведенных в книге, включая неизвестные читателям в России статьи и письма, ярко видна решающая роль Ольги Ивинской в защите жизни и чести Пастернака. Показана ее бесстрашная, изнурительная борьба с тупой и бессердечной советской системой и писательской завистью. Серджо рассказывает, какие чудеса изобретательности и смелости проявляла Ольга ради безусловного обеспечения выхода в свет «Доктора Живаго» в том виде, каким «всей дрожью жилок» мечтал видеть его напечатанным Борис Пастернак.

Приведу несколько отрывков из увлекательной книги Серджо.

Поздней весной 1957 года Ольга нуждалась в совете, как противостоять давлению, которому сейчас, пока Пастернак в больнице, ее подвергают Поликарпов и Сурков. Они требуют, чтобы она убедила писателя лично попросить Фельтринелли, письмом или телеграммой, вернуть текст «Доктора Живаго» для правок и дополнений. Опираясь на новости из Милана, я говорю ей, что в сложившейся ситуации, какую бы хитрость ни придумали Поликарпов и Сурков, считаю вероятным (с иронией использую я это мягкое слово), что соответствующее оригиналу издание очень скоро выйдет в Италии. Ольга растеряна:

— Вероятно? Но это должно быть ***наверняка!*** (курсив[71] мой. — Б. М.)

— Наверняка, — поправляюсь я. Здесь иерархи суетятся, чтобы закрыть ворота после того, как быки убежали. Пусть она продолжает тянуть время, пока Пастернак в больнице, а там посмотрим. (С. 55.)

В сентябре 1957 года советский Союз писателей приглашает делегацию литераторов из Италии, в которую входит и переводчик «Доктора Живаго» Цветеремич.

Ему вручают в Союзе писателей письмо, где изображена подпись Пастернака.

Письмо гласит, что Пастернак просит прекратить перевод романа, так как он якобы будет перерабатывать свое произведение. Цветеремич показывает письмо Серджо, тот звонит Ольге, а затем приходит с письмом к ней. Ивинская говорит Серджо, что такое письмо Пастернак не писал и подпись его искусно подделана.

Вечером, когда ей звонит Пастернак из Переделкина, она просит его срочно принять Цветеремича. После встречи Цветеремич передал Серджо, что Пастернак назвал письмо фальшивкой и сказал, что знает, кто так ловко подделал его подпись. Пастернак просил Цветеремича, чтобы Фельтринелли ускорил выход романа и не реагировал ни на какие его телеграммы, которые он вынужден подписывать из-за угрозы ареста со стороны властей[72]. (С. 67.) «Дело Пастернака». В нем участвовало большое число персонажей. <…> Однако главных героев в этой истории всего трое. Пастернак, который создал гениальный образ вечной России,

> пропустив через себя чувства, чаяния и страдания ее великого народа. Ольга, с абсолютным самопожертвованием вдохновлявшая его бесконечной и в то же время не соответствующей нормам общей морали, «неприличной» любовью. Юная и восторженная Ирочка, которая привнесла обаяние своей необычной личности в зачарованную атмосферу Потаповского переулка. (С. 163.)

В книге Серджо я нашел ответы на несколько вопросов, которые волновали Ольгу Ивинскую и Митю во время моих бесед с ними.

1. Почему больную, в язвах и струпьях, отравленную органами Ирину вдруг арестовали 5 сентября 1960 года?

2. Почему Хайнц Шеве, узнавший об аресте Ивинской в августе 1960 года, а потом и об аресте Ирины, не поднял в печати за рубежом голос в их защиту? Уже в концлагере они узнали, что первыми в их защиту выступили английские журналисты. Почему за время предсмертной болезни Пастернака в мае 1960 года Шеве так и не приехал к нему в Переделкино? Ведь Борис Леонидович его так ждал и оставил специальную записку для прохода Шеве на Большую дачу.

3. Почему летом 1965 года Евгений и Леонид, сыновья Бориса Леонидовича, неожиданно стали шантажировать Ольгу Ивинскую и Ирину, требуя направить к Фельтринелли письмо с отказом от завещания Пастернака, где он поручил Ольге распоряжаться его зарубежными гонорарами и изданиями[73]?

4. После ареста Ольги Ивинской и Ирины в 1960 году Митя жил под присмотром надзирателя из КГБ, заставлявшего врать, что Ивинская находится в санатории. Гэбэшник угрожал Мите: «Это надо говорить для блага матери».

Митю терзал вопрос: почему, когда в сентябре 1960 года в Москву неожиданно приехал Д'Анджело с женой, ему приказали продолжать врать о санатории, где отдыхают мама и Ира. Если бы Д'Анджело спросил, кто из друзей с ними связывается, то Митя должен был сказать, что «с ними разговаривает по телефону немецкий журналист Хайнц Шеве».

5. Ольга Ивинская не могла понять, почему Шеве не передал адвокату Виктору Косачевскому копии расписок Пастернака о получении денег, которые передавали Фельтринелли начиная с 1958 года? В 1959 и 1960 годах эти расписки передавали Фельтринелли непосредственно через Шеве[74].

В августе 1992-го я привез болевшему тогда адвокату Виктору Косачевскому книгу «Годы с Борисом Пастернаком» с

дарственной надписью Ольги Ивинской.

Он вспоминал:

— Следователь Алексаночкин представил показания семьи Пастернака о том, что Борис Леонидович никаких денег из-за границы не получал. При встрече с Шеве я просил его дать мне копии расписок Пастернака о получении денег от Фельтринелли. Он обещал это сделать, но не сделал, а лишь предлагал мне несколько тысяч долларов, чтобы я лучше защищал Ольгу. Окажись у меня в руках хотя бы один доллар, меня бы мгновенно привлекли к суду за контрабанду. Конечно, появление расписок самого Пастернака о получении им денег от Фельтринелли могло резко изменить ход неправедного суда над Ольгой Ивинской и ее дочерью. Возможно, даже срок мог быть назначен условно.

Российская пресса написала скромно об этом важном литературном событии. Однако, как и в дни суда по делу об архиве Ивинской, появилась странная заметка, пытающаяся очернить книгу Д'Анджело «Дело Пастернака».

Газета «Известия» от 14–16 сентября 2007 года, то есть сразу после отъезда Д'Анджело в Италию, публикует на странице 14 интервью журналистки Н. Кочетковой с Евгением Пастернаком и его женой. С изумлением читаю: «Потомок (Евгений Борисович. — *Б. М.*) заявил: „В книжке искажены факты, и сделано это лишь затем, чтобы оправдать получение 30 % от суммы гонорара за „Доктора Живаго". <…> Евгений Борисович рассказал „Известиям", что в результате миланского разбирательства Д'Анджело присудили 30 % гонораров за „Доктора Живаго", что, по словам Д'Анджело, составило 10 миллионов долларов"».

Мне трудно понять, откуда взялся этот бред. Журналистка, видимо, не только не читала книги Д'Анджело, но и не знает, о чем говорили на представлении книги 11 сентября 2007 года в Литмузее. Взяв в руки книгу «Дело Пастернака», журналистка могла бы прочесть на странице 158 о том, как в разгар судебного дела неожиданно консул посольства СССР в Италии Юдкин и вице-президент Инюрколлегии СССР Коробов встречаются в Риме с Д'Анджело. Они выражают изумление по поводу того, что он *оспаривает наследство* у Ольги Ивинской (!).

Д'Анджело пишет: «Для меня это означало заставить наследников писателя, которых обманывали и которыми манипулировали их „покровители", верить, что я превратился в их настоящего противника. <…> Я дал своим адвокатам поручение как можно скорее закрыть это дело».

На странице 161 книги Серджо цитирует сообщение газеты «Коррере де ла Сера» от 1 марта 1970 года: «Издательское

общество Дж. Фельтринелли, Милан, и господа Е. Б. Пастернак, Л. Б. Пастернак и О. В. Ивинская, представленные адвокатом Инюрколлегии А. Коробовым, сообщают: „Сыновья автора и его верная спутница Ольга Ивинская, *унаследовавшие во владение авторское право* (выделено мною. — *Б. М.*) после кончины Бориса Пастернака, заключили с издателем Фельтринелли полноценный договор о регулировании отношений и финансовых вопросов“».

В марте 1972-го при загадочных обстоятельствах погибает Фельтринелли, главный финансист революционных «красных бригад», и его наследники подписывают с Д'Анджело мировое соглашение, возместив ему судебные издержки — за семь лет около 50 тысяч долларов.

Об этом журналистка «Известий» и все желающие могут прочитать в книге Д'Анджело и в Интернете на сайте www.PASTERNAK-2.com.

В ответе на ложь Евгения Пастернака Д'Анджело пишет: «Астрономическая сумма, которую приписывает мне Евгений, пытаясь запятнать мою репутацию, рассыпается в прах о твердыню простейших арифметических расчетов».

Вернемся вновь к российской действительности.

Во время нашей встречи с Ирой 6 июля 2007 года на кладбище в Переделкине, около могил ее мамы Ольги Ивинской и брата Мити, она сказала:

— Как печально, что рано ушел из жизни Митечка. Он так и не успел написать свою книгу о маме и Борисе Леонидовиче. У Мити была такая добрая и ранимая душа!

Я постоянно ощущал это на протяжении 16 лет наших частых встреч и увлекательных разговоров с Митей. Он обладал поэтической душой, писал стихи и был крайне непримиримым к вранью.

В день завершения «савеловского судилища над архивом мамы» (слова Мити), когда этот архив у детей Ивинской отняли, Митя решил подарить мне особо дорогой ему раритет с автографом Пастернака. Это была книга переводов стихов Пастернака на немецкий язык, подготовленная издательством «Фишер» в 1959 году в Германии.

Пастернак получил этот сборник в подарок к своему 70-летию в феврале 1960 года и хвалил Ольге качество переводов на немецкий язык, которые сделал Р. Д. Кайль. Борис Леонидович писал Кайлю: «Некоторые вещи в Ваших переводах поражают и восхищают меня». Пастернак подарил Ольге эту книгу стихов, сделав надпись: «Олюша, на стр. 69 твое стихотворение[75]. 17 февраля 1960 г.»

Понимая, какую уникальную ценность хочет подарить мне

Митя, под впечатлением постыдного суда, отнявшего архив у детей Ольги Ивинской, я сказал:

— Ты напиши, что добровольно подарил мне эту книгу, а не то ЦГАЛИ и ее отнимет у меня, заявив, что я стащил книгу у наследников.

Митя улыбнулся и с ремаркой: «Ты прав» написал на книге знаменательные для меня слова:

«Эта книга подарена мною Борису Мансурову, испытанному, верному, любящему другу моей мамы, О. Ивинской, и, в порядке наследования — моему. В судный день 28 августа 2000 года. Д. А. Виноградов, сын О. Ивинской». После паузы дописал: «Б. Пастернак выразил бы Боре Мансурову свою признательность более многословно. Но — что делать!»

За месяц до своей кончины Митя завещал мне:

— Обо всем, что рассказывала вам мама и что узнали от меня, вам необходимо написать. Дайте мне слово, что обязательно напишете.

Делаю это в память о Мите, но в большей степени ради защиты чести самого поэта, о чем мне постоянно говорил Митя. Я всегда помню закон Бориса Пастернака: *истину ищут только одиночки и порывают со всеми, кто любит ее недостаточно!*

P.S.

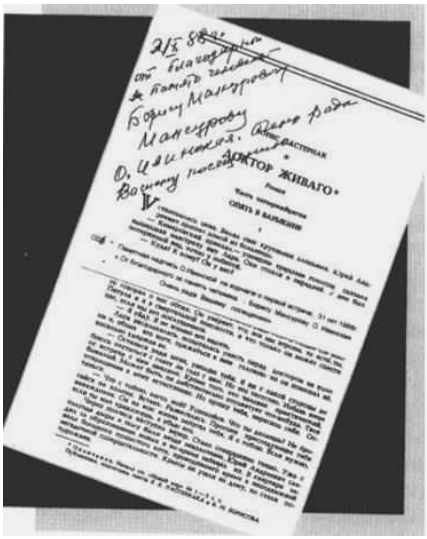
Весь многолетний период моей работы над темой «Пастернак и Ивинская», начиная со статьи «Тайны архивов Бориса Пастернака», активной моей помощницей была моя сестра Алла Мансурова. Алла окончила литфак МГУ и написала около 60 статей, 10 книг и литературных учебников для школ народов Севера. Возглавляя центр «Дети Чернобыля», она непосредственно обеспечивала выпуск в 1992 году книги «Годы с Борисом Пастернаком» как благотворительного издания. Для этой работы, которую я начал вести с 2004 года, Алла нашла для меня несколько редких книг и публикаций о Пастернаке. Сестра не увидит этой книги, так как скончалась от рака 5 декабря 2005 года в возрасте 63 лет. Я посвящаю книгу «Лара моего романа» памяти безвременно ушедших родных мне людей — Мити и Аллы.

В последующих главах я специально повторяю некоторые фрагменты и цитаты, приведенные в тексте этой вводной главы, что необходимо для обеспечения целостности и полноты раскрытия важных тем, затронутых в этой книге.

* * * * *

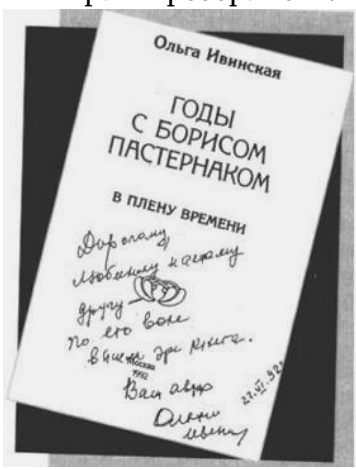
• Борис Пастернак у Ольги Ивинской в Измалкове, в избе Кузьмича. 1953 г.

• Окно из комнаты Ольги Ивинской в избе Кузьмича. Измалково, 2008 г.



• «Новомирский» экземпляр «Доктора Живаго» с дарственной надписью Ольги Ивинской. 31 октября 1988 г.

• Храм Преображения Господня в Переделкине. 2008 г.

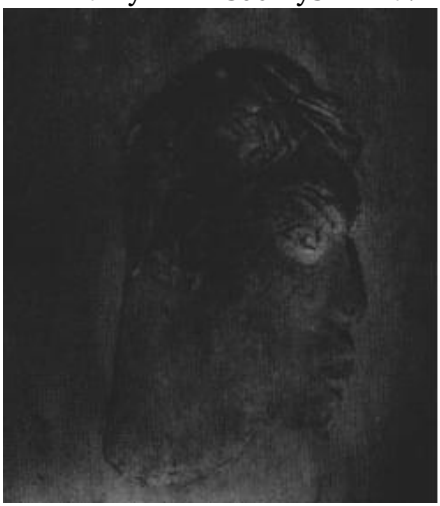


• Титул книги с автографом Ольги Ивинской. 1992 г.

• Москва начала 1990-х. У Останкинского телецентра человек с плакатом требует «сказать правду о Сталине».

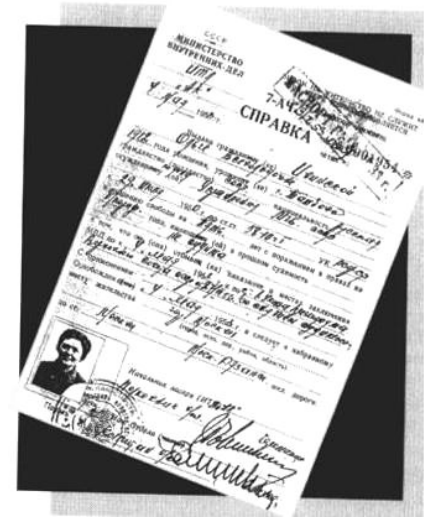
• Колокольня храма Преображения Господня в Переделкине. 2008 г.

• На пути к избе Кузьмича. Весна, 2008 г.



• Осенью 2006 г. неизвестные вандалы осквернили могилу Бориса Пастернака в Переделкине, повредили памятник, оставив черные отметины на лице поэта.

• Могила Ольги Ивинской на переделкинском кладбище. 2008 г.


СССР
МИНИСТЕРСТВО ВНУТРЕННИХ ДЕЛ
СПРАВКА

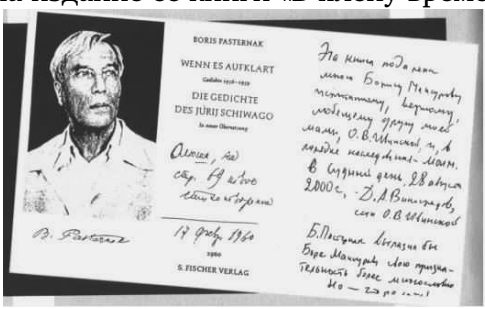
• Справка об освобождении О. Ивинской из мордовского лагеря. Выдана 4 мая 1953 г.

• Ольга Ивинская на даче у «фадеевского шалмана». 1959 г.

• Борис Пастернак с Ириной, февраль 1960 г.

• Москва 1970-х. Смена караула у Мавзолея на Красной площади.

• Беверли Горде — представитель издательства «Даблдей» (США), подписавшая в 1975 г. в Москве контракт с О. Ивинской на издание ее книги «В плену времени».


BORIS PASTERNAK
WENN ES AUFKLART
Gedichte 1956–1959
DIE GEDICHTE DES JURIJ SCHIWAGO
S. FISCHER VERLAG

• Титульный лист книги стихов Пастернака «Когда

разгуляется» (на нем. яз.), «Фишер Верлаг», 1960 г., ФРГ.

Подарок Пастернака Ольге в феврале 1960 г.

Эта книга была подарена Митей 28 августа 2000 г. Б. Мансурову.

• О. В. Ивинская в день своего 80-летия с сыном Митей. 27 июня 1992 г.

Глава первая
Ольга — Лара — Маргарита
(Стихи и переводы Бориса пастернака, созданные после встречи с Ольгой Ивинской)

«Вы страшно славная» — такими словами начиналась самая первая записка поэта Бориса Пастернака, адресованная поклоннице его творчества Ольге Ивинской.

В своей книге «Годы с Борисом Пастернаком»[76] Ивинская рассказывает:

> В октябре 1946 года, когда редакция «Нового мира» переехала за угол площади Пушкина в здание, где когда-то танцевал на балах молодой Пушкин, я заведовала отделом начинающих авторов. У моего стола присаживались Евтушенко, Тушнова, Ошанин, Межиров. Главный редактор Константин Симонов привлек к сотрудничеству с журналом живых классиков: Антокольского, Пастернака, Чуковского, Маршака. Лидия Чуковская работала в журнале лит-консультантом. Секретарь редакции Зинаида Николаевна Пиддубная (ее имя совпало с именем второй жены Пастернака) подарила билет на поэтический вечер Бориса Леонидовича. А через день в редакции журнала на ковровой дорожке появился бог в летнем белом плаще и улыбнулся мне уже персонально. Пиддубная сказала:
>
> — Я, Борис Леонидович, сейчас познакомлю вас с одной из ваших горячих поклонниц.
>
> Какое же счастье, ужас и сумятицу принес мне этот человек! <…>
>
> На следующий день Пиддубная указала мне на сверток, оставленный Пастернаком:
>
> — Здесь поклонник ваш приходил, посмотрите, что он вам принес.
>
> Это были пять небольших книжечек со стихами и переводами. <…> А потом все начало развиваться страшно бурно. Борис Леонидович звонил мне почти каждый день. <…> К концу рабочего дня он сам появлялся в редакции, и часто мы шли пешком

переулками, бульварами до Потаповского.

Ольга Ивинская получила записку, написанную знаменитым почерком Пастернака — летящими журавлями: «Вы страшно славная, мне хочется, чтобы Вам было хорошо».

«ЗИМНЯЯ НОЧЬ»

В начале февраля 1947 года Борис Леонидович предложил Ивинской поехать к знаменитой пианистке Марии Юдиной:

— Она будет играть, а я обещал почитать там из новой прозы.

«Ехали на машине в лунном, снежном бездорожье, среди одинаковых домиков. Но заблудились и — адрес?! И вдруг мы увидели среди домов мигающий огонь свечи. Это оказалось окно, где нас ждали. Борис Леонидович был возбужден игрой Юдиной, глаза его блестели, и он выразительно читал из нового романа», — вспоминает в своей книге Ольга Ивинская[77].

По поводу этой встречи Пастернак обменялся с Марией Юдиной — знаменитой пианисткой, влюбленной в поэта, несколькими письмами[78].

Выдержки из книги Ольги Ивинской:

> Чтение глав и стихов из романа всех ошеломило. Я не помнила себя от счастья. Рассветало, когда мы вышли на сверкающий снег. Когда садились в машину, Борис Леонидович сказал мне:
>
> — Вот и родилось то стихотворение, которое отдам в подборку вашего журнала. Оно будет называться «Зимняя ночь».
>
> Он принес мне в редакцию теперь уже известное всему миру «Мело, мело по всей земле…». <…> Константин Симонов не напечатал его в «Новом мире», но стал использовать образ «свеча горела» в своих стихах. Пастернак включил «Зимнюю ночь» в свой сборник 1947 года, тираж которого даже отпечатали. Но тут поступил окрик хозяина из Кремля, и тираж пустили под нож[79]. <…> В марте 1947-го стартовала кампания травли Пастернака. В «Культуре и жизни» вышла статья Суркова с обвинениями Пастернака в формализме и отрыве от советской действительности. Секретариат Союза писателей принял постановление, где было указано на то, что издание сборника стихов Пастернака было ошибкой[80].
>
> Когда мы в редакции узнали об этом позорном

постановлении Союза писателей, то Наташа Бианки[81] удивленно сказала:

— Но ведь Фадеев восхищен «Зимней ночью» и знает стих наизусть!

Ивинская в нашей беседе рассказала мне то, что не решилась написать в 1965 году в книге:

> Как по иронии жизни, через 10 лет я услышала от самого Фадеева историю гонений на «Зимнюю ночь». Оказалось, что Сталин хорошо знал это стихотворение. В начале мая 1956-го, когда я шла из Измалкова на станцию, чтобы отправиться в Москву, на дороге затормозила машина, в которой ехал Фадеев. Он радостно мне предложил:
>
> — Садитесь, Ольга Всеволодовна, подвезу[82].
>
> Когда поехали, Фадеев произнес какие-то комплименты в мой адрес, а затем вдруг стал читать: «И жар соблазна / Вздымал, как ангел, два крыла крестообразно». Закончив читать, говорит мне:
>
> — Колдовские стихи. Такое мог написать только Борис.
>
> В ответ на мой удивленный взгляд стал рассказывать:
>
> — Сталин знал это стихотворение, но тогда требовал прижать Бориса Леонидовича за антисоветский роман. Когда вас арестовали, я говорил Сталину о трагическом состоянии Бориса. Хозяин заметил: «Видимо, это судьбы скрещенье. Я не Бог, но ради женщины Пастернак может пойти на примирение с нами». Когда я Борису намекнул на это обстоятельство, он выругался и назвал хозяина садистом. В дни своего юбилея[83] хозяин спросил меня: «А для нас Пастернак ничего нового не написал?» Сталин тогда ждал от Пастернака письма или поздравительного стиха. Я ответил, что Пастернак болен. Сталин усмехнулся и сказал: «Мы не гордые — подождем». Сталин всегда хотел приручить Бориса.

Конечно, «Зимняя ночь» могла покорить даже дремучего невежду, однако Сталин сам писал стихи[84] и хорошо знал силу воздействия на умы поэтического слова. Как написала Ивинская в своей книге, знаменитые поэты России с 20-х годов постоянно находились под личным контролем Сталина.

Борис Леонидович рассказывал Ольге: «Кремлевский хозяин специально вызвал к себе на беседу Маяковского, Есенина и меня,

чтобы поручить нам стать глашатаями советской эпохи». Ивинская говорила:

— После моего ареста в 1949 году, о причинах которого намекнул Пастернаку Фадеев, Боря навсегда отнес кремлевского хозяина к банде негодяев и убийц и никогда более ни одной уважительной строчки в его адрес не написал.

ЗИМНЯЯ НОЧЬ

Мело, мело по всей земле
Во все пределы.
Свеча горела на столе,
Свеча горела.
<…>
На озаренный потолок
Ложились тени,
Скрещенья рук, скрещенья ног,
Судьбы скрещенья.

И падали два башмачка
Со стуком на пол.
И воск слезами с ночника
На платье капал.
<…>
На свечку дуло из угла,
И жар соблазна
Вздымал, как ангел, два крыла
Крестообразно…

1947

«ОСЕНЬ»

Из рассказа Ольги Ивинской:

«Осень» — одно из моих самых любимых стихотворений. Его первые строфы Борис Леонидович написал в измалковской избушке буквально за месяц до моего сталинского ареста[85]. Уже с осени 1947 года мы с Борей встречались в Переделкине, где снимали на два-три дня избу, и я приезжала к Борису Леонидовичу. С конца августа он оставался один в Переделкине, так как домашние разъезжались — перебирались в Москву:

начиналась учеба в школе. Боря с нетерпением ждал этих встреч и говорил, что в такие дни пишется в каком-то лихорадочном ритме, все в ожидании вечера. В первых строках «Осени» тогда звучало:

Мы здесь одни с тобой на даче,
Все разбежались врассыпную.
Я рано в стол работу прячу
И в мыслях нашу ночь рисую.

И другие строки этого стихотворения Боря потом часто повторял во время наших вечеров, когда после смерти Сталина я вернулась из концлагеря. Мне запрещено было жить в Москве до получения постоянной работы. Я поселилась в Измалкове в бревенчатом домике у Полины, недалеко от Большой дачи, как хотел Боря.

Я до весны с тобой останусь
Глядеть в бревенчатые стены.
Мы никого не водим за нос —
Мы будем гибнуть откровенно.

Когда Боря приходил ко мне утром, я часто отворяла двери, одетая в любимый им японский халат с длинным хвостом и кистями. И эта деталь увековечена в стихотворении «Осень». Потом случился такой эпизод с этим стихотворением. Когда Боря подготовил окончательный вариант рукописи романа с подборкой стихов Юрия Живаго и предал мне для оформления, я удивилась, не обнаружив в «Осени» строк о «нас одних на даче» и «мы будем гибнуть откровенно». На мой удивленный вопрос «Ты же сам мне постоянно повторяешь эти строки? Они ведь тебе нравятся!» Боря говорит:

— Да, но надо чем-то жертвовать для конспирации.

С улыбкой ему замечаю:

— Но остались еще более компрометирующие строки: «Ты так же сбрасываешь платье».

Боря с серьезным видом и недоумением отвечает:

— Ну, знаешь, Олюша, это свыше моих сил. Да и Юра категорически возражал.

Мы счастливо рассмеялись. Как мне рассказывали, «Осень» любят читать на встречах памяти Пастернака

такие почитатели его поэзии, как Андрей Вознесенский и Евгений Евтушенко[86].

ОСЕНЬ

Я дал разъехаться домашним,
Все близкие давно в разброде
<…>
Мы здесь одни с тобой на даче,
Все разбежались врассыпную.
Я рано в стол работу прячу
И в мыслях нашу ночь рисую.

Я до весны с тобой останусь
Глядеть в бревенчатые стены.
Мы никого не водим за нос,
Мы будем гибнуть откровенно.
<…>
Привязанность, влеченье, прелесть!
Рассеемся в сентябрьском шуме!
Заройся вся в осенний шелест!
Замри или ополоумей!

Ты так же сбрасываешь платье,
Как роща сбрасывает листья,
Когда ты падаешь в объятье
В халате с шелковою кистью…

1949

«ОБЪЯСНЕНИЕ»

Ольга Ивинская пишет в своей книге:

«Раздался вечерний звонок Пастернака. Соседка с нижнего этажа[87] позвала меня к телефону.

— Я должен <…> сказать: первое <…> мы должны перейти на „ты“, а второе — я люблю тебя, <…> и сейчас в этом вся моя жизнь».

Это был период долгих объяснений и вечерних блужданий Пастернака и Ольги по московским улицам и переулкам. Пастернак говорил, а Ольга как завороженная слушала его слова о любви. Он рассказывал, что они уже давно не живут с Зиной как муж и жена. Поэт говорил: «Моя любовь к тебе вернула меня в

поэзию и дала силы по-новому писать роман, который станет главным итогом всей моей жизни».

Ольга Всеволодовна вспоминала:

— Его слова слушала как во сне. Я даже иногда удивленно оборачивалась — посмотреть, кому это говорит слова любви идущий рядом со мной любимый с юности поэт. Пришла домой растерянной и околдованной.

Из книги Ивинской:

> С беспощадностью к самой себе написала письмо-исповедь о своей жизни. О двух уже ушедших в мир иной мужьях, о маме, проведшей три года в лагерях, о моих детях и трудной, безрадостной жизни. И вот судите сами, писала я в том письме, что я могу ответить на ваше «люблю», на самое большое счастье в моей жизни.
>
> Прочитав мою исповедь, Борис Леонидович поздно вечером вызвал меня к телефону, голос его был очень взволнован:
>
> — Олюша, я люблю тебя. Эта тетрадка всегда со мною будет, но ты мне ее должна сохранить, поскольку я не могу оставлять тетрадку дома, ее могут там найти.
>
> Эту тетрадку у меня отняли органы при аресте.
>
> В один из дней на Потаповском восьмилетняя Ирочка с детской непосредственностью прочитала Борису Леонидовичу его стихотворение:
>
> Вы заняты вашим балансом,
> Трагедией ВСНХ,
> Вы, певший летучим голландцем
> Над трапом любого стиха…
>
> Боря смахнул слезу и поцеловал Иринку:
>
> — Какие у нее удивительные глаза! Ирочка, посмотри на меня! Ты так и просишься ко мне в роман!
>
> Внешний облик Катеньки, дочки Лары из романа «Доктор Живаго», — это внешность моей Иринки: «В комнату вошла девочка лет восьми с двумя мелкозаплетенными косичками. Узко разрезанные, уголками врозь поставленные глаза придавали ей шаловливый и несколько лукавый вид. Когда она смеялась, она их приподнимала».
>
> К Иринке Борис Леонидович был особенно привязан[88], приходил, чтобы с ней идти на прогулку, покупал подарки, делал подарки и моему маленькому

сыну Мите.

Говоря о стихотворении «Объяснение», Ольга Ивинская поясняла, что в их отчаянных беседах во время поздних прогулок Пастернак говорил: «Я не могу уйти и оставить сына Леню. Мой разрыв с первой женой[89] уже привел к страданиям старшего сына Евгения. Рожденный от нелюбви, он отмечен болезненной кожей и веснушками».

— Не раз мы с Борей расставались, казалось, навсегда, — вспоминала Ивинская, — но через несколько дней вновь соединялись — просто уже не могли жить друг без друга!

ОБЪЯСНЕНИЕ

Жизнь вернулась так же беспричинно,
Как когда-то странно прервалась.
Я на той же улице старинной,
Как тогда, в тот летний день и час.
<…>
Женщины в дешевом затрапезе
Так же ночью топчут башмаки.
Их потом на кровельном железе
Так же распинают чердаки.
<…>
Я опять готовлю отговорки,
И опять все безразлично мне,
И соседка, обогнув задворки,
Оставляет нас наедине.
<…>
Сними ладонь с моей груди,
Мы провода под током,
Друг к другу вновь, того гляди,
Нас бросит ненароком.

Пройдут года, ты вступишь в брак,
Забудешь неустройства.
Быть женщиной — великий шаг,
Сводить с ума — геройство…

1947

«ЛЕТО В ГОРОДЕ»

Из моих бесед с Ольгой Всеволодовной:

> Весна действовала на нас, как и на всех влюбленных в мире. Мы постоянно стремились друг к другу, и о наших встречах уже шла молва по Москве и за ее пределами. Но нас ничто не могло остановить от близости, поцелуев при всяком удобном случае в улочках и тенистых уголках города, куда мы забредали, увлекшись рассказами Бориса Леонидовича о его жизни и планах зарождавшегося романа. Наши частые свидания стали предметом резких разговоров Бори с Зинаидой. После мерзкой статьи Суркова в марте 1947 года, заклеймившего «несоветское» творчество Пастернака, писательское окружение стало сторониться Бориса Леонидовича.
>
> Однажды он в гневе сообщил, что Зинаида требовала прекратить «старческие шашни» со мной и написать примирительное письмо в газету, чтобы не вызывать гнева властей, которые отлучат от издательств. «И на что тогда жить и содержать дачу?» — возмущалась Зинаида. Заместитель главного редактора «Нового мира» Кривицкий стал мне советовать учить уму-разуму Пастернака, как писать нужные советской власти произведения. Я ему резко ответила, что им самим надо учиться у Пастернака, в том числе и порядочности — не делать плагиатов с его стихов. Он помнил наше с Лидией Чуковской возмущение, когда Симонов, не опубликовав стихотворение «Зимняя ночь», стал использовать образ «свеча горела» в своих стихах.

В своей книге Ольга Ивинская пишет:

> Гонения на меня и травля со стороны Кривицкого не заставили себя долго ждать, и вскоре я, по совету и настоянию Пастернака, ушла из редакции. Видимо, постоянное давление шло и на Борю. Во время болезни сына Лени Зинаида потребовала от Бориса Леонидовича дать клятву, что он порвет со мною.
>
> И вот 3 апреля 1947 года после отчаянного разговора в моей комнатушке на Потаповском Борис Леонидович решил, что не имеет права на любовь. Я не должна отвлекать его от старой колеи жизни и работы, но «заботиться обо мне он всю оставшуюся жизнь обязательно будет». Ночь моя была тревожной: я видела, в каком отчаянном состоянии уходил Борис Леонидович

с Потаповского. Мои домашние еще днем уехали к родственникам в Покровское-Стрешнево. Лишь под утро я задремала, а в шесть часов утра раздался звонок в дверь. На пороге стоял Боря в слезах. Мы обнялись, и он сказал: «Нет, я без тебя не смогу жить!»

С этого момента мы считали 4 апреля 1947 года днем нашего «бракосочетания». Утром этого дня Боря написал мне на красной книжечке своих стихов: «Жизнь моя, ангел мой, я крепко люблю тебя. 4 апр. 1947 г.».

Позже он напишет: «Я против каких-либо правил — должна ли быть семья по домострою или свободная любовь — в каждом случае это по-разному. Не должно быть таких правил, жизнь сама решает, какой ей быть».

Летом все домашние разъезжались по дачам, и мы часто оставались вдвоем в городе. Тот год сопровождался буйным цветением лип и опьянял завораживающим медовым запахом, прилетавшим с Чистопрудного бульвара. Боря входил в мою комнатку рано утром. Он, конечно, не высыпался — а значит, не высыпался и бульвар, и дома, и фонари. Как-то я встретила его, заколов волосы маминым черепаховым гребнем, и Боря написал стихотворение о женщине в шлеме, смотрящей в зеркало: «Я люблю эту голову вместе с косами всеми!..»

В нашей беседе Ольга Всеволодовна сообщила:

— Боря специально переписал для меня текст стихотворения «Лето в городе», которое я хранила в своем архиве. Его отняли у меня при аресте.

Советские пастернаковеды неверно датируют стихотворение «Лето в городе» 1953 годом. О том, что оно было написано до октября 1949-го, читателю ясно говорит одна важная деталь: строки «Запрокинувши голову вместе с косами всеми» относятся к периоду до ареста Ольги в октябре 1949 года. В лубянской тюрьме 6 октября 1949-го Ольге отрезали косы, так как по тюремным правилам они «категорически запрещены». «Ведь арестованная может и вокруг шеи косу обмотать», — пояснил тюремщик Ольге на Лубянке. То, что в концлагере также запрещено иметь косы, понятно без объяснений.

ЛЕТО В ГОРОДЕ

Разговоры вполголоса,
И с поспешностью пылкой
Кверху собраны волосы

Всей копною с затылка.

Из-под гребня тяжелого
Смотрит женщина в шлеме,
Я люблю эту голову
Вместе с косами всеми.
<…>
А когда светозарное
Утро знойное снова
Сушит лужи бульварные
После ливня ночного,

Смотрят хмуро по случаю
Своего недосыпа
Вековые, пахучие,
Неотцветшие липы.

Не позднее 1949 г.

ПЕРЕВОДЫ СТИХОТВОРЕНИЙ ШАНДОРА ПЕТЕФИ

Из рассказа Ольги Всеволодовны Ивинской о переводах лирических стихов выдающегося венгерского поэта:

Окрыленный нашей любовью, в 1947 году Пастернак обратился к поэзии Петефи, которого переводил еще в 1936-м. Однако теперь он выбирал для перевода стихи, перекликающиеся с озарениями и тенями в наших отношениях. Борис Леонидович говорил мне: «У Петефи брался сюжет стихотворения, который я освещал своей любовью к тебе, Олюша, и рождалось стихотворение о нас».

Томик переводов стихов Петефи, который Боря подарил мне, хранит его посвящение: «Слово „Петефи“ было условным знаком в мае и июне 1947 года, а близкие переводы мои его лирики — это изображение мыслей и чувств к тебе и о тебе, приближенные к требованиям текста. На память обо всем этом. Б. П. 13 мая 1948 г.»

После наших встреч и блужданий по Москве Боря уходил на Лаврушинский, но, как потом говорил мне, не мог уснуть и думал о нашей новой встрече. Это его состояние полностью отразилось в переводе

стихотворения «Ночь звездная, ночь светло-голубая». Чувства влюбленного поэта отражены в переводах стихотворений «Если ты цветок», «Розами моей любви».

События из нашей жизни вошли в перевод стихотворения о письме. Когда после первых слов Бориса Леонидовича о любви ко мне я написала отчаянное письмо-исповедь, то ему показалось, что я решила прекратить встречи и не верю в возможность нашей любви, которая может принести ему лишь несчастье. Смятение Бори после прочтения моего письма отражено в переводе стихотворения Петефи «Прекрасное письмо».

О наших близких отношениях шла молва, стали появляться советчики и осуждающие, что приводило к минутам тревоги и отчаяния. Борю мучили воспоминания о тяготах развода с первой женой, Евгенией Лурье, пугали страдания, которые он может причинить младшему сыну Лене, и понимание давней вины перед первой семьей[90]. Но он уже не мог жить и творить без озарения поздней любовью, когда «строку диктует чувство» и рождаются гениальные стихи. Говоря о своих переживаниях и тревогах, Боря постоянно повторял: «Как поздно пришло ко мне счастье любить по-настоящему! Но в этом нет ничьей вины, и я должен справиться с этим сам. Пусть будет все так, как случилось. Олюшка, пускай будет так всю жизнь — мы летим друг к другу, и нет ничего более необходимого, чем встретиться нам с тобой». Эти тревоги и переживания Пастернака прочитываются в его переводе стихотворения Петефи «Не обижайся». Когда проходила волна тревог, все виделось в радужном свете — так родились солнечные строки перевода стихотворения «Я вижу дивные цветы Востока».

Уже в 1959 году, возвращаясь к радостному периоду наших первых свиданий и головокружительной влюбленности, отразившихся в переводах лирических стихов Петефи, Боря написал на подаренной мне фотографии: «Петефи очень хорош своей изобразительной лирикой, картинками природы, но ты еще лучше. Я много занимался им в сорок седьмом и сорок восьмом годах, когда узнал тебя. Спасибо тебе за помощь. Я переводил вас обоих».

В то тревожное время, в разгар развернутой травли Пастернака за несоветский дух романа «Доктор Живаго», мы все в большей мере стали осознавать невозможность

жизни друг без друга, а также некую безвыходность нашего положения. Тогда Боря мне часто читал строки из любимого им стихотворения Петефи «Моя любовь», перевод которого был провидчески сделан им еще в 1936 году. В стихотворении есть совершенно мистические строки о том, как любовь «головорез с кинжалом караулит у ствола». И в октябре 1949-го кремлевский головорез исполнил пророчество — меня бросили в лубянские казематы.

НОЧЬ ЗВЕЗДНАЯ, НОЧЬ СВЕТЛО-ГОЛУБАЯ

В окне раскрытом блещет ночь без края,
Ночь звездная, ночь светло-голубая.
Безмерный мир простерся между ставен,
Мой ангел красотою звездам равен.

Ночь звездная и ангел мой — два дива,
Затмившие все, чем земля красива.
Красот я много видел средь скитаний,
Но ни одной не встретил несказанней.

ЕСЛИ ТЫ ЦВЕТОК

Если ты цветок — я буду стеблем,
Если ты роса — цветами ввысь
Потянусь, росинками колеблем, —
Только души наши бы слились.
Если ты, души моей отрада,
Высь небес — я превращусь в звезду…

РОЗАМИ МОЕЙ ЛЮБВИ

Розами моей любви
Устланное ложе!
Снова душу положу
К твоему подножью.
Укачает ли ее
Ветерок пахучий,

Или глубоко пронзит
Длинный шип колючий?

Все равно, душа, усни,
Утопая в розах,
В сновиденья погрузись,
Затеряйся в грезах…

ПРЕКРАСНОЕ ПИСЬМО

Милая, ты написала
Мне прекрасное письмо.
Это след ума немалый,
Прямодушие само.

Пишешь — я тебе дороже
С каждым часом, но, дружок,
Веришь ли, мороз по коже
Пробежал от этих строк…
<…>
Приходи, рассей сомненья,
Иль безумья не сдержу,
И себе о скал каменья
Голову я размозжу.

НЕ ОБИЖАЙСЯ

Мое живое солнце золотое!
Не обижайся, если иногда
Я хмур и мрачен. Даже пред тобою
Я не могу веселым быть всегда.

Утешься тем, что в тяжкие минуты
Приносишь огорченья мне не ты.
Виновницею этой скорби лютой
Ты быть не можешь, ангел доброты!
<…>
Теперь ты знаешь, под каким я игом,
Хотя в другое время я не трус,

Чуть шаг минувшего заслышу, мигом
Бесчувственнее камня становлюсь…

1947

МОЯ ЛЮБОВЬ

Моя любовь не соловьиный скит,
Где с пеньем пробуждаются от сна,
Пока земля наполовину спит,
От поцелуев солнечных красна.

Моя любовь не тихий пруд лесной,
Где плещут отраженья лебедей
И, выгибая шеи пред луной,
Проходят вплавь, раскланиваясь с ней.
<…>
Моя любовь — дремучий темный лес,
Где проходимцем ревность залегла
И безнадежность, как головорез,
С кинжалом караулит у ствола.

1936

«СВИДАНИЕ»

Из книги Ольги Ивинской:

Лагерное лето 1951 года — знойное, раскаленное над сухими мордовскими полями. Кайло поднять нет силы. Отчаянье, сознание полной безысходности. Не помню, как дожили до команды «Кончай работу! Становись в строй!». Скорее по раскаленной дорожной пыли в зону. Бросаюсь на топчан прямо в огромных башмаках, перетянутых грязными тесемками. Только бы заснуть, забыть обо всем. Но вызывает дневальная, следовать к «куму». Иду в змеиное логово.

— Вам тут письмо пришло и тетрадь. Стихи какие-то, — «кум» удивлен и испуган. — Давать на руки запретили, читайте здесь, — теперь меня удивило, что

заставило этого изверга обратиться к заключенному на «вы». — Распишитесь потом, что прочитано.

Беру тетрадку и читаю:
Засыплет снег дороги,
Завалит скаты крыш…

Летят Борины журавли над Потьмой! Он тоскует обо мне, он любит меня. Вот такую, в робе из мешковины с номером, в башмаках сорок четвертого размера. Перечитываю еще раз письмо Бори на 12 страницах, и снова стихи Евангельского цикла — всю зеленую тетрадку. Заставили расписаться и отобрали все, проклятые! Но теперь я знаю главное: Боря ждет меня и верит в наше «Свидание».

О дальнейшей истории этого стихотворения Ивинская говорила:

При моем освобождении в мае 1953-го начальник лагеря заявил, что это письмо Пастернака и тетрадка со стихами в 1951 году согласно приказу были отправлены на Лубянку. После реабилитации в 1988-м КГБ официально сообщил, что все изъятые у меня письма и рукописи стихов по описи отправлены в ЦГАЛИ. Но оттуда мне отказались что-либо возвратить[91].

Когда я слышу стихотворение «Свидание», у меня перед глазами встают картины тех лагерных, жестоких лет и момент чуда — появление ангела в виде Бориного письма и зеленой тетрадки стихов, спасших меня.

Когда я вернулась, Боря в Измалкове переписал мне это стихотворение и вспоминал:

— Последней строчкой стихотворения я хотел сделать слова «И твой угасший свет». Но затем решил, что и до меня этот убийца-Сталин доберется, и мне не жить, потому в последней строке стихотворения написал «А нас на свете нет?»

Борин автограф «Свидания» у меня отобрали при аресте, и теперь он должен быть в ЦГАЛИ.

СВИДАНИЕ

Засыплет снег дороги,
Завалит скаты крыш.

Пойду размять я ноги:
За дверью ты стоишь.

Одна, в пальто осеннем,
Без шляпы, без калош,
Ты борешься с волненьем
И мокрый снег жуешь.

Снег на ресницах влажен,
В твоих глазах тоска,
И весь твой облик слажен
Из одного куска.

Как будто бы железом,
Обмокнутым в сурьму,
Тебя вели нарезом
По сердцу моему.
<…>
И оттого двоится
Вся эта ночь в снегу,
И провести границы
Меж нас я не могу.

Но кто мы и откуда,
Когда от всех тех лет
Остались пересуды,
А нас на свете нет?

1950

«МАГДАЛИНА»

Рассказывает Ольга Ивинская:

После моего ареста в октябре 1949 года Борис Леонидович «в тоске безмерной» обо мне и нашем ребенке, которого я носила под сердцем, отчетливо осознал, что причиной ареста стали наша любовь и вовлечение меня «в сети романа». Позже Боря писал Ренате Швейцер в Германию: «Ее посадили из-за меня как самого близкого мне человека, по мнению секретных органов». Тюрьма ассоциировалась у Бори с образом беззащитной Магдалины, брошенной в темницу.

В книге Ивинской[92] подробно описан эпизод ее допроса на Лубянке в 1949 году.

> Уже на втором допросе на Лубянке[93] следователь Семенов дал мне несколько листов бумаги и потребовал вкратце написать о содержании «Доктора Живаго». Я написала, что это судьба интеллигента, врача, трудно пережившего время между двух революций. Это — творческая личность, поэт. Ничего порочащего советскую власть в романе не будет. Следователь Семенов просмотрел несколько листков и с недовольной миной изрек:
>
> — Не то вы пишете, не то! Пишите, что читали это произведение, которое представляет клевету на советскую действительность. Вы прекрасно это знаете — нам попадались некоторые страницы.
>
> Видимо, сексоты[94] доставляли в МГБ копии листов романа. Семенов порылся в листках из папки и, достав один лист «синьки»[95], заявил:
>
> — Вот, например, стихи «Магдалина» — разве это стихи нашего поэта? К какой эпохе это относится? И потом, почему вы ни разу не сказали Пастернаку, что вы советская женщина (тогда я удивилась, удостоившись такой высокой оценки из уст следователя Лубянки), а не Магдалина? Ведь просто неудобно посвящать любимой женщине стихи с таким названием.
>
> — Почему вы решили, что стихи посвящены мне?
>
> — Но это ясно, ведь мы знаем об этом, так что вам запираться нечего. И вам надо говорить правду, это единственное, что может облегчить вашу участь и участь Пастернака.
>
> Уже в лагере ко мне пришла «Магдалина» в Бориной зеленой тетрадке, которую дали лишь прочитать и отняли[96].

Советские пастернаковеды довольно серо и невнятно комментировали пастернаковскую «Магдалину». На это обратил внимание в 1992 году замечательный поэт и эссеист, нобелевский лауреат Иосиф Бродский. В «Примечании к комментарию»[97] Бродский пишет:

> В комментарии, сопровождающем в 1-м томе Избранного Б. Пастернака (М.: Художественная литература, 1985) стихотворение «Магдалина», говорится: «Пастернаку также был знаком цикл стихов

Цветаевой под названием „Магдалина“. <…> Пастернак, трактуя тот же сюжет, освобождает его от эротики».

Судя по титульному листу, комментарий подготовлен сыном поэта Е. Б. Пастернаком и его женой Е. В. Пастернак. Иными словами, комментарий этот — дело семейное. <…> Поэтому от комментария легко отмахнуться, выделив из него только сугубо фактическую сторону, и списать замечание авторов об освобождении сюжета от эротики на их повышенную чувствительность, особенно учитывая инициалы одного из них. <…> Говоря жестче, авторы комментария попросту дикари.

Отмечая сухие комментарии Евгения Борисовича к стихам Пастернака в пятитомнике и многочисленных сборниках, Вадим Козовой заметил:

— Только примитивизм Евгения позволяет ему говорить об «освобождении от эротики» в стихах поэта, написавшего «…жар соблазна», «Осень», «Хмель», «Еву», «Вакханалию». Евгений Борисович даже не слышит, что говорит об эротике Пастернака такой знаток темы, как Анна Ахматова. А ведь ее отзывы на вышеуказанные стихи известны даже непросвещенному любителю поэзии Пастернака.

Говоря о «Магдалине» Бориса Пастернака как об отзвуке его «тоски безмерной» из-за ареста любимой женщины, бывшей «рабой его мужских причуд», Ольга Всеволодовна вспомнила о Косте Богатыреве, блестящем переводчике поэзии и прозы с немецкого. Он преклонялся перед гением Пастернака, был восхищен его Евангельским циклом и искал для перевода стихи на эту тему у немецких поэтов. Пастернак рекомендовал ему заняться переводом стихов Райнера Мария Рильке, что Богатырев талантливо и с увлечением делал. Костя перевел «Пиету», знаменитое стихотворение Рильке о Магдалине, и подарил этот перевод Ольге Ивинской:

Твои ль стопы, Исус, твои ли?…
<…>
Их до сих пор ни разу не любили.
Я в ночь любви их вижу в первый раз.
С тобой мы ложа так и не делили.
И вот сижу и не смыкаю глаз.

О, эти раны на руках Исуса!
Возлюбленный, то не мои укусы.

И сердце настежь всем отворено,
Но мне в него войти не суждено.

Ты так устал, и твой усталый рот
Не тянется к моим устам скорбящим.
Когда мы наш с тобою час обрящем?
Уже — ты слышишь? — смертный час нам бьет.

Переводы стихотворений Рильке, сделанные Константином Богатыревым, вошли в юбилейный сборник Райнера Мария Рильке, выпущенный издательством «Иностранная литература» в 1975 году.

Бродский считал пастернаковскую «Магдалину» лучшей в русской поэзии и знал ее наизусть.

МАГДАЛИНА

1
Чуть ночь, мой демон тут как тут,
За прошлое моя расплата.
Придут и сердце мне сосут
Воспоминания разврата,
Когда, раба мужских причуд,
Была я дурой бесноватой
И улицей был мой приют.
<…>
Но объясни, что значит грех
И смерть, и ад, и пламень серный,
Когда я на глазах у всех
С тобой, как с деревом побег,
Срослась в своей тоске безмерной…

2
У людей пред праздником уборка.
В стороне от этой толчеи
Омываю миром из ведерка
Я стопы пречистые твои.

Шарю и не нахожу сандалий,
Ничего не вижу из-за слез.
На глаза мне пеленой упали
Пряди распустившихся волос.
<…>
Перестроятся ряды конвоя,

И начнется всадников разъезд.
Словно в бурю смерч, над головою
Будет к небу рваться этот крест.

Брошусь на землю у ног распятья,
Обомру и закушу уста.
Слишком многим руки для объятья
Ты раскинешь по концам креста.
<…>
Но пройдут такие трое суток
И столкнут в такую пустоту,
Что за этот страшный промежуток
Я до Воскресенья дорасту.

1949

«РАЗЛУКА»

Из моего разговора с Ольгой Ивинской о стихотворении «Разлука»:

Когда после смерти Сталина я вернулась[98], мне не разрешали постоянно жить в Москве до получения работы. Это было одним из издевательских требований советской власти. Борис Леонидович сразу занялся моим устройством на работу переводчиком в московские издательства. Наша первая встреча состоялась в мае около любимой скамейки на Чистопрудном бульваре, где мы с Борей были в последний вечер 6 октября 1949 года, перед моим арестом[99].

Боря настоял, чтобы я жила рядом с ним, недалеко от Переделкина. В деревне Измалкове, что всего в километре от его Большой дачи, сняли мне комнату в избе у хозяйки Полины. И с конца мая 1953-го я уже жила в Измалкове. Боря приходил ко мне ежедневно, и мы подолгу бродили в окрестностях Баковского леса, в полях и по живописному берегу Самаринского пруда. Боря просил меня подробно рассказывать о годах тюрьмы и лагеря. Эти рассказы нашли отражение в стихах Юрия Живаго и в сценах перевода «Фауста», который Боря стал быстро переделывать, уже имея на руках верстку.

Поздними вечерами, слушая рассказы о годах моей

неволи, Боря обнимал меня, нежно целовал и говорил: «Теперь мы близки, как морю близки берега». Вспоминал свои терзания в период тяжелой болезни осенью 1952-го, когда у него случился инфаркт. Тогда ему казалось, что жизнь окончена и больше он меня никогда не увидит.

Хорошо помню эпизод лета 1953 года в Измалкове, который неожиданно вызвал у Бориса Леонидовича воспоминание о горькой зиме 1949-го. В один из дней, ожидая прихода Бори, я пришивала что-то на халате. Отвлекшись на зов хозяйки, я отложила работу и стала ей помогать. Вскоре вижу в окно Борю, идущего к нам по дорожке в дом. А я по его просьбе всегда надевала перед встречей любимый им халат, попавший в стихотворение «Осень». Когда он стал подниматься по ступенькам, я поспешно накинула халат и бросилась ему навстречу. Он порывисто обнял меня и вдруг вскрикнул, уколовшись об оставленную в халате иголку. Стала целовать его руку и растирать место укола, а Боря удивленно воскликнул:

— Вспомнил! Тогда я тоже укололся.

Он рассказал, как в декабре 1949-го, после моего ареста, пришел к нам на Потаповский. Принес маме деньги и увидел, что она собирает мою одежду. Мама хотела некоторые вещи продать, ей понадобились дополнительные деньги к Новому году. Боря кинулся к ней с просьбой не продавать мои, любимые им, платья, схватил одно из них и вскрикнул от внезапной боли. В платье оставалась невынутая иголка.

— Тогда, — сказал мне Боря, — у меня слезы полились не от боли, а от твоего образа, который ясно возник передо мной.

Потом эта «иголка» и «слезы» вошли в печальное стихотворение «Разлука», включенное в тетрадь Юрия Живаго.

В очередной беседе о «Разлуке» Ивинская вспомнила:

С этим стихотворением связан еще один эпизод, огорчивший Бориса Леонидовича. В начале 1954 года в журнале «Знамя» были опубликованы стихи из тетради Юрия Живаго, среди них была и «Разлука». Подборка называлась «Стихи из романа в прозе „Доктор Живаго“».

РАЗЛУКА

С порога смотрит человек,

Не узнавая дома.
Ее отъезд был как побег,
Везде следы разгрома.
<…>
В ушах с утра какой-то шум,
Он в памяти иль грезит?
И почему ему на ум
Все мысль о море лезет?

Когда сквозь иней на окне
Не видно света Божья,
Безвыходность тоски вдвойне
С пустыней моря схожа.

Она была так дорога
Ему чертой любою,
Как морю близки берега
Всей линией прибоя.
<…>
И вот теперь ее отъезд,
Насильственный, быть может.
Разлука их обоих съест,
Тоска с костями сгложет.

И человек глядит кругом:
Она в момент ухода
Все вывоpотила вверх дном
Из ящиков комода.
<…>
И, наколовшись об шитье
С невынутой иголкой,
Внезапно видит всю ее
И плачет втихомолку.

1953

Конечно, ни стихи Евангельского цикла, ни «Август» цензура не пропустила в сборник. В июне 1954-го Борис Леонидович получил письмо от старшего сына Евгения. Тот хвалил в целом стихи, но писал, что ему не понравилась «Разлука», где проведены формально какие-то сравнения и что-то в этом роде[100].

Боря показал мне это письмо и говорит:

— Посмотри, как он примитивен, а ведь ему уже 30

лет. Да, — добавил он, — тот случай малодушия, когда Евгений по указанию Зины приезжал нас разлучить, показал: когда станет трудно — не рассчитывай на него.

К несчастью, это подтвердилось в дни травли Пастернака за Нобелевскую премию[101].

Я стала успокаивать Борю, говоря, что не все сыновья больших поэтов могут разбираться в поэзии. Ведь природа, пошутила я, часто отдыхает на потомках.

— Но здесь она отдыхает слишком откровенно, — мрачно произнес Боря. Он показал мне письмо с отзывом на стихи Евгения, где, на мой взгляд, были какие-то сухие фразы и проявлялось раздражение Пастернака. — Ведь у него нет не только дара к стихописанию, но даже простых способностей. А Женя[102] хочет, чтобы я писал Евгению какие-то учтивые слова, — с досадой говорил Боря.

— Прошу тебя, — обратилась я к Боре, — сегодня мой день рождения (27 июня 1954 года. — Б. М.), не посылай это письмо, не огорчай сына.

— Опять ты его защищаешь. Ну хорошо, оставь пока письмо у себя. Я думаю, еще будет причина, тогда и пошлю, — согласился он.

Такой причины при жизни Пастернака не возникло, а после нобелевской травли, когда в октябре 1958-го Евгений предал отца, Борис Леонидович резко ограничил с ним общение и, как мне помнится, никогда больше писем ему не писал. А письмо от 27 июня 1954 года у меня изъяли при аресте вместе с десятками других писем, КГБ передал их в ЦГАЛИ[103]. Карандашный автограф стихотворения «Разлука» также находится в ЦГАЛИ.

Я спросил у Ольги Всеволодовны, занимался ли Пастернак когда-нибудь подробным анализом чьих-либо стихов. Она ответила:

Пастернак всегда говорил, что не является специалистом, чтобы оценивать стихописания других. Но, когда его захватывали чьи-то стихи, то он реагировал сразу. В 20-х годах Борис Леонидович написал восторженное письмо Марине Цветаевой по поводу ее сборника «Версты». В 1942-м Боря увлекся в Чистополе стихами Марии Петровых, организовывал их читку среди круга эвакуированных писателей и знакомых. Но к советским поэтам у него было отношение отстраненное,

их стихи он не читал.

Впервые в 1953 году Боря с интересом прочитал две тетрадки стихов, присланных ему Варламом Шаламовым из колымского концлагеря. Пастернак провел тщательный разбор этих стихов и написал автору обстоятельное письмо. Освободившись из лагеря, Шаламов приехал к Пастернаку, чтобы продолжить разговор о поэзии. С весны 1956-го Варлам, с которым я работала в журнале с начала 30-х годов, стал приезжать к нам в Измалково.

Помню также, как летом 1958 года Тамара Иванова попросила Бориса Леонидовича посмотреть стихи Комы[104], на что Боря с охотой откликнулся. Он внимательно прочитал несколько десятков стихотворений и показывал мне понравившиеся ему места, а затем передал Коме большое письмо с анализом его стихов.

Боря выделил несколько примеров интересных рифм и строф. Он также отметил частую потерю мысли в стихотворении в угоду звонкой рифме. В анализе содержалось важное указание на вторичность стихов Комы, на подражание другим поэтам, включая и самого Пастернака. Это привело, на мой взгляд, к твердому решению Комы стихов больше не писать и полностью посвятить себя науке.

«ХМЕЛЬ», «БЕССОННИЦА», «ПОД ОТКРЫТЫМ НЕБОМ», «БЕЛАЯ НОЧЬ»

Ольга Ивинская в нашей беседе о стихах, написанных Пастернаком «между Измалковым и Переделкиным», вспоминала:

> Возле серебристых ив измалковского пруда и плакучих берез нашей деревеньки, после долгих прогулок по переделкинским холмам и лесным опушкам вереницей рождались стихи. В дни с короткими летними грозами нам всегда помогал Борин плащ, который мы расстилали под мохнатой елью или ракитой и, тесно прижавшись, сидели и вдыхали наполненный грозою воздух. А теплый скоротечный дождик будто осенял нашу любовь. Однажды под таким летним дождиком, глядя на вьюнки, обвившие молодую поросль ракиты, Боря говорит:

— Эти деревца будто хмелем обвиты, так меня пьянит воздух вокруг тебя.

В тот день в нашей избушке Боря написал мне на листке карандашом прелестное стихотворение «Хмель».

Уходя вечерами на Большую дачу, Боря каждый раз просил меня не уезжать в Москву, а если были срочные дела, то возвращаться рано утром к его приходу в наш измалковский домик:

— Мне хорошо пишется, когда ты рядом, а без тебя тревожно и грустно.

Бессонные ночи Бори на Большой даче стали ложиться в строки стихотворения-ожидания «Бессонница». Его он написал на рассвете и сразу принес мне, сказав, что слышал хлесткий звук кнута измалковского пастуха, который уже в пять часов утра выгонял стадо коров местных жителей. Эти стихи вместе с маленьким «Ветром», которое Боря называл «Ольге», и стихотворением «Под открытым небом», также со вторым названием — «Молитва», он хотел включить в некий цикл под названием «Колыбельная песня».

В состав этого цикла включено было и стихотворение «Белая ночь», где нашли отражение эпизоды наших встреч на Потаповском и вечерние разговоры на подоконнике моей комнатки. В нем запечатлен мой рассказ о том, как мы жили в Курске, и эпизоды наших поздних расставаний, когда уже зажигались фонари в переулке.

Эти стихи предназначались для тетради Юрия Живаго. Но уже в начале 1955-го, после тщательного отбора, в тетрадь Юры из «колыбельной» группы стихов не вошли «Бессонница» и «Под открытым небом». Общее название «Колыбельная песня» было отвергнуто как невыразительное и не отражающее состояния нашей с Борей радости и жажды жизни.

В письме к Нине Табидзе от 30 сентября 1953 года, куда были вложены новые стихи, Пастернак напишет:

Стихи, которые у Вас есть, так же, как и эти, можете давать читать кому угодно, если хотите и Г. Г.[105] Он только знает двух «соловьев», «Белую ночь» и «Весеннюю распутицу», а «Августа» и остальных не знает. Если он спросит, кто это все, Вы ему скажите, что, наверное, Зина, что Зина для меня бог и кроме нее у меня никого не было и не будет. Так должно быть для всех.

ХМЕЛЬ

Под ракитой, обвитой плющом,
От ненастья мы ищем защиты.
Наши плечи покрыты плащом,
Вкруг тебя мои руки обвиты.

Я ошибся. Кусты этих чащ
Не плющом перевиты, а хмелем.
Ну так лучше давай этот плащ
В ширину под собою расстелим.

1953

БЕССОННИЦА

Который час? <…> Наверно, третий.
Опять мне, видно, глаз сомкнуть не суждено.
Пастух в поселке щелкнет плетью на рассвете.
Потянет холодом в окно
<…>
А я один.
Неправда, ты
Всей белизны своей сквозной волной —
Со мной.

1953

БЕЛАЯ НОЧЬ

Мне далекое время мерещится,
Дом на стороне Петербургской.
Дочь степной небогатой помещицы,
Ты — на курсах, ты родом из Курска.

Ты мила, у тебя есть поклонники.
Этой белою ночью мы оба,
Примостясь на твоем подоконнике,
Смотрим вниз с твоего небоскреба.

Фонари, точно бабочки газовые,
Утро тронуло первою дрожью.
То, что тихо тебе я рассказываю,
Так на спящие дали похоже!
<…>
В те места босоногою странницей
Пробирается ночь вдоль забора,
И за ней с подоконника тянется
След подслушанного разговора…

1953

Ольга Всеволодовна дополнила свой рассказ о письме к Нине Табидзе:

> Борис Леонидович в этом письме обеспечивал очередную конспирацию, чтобы не вызывать раздражения у Зинаиды. Это было более чем наивно. Вся переделкинская писательская братия уже знала о моем возвращении из лагеря, а также о том, что мы с Пастернаком живем рядом и ежедневно встречаемся в Измалкове. О наших встречах с Борей оперативно сообщил Зинаиде в Москву возмущенный писатель Асеев[106].
>
> Узнав от Асеева эту «ужасную» новость, Зинаида попросила Евгения, сына от первой жены Бориса Леонидовича, поехать в Переделкино, «чтобы прекратить наши встречи». Тот с готовностью ринулся исполнять это указание. Борис Леонидович был так возмущен малодушием Евгения, что в гневе прогнал его с Большой дачи[107].

«АВГУСТ»

Об этом символическом стихотворении Ольга Ивинская рассказывала особенно подробно:

> После перенесенного осенью 1952 года тяжелого инфаркта и долгого выздоровления Борис Леонидович часто думал о близкой смерти и боялся не успеть дописать роман, уйти из жизни, не высказав сокровенных мыслей. В июле 1953-го Боря писал в

письме к сестре Ольге Фрейденберг: «Надо умереть самим собой, а не напоминанием о себе. <…> Надо дописать роман и кое-что другое». Тогда уже Боря задумывал «Август» — стихотворение того месяца, когда согласно христианским канонам произошло Преображение Господне. Он говорил, что это должно стать порогом, за которым уже лишь Провидение будет давать силы писать задуманное, как проявление чуда, которое может оборваться вдруг и навсегда. Когда мы, любуясь окрестностями, гуляли с Борей около Измалкова, радуясь нашей близости и покою, он часто в яркий солнечный день повторял:

— Боже, неужели это может длиться долго? Неужели я опять с тобой, Олюшка? Боже, ты видишь, как теперь мне надо жить и писать!

В своей книге Ивинская особенно подробно пишет об «Августе»:

Хорошо помню августовский день 1953 года, когда Боря принес мне свой «Август»:

Мне снилось, что ко мне на проводы
Шли по лесу вы друг за дружкой.

Суеверный, опасаясь моего суеверия, он тут же пытался оправдать свое преждевременное прощание с жизнью и успокоить меня. «Пойми, — говорил он, — это сон. И если я его записал на бумаге, он не исполнится. Но как хорошо умереть в такое благодатное время!» Боря читал мне «Август» со слезами на глазах, и я тоже не удержалась от слез.

<…> Многое из того, что Борис Леонидович предсказал в «Августе», произошло после его трагической смерти 30 мая 1960 года. Стихотворение «Август» много раз звучало над могилой Пастернака в день его похорон 2 июня. Тысячи поклонников поэта пришли к его дому в Переделкине и провожали до могилы. Несмотря на молчание газет и радио о дне и часе похорон, на атмосферу тотального надзора, пришло несколько тысяч человек, и «шли толпою, врозь и парами». Конечно, отсутствовала на похоронах вся сановная писательская верхушка, травившая Пастернака в дни нобелевского шабаша. Надзор осуществлял лично

Воронков, а также чины из КГБ[108].

<…> Сыновья не говорили прощальных слов над могилой отца. Лишь Валентин Фердинандович Асмус, преодолев страх, сказал короткую речь над гробом Пастернака[109].

<…> Когда гроб засыпали землей, у могилы осталось много молодежи. Читали стихи Пастернака допоздна, пока вдруг не хлынул очищающий дух всей округи летний, безудержный ливень.

С той поры каждый год в день смерти Бориса Леонидовича 30 мая приезжают в Переделкино люди из разных краев света и обязательно читают над могилой Пастернака величественный «Август»[110].

— Это многострочное стихотворение Боря специально переписал для меня чернилами убористым почерком на один лист. Его также отняли у меня при аресте и упрятали в ЦГАЛИ, — вспомнила Ольга Всеволодовна.

АВГУСТ

Как обещало, не обманывая.
Проникло солнце утром рано
Косою полосой шафрановою
От занавеси до дивана.

Оно покрыло жаркой охрою
Соседний лес, дома поселка,
Мою постель, подушку мокрую
И край стены за книжной полкой.

Я вспомнил, по какому поводу
Слегка увлажнена подушка.
Мне снилось, что ко мне на проводы
Шли по лесу вы друг за дружкой.
<…>
Был всеми ощутим физически
Спокойный голос чей-то рядом.
То прежний голос мой провидческий
Звучал, нетронутый распадом.

«Прощай, лазурь Преображенская,
И золото второго Спаса.
Смягчи последней лаской женскою
Мне горечь рокового часа.

Прощайте, годы безвременщины!
Простимся, бездне унижений
Бросающая вызов женщина!
Я — поле твоего сраженья.

Прощай, размах крыла расправленный,
Полета вольное упорство,
И образ мира, в слове явленный,
И творчество, и чудотворство».

1953

МАЛЕНЬКИЙ «ВЕТЕР» («ОЛЬГЕ»)

В нашей беседе с Ольгой Всеволодовной неожиданно раскрылась тайна этого стремительного стихотворения. Ее рассказ:

> С мая 1953 года я жила в деревне Измалкове и, зная распорядок действий Бори, часто приходила к мостику измалковского озера, чтобы его встретить. Свернув с дороги налево к озеру, Боря появлялся на его крутом берегу и спускался к мостику. Завидев меня, он радостно махал мне своей знаменитой кепкой, а к лету в его машущей руке уже красовалась светлая шляпа.
>
> После стихотворения «Август», ставшего, по словам Бориса Зайцева, одним из самых значительных стихотворений в русской поэзии о жизни и смерти, я высказала Боре упрек. Нельзя думать о смерти, когда мы снова вместе и жизнь возрождается как в сказке. Боря обещал мне написать что-то более жизнерадостное. И вот в августовский день жду его появления у мостика. Вижу Борю, который весело машет шляпой с того берега и кричит мне: «Написал, написал!» Я торопливо иду ему навстречу, он радостно целует меня и на мостике, на середине озера, читает: «Я кончился, а ты жива…»

Ольга Всеволодовна в свои 80 лет замечательно прочла это пронзительное стихотворение, и я в порыве говорю ей то, что всегда чувствовал:

— Вы знаете, на мой непросвещенный взгляд, две строки — «Как парусников кузова / На глади бухты корабельной» — в этом

стихотворении какие-то лишние. Они, как мне кажется, нарушают стремительный ритм стиха и снижают уровень выраженной в нем боли. Ивинская удивленно взглянула на меня и взволнованно сказала:

> Как верно вы это заметили! Борис Леонидович в 1959 году, когда мы читали зарубежное издание романа, сказал:
>
> — Эти строки о парусниках здесь совсем не к месту. Видна дань моим прежним увлечениям вычурностями в стихах, когда мы в 20-х годах стремились друг друга перещеголять. Олюша, когда меня уже не станет и ты будешь издавать в России роман, то в этом стихотворении строчки о парусниках убери[111]. И главное, назови стихотворение так, как оно действительно называется — «Ольге»! Ведь я его написал тебе, а назвал «Ветер», так как, ты знаешь, мне попало бы от Зины за название «Ольге». Поскольку у меня много всякого с названием «Ветер» и еще, если успею, напишу[112], то все поймут, что это стихотворение называется «Ольге».
>
> Все это так было похоже на методы конспирации Бориса Леонидовича! Под первоначальным, конспиративным названием «Колыбельная песня» я записала это стихотворение, которое прочитал мне Боря.

О многочисленных стихотворениях Пастернака с названием «Ветер» Ивинская говорила:

> Это название получили «Четыре отрывка о Блоке», появился «Ночной ветер», и был еще «Ветер» на листке с тремя выразительными строфами, которые мне очень нравились:
>
> По дому ходит привиденье,
> Под окнами растет лопух,
> И одуванчиков цветенье.
> По комнатам летает пух.
>
> И я от частых молний слепну,
> И тучи высятся в окне,
> И занавески раболепно
> Снуют, целуя руки мне.
> И это привиденье — лето
> Разгуливает в колпаке

Волшебником по кабинету,
Как чья-то тень на сквозняке.

Затем эти строфы вошли в стихотворение, получившее название «Июль».

Боря говорил:

— Ты для меня как обжигающий вихрь, а не ветер. Потому в череде «ветреных» стихов прошу тебя сохранить в твоем стихотворении единственно верное название — «Ольге»!

МАЛЕНЬКИЙ «ВЕТЕР» («ОЛЬГЕ»)

Я кончился, а ты жива.
И ветер, жалуясь и плача,
Раскачивает лес и дачу.
Не каждую сосну отдельно,
А полностью все дерева
Со всею далью беспредельной,
(Как парусников кузова
На глади бухты корабельной.)
И это не из удальства
Или из ярости бесцельной,
А чтоб в тоске найти слова
Тебе для песни колыбельной.

1953

«НЕДОТРОГА»

О рождении этого измалковского стихотворения Ольга Ивинская рассказала в своей книге:

Обустройством нашей комнаты в кузьмичевском доме в Измалкове я занялась ранней весной. С помощью моей кузины Милицы Николаевны сделала обстоятельный ремонт, обклеив комнату голубыми обоями. Плотный гобеленовый материал пошел на занавески и покрывало на тахту. На голубой столик стала моя изящная ночная лампа «Олимпия», поместилась ваза для цветов. А новый цветастый абажурчик с вечера наполнял комнату своим пестрым и

уютным светом.

Хорошо помню вечер рождения этого стихотворения. Я вернулась из издательства, где обсуждала вопрос выхода переводов Бори, и рассказывала о впечатлениях дня, а Борис Леонидович рассеянно слушал и что-то записывал на уголке стола. Потом стал увлеченно читать мне: «Недотрога, тихоня <…> ты опять вся — огонь, вся горенье». Все так и было: «наши тени и наши фигуры», неправдоподобно увеличенные на голубой стене, я — с ногами на тахте, и даже темные ягоды старинных бабушкиных гранатовых бусин на моих коленях.

На книге переводов стихов Пастернака периода 1956–1959 годов, изданной в Германии к его юбилею, он написал мне: «Олюша, на стр. 69 твое стихотворение. 17 февраля 1960 г.»

На этой странице была опубликована «Недотрога»[113].

Ольга Всеволодовна вспоминала подробности, связанные с «Недотрогой»:

Боря читал в Измалкове стихи из сборника на немецком, а затем на русском языке, отмечая большое искусство переводчика в сохранении ритма и музыки стиха. Помню, Борю особенно восхитил ход немецкого переводчика Кайля, который заменил слово в его стихотворении на слово, в прямом переводе другое по смыслу, но гармоничное по ритму стихотворения и более яркое в поэтическом звучании. «Этот Кайль — сам талантливый поэт, — восхищался Пастернак. — Конечно, хороший перевод стихов на другой язык может сделать только тот, кто сам пишет хорошие стихи».

Боря поручил мне отправить издателю в Германию его восторженное письмо.

В одной из моих бесед с Митей, когда речь зашла о «Недотроге», я сказал, что читал в нескольких «женских» публикациях, в частности в книге воспоминаний Нины Муравиной о ее встречах с Пастернаком, утверждения, что «Недотрогу» поэт посвятил им. На это Митя остроумно заметил, что все гениальное воспринимается так, будто это написано только про тебя.

Он рассказал, что к маме обращались несколько поклонниц поэзии Бориса Леонидовича с претензиями на то, что поздние стихи — «Ева», «Недотрога», «Бессонница» и другие — якобы

посвящены им. Ольга Всеволодовна успокаивала их, говоря: «Я рада, что эти стихи вам очень нравятся. Считайте их только своими, так легче жить»[114].

В 1998 году в Париже Вадим Козовой говорил мне:

> Наговоры и сплетни о том, что Ольга Всеволодовна присваивает себе стихи, которые Пастернак посвящал другим женщинам, и что она сама придумала письма Пастернака к ней, зазвучали и в западной прессе, когда в 1994-м начался суд за архив Ивинской. Ведь никто этих писем живьем не видел. После смерти Ольги Всеволодовны в 1995-м этот бред принял истерические формы в устах советских пастернаковедов, действовавших по просьбе ЦГАЛИ. Конечно, это был оплаченный заказ на дискредитацию Ивинской, к которому причастна группа, захватившая ее архив.
>
> В первую очередь по этой причине в 1996 году я предложил представить на аукцион в Лондоне автографы писем Пастернака к Ивинской. Мы представили все письма Пастернака к Ольге, которые были опубликованы в книге «В плену времени» еще в 1978 году. Включенные в каталог аукциона, письма получили удостоверение юридической службы «Кристи» и обрели статус подлинных автографов Пастернака, адресованных Ольге. Это заставило замолчать многие злобные голоса[115].

Ариадна Эфрон после горячих нобелевских дней сказала про Ольгу: «Эта недотрога превращается в бесстрашную тигрицу, когда защищает жизнь и честь Бори».

НЕДОТРОГА

Недотрога, тихоня в быту,
Ты сейчас вся порыв, вся горенье.
Дай запру я твою красоту
В темном тереме стихотворенья.

Посмотри, как преображена
Огневой кожурой абажура
Конура, край стены, край окна,
Наши тени и наши фигуры.
Ты с ногами сидишь на тахте,
Под себя их поджав по-турецки.
Все равно — на свету, в темноте —
Ты всегда рассуждаешь по-детски.

За беседой ты нижешь на шнур,
Кучку с шеи скатившихся бусин.
Слишком грустен твой вид, чересчур
Разговор твой прямой безыскусен.
<…>
Разве хмурый твой вид передаст
Чувств твоих рудоносную залежь,
Сердца тайно светящийся пласт?
Ну так что же глаза ты печалишь?

1956

«ВО ВСЕМ МНЕ ХОЧЕТСЯ ДОЙТИ ДО САМОЙ СУТИ»

Подробный рассказ Ольги Ивинской:

С 1956 года наша жизнь с Борисом Леонидовичем в Измалкове полностью наладилась, стала упорядоченной и насыщенной, а доклад Хрущева на съезде

партии с разоблачениями преступлений Сталина и его окружения вызвали у Бори новый прилив сил и веры в нашу счастливую звезду. Роман «Доктор Живаго» написан, несколько экземпляров его было одето в переплет, и я отнесла их в редакции. Главную надежду мы возлагали на «демократа» Симонова, остававшегося главным редактором «Нового мира».

В разговорах измалковских соседей во время наших прогулок по берегу Самаринского пруда часто можно было слышать: «Это Борис Леонидович с женой прогуливаются». Тогда Боря говорил мне словами Юрия из романа: «Видишь, Олюшка, мы любим друг друга потому, что так хотят все вокруг. Наша любовь и для них радость и надежда на счастливую жизнь. Оттого и мне легко пишется, будто стихи выстроились „в ряд, гуськом, в затылок“ и раскрываются, как цветы в саду».

Когда стало известно, что роман закончен, к Борису Леонидовичу обратились с просьбой об издании «Доктора Живаго» из чехословацкого издательства и польского журнала. Позже польский журнал «Опинион» опубликует несколько глав из романа.

Госиздат предложил издать однотомник стихотворений Пастернака, и Боря принялся за него с

охотой. Начал он с того, что стал безжалостно отбрасывать все старые стихи, считая их усложненными, надуманными и вычурными. Мы с Николаем Банниковым[116] всеми силами сопротивлялись этому произволу Бори. Особенно удалась моя уловка пристыдить Борю ссылкой на эссе Цветаевой «Световой ливень», где она восхищенно отзывалась о стихах Бориса 1912–1920 годов, назвав его лучшим поэтом России с будущим. Тогда Пастернак согласился включить часть старых стихов в сборник. Он также хотел поместить в сборник весь цикл стихов Юрия под названием «Стихи из романа в прозе».

Пастернак с увлечением писал «Автобиографический очерк» как введение к сборнику, с подробными комментариями к стихам. В мае 1956-го Боря передал рукопись романа итальянскому коммунисту, сотруднику радио в Москве Серджо Д'Анджело, разрешив, если роман понравится, напечатать его в Италии, во Франции и в Англии.

Костя Богатырев рассказал мне, что присутствовал на Большой даче, когда Пастернак говорил итальянскому профессору Гатто, что пойдет на любые неприятности ради опубликования романа. Борис Леонидович поверил в неотвратимость перемен и свободы. Казалось, жизнь прекрасна и удивительна, и окрыленный поэт пишет в Измалкове знаменательное стихотворение «Во всем мне хочется дойти до самой сути».

Ирина в своей книге «Пастернак и Ивинская» вспоминает день рождения первых строк этого стихотворения.

Зима. На даче Кузьмича в Измалкове ожидают прихода Бориса Леонидовича. Ирина пишет:

Зимой, когда можно было идти прямо по льду пруда, дорога занимала минут пятнадцать-двадцать. Хорошо было из промозглой, морозной темноты попасть в три квадратных метра нашего теплого и уютного жилья, освещаемого оранжевым шелковым абажуром, привалиться спиной к жаркой печке, около которой дремали разомлевшие кошки.

Синий сугроб завалил окошко, оставив лишь в верхнем углу его немного места для потрясающе круглой высокой зимней луны. Мы с мамой сидим, поджав по-турецки ноги, на каком-то подобии тахты. Каждый звук за окном слышен четко и гулко. Вот — торопливая

пробежка мимо окна, стук обледенелых лап по крыльцу, и в комнату влетает, распугивая кошек, замерзший мокрый Тобик[117], часто сопровождающий Бориса Леонидовича в его прогулках. В конце палисада движется желтое пятно фонарика, и на крыльцо поднимается, обязательно отряхнув веничком белые круглые валенки, Борис Леонидович. Помогаем ему раздеться. Скоро от горячего воздуха лицо его делается красным, глаза блестят, он кажется фантастически молодым. Мы выслушиваем целый монолог о том, как поразил его своей непререкаемой законченностью строй озаренных луной сосен, как родственны поэзия и мир природы, что стихи надо писать так, как сажают деревья. <…>

И ему хочется написать об этом, связав поиски законченности в мире слов и в мире растений. <…> Он читает обрывки строк: «Я б разбивал стихи, как сад…» — эта строчка родилась первой. Мама подсовывает ему карандаш и лист бумаги, на котором записывается одна строка, потом другая.

<…> Когда Борис Леонидович уходит в сопровождении Тобика, мы долго видим желтое пятно, прыгающее по синим сугробам и исчезающее на том берегу пруда[118].

***

Во всем мне хочется дойти
До самой сути.
В работе, в поисках пути,
В сердечной смуте.

О, если бы я только мог
Хотя отчасти,
Я написал бы восемь строк
О свойствах страсти.

О беззаконьях, о грехах,
Бегах, погонях,
Нечаянностях впопыхах,
Локтях, ладонях.
<…>
Я б разбивал стихи, как сад.
Всей дрожью жилок

Цвели бы липы в них подряд,
Гуськом, в затылок.

В стихи б я внес дыханье роз.
Дыханье мяты,
Луга, осоку, сенокос,
Грозы раскаты.
<…>
Достигнутого торжества
Игра и мука —
Натянутая тетива
Тугого лука.

1956

ВРЕМЕНА ГОДА В СТИХАХ ПАСТЕРНАКА

В один из дней нашей встречи на Вятской улице я спросил у Ольги Всеволодовны:

— Пастернак написал столько замечательных стихов о разных временах года, и все же какое время года он любил больше других?

Ивинская задумалась ненадолго:

> Пожалуй, Боре ближе была осень. Многие гениальные поэты предпочитали осень. Но объяснял он это в большей мере тем, что осенью мы становились свободнее в ежедневных встречах в Измалкове — все домашние перебирались в Москву. «Природа во всяком своем периоде расцвета или увядания всегда неожиданна и прекрасна, как женщина», — говорил Боря, читая мне новое стихотворение. Например, стихотворение «Весна в лесу» было написано после его поиска короткого пути с Большой дачи ко мне в Измалково. Он шел ко мне ранней весной, когда еще властвовали заморозки. Борин путь вился по извилистой тропинке, проходя через калитку в темном углу сада Большой дачи, среди уже сереющих пятен наполовину растаявшего снега.
>
> Из этих серых снежных бугорков вылезал на божий свет мусор, торчали ветки, упавшие зимой с деревьев, и темнела пожухлая листва. Спустившись в овраг к речке Сетуни, Боря переходил ее по узкому мостику и поднимался вверх некрутым косогором прямо к

главному шоссе, ведущему ко мне в Измалково.

В ясные весенние дни, когда воздух был чист и прозрачен, а солнце сильно припекало, Боря шел быстро, сняв шарф и распахнув пальто. На кузьмичевском дворе его ждала встреча с ярким петухом и сонмом кур, клевавших первую зеленеющую травку. Я встречала распахнутого Борю, и после объятий и поцелуев мы часто садились рядом на уже прогретое солнцем деревянное крылечко и, тесно прижавшись, любовались оживавшими под солнечными лучами землей и садом.

Помню, проходило немного времени, и солнце перекатывалось за крышу дома, а нас накрывала тень. Становилось зябко и прохладно, что заставляло нас еще теснее прижиматься друг к другу. Тогда Боря непременно напоминал: «Как мудро говорит народ о ранней весне: наступил марток — надевай сто порток».

Конечно, такие зарисовки попадали в светлые и живые стихи Бори: «Весна в лесу», «Заморозки».

ВЕСНА В ЛЕСУ

Отчаянные холода
Задерживают таянье.
Весна позднее, чем всегда,
Но и зато нечаянней.

С утра амурится петух,
И нет прохода курице.
Лицом поворотясь на юг,
Сосна на солнце жмурится.
<…>
В лесу еловый мусор, хлам,
И снегом все завалено.
Водою с солнцем пополам
Затоплены проталины…

1956

«СТОГА»

Рассказ Ольги Ивинской:

В жаркие дни лета мы с Борей уходили на опушку

Баковского леса или в поля, где высились скирды сена, отбрасывавшие широкую тень и источавшие терпкий аромат травы. Боря любил раскинуться на мягком сене, вдыхая его пьянящий запах, и, вытянув руки над головой, выставлял пальцы раскрытых ладоней, ожидая, когда на них сядут кружившие в звенящем воздухе синие стрекозы. Он с восхищением вглядывался в голубизну неба с парящей птицей и медленно плывущими, взбитыми, как густая мыльная пена, облаками. Глядя на вольно разбросанные по полю стога сена, замечал: «Смотри, Олюшка, стога стоят, как облака».

На вечерней прогулке, заметив, как месяц прячется за темным силуэтом стога сена, Боря говорил: «Вот и месяц зарывается в стог, на ночлег устраивается». Удивительная образность его определений искрилась в дорогих мне измалковских стихах, а природа всегда была сестрой его и жизнью.

Об этом волшебном свойстве поэзии Пастернака, неожиданно открывающей тайны на обыденные на первый взгляд причуды природы, говорил мне Паустовский при нашей встрече после смерти Бори. Константин Георгиевич повторял слова, сказанные об английском поэте Шелли: «Он смотрит на природу с такой серьезной и напряженной любовью, что она платит ему взглядом за взгляд. Она говорит ему: „Ты меня знаешь, другие не знают меня <…> от красоты травинки или нежнейшего тающего оттенка облака до сердца человека и мистического духа вселенной“. Все эти слова в полной мере относятся к поэзии Пастернака».

Константин Георгиевич был выдающимся мастером описания яркой русской природы. Его особой чести удостоилась цветаевская Таруса — «колыбель русскости ее поэзии», как это определила Ариадна. Тема природы в произведениях Пастернака не раз возникала в наших беседах с Константином Георгиевичем во время моего недолгого пребывания у Ариадны в Тарусе после смерти Бори.

На мой вопрос, есть ли автограф этого стихотворения, Ивинская сказала, что стихотворение «Стога», впервые записанное Борей карандашом вечером в Измалкове, оставалось в ее архиве. При аресте его изъяли.

СТОГА

Снуют пунцовые стрекозы,
Летят шмели во все концы.
Колхозницы смеются с возу,
Проходят с косами косцы.
<…>
Стог принимает на закате
Вид постоялого двора,
Где ночь ложится на полати
В накошенные клевера.

К утру, когда потемки реже,
Стог высится, как сеновал,
В котором месяц мимоезжий,
Зарывшись, переночевал.

Чем свет телега за телегой
Лугами катятся впотьмах.
Наставший день встает с ночлега
С трухой и сеном в волосах…

1957

«ЗАМОРОЗКИ»

Относительно этого стихотворения Ольга Ивинская делала следующие пояснения:

> Осенью, когда начинались заморозки, Боря часто уходил рано утром из нашей измалковской избушки по заиндевелой тропинке, петляющей меж перекопанных картофельных делянок с остатками торчащей ботвы. Мне он позволял идти с ним лишь до мостика Самаринского пруда, где мы встречали появление солнца, пробивавшегося сквозь утреннюю дымку. Лишь в зимние, ясные утра Боря разрешал мне провожать его, переходя через мостик пруда и далее по дороге в Переделкино до поворота на улицу Павленко. «Живу на улице, — говорил Боря, — где у меня никогда не было счастья»[119].
>
> В дни поздней осени, пройдя по хрустящей под ногами тропинке, мы останавливались у мостика, и когда солнце уже начинало пробиваться сквозь туман. Боря, крепко поцеловав меня, ступал на дощатый настил и решительно говорил: «Уже пора, солнце принялось за

свою работу, и я должен идти писать, чтобы заработать встречу с тобой». Я ждала, когда он проплывет в белесом тумане по мостику и, взбежав на высокую часть того берега пруда, помашет мне рукой. Иногда мне удавалось даже проследить движение его силуэта направо по дороге, как на картинах импрессионистов.

ЗАМОРОЗКИ

Холодным утром солнце в дымке
Стоит столбом огня в дыму.
Я тоже, как на скверном снимке,
Совсем неотличим ему.

Пока оно из мглы не выйдет,
Блеснув за прудом на лугу,
Меня деревья плохо видят
На отдаленном берегу.

Прохожий узнается позже,
Чем он пройдет, нырнув в туман
Мороз покрыт гусиной кожей,
И воздух лжив, как слой румян…

1956

Мне снова становилось грустно и зябко, и я быстро возвращалась в избу, чтобы разбирать Борины рукописи, готовя их к перепечатке на машинке. Марина Казимировна Баранович была любимой машинисткой Бори, так как печатала быстро, тщательно и вдумчиво. Боря часто писал Баранович записки и просил передать ей на словах уточнения, чтобы я донесла его мысль как можно полнее.

Борю интересовало мнение Баранович, которая с интересом следила за жизнью героев романа. Пастернак просил в записках подробно написать ее мнение о прочитанном. Особенно его интересовало мнение Баранович о второй книге романа.

В одном из писем Борис Леонидович написал ей: «Отдаю судьбу рукописи и на Ваше усмотрение». Пастернак всегда радовался письмам от близких ему по духу людей, к которым относил и Марину Казимировну, и не хотел, чтобы их письма приходили на Большую дачу

или в Лаврушинский. Он просил друзей писать на мой адрес — на Потаповский, предупреждая, чтобы на конверте не упоминалась его фамилия. Боря не желал лишних разговоров с Зинаидой о доносах, которые регулярно поставлялись на Большую дачу доброжелателями[120].

«ТИШИНА»

Ольга Всеволодовна рассказала мне об одной примечательной встрече в лесу, послужившей толчком к рождению стихотворения «Тишина»:

> В процессе наших блужданий в окрестностях деревни часто мы незаметно выходили на опушку леса. Шли, тихо беседуя, медленно через кустарник, встречая живописные полянки, переходя мелкие лесные ручейки, любуясь палитрой красок усыпанного пестрой листвой осеннего леса. Мы будто ступали по пестрому лоскутному одеялу, сотканному искусной рукодельницей — осенью. Покой и тишина умиротворенной природы дарили нам неожиданные встречи. Уже знакомых белок было у нас с десяток. Не раз вылетал прямо из-под наших ног будто игравший с нами в прятки крупный заяц. Боря по этому поводу иногда вопрошал: «Уже более часа блуждаем, а нашего косого так и не отыскали. Неужели наконец-то научился прятаться?»
>
> Однажды мы вышли на светлую лесную полянку, где тихой музыкой лилось журчание ручейка. Мы остановились и, обнявшись, застыли, слушая нехитрую его мелодию, но вдруг нас насторожил негромкий треск переламываемых кем-то веток. Треск ритмично повторялся, и мы увидели, что на другой стороне поляны, совсем близко, в гуще коричневатой сетки кустов и веток стоит лось.
>
> Причем махина его тела недвижима, лишь мерно колышется голова и, как игрушечные жернова, движутся губы. И, будто задевая струны-ветки, эти губы размеренно обрывают их, вызывая негромкий хруст. Я зачарованно и испуганно уставилась на лося, а Боря крепче сжал меня и шепчет: «Тихо, тихо», пятясь назад за деревья, чтобы не спугнуть хозяина леса. Когда мы, взволнованные, вернулись в свою теплую комнату, Боря

сразу стал что-то записывать в тетрадке, приговаривая: «Эту встречу надо обязательно описать».

Дня через два Боря принес и прочел мне стихотворение «Тишина». Я спросила его:

— А почему ты думаешь, что это была лосиха, а не лось?

— У нее не было рогов, а глаза — очень красивые, — улыбнулся Боря. — Это еще раз говорит о правоте народной пословицы «у страха глаза велики», — смеясь, добавил он.

Действительно, я, видимо, от страха, не смогла запомнить, были ли рога у лесного зверя, а у Бори неожиданная встреча вызвала только восхищение статью лесной красавицы. Так родилось стихотворение «Тишина». Карандашная запись этого стихотворения, сделанная Борей в Измалкове, хранилась в моем архиве.

ТИШИНА

Пронизан солнцем лес насквозь.
Лучи стоят столбами пыли.
Отсюда, уверяют, лось
Выходит на дорог развилье.
<…>
Действительно, невдалеке
Средь заросли стоит лосиха.
Пред ней деревья в столбняке.
Вот отчего в лесу так тихо.
Лосиха ест лесной подсед,
Хрустя обгладывает молодь.
Задевши за ее хребет,
Болтается на ветке желудь.
<…>
Во всем лесу один ручей
В овраге, полном благозвучья,
Твердит то тише, то звончей
Про этот небывалый случай.

Звеня на всю лесную падь
И оглашая лесосеку,
Он что-то хочет рассказать
Почти словами человека.

1957

«ЕВА»

В одной из наших бесед с Ольгой Ивинской я сказал, что восхищен стихотворением «Ева», поразительно нежно и страстно говорящем об очарованности поэта женщиной. И Ольга Всеволодовна стала рассказывать.

> В «Еве» отразился фрагмент нашей летней измалковской жизни. Особо жаркие часы летом мы нередко проводили на берегу Самаринского пруда, в его правой части, где находились пляжи измалковских обитателей. Боря очень любил мои купанья в пруду, хотя я плохо плавала и даже дважды тонула — благо обилие пловцов обеспечивало и обилие спасателей.
>
> Сидя вблизи воды на траве, Борис Леонидович с восхищением наблюдал за силуэтами женщин, выходящих из пруда. Он никогда не купался сам, а лишь снимал свои легкие туфли и иногда ходил по воде вдоль берега озера. Если я хватала его за руку и тянула вглубь, он всегда радостно сопротивлялся и говорил: «Как хорошо я понимаю сказочников, которые пишут о русалках, увлекающих влюбленных в омуты».
>
> Отражения облаков, плывущих в зеркале озерной глади, живо ассоциировались у Бори с сетями местных мальчишек. Они ловили в пруду мелкую рыбешку, заводя свои самодельные сети под камышовые берега озера. «Ева» наполнена любовью к красоте жизни, в ней отразилось Борино восхищение картинами, которые он наблюдал на берегу Самаринского пруда в летние дни нашей счастливой жизни в Измалкове.

Затем Ивинская вспомнила:

— Как нам рассказала знакомая из редакции журнала, Анна Ахматова, услышав стихотворение «Ева», с досадой воскликнула: «Ну как так можно писать в таком возрасте?!» Узнав об этой реакции Ахматовой, Боря с юмором заметил: «Анна Андреевна так хорошо знает Пушкина, но забыла, что любви все возрасты покорны».

ЕВА

Стоят деревья у воды,
И полдень с берега крутого
Закинул облака в пруды,

Как переметы рыболова.
<…>
И в это небо, точно в сети,
Толпа купальщиков плывет —
Мужчины, женщины и дети.

Пять-шесть купальщиц в лозняке
Выходят на берег без шума
И выжимают на песке
Свои купальные костюмы.

И наподобие ужей
Ползут и вьются кольца пряжи,
Как будто искуситель-змей
Скрывался в мокром трикотаже.

О женщина, твой вид и взгляд
Ничуть меня в тупик не ставят.
Ты вся — как горла перехват,
Когда его волненье сдавит.

Ты создана как бы вчерне,
Как строчка из другого цикла.
Как будто не шутя во сне
Из моего ребра возникла.

И тотчас вырвалась из рук
И выскользнула из объятья,
Сама — смятенье и испуг
И сердца мужеского сжатье.

1956

«Я ЛЬНУЛ КОГДА-ТО К БЕДНЯКАМ»

В одной из наших бесед о стихах я спросил Ольгу Ивинскую:

— Почему стихотворение «Я льнул когда-то к беднякам» было написано в 1956 году? Тогда, казалось, все в жизни удачно складывалось: вы постоянно вместе, Пастернак закончил роман, вышел блистательный перевод «Фауста» Гете, родились волшебные стихи любовной лирики и Леня уже поступил в университет[121].

Ольга Всеволодовна стала мне разъяснять:

— Именно завершив роман, который уже несколько месяцев лежал в редакциях без какой либо реакции, Боря отчетливо понял, что его истинные мысли и воззрения на революцию и советский строй никогда в Стране Советов не напечатают. Он твердил: «Я не люблю нашу интеллигенцию за раболепие перед силой и половинчатость. Это какие-то полулюди».

В своей книге Ивинская написала:

> Говоря об «Иване Грозном» Эйзенштейна, считавшемся одним из шедевров советской кинематографии, Борис Леонидович возмущался попыткой оправдать и возвеличить опричнину, что в то время импонировало Сталину, оправдывая его неслыханные жестокости и казни. «Какая подлость! Какие они свиньи — и Эйзенштейн, и Алексей Толстой!» — негодовал Борис Леонидович. Патриотизм Пастернака контрастировал с казенным патриотизмом советских писателей, которые утверждали, что «этот небожитель не был социальным поэтом». Однако еще Максим Горький в своем письме писателям говорил о Пастернаке[122]: «Это — голос настоящего поэта, и — социального поэта в лучшем и глубочайшем смысле понятия».
>
> Пастернак своим романом решился на одно из самых волнующих и трагических в середине XX века сражений духа против насилия. И потому стихотворение «Я льнул когда-то к беднякам» вырвалось из его души, когда главный труд всей жизни — роман «Доктор Живаго» — лежал и ждал решения своей судьбы от тех, кому «с давних пор Пастернак был уже не верен».

Я льнул когда-то к беднякам —
Не из возвышенного взгляда,
А потому что только там
Шла жизнь без помпы и парада.
<…>
И я старался дружбу свесть
С людьми из трудового званья,
За что и делали мне честь,
Меня считая тоже рванью.
<…>
И я испортился с тех пор,
Как времени коснулась порча.
И горе возвели в позор,
Мещан и оптимистов корча.

Всем тем, кому я доверял,
Я с давних пор уже не верен.
Я человека потерял
С тех пор, как всеми он потерян.

1956

«ПРОБЛЕСК СВЕТА»

Во время наших бесед Ольга Всеволодовна обратила мое внимание на стихотворение «Проблеск света». Оно оказалось связано с жизнью и «колымской мечтой» Варлама Шаламова. Об этом подробно и трогательно написала Ирина Емельянова[123]:

> В начале 30-х годов, после первой отсидки в лагере, Шаламов был редактором журнала «За овладение техникой», где литературным сотрудником работала совсем молоденькая Ольга Ивинская. Ее очерки в журнале публиковались. Там они встретились в первый раз. От этого знакомства до первых писем из Туркмена — дистанция в 20 лет. <…> После возвращения из долгой колымской каторги Шаламов вынужден жить за 101-м километром от Москвы, устроившись агентом по снабжению на решетниковском торфопредприятии в поселке Туркмен Тверской области. Оттуда он пишет Ольге Ивинской робкое письмо:
>
> «Дорогая Ольга Всеволодовна! Если Вы помните меня и сохранили интерес к стихам, то прошу Вас мне написать. Я мог бы показать Вам кое-что, заслуживающее внимания. В Вас я всегда видел человека, **который чувствует правду поэзии.** Более 20 лет мы не виделись. <…> Но — и без стихов и без рассказов — я хотел бы видеть Вас. 20 марта 1956 года».
>
> Шаламов с нетерпением и тревогой ждет ответа от Ольги. Тогда им написаны волнующие строки:
>
> Сотый раз иду на почту,
> За твоим письмом…
> Мне теперь не спится ночью,
> Не живется днем.

Все годы, проведенные в колымских лагерях, он помнил и

любил Ольгу, ждал своего освобождения и встречи с ней. Удивительны превратности судьбы: на Колыме он носил с собою книжку стихов Пастернака, которая помогала ему спастись, давая веру и искру надежды на освобождение. Шаламов описал случай, когда он проехал зимой по северному бездорожью более 500 километров за каким-то письмом из Москвы. Наградой ему стало письмо от его любимого поэта Бориса Пастернака. Тогда Шаламов послал Пастернаку две рукописные книжечки своих стихов, написав в сопроводительном письме:

> «Примите эти две книжки, которые никогда не будут изданы. Это лишь скромное свидетельство моего бесконечного уважения и любви к поэту, стихами которого я жил в течение 20 лет. 22.02.52 г.
>
> *В. Шаламов».*

Пастернак пишет обстоятельное письмо с разбором его стихов, делая исключение для Шаламова первый раз в своей послевоенной жизни. В 1953 году Шаламов проездом посещает Пастернака в Переделкине. Разумеется, о любви и совместной жизни Пастернака и Ольги ему ничего известно не было.

Ольга отвечает на письмо Шаламова, приглашая в гости, и он приезжает на встречу с ней в Москву в Потаповский переулок. С весны 1956 года Шаламов бывает по субботам у Ольги в Измалкове, где встречается с Пастернаком. Поняв глубину их отношений, Шаламов ведет долгую беседу с Пастернаком и затем пишет удивительное письмо Ольге:

> Пос. Туркмен, 101-й километр от Москвы, 23 апреля 1956 г.
>
> Это — просто как кусочек дневника человека, которому второй раз в жизни судьба показывает его счастье в необычайном, фантастическом сплетении обстоятельств, которых никакому прославленному фабулисту не выдумать. <…> Дело в том (и это главное), что реально существует некий идеал, вяжущийся с душой, творчеством и жизнью поэта. <…> И этот идеал воплощается в реально существующей женщине, которая и делает из поэта — ПОЭТА! Эта живая женщина и есть свидетельство верности пути. <…>
>
> Я по-новому прочел ряд стихов Пастернака и с новой силой почувствовал то, что он говорил мне когда-то о честности поэтического чувства. За этот фантастический

узор, который вышила жизнь на моей судьбе 14 апреля 1956 года, я бесконечно ей благодарен. Она подняла на новую высоту человека, жизнь, идеи и творчество которого столь мне дороги.

Встречи в Измалкове открывают перед Шаламовым картину полного родства душ и любви Пастернака и Ольги. Но Шаламов не понимает, почему тогда Пастернак не женится на Ольге. Закаленный в концлагере, бескомпромиссный, он специально приезжает к Пастернаку в Переделкино для откровенного разговора. Результатом этого острого разговора стало его письмо к Ольге от 12 июня 1956 года:

> Люся, хорошая, дорогая моя. <…> То, что чуть не заставило меня разреветься на асфальтовой дорожке в Переделкине, становится с каждым часом все неотложней и острей. Люся, милая, думай обо мне побольше. Крепко целую тебя.
>
> *Твой В. Ш.*

Не выдержав муки встреч со своей «колымской мечтой», Шаламов 3 июля 1956 года, пишет Ивинской последнее письмо: «Дорогая Люся. <…> Счел за благо в Измалково больше не ездить. В. Ш.»[124]

Ольга Ивинская вспоминала:

> В 1965 году Шаламов рассказывал, что в апреле 1956-го Пастернак со слезами на глазах говорил ему в Переделкине: «Ольга — мое солнце, только она дает мне силы жить и писать. Но я не могу на ней жениться, я не должен отягощать ее жизнь своей болезнью и близкой смертью».
>
> Весной 1957 года Бориса Леонидовича неожиданно поразила тяжелая болезнь. В письме от 2 апреля из филиала Кремлевской больницы Боря писал: «Олюша, я не могу найти положения, в котором без боли мог бы написать тебе. <…> Это либо какая-то разрастающаяся опухоль, либо опухоль того участка спинного мозга, который управляет действиями нижних конечностей».
>
> А 6 апреля мне передали от Бори страшное письмо: «Дорогие Нина и Олюша[125]! Я страдаю физически неизъяснимо (нога, колено, поясница и все вместе), не сплю. Молите Бога о скорой смерти для меня, об избавлении от этой пытки, равной которой я никогда не

знал. <…> Олюша, живи и веди за меня дела совсем свободно, находи в этом поддержку и утешение. Целую тебя и плачу без конца».

В те дни я впервые молилась за Борю и плакала над его прощальными письмами, но Бог помог, и врачи сумели спасти его.

Возвращаясь к прощальному письму Шаламова, Ольга Всеволодовна рассказала:

Я показала письмо Боре. Он задумался, в глазах появилась печаль: «Шаламову опять не повезло. Но тебя дал мне Бог, и только он сможет отнять», — с напряжением произнес Боря. Через несколько дней он пришел ко мне в Измалково и сказал, что был в церкви, просил у Бога удачи Шаламову. А затем показал стихотворение «Проблеск света».

ПРОБЛЕСК СВЕТА

Чуть в расчистившиеся прорывы
Солнца луч улыбнется земле,
Листья ивы средь дымки дождливой
Вспыхнут живописью на стекле.

Я увижу за зеленью мокрой
Мирозданья тайник изнутри,
Как в цветные церковные стекла
Смотрят свечи, святые, цари.
<…>
О живая загадка вселенной,
Я великую службу твою,
Потрясенный и с дрожью священной,
Сам не свой, весь в слезах отстою.

1956

«КОГДА РАЗГУЛЯЕТСЯ»

Об этом стихотворении Ольга Ивинская говорила в тот же день, когда вспоминала подробности рождения стихотворения «Проблеск света».

Тема и рождение стихотворения «Когда разгуляется» также связаны с нашей встречей с Шаламовым. После колымской каторги ему как поднадзорному разрешили жить только за 101-м километром от крупных городов. Помню наши с Борей переживания за судьбу Варлама, когда он, после горького письма ко мне в июле 1956-го, уже не смог заставить себя приезжать в Измалково. После моего второго лагеря при нашей встрече Варлам говорил мне, что его сердце разрывалось от тоски и горечи. После отказа Шаламова приезжать в Измалково Боря несколько раз ходил в Переделкинскую церковь Преображения Господня и молился за удачу Шаламова в жизни, за его озарение любовью к женщине. Боря даже беседовал об этом с батюшкой, прося снять тяжесть с его души. Только после нескольких посещений храма сошла эта тяжесть, которую Борис Леонидович называл «тайником вселенной».

Однажды, придя в Измалково из церкви, Боря спросил у меня: «Как же могло так случиться, чтобы десятки лет где-то на Колыме хранилась в сердце узника такая светлая память о тебе, Олюшка? Но Бог так рассудил и дал мне тебя, чтобы я одну тебя любил и хранил. Ведь из-за меня Сталин не разрешил тебя уничтожить, ведь правда», — утвердительно говорил Боря и облегченно вздыхал. «Когда я в храме слушаю службу, то слезы благодарности и счастья за нашу любовь всегда вызывают во мне священную дрожь» — это его состояние волнения от пережитого отразилось в стихотворении «Когда разгуляется»[126].

КОГДА РАЗГУЛЯЕТСЯ

Большое озеро как блюдо.
За ним — скопленье облаков,
Нагроможденных белой грудой,
Суровых горных ледников.
<…>
Стихает ветер, даль расчистив.
Разлито солнце по земле.
Просвечивает зелень листьев,
Как живопись в цветном стекле.
<…>
В церковной росписи оконниц
Так в вечность смотрят изнутри

В мерцающих венцах бессонниц
Святые, схимники, цари.
<…>
Как будто внутренность собора —
Простор земли, и чрез окно
Далекий отголосок хора
Мне слышать иногда дано.

Природа, мир, тайник вселенной,
Я службу долгую твою,
Объятый дрожью сокровенной,
В слезах от счастья отстою!

1956

«ВЕТЕР» («ЧЕТЫРЕ ОТРЫВКА О БЛОКЕ»)

Говоря с Ольгой Ивинской о стихах Пастернака, созданных в 1956 году, я спросил, по какому поводу в это время Борис Леонидович написал «Четыре отрывка о Блоке». 75-летие Александра Блока, которого высоко чтил Пастернак, уже миновало год тому назад. Интересно, что в этих «отрывках» подспудно звучит мысль о том, чтобы из Блока не делали мумию и самого Пастернака оставили в покое.

Ольга Всеволодовна подтвердила это впечатление от стихотворения:

> Верно, верно — это была главная тема стихов о Блоке. Тогда был напряженный период ожидания судьбы романа, который лежал в нескольких редакциях. Борю привлекли к работе в журнале «Литературная Москва», где вели дело дружественные ему Федин и Паустовский. Оба они хорошо приняли роман «Доктор Живаго». Поступали предложения от издательств из Польши и Чехословакии, куда Борис Леонидович также хотел передать роман для печати. Польский журнал «Опинион» в 1957 году первым опубликовал отрывки из «Доктора Живаго»[127]. При этом Боря понимал, что для советских издательств роман неприемлем, он станет «предвестником бурь и невзгод».
>
> В то время Борис Леонидович, предлагая в новый литературный журнал «Доктора Живаго», писал Паустовскому, что «все приглаженное и приемлемое уже

тысячекратно печаталось. Поэтому и надо печатать неприемлемое».

В один из дней осени 1956 года на мостике измалковского озера Боря сказал мне: «Ты мне верь: ни за что они роман не напечатают. Не верю я, что они на это решатся. Я пришел к убеждению, что роман надо давать читать на все стороны».

К этому состоянию протеста добавлялись раздражающие Пастернака требования окружения Большой дачи — прекратить компрометирующие его отношения с ранее осужденной антисоветской женщиной, которая к тому же не из их круга. Тогда же поступали советы переработать роман, сделать его ближе к жизни советского народа. Этот рефрен сплетен и завистливых доносов в среде Большой дачи и окололитературного бомонда постоянно сопровождал нашу жизнь. Пастернак в откровенных беседах и письмах говорил о своей отчужденности, которую он испытывает в кругу обитателей Большой дачи. Об этом он сообщал в письмах к сестрам в Англию и Ренате Швейцер в Германию. Это отмечала и Зоя Масленикова в своем дневнике о встречах и беседах с Борисом Леонидовичем.

Состояние разлада и непонимания с семейной и писательской средой и отразилось в стихах «Четыре отрывка о Блоке». Прочитав мне эти стихи, Борис Леонидович решительно заявил: «У них хватит ума понять, что это я пишу о нашей с тобой жизни, отвергая их бесцеремонное вмешательство в нее».

ВЕТЕР (ЧЕТЫРЕ ОТРЫВКА О БЛОКЕ)

Кому быть живым и хвалимым,
Кто должен быть мертв и хулим,
Известно у нас подхалимам
Влиятельным только одним.

Не знал бы никто, может статься,
В почете ли Пушкин иль нет,
Без докторских их диссертаций,
На все проливающих свет.

Но Блок, слава Богу, иная,
Иная, по счастью, статья.
Он к нам не спускался с Синая,

Нас не принимал в сыновья.

Прославленный не по программе
И вечный вне школ и систем,
Он не изготовлен руками
И нам не навязан никем…

1956

«ДОРОГА»

В мае 1990 года, в год столетнего юбилея Пастернака, мы с группой друзей поехали в Переделкино, где через забор посмотрели на Большую дачу, а затем пошли по улице Павленко и повернули направо на шоссе, как мне объясняла Ольга Всеволодовна, чтобы дойти до деревни Измалково.

Дорога ныряла вниз, а затем взлетела на холм, и уже после «фадеевского шалмана», перед самым Измалковым, шла по плотине Самаринского пруда. Примерно через 200–300 метров надо было свернуть влево и спуститься с пригорка прямо к старому деревянному мостику, перекинутому через озеро. Тогда он еще оставался прежним — скрипящим, помнящим, как ускорял шаг влюбленный поэт при виде своего солнца золотого, ждущего его с нетерпением на том берегу измалковского озера. Этот мостик и под нашими ногами изгибался и кряхтел, как кряжистый дед, не прерывающий связи Переделкина с Измалковым. Только в 2000 году мостик был перестроен, стал на металлические опоры и обзавелся новым деревянным настилом.

При очередном разговоре с Ивинской о стихах Пастернака измалковской поры я спросил:

— Скажите, а стихотворение «Дорога» не о той ли дороге из Переделкина в Измалково рассказывает?

— Конечно, — радостно откликнулась Ольга Всеволодовна, — об этой своей ежедневной дороге ко мне Борис Леонидович и написал стихотворение «Дорога». «Она это заслужила», — сказал Боря, прочитав мне его. В канве стиха — ее живая душа с извивами, спусками и взлетами, переходом по плотине и изломом в

месте поворота к измалковскому озеру. Часто, приходя осенью, Боря сообщал о встрече с утиной семьей, плывущей слева от плотины поуже холодеющей глади озера.

Когда я писал эти комментарии о «Дороге», к нам в гости пришла наша хорошая знакомая Ольга Лапина. Она много раз перечитывала книгу Ивинской «Годы с Борисом Пастернаком» и рассказала, что недавно была с экскурсией в Переделкине на Большой даче. Посетовала, что в музее нет ничего о важном периоде жизни и творчества поэта, связанном с Ольгой Ивинской, и спросила у одной из сотрудниц музея, каким коротким путем шел Борис Пастернак к Ольге Ивинской. Сотрудница смутилась и тихо сказала:

— Нам здесь запрещено об этом рассказывать, но я вам потихонечку покажу это место.

Они вышли на крыльцо Большой дачи, и сотрудница показала дорожку, ведущую в глубь сада, прочь от главного входа на дачу:

— Туда в летние дни, когда тропинка была сухая, а также ранней весной при заморозках, крепко державших наст, через калитку в заборе, которой теперь уже нет, уходил коротким путем Пастернак в Измалково к Ольге Ивинской.

После рассказа Ольги Лапиной я вспомнил слова Ивинской во время нашего разговора о стихотворении «Дорога»:

Иногда, приходя ко мне в Измалково с Большой дачи, Боря с иронией замечал:

— Знаешь, Олюшка, сегодня, направляясь к тебе, вступил в противоречие с сутью моего действия.

Услышав эти слова впервые, я спросила у Бори, какое противоречие, откуда оно берется. Боря пространно пояснил:

— Видишь ли, я иду к тебе, Олюшка, как к своему счастью. Но сегодня пошел не по улице Павленко, который придумал советское «Счастье»[128], а через калитку в заборе короткой дорогой, не выходя на улицу Павленко.

По дороге, которую запечатлел Боря в своем стихотворении, мы ходили с ним в дождь, жару и мороз сотни раз до поворота[129].

Стихотворение «Дорога» стало поэтическим памятником той

реальной дороге, по которой шел поэт к своей любимой женщине, к своему счастью.

ДОРОГА

То насыпью, то глубью лога,
То по прямой за поворот
Змеится лентою дорога
Безостановочно вперед.
<…>
Вот путь перебежал плотину,
На пруд не посмотревши вбок,
Который выводок утиный
Переплывает поперек.

Вперед то под гору, то в гору
Бежит прямая магистраль,
Как разве только жизни впору
Все время рваться вверх и вдаль.
<…>
А цель ее в гостях и дома —
Все пережить и все пройти,
Как оживляют даль изломы
Мимоидущего пути.

1957

«ЛИПОВАЯ АЛЛЕЯ»

Рассказ Ольги Ивинской о рождении этого стихотворения:

Летом 1957 года после болезни Пастернак находился в санатории «Узкое», бывшем имении известного в Москве профессора Трубецкого. Я часто приезжала туда к Боре, и мы гуляли в прекрасном парке, очень напоминающем уголки парка в Петергофе. Петергорфский парк я любила посещать с родственниками, когда приезжала к ним в Ленинград. О поездке в Петергоф мы мечтали с Борей, когда ходили по тенистым аллеям парка в «Узком».

Как-то после короткого летнего дождя, когда вновь засияло солнце и мы вышли на прогулку, я обратила внимание на цветы вьющегося по дереву плюща, видного

высоко над домом. Цветы были покрыты каплями дождя и оттого казались матовыми фонариками, излучающими восковой, таинственный свет. Я воскликнула: «Смотри, Боря, цветы будто воском облили!»

Уже в мой следующий приезд в «Узкое» Боря читает прелестные строки:

На старом дереве громоздком,
Завешивая сверху дом,
Горят, закапанные воском,
Цветы, зажженные дождем!

К этому времени у Пастернака уже было стихотворение о липовой аллее, где не было строк о восковых цветах. Позже, после рассмотрения нескольких вариантов, Боря создал окончательный образ «Липовой аллеи», куда вошли строки о цветах, зажженных дождем. Он начинал писать это стихотворение в санатории карандашом и подарил мне этот карандашный листок с первыми строфами «Липовой аллеи». Автограф этого стихотворения из моего дела в КГБ также перекочевал в ЦГАЛИ.

ЛИПОВАЯ АЛЛЕЯ

Ворота с полукруглой аркой.
Холмы, луга, леса, овсы.
В ограде мрак и холод парка,
И дом невиданной красы.

Там липы в несколько обхватов
Справляют в сумраке аллей,
Вершины друг за друга спрятав,
Свой двухсотлетний юбилей.
<…>
Но вот приходят дни цветенья,
И липы в поясе оград
Разбрасывают вместе с тенью
Неотразимый аромат.
<…>
Гуляющие в летних шляпах
Вдыхают, кто бы ни прошел,
Непостижимый этот запах,
Доступный пониманью пчел.

<…>
На старом дереве громоздком,
Завешивая сверху дом,
Горят, закапанные воском,
Цветы, зажженные дождем.

1957

«ДЕРЕВЬЯ, ТОЛЬКО РАДИ ВАС…»

Ольга Ивинская вспомнила тот день, когда возникли первые строчки этого стихотворения:

> В радостном настроении я примчалась к Боре в «Узкое». Принесла весть от Фельтринелли о том, что перевод «Доктора Живаго» на итальянский язык практически завершен, Джанджакомо ведет интенсивную подготовку к изданию романа в Италии. «Пусть господин Пастернак будет абсолютно уверен в появлении своего шедевра в этом году», — напутствовал посланца Фельтринелли, провожая его в Москву.
>
> Боря весь просиял, и, обняв меня, легко ступал по тенистой аллее парка. Светило яркое солнце, и легкий ветерок ласкал листья великолепных лип и берез. Боря остановился, поцеловал меня и, глядя на освещенные солнцем нарядные березы, сказал: «Эти березы такие же нарядные, красивые и ясные, как и ты, Олюшка! И так просятся в стихи». Уже вечером того дня Боря создал свой маленький шедевр.

Деревья, только ради вас
И ваших глаз прекрасных ради
Живу я в мире в первый раз,
На вас и вашу прелесть глядя.
<…>
И если мне близка, как вы,
Какая-то на свете личность,
В ней тоже простота травы,
Листвы и выси непривычность.

1957

«ВАКХАНАЛИЯ»

С особым воодушевлением рассказывала мне Ивинская о радостном подъеме при создании «Вакханалии», любимого Пастернаком поэтического цикла:

> С января 1957 года во МХАТе началась постановка

«Марии Стюарт» Шиллера в переводе Бориса Пастернака. В феврале мы с Борей были на первых репетициях. Боря был знаком с актерами, занятыми в пьесе. Однако перед премьерой он неожиданно заболел и попал в Кремлевскую больницу. Пьеса прошла с большим успехом, отклики на спектакль были восторженными. Особо отмечали игру ведущей актрисы МХАТа Аллы Тарасовой в роли Марии Стюарт. Как «красавист» Боря восхищался статью и благородством Тарасовой и говорил мне: «Если Степанова играет Елизавету, то Тарасова с благородством живет в образе Марии Стюарт. Какая крепкая русская красота!»[130]

Однажды зимой Боря не удержался и, восхищенный, бросился целовать юную красавицу, дочь Марины Баранович Настю, которая вбежала домой с мороза, вся румяная и лучистая. «Настя явилась вдруг, как Снегурочка из сказки, и околдовала меня», — радостно говорил Пастернак.

Тарасова в роли Марии Стюарт замечательно раскрыла на сцене тему жажды свободы и непобедимости женской красоты, что навело Пастернака на мысль о создании оды женщине.

Этой идеей Боря был увлечен еще с лета 1953 года. Тогда, после моего возвращения из лагеря и переселения в Измалково, его жизнь озарилась появлением новых стихов в тетради Юрия Живаго. Творческий и эмоциональный подъем повлиял и на самочувствие Бори — оно стало улучшаться, во что Боря не верил после тяжелого инфаркта, случившегося с ним в конце 1952 года[131]. В то время Пастернак задумал цикл стихов о силе красоты и свободы, которая может быть выражена в образе женщины, не сломленной тюрьмой. «Мария Стюарт» как раз возродила эту давнюю задумку.

К этому времени уже год как шла борьба писательской верхушки против выхода романа «Доктор Живаго» в Италии. Но ничто не могло остановить независимого Фельтринелли. Он не верил призывам советских правителей и бонз ИКП «спасать социализм от западного влияния» после кровавого подавления советскими танками венгерского восстания в 1956 году.

С лета 1957-го, находясь в санатории «Узкое», Боря шел на поправку, и у нас появилось чувство радостного ожидания благополучной развязки в противостоянии потугам советских властей предотвратить грядущий

выход романа в Италии[132].

В истории с выходом романа нам много помогал работавший в Москве итальянский журналист Серджо Д'Анджело. Он передал в мае 1956 года рукопись романа Пастернака издателю Фельтринелли. Серджо был направлен в СССР руководством ИКП в итальянскую редакцию радио «Москва», вещавшего за рубеж. Его постоянная связь с Фельтринелли и разумные советы в тактике борьбы с Сурковым и властями позволили уберечь Бориса Леонидовича от ареста и спасти роман. Серджо первым сообщил мне о выходе романа. В тот день «Доктор Живаго» впервые поступил из типографии издательства Фельтринелли в книжные магазины Милана. Боря звонил мне из Переделкина каждый вечер, и я сразу передала ему эту ошеломляющую новость.

На следующий день Боря приехал на Потаповский, и 24 ноября мы вместе с Серджо праздновали эту невероятную победу. Боря целовал нас, кричал «Ура!» и называл Серджо бесценным ангелом. Боря говорил, что готов отдать Серджо за его подвиг все золото мира. На следующий день Борис Леонидович написал Фельтринелли восторженное письмо, где просил по-царски наградить Серджо. Окрыленный выходом романа, Пастернак увлеченно писал мажорную и бесшабашную «Вакханалию», постоянно повторяя мне: «И это все о нас!» Боря послал оду Алле Тарасовой, написав в сопроводительном письме, что в стихотворении «есть отображение и Вашей роли в трагедии „Мария Стюарт“, но много вольностей и свободных мыслей, которые актриса не должна относить к себе». Конечно, «Вакханалия» была о нас, о нашей жизни в то сумасшедшее время[133].

Однажды Ивинская при разговоре о «Вакханалии» вспомнила:

— Одна моя хорошая знакомая из редакции, встречавшаяся с Ахматовой, стала хвалить полюбившуюся ей «Вакханалию». В ответ услышала произнесенные с недоумением и плохо скрытой горечью слова Ахматовой о Пастернаке: «Ведь он такой притворщик — ко мне три раза сватался, но ни разу не написал ничего подобного»[134].

Слова Ахматовой о Пастернаке как о «божественном лицемере» были широко известны.

После второго ареста Ивинской в августе 1960 года КГБ передал ее архив на хранение в «свой ЦГАЛИ»[135]. Письма,

множество драгоценных для Ольги Всеволодовны карандашных записей стихов Пастернака, а также «антисоветские» рукописи «Слепой красавицы» и «Доктора Живаго» специалисты из ЦГАЛИ изъяли из дела Ивинской. Отняли рукопись второй книги романа с дарственной надписью Пастернака «Ларе от Юры».

— В казематах ЦГАЛИ находится и карандашный автограф стихотворения «Вакханалия» на нескольких листах, который мне подарил Боря, — завершила свой рассказ Ольга Ивинская.

ВАКХАНАЛИЯ

Город. Зимнее небо.
Тьма. Пролеты ворот.
У Бориса и Глеба
Свет, и служба идет.
<…>
А на улице вьюга
Все смешала в одно.
И пробиться друг к другу
Никому не дано.
<…>
Клочья репертуара
На афишном столбе
И деревья бульвара
В серебристой резьбе.
<…>
Все идут вереницей,
Как сквозь строй алебард,
Торопясь протесниться,
На «Марию Стюарт».

Молодежь по записке
Добывает билет
И великой артистке
Шлет горячий привет.
<…>
Словно выбежав с танцев
И покинув их круг,
Королева шотландцев
Появляется вдруг.

Все в ней жизнь, все свобода,
И в груди колотье,
И тюремные своды

Не сломили ее.

Стрекозою такою
Родила ее мать
Ранить сердце мужское,
Женской лаской пленять.
<…>
То же бешенство риска,
Та же радость и боль
Слили роль и артистку,
И артистку и роль.
<…>
Эта тоже открыто
Может лечь на ура
Королевой без свиты
Под удар топора.
<…>
Перед нею в гостиной
Не встает он с колен.
На дела их картины
Смотрят строго со стен.

Впрочем, что им, бесстыжим,
Жалость, совесть и страх
Пред живым чернокнижьем
В их горячих руках?

Море им по колено,
И в безумье своем
Им дороже вселенной
Миг короткий вдвоем.

1957

«ЦВЕТЫ НОЧНЫЕ»

Из нашей беседы с Ольгой Всеволодовной в 1993 году:

> Однажды в начале осени 1957 года, когда Боря оставался со мною в Измалкове после какого-то многолюдного вечернего застолья, я очень устала от разговоров и волнений в связи с итальянскими перипетиями издания романа. Тогда, в отчаянной

попытке изъять у Фельтринелли рукопись романа, в Италию ринулся сам Сурков, председатель Союза писателей — он особенно ненавидел Пастернака. Как нам стало известно, напор и истерика Суркова ни к чему не привели, а Фельтринелли дал ему прозвище Гиена в Сиропе.

Утром я проснулась позже обычного — всегда, когда Боря ночевал в Измалкове, я поднималась пораньше и варила кофе. После того как Боря умывался холодной водой, мы пили горячий кофе с пряниками или сушками. Боря всегда приносил и угощал этими нехитрыми сладостями наших соседей, трудно живших рядом с Кузьмичом детей из семьи Кузнецовых — трех сестер Ольгу, Евдокию и Анастасию с братом Михаилом. Они остались без поддержки после ареста их отца Федора Кузнецова в период жестокого сталинского раскулачивания. Отца сослали в Сибирь, где он и погиб, мать вскоре умерла. Дом у семьи власти отобрали, оставив утлый сарай, где и ютились в нужде невиновные люди[136].

Мне удалось оформить старшую из сестер, Ольгу, к себе как домработницу, и она хорошо помогала мне, особенно в уходе за животными, которых я спасала от голода и гибели. В то осеннее утро, едва открыв глаза, я увидела Борю уже сидящим у стола с карандашом в руке. Он увлеченно писал. На столе стояла ваза с розами, подаренными кем-то из наших вчерашних гостей. Я накинула халат, подошла к столу, обняла Борю и стала читать: «Цветы ночные утром спят/ <…>. На кресле лифчик и халат».

— Знаешь, — замечаю Боре, — а такое не напечатают.

— Да, пожалуй, не напечатают, — соглашается он. — Да и что скажет княгиня Анна Андреевна? — добавляет он с улыбкой.

Улыбнулась и я, вспомнив реакцию Ахматовой на стихотворение «Ева».

Стихотворением о ночных цветах Боря хотел завершить «Вакханалию».

На мой вопрос, почему под осенним стихотворением стоит дата 4 августа, Ольга Всеволодовна улыбнулась и ответила:

Это опять проявилась Борина конспирация. Через несколько дней после того утра он с виноватым видом

говорит мне:

— Знаешь, Олюша, я поставлю «ночным цветам» дату «август», хорошо? Все же поймут, что оно написано о тебе, но не будем расстраивать Зину.

Хотя я и обиделась, но сказала: поступай, как тебе будет спокойней. Эту дату я оставила и в книге «В плену времени», чтобы не было лишних разговоров о том, что я присваиваю себе стихи, посвященные другим. Если бы я могла поверить, что вам удастся издать в России мою книгу, то, конечно, многое бы в ней уточнила и дополнила[137]. Появление книги стало для меня неожиданным, неслыханным подарком к юбилею[138].

Я благодарю вас и от имени Бориса Леонидовича, поскольку вы помогли исполнить его последний завет — опубликовать мою книгу в России[139]. Советские власти всегда делали вид, что «никто не помнит ничего», но теперь моя книга и в России расскажет многим о реальной жизни одного из гениальных поэтов XX века!

Цветы ночные утром спят,
Не пробуждает их поливка,
<…>
Разбросано белье с прошивкой,
На кресле лифчик и халат.
<…>
Так спят цветы садовых гряд
В плену своих ночных фантазий.
Они не помнят безобразий,
Творившегося час назад.
Цветы земли не знают грязи.
Все очищает аромат
Десятка роз в стекляной вазе.
Прошло ночное торжество.
Забыты шутки и проделки.
На кухне вымыты тарелки.
Никто не помнит ничего.

1957

«ПОСЛЕ ГРОЗЫ»

Рассказ Ольги Ивинской:

В один из дней начала лета 1958 года над Измалковым стремительно разразилась гроза. Я обычно ждала появления Бори на косогоре у шалмана, наблюдая, как он начнет подниматься к нашему дому, где я снимала дачу с весны. После болезни Бориса Леонидовича в 1957-м я переселилась в избу около шалмана, чтобы путь Бори от Большой дачи ко мне стал короче. Гроза стихла так же неожиданно, как и началась, и я вышла на крыльцо, чтобы поспешить на косогор, но увидела Бориса Леонидовича. Он шел весь промокший, но радостно улыбающийся. Боря принес несколько новых писем, которые к нему стали приходить со всего света после выхода «Доктора Живаго». Мы пили горячий чай, сушили одежду, а потом сели, прижавшись друг к другу, чтобы озябший

Боря быстрее согрелся. Он стал увлеченно читать, переводя с немецкого языка, интересное письмо Ренаты Швейцер из Германии[140].

Еще весной Рената в первом письме к Пастернаку написала, как заворожили ее прочитанные по берлинскому радио главы «Доктора Живаго». Особенно поразила Ренату сцена прощания Лары с умершим Юрием Живаго — глубиной понимания автором романа состояния раненой и тоскующей женской души.

Позже, в апреле 1960-го, на Пасху, Рената приехала из Германии в Переделкино, и Боря привел ее ко мне в избу. Мы втроем пили вино, много смеялись и мечтали о будущих встречах в Германии, откуда Пастернаку приходили многочисленные предложения приехать с лекциями в университеты. Рената рассказала, как после смерти любимого друга, знаменитого немецкого дирижера Фуртвенглера, у нее пропал всякий интерес к жизни. Появление романа и начавшаяся переписка с Пастернаком вернули ей веру в величие и красоту окружающего мира. В том письме из лета 1958 года Рената писала о выразительности писем Бориса Леонидовича на немецком, о родственности идей «Доктора Живаго» жизненному кредо великого Гете. Она говорила, что в «Фаусте» Гете описал собственные переживания.

Боря восхищался письмами Ренаты, восклицая: «Людям нужны не потрясения и перевороты, а любовь, гармония с природой и близкое их душе дело. Эта любовь и прелесть истинной жизни в романе — все от

тебя, Олюшка». Еще в мае 1958-го Боря переслал через наших итальянских друзей Ренате в Германию большое письмо, где подробно написал о наших отношениях, о том, что «Ольга <…> и есть Лара моего произведения». Радостное понимание того, что его роман стал «обновляющей грозой» для многих людей в разных уголках мира, потерявших веру в значимость и красоту жизни, отразилось в этом стихотворении.

ПОСЛЕ ГРОЗЫ

Пронесшейся грозою полон воздух.
Все ожило, все дышит, как в раю.
Всем роспуском кистей лиловогроздых
Сирень вбирает свежести струю.
<…>
Рука художника еще всесильней
Со всех вещей смывает грязь и пыль,
Преображенней из его красильни
Выходят жизнь, действительность и быль.
<…>
Не потрясенья и перевороты
Для новой жизни очищают путь,
А откровенья, бури и щедроты
Души воспламененной чьей-нибудь.

1958

«ЗОЛОТАЯ ОСЕНЬ»

Из рассказа Ивинской об осенних стихах Пастернака:

Борис Леонидович, как и все большие поэты, любил осень, часто напоминая: «Как легко и точно назвал Пушкин это время года — „очей очарованье“». И радостно добавлял: «И мои очи тебя могут видеть теперь дольше, без злых взглядов».

Боря всегда ждал осени еще и потому, что к сентябрю обитатели Большой дачи покидали Переделкино, и нам удавалось наконец без помех быть вдвоем. Он чаще оставался в Измалкове ночевать, к нам приезжали мои дети с друзьями, привозили волнующие вести от Фельтринелли и из Франции. После наших

осенних прогулок в лесу, у озера, рядом с замирающими после лета избами рождались восхитительные стихи. Глядя на пестрые наряды деревьев, окружавших Самаринский пруд и опушки Баковского леса, Боря увлеченно говорил: «Осень, Олюша, всякий раз будто заново открывает выставку ярких картин. Посмотри, какие чудные краски она навела на деревьях и кустах. Причем каждое дерево, как девица на выданье — примеряет свой цвет и наряд, любуясь отражением в зеркале пруда».

Эти восторженные слова звучат в стихотворении Пастернака «Золотая осень».

ЗОЛОТАЯ ОСЕНЬ

Осень. Сказочный чертог,
Всем открытый для обзора.
Просеки лесных дорог,
Заглядевшихся в озера.

Как на выставке картин:
Залы, залы, залы, залы
Вязов, ясеней, осин
В позолоте небывалой.
Липы обруч золотой,
Как венец на новобрачной.
Лик березы под фатой
Подвенечной и прозрачной.
<…>
Осень. Древний уголок
Старых книг, одежд, оружья,
Где сокровищ каталог
Перелистывает стужа.

1958

«ОСЕННИЙ ЛЕС»

Однажды во время нашей беседы об осенних стихах я спросил Ольгу Всеволодовну:

— Объясните, пожалуйста, почему в «Осеннем лесе» столько петушиных голосов?

Она с улыбкой стала рассказывать:

Это была дань увлечению Бори осенними утрами слушать перекличку измалковских петухов. Он узнавал голоса исполнителей, называя их именами хозяев, которые выведывал у Кузьмича. Ранним утром за кофе — я всегда его варила перед уходом Бори на Большую дачу — он следил за петушиной перекличкой, где, по его наблюдениям, был строгий распорядок. «Вот, слушай, Олюша, — вдруг застывал Боря, — сейчас за Ивановским прокричит Полинин петух, а затем уже снова Кузьмичевский». И, как ребенок, радовался, когда очередность соблюдалась.

Обладая, в отличие от меня, хорошим музыкальным слухом, он запоминал отдельные петушиные голоса и даже их тональность. Однажды, прислушавшись к крику петуха, с досадой говорит: «Что-то сегодня Полинин не так высоко взял, как прошлый раз. Видимо, хозяйка обидела — какую-нибудь клушу на суп отправила».

С Кузьмичевским петухом у него были особые отношения. Заходя во двор кузьмичевской усадьбы и встречая петуха, Боря всегда торжественно произносил: «Здравствуйте, Петя! Как ваши успехи?» Когда появлялся Кузьмич с предложением взять десяток свежих яичек, Боря лукаво замечал: «Видно, у Пети дела идут хорошо». На петушиные концерты Боря обычно реагировал: «Конечно, измалковские петухи достойны целой поэмы, но, к сожалению, это давно уже не мой жанр».

Написав «Осенний лес», Боря шутил, что воздал должное петушиной братии. Борис Леонидович записал для меня карандашом на отдельном листе это стихотворение, чтобы я прочитала его Кузьмичу. Тот одобрил стихи с энтузиазмом. Однажды, выйдя во двор, Кузьмич при мне обратился в адрес выгуливавшего свой гарем петуха: «Гляди, Петя, теперь ты уж знаменитым стал. В стихах тебя прописали. Небось загордишься и меня признавать не станешь». Теперь в субботние дни, когда приходил Пастернак, Кузьмич заглядывал специально — приносил яйца и с улыбочкой приговаривал: «Это вам, Борис Леонидович, Петя прислал с благодарностью за стихи». Конечно, Боря одаривал Кузьмича деньгами, и тот с деловым видом отлучался в магазин.

Однажды случайно в местном магазинчике, где

продавались какие-то продукты и всякая мелочь, я увидела необычную лампу-ночник в виде маленького шатра с тремя картинками по трем сторонам на сюжет Пушкинской «Сказки о Золотом петушке». Этот ночник я купила и терпеливо прятала от всех глаз до осени. И вот в осенний вечер, когда Боря остался у меня в Измалкове ночевать, поставила ночник на столик, прикрыв нарядной салфеткой. Когда прокричал последний вечерний петух, я говорю Боре:

— Что-то петух сегодня особо бойко голосил, видно, что-то напророчил.

Включаю ночник и снимаю с него салфетку. Боря глянул и оторопел, а затем воскликнул:

— Ай да Пушкин! Ай да Олюшка! Вот так чудо! Это только для нас могла сделать кооперация. Тут разом вся наша и Пушкинская компания высветилась!

В мягком свете изящного шатрового ночника с его светлых боков лукаво смотрели царь с бородой, Шамаханская царица в кисее и с косами и тощий старик в халате с золотым петушком в руках.

Боря радостно разглядывал сказочный ночник со всех сторон:

— Ты, как измалковская царевна, изящна и стройна. Я, как твой царь, так же пополнел, правда, осталось бороду отрастить. Ну а Кузьмич — вылитый сухой и хитроватый колдун: глянь, как он своим петухом нахваливается! Ты, Олюшка, Кузьмича разыграй, скажи ему, что заказала этот ночник в особой мастерской, он же все равно не поверит, что подобное чудо прямо про нас какая-то промкооперация соорудила.

Кузьмич был очарован чудо-лампой и рассказывал о ней всей деревне. Подозреваю, что без нас он водил делегации своих друзей для демонстрации сказочного ночника. Как-то принес и Петю, чтобы я для него зажгла ночничок, и с лукавым видом просил подарить ему это чудо на 100-летие.

«Осенний лес» в карандашной записи Пастернака у Ивинской отняли при аресте.

ОСЕННИЙ ЛЕС

Осенний лес заволосател.
В нем тень и сон, и тишина.
Ни белка, ни сова, ни дятел

Его не будят ото сна.
<…>
Петух свой окрик прогорланит,
И вот он вновь надолго смолк,
Как будто он раздумьем занят,
Какой в запевке этой толк.

Но где-то в дальнем закоулке
Прокукарекает сосед.
Как часовой из караулки,
Петух откликнется в ответ.

Он отзовется словно эхо,
И вот, за петухом петух
Отметят глоткою, как вехой,
Восток и запад, север, юг.

По петушиной перекличке
Расступится к опушке лес
И вновь увидит с непривычки
Поля и даль, и синь небес.

1958

«СЛЕДЫ НА СНЕГУ»

Ольга Ивинская вспоминала:

Часто случайная встреча или фраза являлись для Бориса Леонидовича толчком, рождавшим чудесное стихотворение. Как-то в начале зимы, после очередного снегопада, пройдя по проторенной чьими-то валенками тропинке, мы пошли по заснеженной дороге в Переделкино. Нас нагнали вынырнувшие на дорогу сани. Возчик притормозил сани и крикнул нам:

— Небось, устали? Садитесь. Подвезу.

И мы в санях, обнявшись, покатили с ветерком, а уже определившийся на небе белый блин луны стал двигаться перед нами, убегая. Говорю Боре:

— Нам эту плутовку никогда не догнать.

Боря отвечает:

— Это скорее колобок, который ото всех ушел и никому не дастся.

Не прошло и двух дней, как Боря читал мне стихотворение о следах, луне и колобке.

Автограф стихотворения забрали у Ивинской при аресте.

СЛЕДЫ НА СНЕГУ

Полями наискось к закату
Уходят девушек следы.
Они их валенками вмяты
От слободы до слободы.

А вот ребенок жался к мамке.
Луч солнца, как лимонный морс,
Затек во впадины и ямки
И лужей света в льдину вмерз.

Луна скользит блином в сметане,
Все время скатываясь вбок.
За ней бегут вдогонку сани,
Но не дается колобок.

1957

«СНЕГ ИДЕТ»

В 1993 году мы с Ольгой Всеволодовной слушали замечательную песню на слова Бориса Пастернака «Снег идет» в исполнении Сергея Никитина. Тогда я спросил, когда появились эти светлые стихи, где звучит ожидание Нового года. Ивинская стала вспоминать:

Действительно, это стихотворение было написано сразу после встречи Нового года, в дни Святок, перед старым Новым годом. В один из первых дней января мы с Борей после утреннего кофе пошли по дороге из Измалкова к Большой даче. Было тихо, легкий морозец, и когда мы перешли по мостику озеро, пошел мягкий крупный снег, быстро покрывший нас белыми шубами. На дороге нам встретился одинокий измалковский житель, под снежной шубой походивший на Деда Мороза. Дед Мороз поздоровался и пожелал нам счастливого Нового года.

Тогда с романом утвердилось состояние какого-то напряженного покоя. Боря повторял: «Будем ждать. Но верю я только в решительность Фельтринелли.

Снег будет каждый год так же тихо падать, а нас еще настигнут бури. Давай наслаждаться покоем, пока снег идет, ведь скоро старый Новый год».

Вскоре Боря написал знаменитое теперь стихотворение «Снег идет». Мне оно дорого как напоминание о том коротком периоде мира и тишины в нашей жизни. Уже вскоре Борю скрутила неожиданная болезнь, он оказался в больнице, и начались атаки Суркова и Поликарпова на роман. И все же мы выстояли — роман вышел в свет!

СНЕГ ИДЕТ

Снег идет, снег идет.
К белым звездочкам в буране
Тянутся цветы герани
За оконный переплет.
Снег идет, и все в смятеньи,
Все пускается в полет —
Черной лестницы ступени,
Перекрестка поворот.
<…>
Потому что жизнь не ждет.
Не оглянешься — и святки.
Только промежуток краткий,
Смотришь, там и новый год.
<…>
Может быть, за годом год
Следуют, как снег идет,
Или как слова в поэме?

Снег идет, снег идет.
Снег идет, и все в смятеньи:
Убеленный пешеход,
Удивленные растенья,
Перекрестка поворот.

1957

Однажды в разговоре с Ивинской о стихах цикла «Когда разгуляется» я спросил, почему только в 1958 году появляется стихотворение о «женщинах в детстве». Ольга Всеволодовна стала пояснять:

> Стихотворение родилось в тот период, когда Борис Леонидович вел активную переписку с целым кругом близких ему по духу женщин. Его восхищала деятельным участием в организации издания романа во Франции Жаклин де Пруайяр. «Доктор Живаго» впервые вышел в Италии в ноябре 1957 года у Фельтринелли, а Жаклин была доверенным лицом Бориса Леонидовича во Франции и одним из переводчиков романа. Она посетила Пастернака впервые летом 1957-го и понравилась ему искренностью и любовью к русской литературе. На его вопрос, влияние какого русского писателя заметно в романе,
>
> Жаклин интуитивно верно ответила: Чехова. Это поразило Борю и усилило его симпатию к Жаклин. Другая француженка, Элен Пельтье, также посещала Пастернака в Переделкине и была переводчиком романа. Она курировала выход романа в парижском издательстве «Галлимар». Боря полностью доверял Жаклин и Элен и писал им откровенные, признательные письма на французском языке, который неплохо знал.
>
> Часто при обсуждении переписки, если письма посылались обычной почтой, я удерживала его от откровений, помня, что это может привести к серьезным неприятностям. Некоторые из важных писем не добирались до Франции, их перехватывали советские органы. Контроль со стороны КГБ стал особенно невыносимым после присуждения Пастернаку Нобелевской премии. Помню, как мы обсуждали письмо к Жаклин с указаниями путей отвода санкций советских властей за издание «Доктора Живаго» во Франции. Тогда Боря предупреждал, что все его возможные отказы и противоречия будут ложными, поскольку будут делаться под грубым давлением. Еле уговорила Борю подождать и послать это письмо с оказией, а не почтой. Важнейшие письма я передавала через Д’Анджело, а начиная с 1959 года главным образом через Хайнца Шеве и Жоржа Нива. Они переправляли их на Запад через дипломатическую почту или перевозили сами. Ни одно из писем, посланных с оказией, не пропало. Письма, посылаемые

по почте, часто исчезали.

С 1958 года началась оживленная переписка Бори с Ренатой Швейцер, чей эпистолярный и поэтический талант он особо отмечал. Исключительными полномочиями была наделена Жаклин. После отказа от Нобелевской премии из-за жесткого давления власти и ультиматума, который предъявили ему сыновья[141], 1 ноября 1958 года Боря шлет Жаклин открытку, где просит ее представлять его в Стокгольме в декабре, если Нобелевский комитет поймет вынужденность его отказа и решит вручить ему Нобелевскую премию. Несмотря на мои уговоры дождаться оказии Боря послал эту просьбу к Жаклин обычной почтой. «Пусть и эти, читающие чужие письма мерзавцы знают, что я не сдаюсь», — говорил он. Конечно, эта открытка во Францию до Жаклин не дошла[142].

Вскоре мне удалось послать письмо с оказией, где Боря повторил это поручение для Жаклин. Незадолго до этого Борис Леонидович принял решение передать право контролировать издание своих произведений за рубежом в ведение Жаклин. «Знаешь, — говорил мне Боря, — я с детских лет больше доверяю женщине. Ее преданность всегда надежней, чем мужчины. Перед женщинами я всегда в долгу».

Написав стихотворение «Женщины в детстве» уже после выхода романа, Боря сожалел, что не написал его раньше, считая, что это стихотворение должно быть обязательно в тетради Юрия Живаго. В письме к Нине Табидзе в 1953 году Пастернак говорил: «Я с детства питал робкое благоволение к женщине. Я на всю жизнь остался надломленным и ошеломленным ее красотой, ее местом в жизни, жалостью к ней и страхом перед ней».

ЖЕНЩИНЫ В ДЕТСТВЕ

В детстве, я как сейчас еще помню,
Высунешься, бывало, в окно,
В переулке, как в каменоломне,
Под деревьями в полдень темно.
<…>
За калитку дорожки глухие
Уводили в запущенный сад,
И присутствие женской стихии
Облекало загадкой уклад.

<…>
Приходилось, насупившись букой,
Щебет женщин сносить словно бич,
Чтоб впоследствии страсть, как науку,
Обожанье, как подвиг, постичь.

Всем им, вскользь промелькнувшим где-либо
И пропавшим на том берегу,
Всем им, мимо прошедшим, спасибо,
Перед ними я всеми в долгу.

1958

«ПИСЬМА»

В беседе с Ивинской я поинтересовался, почему стихотворение о письмах так странно начинается: «По кошачьим следам и по лисьим…», а не с поездов и почтальонов? Ольга Всеволодовна засмеялась и рассказала:

> Это непосредственно связано с моим пристрастием спасать и оберегать кошек и всякую живность, тем более если они в беде. В нашем доме у Кузьмича, а потом у «шалмана» всегда обитали несколько кошек и собачек. Потому повсюду оставалось море их всевозможных следов, особенно зимой.
>
> Когда роман полетел по миру, как огненный вихрь, к Борису Леонидовичу стали приходить письма со всего света с выражением удивления, восхищения и благодарности за «Доктора Живаго». А после присуждения Нобелевской премии поток писем удесятерился. По подсчетам Герда Руге[143] общий тираж «живаговских» писем с 1957 по 1960 год превысил 30 тысяч. Боря приносил письма в нашу избу, где читал их с детской увлеченностью и часто со слезами радости. Он был потрясен этим искренним выражением доброты, любви и тонкого понимания сути романа. Тексты некоторых, наиболее выразительных писем я привела в своей книге. Интересно, что часто встречались признания читателей в том, что роман написан про их жизнь и любовь[144].
>
> Потрясенный лавиной писем, Пастернак писал Борису Зайцеву в Париж: «Мне выпало к концу жизни

вступить в прямые личные отношения со многими достойными людьми в самом обширном и далеком мире, завязать с ними непринужденный, задушевный и важный разговор».

Некоторым, наиболее близким ему по духу адресатам Боря писал, что «Лара — это реальная женщина, которая мне очень близка». Сестрам Жозефине и Лидии, восхищенным образом Лары, Боря написал, что это реальная женщина, близкий друг — Лара его романа[145]. И Боря назвал сестрам мое имя — Ольга Ивинская. От сестер пришло письмо с теплыми словами в мой адрес. Боря послал в Англию и наши с Ириной фотографии. Обо мне как о Ларе романа Пастернак написал Ренате Швейцер в Германию. Но, конечно, больше всего о реальной Ларе рассказывали за границей Фельтринелли, Д'Анджело, а позже — Хайнц Шеве, Жорж Нива, Герд Руге. Они знали и о моей любви к кошкам. Потому уже с 1959 года стали приходить Пастернаку письма с приписками «для Лары». В некоторых посланиях предлагали прислать в подарок редкую кошку или собаку[146].

К Новому году и Рождеству нам всегда приходили подарочные открытки и сувениры. Читая письма «к Юре и Ларе», Боря радостно повторял:

— Видишь, я всегда это знал, и Юра утверждал, что мы любим друг друга не из неизбежности, а потому, что так хотят все кругом. Наша любовь нравится окружающим, может быть, больше, чем нам самим.

Боря подшучивал над «кошачьими предложениями», приходившими в письмах:

— Ты им напиши, Олюша, что этой живности у тебя в достатке. Давай лучше местных кошек рассылать по белу свету, тогда у тебя станет больше времени на наши прогулки.

Когда мы читали письма, раскладывая их на столике и лежанке, кошки всегда с любопытством нюхали листы и трогали их лапками. Боря говорил:

— Знают, бестии, что про них пишут.

Между прочим, кошки хорошо чувствовали его добрый характер, всегда терлись о его ноги и часто взбирались к нему на колени, когда он внимательно слушал новости, которые я привозила из Москвы. Но затем Боря решительно вставал, выпроваживал всех кошек за дверь и просил:

— Скажи ты им, что я люблю тебя, а не их мурлыканье.

Однажды в Измалкове, проснувшись утром, мы обнаружили, что на Борином пиджаке кошка родила котят[147]. За это Кузьмич назвал Борю крестным и обязал придумать имена родившимся на его пиджаке котятам, что Боря с недоумением, но и с явно скрываемой гордостью сделал. Когда зимой мы бродили по окрестностям поселка и опушкам леса, Боря, видя следы на снегу, с недоумением спрашивал:

— Неужели и здесь твои кошки нас преследуют?

— Что им здесь делать? — весело отвечала ему я. — Это, верно, лисички бегают по ночам, деревенских курочек таскают.

На окраинах деревеньки действительно пропадали куры, и жители ее грешили на лис. Боря не мог не восхищаться красивыми, умными и независимыми кошками. У него был свой любимец — голубой ангорский красавец Пинки: это имя, выбранное Борей, — из романа О'Генри «Короли и капуста»[148].

ПИСЬМА

По кошачьим следам и по лисьим,
По кошачьим и лисьим следам
Возвращаюсь я с пачкою писем
В дом, где волю я радости дам.

Горы, страны, границы, озера,
Перешейки и материки,
Обсужденья, отчеты, обзоры,
Дети, юноши и старики.

Досточтимые письма мужские!
Нет меж вами такого письма,
Где свидетельства мысли сухие
Не выказывали бы ума.
Драгоценные женские письма!
Я ведь тоже упал с облаков.
Присягаю вам ныне и присно:
Ваш я буду во веки веков…

1958

Ивинская рассказывала, что Борис Леонидович был особенно привязан к детям из семьи репрессированных Кузнецовых:

> Он всегда приносил им гостинцы и какую-нибудь снедь. О его щедрости и доброте знала вся округа. Особым днем в деревне для многих стала суббота, когда к приходу Пастернака у мостика измалковского пруда собирались группы местных жителей. Они стояли вдоль тропинки, ведущей к домику Кузьмича, кланялись Пастернаку и громко здоровались. Он отвечал всем поклоном и приветствием, вручая каждому определенную сумму денег.
>
> В эти дни я обычно не ходила к мостику встречать Борю, понимая, что могу нарушить ритуал одаривания жителей, тут же отправлявшихся отовариваться горячительным в магазин. На мои упреки: «Боря, ведь таким путем ты спаиваешь всю деревню!» он возражал:
>
> — Олюша, это же не в рабочее время происходит. Исстари на Руси положено в конце трудовой недели отдохнуть и снять напряжение. Но не у всех же есть такие возможности. И, потом, я давно уже решил, что одариваю только десять человек. И, знаешь, обратил внимание, что они установили и соблюдают какую-то очередность.
>
> Когда в конце 1958 года я переселилась от Кузьмича ближе к Большой даче, сняв пол-избы у хозяйки Маруси на горке у «фадеевского шалмана», Боря по субботам часто сокрушался:
>
> — Ах, Олюша, как нехорошо ты поступила. Меня ведь ждут у мостика люди. Как им теперь без подарков в этот день?
>
> Причиной моего переезда от Кузьмича стала болезнь Бори в 1957 году и ухудшение состояния его здоровья после дней нобелевской травли. Ему стало трудно делать дальние переходы, а путь до шалмана был на треть короче, чем до Кузьмича. Вскоре в праздничные дни Боря стал появляться у меня позже обычного, принося приветы от Кузьмича и измалковских соседей. На мой молчаливый вопрос кивал:
>
> — Да, да, Олюша, им это доставляет радость, и таких радостей им не хватает в жизни. А нам вдвоем хорошо и радостно всегда.
>
> И как можно было обижаться на такого небожителя? Я, конечно, смеялась и обнимала Борю.

Любовь соседей к Боре была всеобщей и искренней. На похороны Пастернака пришли сотни жителей измалковской округи. На одной из фотографий того дня запечатлен наш Кузьмич на крыльце Большой дачи, а за ним видна фигура Булата Окуджавы.

«ДРУЗЬЯ, РОДНЫЕ — МИЛЫЙ ХЛАМ…»

Об истории, связанной с появлением этого необычного стихотворения, Ивинская написала в своей книге. Некоторые новые подробности я узнал от нее в нашем разговоре:

Наговоры на меня завистливой писательской верхушки и окружения Большой дачи раздражали Бориса Леонидовича. Осуждение моей тлетворной, антисоветской роли в создании романа приводило Пастернака в негодование. Благожелательный во всем, в такие минуты он становился резким и нетерпимым. Главным исполнителем роли назойливого советчика был актер МХАТа, многократный сталинский лауреат Борис Ливанов[149]. Он быстро приходил в состояние возбуждения после выпитого и бесцеремонно приступал к советам и оценкам ошибок Пастернака[150].

Вслед за Ливановым к советам приступали и другие участники трапезы, осуждая наши с Борей отношения, которые «видят все в Переделкине и знает вся писательская Москва». О ханжестве и пресмыкательстве перед властью всей писательской Москвы Борис Леонидович знал и раньше, но эти качества у окружения Большой дачи особенно обострились в дни травли Пастернака за Нобелевскую премию. Тогда исчезли с дорожек дачи друзья застолий, а родные в панике требовали от Пастернака отказаться от премии. Мне с Ариадной при поддержке узкого круга друзей удалось спасти Борю от гибели и наладить его жизнь. Друзья застолий появились на Большой даче снова.

13 сентября 1959 года за воскресным обедом Ливанов после выпитого вновь стал говорить об «ошибках Пастернака, который не слушает советов своих настоящих друзей, попал под влияние антисоветских личностей, которых и тюрьма не исправила». Разомлев от выпитого, Ливанов стал кричать на жену Погодина, что ее муж бездарь и что на его пьесы ходят во МХАТ

только из-за таланта Ливанова. Незадолго до того Погодину дали большую премию, а Ливанова не включили в список[151].

Боря резко потребовал от Ливанова замолчать. В понедельник утром он пришел ко мне, рассказал о воскресном скандале и написал жесткое стихотворение «Друзья, родные — милый хлам…». В тот день он послал письмо-отповедь Борису Ливанову[152], где были такие слова: «Около года я не мог нахвалиться на здоровье и забыл, что такое бессонница, а вчера после того, что ты побывал у нас, я места себе не находил от отвращения к жизни и самому себе. <…> Мне слаще умереть, чем разделить дым и обман, которым дышишь ты. <…>Я говорил и говорил бы впредь нежности тебе, Нейгаузу, Асмусу. А, конечно, охотнее всего я всех бы вас перевешал. Твой Борис». Прочитав мне это письмо, Боря сказал:

— Убивая меня, эти лжецы и трусы еще требуют, чтобы я им посвящал стихи[153].

Б. Ливанову

Друзья, родные — милый хлам,
Вы времени пришлись по вкусу.
О, как я вас еще предам
Когда-нибудь, лжецы и трусы.

Ведь в этом виден Божий перст,
И нету вам другой дороги,
Как по приемным министерств
Упорно обивать пороги.

1959

«НОБЕЛЕВСКАЯ ПРЕМИЯ»

В нашей беседе с Ольгой Ивинской в 1994 году о времени после нобелевской эпопеи я выразил удивление тем, что такое бесхитростное стихотворение, как «Нобелевская премия», наделало столько шума. Ольга Всеволодовна решила подробно прокомментировать историю его появления. Это была одна из особенно волновавших ее тем, и разговор продолжался на протяжении нескольких наших встреч.

Я должна рассказать вам все подробно, потому что Вадим[154] запрещает мне это делать в печати, чтобы не настроить против нас Евгения Пастернака. Но я давно поняла, что Евгений всегда будет действовать в интересах властей. Не случайно органы отправили Евгения в 1989 году в Стокгольм получать Нобелевскую премию Пастернака, о чем Евгений даже не сообщил нам. А ведь отец запретил ему касаться всего, что связано с заграничными делами Пастернака. Я должна многое рассказать, пока есть силы.

Неприязнь Евгения ко мне, о которой предупреждал Боря еще летом 1953 года, пробивается в его трудах, где Евгений стал сочинять небылицы о нашей с Борисом Леонидовичем жизни. О собственных неприглядных поступках по отношению к отцу он, конечно, молчит. Евгения испугала правда записок Зои Масленниковой, и он не включил их в сборник, готовившийся к 100-летию Пастернака[155]. После «нобелевских» дней Ариадна навсегда вычеркнула из списка порядочных людей все семейство Пастернаков. Жестоким ударом для Бори стало появление утром 28 октября на Большой даче Евгения и Лени с ультиматумом: если Пастернак не откажется от Нобелевской премии, то сыновья отрекутся от него. Боря в гневе выгнал обоих. Тогда Зинаида кричала на Борю: «Ты чудовище и злобствующий эгоист, тебе наплевать на судьбу детей. Леню вышвырнут из университета и дачу отнимут. Евгения выгонят с работы. Но мы все от тебя откажемся и спасем будущее детей».

Накануне, 27 октября, Пастернака исключили из членов Союза писателей[156]. Мне сообщил об этом вечером Евтушенко. Я собрала важные рукописи и письма Бори, и мы с Митей утром 28 октября поехали в Измалково, чтобы спрятать материалы и поддержать Борю. Ведь озлобленные писатели потребуют изъять и уничтожить все рукописи «антисоветчика», как это было при моем Сталинском аресте в 1949 году — тогда сожгли книги Ахматовой, Цветаевой и более 400 листов писем и стихов.

Только мы с Митей вошли в избу, как появился Боря, растерянный и бледный. Он при Мите стал говорить, что больше не может этого выдержать, и просил меня вместе уйти из жизни, как Ланны. Незадолго до этого литератор Лозман (Ланн), с которым в 20-х годах дружила Цветаева, отравился вместе с женой, не выдержав

гонений со стороны властей и писательских бонз. Боря, потрясенный трагедией Ланна, был в шоке от предательства сыновей. Я успокаивала его:

— Дети не виноваты, ведь их заставили предъявить тебе ультиматум.

Упросила дать мне два дня, чтобы выяснить, что нам грозит, и в случае безысходности вместе уйти из жизни. Бедный Митя, растерянный и бледный, со всем согласился и выбежал из избы.

Несколько успокоившись, Боря говорил:

— Знаешь, никогда не верил, что Леня сможет предать меня. То, что Евгений предаст в беде, я понял, когда он по указанию Зины явился в Переделкино, чтобы разлучить нас[157]. Какой пример порядочности он может дать сыну? Каким вырастет ребенок в семье трусливого и малодушного отца? Бог отвратил — не назвали ребенка моим именем[158].

И с горькой усмешкой добавил:

— А еще третьего дня Зина платье выбирала, в котором ей ехать за Нобелевской премией[159].

Я настойчиво просила Борю не предпринимать никаких действий и подождать, пока я выясню реальную ситуацию. Он согласился, и Митя пошел проводить Бориса Леонидовича на Большую дачу. Боря сокрушался, что сын стал Павликом Морозовым, и называл Евгения «жалким… подобием»[160].

В отчаяньи я решила идти к Федину, чтобы спасти Борю. Федин был связан с властью, но всегда любил Борины стихи и роман до скандала хвалил. Мой крик о помощи взволновал Федина, и он при мне позвонил Поликарпову. Тот назначил срочную встречу на 29 октября[161].

Страх за судьбу Лени у Бориса Леонидовича был столь велик, что утром 29 октября он едет в Москву и шлет отказную телеграмму. Затем приходит к нам на Потаповский и торжественно объявляет:

— Я только что отправил в Стокгольм телеграмму с отказом от Нобелевской премии.

Мы с Ириной так и ахнули от неожиданности. Только Ариадна стала успокаивать:

— Ну вот и молодец, Боренька, вот и молодец.

Я не понимала, зачем он это сделал, когда премия уже присуждена и советские власти с охотой заберут деньги себе? Меня особенно поразило, что Боря мог

поступиться своей честью. После благодарственной телеграммы, которую я по его поручению отправила 24 октября в Стокгольм — «Бесконечно благодарен, тронут, горд, удивлен, смущен» — он даже «под угрозой расстрела» не смог бы оскорбить Нобелевский комитет отказом. Варлам Шаламов был очень возмущен этим отказом Пастернака. Шаламов говорил мне: «Ведь одна Нобелевская стоит тысячи холуйских Сталинских премий!»

Объясняя причину отказа, Боря с горечью признался нам с Ариадной:

— Я не могу рисковать будущим Лени, которое мне дороже чести[162].

Оказалось, что 27 октября в МГУ Леню вызвали на беседу, где от него потребовали убедить отца отказаться от премии. В противном случае Леню как антисоветский элемент исключат из главного советского университета и сразу заберут в армию. А Евгения, члена КПСС, преподавателя института, видимо, подвергли еще более серьезной обработке. Когда вся страна и газета «Правда» клеймили предателя Пастернака, Евгения, несомненно, должны были уволить из вуза, если он не окажет давления на отца[163].

Мне было жаль детей Бори, и я не стала писать в книге об их роковой роли в нобелевские дни. Леня говорил мне об этом осенью 1976-го и просил прощения за клевету на нас с Ирой в 1960 году. Он позвонил мне, потрясенный гибелью Кости Богатырева, которого зверски убили подосланные органами люди.

Но от Евгения я никогда не слышала слов раскаяния за предательство отца и наговоры на нас с Ирой.

Поняв, в каком ужасающем состоянии находился Боря, Ариадна заявила:

— Я этого им никогда не прощу.

Аля вычеркнула из списка порядочных людей и Николая Банникова, ходившего в друзьях измалковского дома. В дни нобелевской травли Банников просто струсил и отказался помогать нам, заявив:

— Я не сумасшедший, чтобы бороться против власти. Это вам, лагерницам, нечего терять.

Ариадна прогнала поэта Бориса Слуцкого, когда тот пришел к ней в Тарусе и в слезах каялся за свое «мерзкое выступление» против Пастернака на судилище 27 октября 1958 года. Она навсегда отторгала людей,

совершивших предательство по отношению к Борису Пастернаку и Марине Цветаевой.

Эта непреклонность Ариадны особенно запомнилась мне в Тарусе, когда мы с Ирой гостили у нее после похорон Бори. Я увидела на соседнем участке Валерию Цветаеву, сводную сестру Марины, и заговорила с ней. Ариадна, услышав это, резко окликнула меня, попросив в чем-то помочь. Когда я подошла, Аля произнесла:

— Оля, я тебя убедительно прошу с этой дамой никогда ни о чем не говорить. Потом она объяснила причину своей неприязни:

— Узнав об отказе Валерии помочь Марине и Муру в 1939 году, когда меня и папу арестовали, я навсегда поставила крест на моих отношениях с ней.

Аля не пошла даже на похороны Валерии Цветаевой[164].

В 1970 году, когда праздновался юбилей Пастернака, я предложила Ариадне позвонить Евгению и Лене. Аля вся вспыхнула:

— Ну и дура ты, мать! После всех их подлостей по отношению к Боре, их предательства во время суда над вами[165] ты все изображаешь из себя миротворицу. Боря запретил тебе иметь дело с этими лжецами и трусами. Они тебя еще не раз оболгут и предадут. Таким не делай добра — не получишь зла.

С 1956 года рукопись романа находилась у Фельтринелли в Италии[166]. На Пастернака оказывали жесткое давление: его перестали печатать, отобрали заказы на переводы, запретили показ пьес в его переводах, лишив заработка в СССР[167].

Конечно, и меня лишили работы по переводам. Но с декабря 1957-го, после ошеломляющего успеха романа в Италии, Фельтринелли стал присылать Пастернаку через нарочных часть гонорара за роман. Деньги привозили прямо к Боре на дачу. При этом Фельтринелли просил Пастернака не отказываться от заказов на работу, чтобы не бросался сильно в глаза источник его денежных поступлений из-за границы. С 1958 года стали привозить деньги и от Жаклин — за роман, вышедший во Франции. В начале октября 1958 года Пастернаку привезли от Фельтринелли 20 тысяч рублей. После телеграммы с отказом от Нобелевской премии Боря послал 29 октября еще одну телеграмму в адрес Поликарпова. В ней он благодарил за присланного врача, но просил вернуть

заказ на переводы для Ивинской. Так Боря объяснял властям, что ему необходимо дать возможность зарабатывать деньги в своей стране, а не присылать ему в надсмотрщики литфондовских врачей[168].

С 1959 года доверенным лицом Фельтринелли в Москве стал немецкий журналист Хайнц Шеве. В марте 1959 года прокуратура запретила Пастернаку принимать иностранцев, и деньги за роман стали передавать через меня[169].

Выражая свой гнев в адрес семейства Пастернаков, предавших Борю, Ариадна сказала:

— Если Леню, быть может, можно простить, как простил его сам Боря, то с Евгением я даже рядом никогда не сяду[170].

Это выражение высшей неприязни прозвучало в устах Али как окончательный приговор[171].

Несмотря на отказ от Нобелевской премии, власть и писательская верхушка продолжали травлю Пастернака. 29 октября Семичастный клеймил антисоветчика Пастернака: «Пусть он убирается из страны в капиталистический рай». На общем собрании писателей 31 октября 1958 года, куда мы Бориса Леонидовича не пустили, извергался поток ненависти на Пастернака из уст Сергея Михалкова, Льва Ошанина, Виктора Перцова, Бориса Слуцкого, Владимира Солоухина, Александра Безыменского, Сергея Баруздина, Бориса Полевого, Галины Николаевой, Леонида Мартынова и других соучастников этого судилища.

Когда нам принесли записи выступлений, Ариадна вспомнила слова Марины Цветаевой: «Когда людей, скучивая, лишают лика, они делаются сначала стадом, потом сворою». Это была массовая злоба завистников, не читавших роман, стремление сделать на мутной волне карьеру и уберечь свою шкуру от порки за недостаточное рвение. В нобелевские дни в страхе покинули Пастернака завсегдатаи Большой дачи: Ливановы, Асмус, Сельвинский, Федин. Единицы не побоялись приходить к Борису Леонидовичу в Переделкино: Зоя Масленикова, Людмила Целиковская, Ивановы, Лидия Чуковская[172].

Наши усилия, а также поток писем протеста из-за рубежа против травли поэта помогли спасти Бориса Леонидовича от гибели. Костя Богатырев, наш верный и бесстрашный друг, принес зарубежную газету, где Эрнест Хемингуэй заявлял, что хочет поселить Пастернака у

себя и обеспечить ему условия для творчества. «Я каждый день думаю о Пастернаке», — писал Хемингуэй.

К концу 1958 года травля утихла, Пастернаку дали работу по переводу, но атмосфера на Большой даче сложилась тягостная. Боря подолгу стал оставаться у меня, где встречался с кругом верных друзей. Ариадна рассказала Константину Паустовскому в Тарусе о мрачной атмосфере вокруг Бори, о том, как предали Пастернака сыновья и обитатели Большой дачи. В декабре 1958-го Паустовский виделся с Пастернаком и предложил ему поехать со мною в Тарусу, чтобы «пожить там хотя бы месяц, выбраться из атмосферы унижения и предательства».

В начале января 1959-го Ариадна прислала Боре письмо с предложением приехать в Тарусу[173]. На Рождество Боря читал это письмо Али в нашей избе у шалмана и сказал:

— Да, Аля права! Это потрясение все прояснило. Нам надо уехать с тобой от фальши и предательств.

Он наметил дату отъезда, чтобы к старому Новому году мы были в Тарусе. При этом Боря произнес фразу, которую я вспомнила много лет спустя. Он сказал тогда: «Мне надо будет посоветоваться с врачом». Я понимала, что власти и органы будут мстить нам, а если Бори не станет — в тысячекратной степени мстить мне за роман, в котором, как утверждал Сурков и многие другие «советские спасители Пастернака», «антисоветские куски написаны под диктовку Ивинской». Власти будут мстить за Нобелевскую премию, за ненависть бездарных советских писателей к гению, которого я любила и оберегала.

После нашего ареста в 1960 году Сурков стал выступать с разоблачением нашей криминальной деятельности и тайного получения денег из-за границы. «Об этом, — с трибун и в официальных письмах бесстыдно врал Сурков, — не знал сам Пастернак и члены его семьи»[174]. Вещавшие на заграницу советские радиоголоса утверждали, что «клевещущие на советский строй главы романа „Доктор Живаго“ писала Ивинская, а Пастернак не мог ей отказать»[175].

«Это, — с серьезным видом заявлял Сурков, — и привело к невозможности опубликовать роман хорошего писателя в СССР». Причем бредни о моем участии в написании «Доктора Живаго», которое мне приписывали

на допросах в КГБ[176], возникали в головах многих разумных людей.

По этому поводу запомнился один эпизод. В начале 80-х годов ко мне пришла давняя знакомая по издательству и рассказала о своей встрече с Лидией Чуковской. Этой знакомой очень нравилась моя книга «В плену времени», и она об этом сказала Лидии. Чуковская отвечает: «Да, там много любопытного». Затем невзначай бросила: «Но неизвестно, кто написал эту книгу».

Затем разговор у них зашел о «Докторе Живаго», о том, что многие подробности истории романа стали впервые известны из моей книги. Лидия напомнила, что Ахматова не любила этот роман, хотя самой Чуковской «Доктор Живаго» очень нравился.

— Ахматова считала, что при наличии действительно пастернаковских ярких глав в романе много серых и маловыразительных страниц, которые, по твердому убеждению Ахматовой, писала Ольга. И я думаю, — подытожила Лидия Чуковская, — Ахматова не ошибалась[177].

Моя знакомая рассмеялась и съязвила:

— Ну да, поэтому Пастернак за Ольгу написал книгу «В плену времени».

За два дня до намеченного отъезда в Тарусу Борис Леонидович был на консультации у врача. Я узнала об этом много лет спустя. Боря ничего мне тогда об этом не рассказал. Он просто пришел ко мне и заявил, что не может ехать в Тарусу. Я возмутилась и назвала его эгоистом и позером. «Ты скоро все поймешь», — сказал Боря и вышел за порог избы. Я немедленно собралась и уехала в Москву.

Борис Леонидович не верил в наш разрыв. Он приходил в наш дом у шалмана, но я не появлялась там от обиды и горечи. Если Пастернак звонил на Потаповский, то я упорно отказывалась разговаривать с ним. Ариадна узнала о разладе и позвонила мне:

— Но ведь Боря без тебя там задохнется!

Я закричала ей в отчаянии:

— Он делает это сам, несмотря на мои и твои предостережения! Может, теперь он поймет, что так больше продолжаться не может и надо разорвать порочный круг Большой дачи.

20 января 1959 года Пастернак пишет стихотворение «Нобелевская премия», где две последние строфы — это

его смятение из-за расставания со мной, его правой рукой. В конце января Борис Леонидович передает это стихотворение корреспонденту «Дейли мейл» Энтони Брауну, но при этом заменяет две «мои строфы» на трафаретные строки. Стихотворение широко публикуют за рубежом, трактуя эти трафаретные строки — «Верю я, придет пора, / Силу подлости и злобы / Одолеет дух добра» — как призыв к свержению советского строя.

Поднялся переполох. Ариадна примчалась из Тарусы и заявила:

— Все, Ольга, игры закончились. Боря и так наказан, а теперь может и пачку нембутала проглотить. Спасай его скорее, пока не поздно.

Конечно, я бросилась в Переделкино и, целуя Борю при встрече, повторяла:

— Неужели ты думал, что я тебя когда-нибудь смогу бросить? Путаник ты мой.

Вновь потекли наши удивительные дни. Но резонанс в мире от «антисоветского» стихотворения «Нобелевская премия» не стихал.

В конце февраля 1959-го власти выслали Пастернака в Грузию на время приезда в СССР премьер-министра Англии, включившего в программу встречу с нобелевским лауреатом Борисом Пастернаком. Меня выслали в Ленинград — прошла молва о том, что журналисты хотят встретиться с «живой Ларой», о которой уже широко знали на Западе[178].

Боря присылал мне из Тбилиси каждый день удивительные письма, которые получала в Москве Ирина. В одном из таких его писем, которое органы перехватили, Боря сожалел, что струсил и дал увезти себя из Москвы, так как надеялся через англичан передать сестрам в Англию книги и подробное письмо о нобелевских днях.

После возвращения Бори из Тбилиси в марте 1959 года его в затрапезном виде усадили в машину и доставили к Генпрокурору СССР Руденко. Во время унизительного допроса Пастернака заставили подписать обязательство не встречаться с иностранцами. Меня также заставили подписать такое обязательство[179]. В противном случае нам угрожали арестом. Об этих грязных действиях властей Боря сообщил Жаклин во Францию письмом, которое мы переправили через Хайнца Шеве.

Позже, удивляясь злобе генпрокурора на стихотворение, Боря сокрушался, что ему попало за трафаретные строчки, которые он вписал, чтобы отделаться от английского корреспондента.

— Нет, они ничего не понимают в стихах. Лучше бы остались настоящие строчки о тебе, тогда мне попало бы только от Зины. Но я опять смалодушничал, — сознался Боря.

Я ему с улыбкой заметила:

— Всегда тебе говорила: пиши только правду!

И мы оба рассмеялись[180].

Привожу истинный текст стихотворения Пастернака «Нобелевская премия», опубликованный Ольгой Ивинской в ее книге:

НОБЕЛЕВСКАЯ ПРЕМИЯ

Я пропал, как зверь в загоне.
Где-то воля, люди, свет,
А за мною шум погони,
Мне наружу ходу нет.

Темный лес и берег пруда,
Если сваленной бревно.
Путь отрезан отовсюду.
Будь что будет — все равно.

Что ж посмел я намаракать,
Пакостник я и злодей?
Я весь мир заставил плакать
Над красой земли моей.

Все тесней кольцо облавы,
И другому я виной:
Нет руки со мною правой —
Друга сердца нет со мной!

Я б хотел, с петлей у горла,
В час, когда так смерть близка,
Чтобы слезы мне утерла
Правая моя рука.

Январь 1959

Об этом стихотворении Ольга Ивинская рассказывала с особым чувством:

> Когда в феврале 1959 года на время приезда английской делегации Пастернак был выслан в Тбилиси, а я в Ленинград, он ежедневно писал мне из ссылки письма. Как проболтался в подпитии один из сексотов, поселившийся у хозяйки Маруси в доме у шалмана в качестве дяди хозяйки, меня давно уже числили в досье органов махровой антисоветчицей, а в нашей комнате было спрятано подслушивающее устройство.
>
> В Ленинграде я жила у родственников, и там за мной, как мне сообщила знакомая, тоже следили. Видимо, боялись, что я вернусь в Москву до отъезда английской делегации. Боря уехал в Тбилиси с Зинаидой 20 февраля и пробыл там до 6 марта[181].
>
> Уже 21 февраля Боря пишет мне[182]: «Олюша, родная, пишу тебе на почте. <…> Все так чисты и правы кругом, и первая — ты. <…> Олюша, жизнь будет продолжаться, как она была раньше. По-другому я не смогу и не сумею. Никто не относится плохо к тебе. Только что дочь Н. А. (дочь Нины Табидзе, Нита. — О. И.) обвиняла меня в том, что, беря на себя такой риск, я потом ухожу от ответственности, сваливая все на твои плечи. Что это ниже меня и неблагородно. Крепко обнимаю тебя. Как удивительна жизнь. Как надо любить и думать. Твой Б.»
>
> 24 феваля Пастернак пишет: «Я ужасно, как всегда, люблю тебя. <…> Мне мерещится что-то очень хорошее впереди, неопределимое и незаслуженное, часть которого я сейчас предвосхищаю, мысленно крепко обнимая и целуя тебя».
>
> Из письма Бори от 26 февраля: «Олюша, любушка, золотая моя и мой ангел, я пишу тебе такие бессмысленные послания, прости меня. Что я тут делаю? Главным образом — скрываюсь. <…> Не могу дождаться, чтобы это окончилось поскорее и мы вернулись. Как было бы хорошо, если бы ты была в Москве, и Ирочке не приходилось отсылать писем».
>
> В своем последнем письме из ссылки от 4 марта Боря писал мне: «Олюша, золото мое, вчера я написал тебе последнее письмо вечером на почте. <…> Но вот

утром я вновь пишу тебе, радость и любовь моя <…> какое невероятное счастье, что ты есть на свете, что в мире есть едва представимая возможность разыскать и увидеть тебя. И ты меня терпишь, позволяешь изливать и вываливать тебе все, что от встречи к встрече накопилось и собралось у меня в мыслях и в душе. Я получил в дар от тебя это драгоценное право самозабвенно погружаться в бездну восхищения тобой и твоей одаренностью и снова, и дважды, и трижды твоей добротой <…> Обнимаю тебя, белая прелесть и нежность моя, ты благодарностью моею к тебе доводишь меня до безумия».

Я тоже уже извелась от разлуки с Борей. Когда он прилетел в начале марта из Тбилиси и позвонил, я помчалась в наш дом у шалмана. Боря пришел радостный и растерянный. После долгих жарких объятий стал читать стихотворение «Единственные дни». Оно меня поразило юношеской прелестью и дыханием весны. Прочитав последние строки «И дольше века длится день, / И не кончается объятье», Боря говорит:

— Это мой призыв к тебе. Давай всегда с тобою так жить!

Я грустно ему ответила:

— Конечно, давай только так жить… Но ведь тебе не разрешают.

Боря подарил мне автограф стихотворения «Единственные дни» со словами: «Для нашей жизни навсегда!»

Вадим Козовой называл стихотворение «Единственные дни» последним лирическим шедевром Бориса Пастернака, который не успел украсить тетрадь Юрия Живаго.

ЕДИНСТВЕННЫЕ ДНИ

На протяженьи многих зим
Я помню дни солнцеворота,
И каждый был неповторим
И повторялся вновь без счета.
<…>
Я помню их наперечет:
Зима подходит к середине,
Дороги мокнут, с крыш течет,
И солнце греется на льдине.

И любящие, как во сне,

Друг к другу тянутся поспешней.
И на деревьях в вышине
Потеют от тепла скворешни.

И полусонным стрелкам лень
Ворочаться на циферблате,
И дольше века длится день,
И не кончается объятье.

Март 1959

«ПЕРЕД КРАСОЙ ЗЕМЛИ В АПРЕЛЕ…»

(Последнее стихотворение Бориса Пастернака)

Об этом стихотворении Ольга Всеволодовна рассказала:

В апреле 1960 года на Пасху приехала из Германии Рената Швейцер. Боря вел с ней оживленную переписку с весны 1958-го, отмечал ее литературный дар и талант. Рената, как говорил Боря, сама писала неплохие стихи. Борю восхитило присланное ею стихотворение древнекитайского поэта о запахе мандарина и женщины.

Рената прислала его в ответ на откровенное письмо Пастернака о своей жизни и близких ему по духу женщинах. В этом письме, переправленном с нарочным через Рим, Боря писал: «Лара моего романа — Ольга Всеволодовна Ивинская. <…> Когда ты приедешь в Переделкино, я поведу тебя к Ольге, где идет моя настоящая жизнь и собираются близкие по духу люди»[183].

Когда Рената приехала в Переделкино, Боря привел ее в наш дом у шалмана. На встрече Боря оживленно и радостно исполнял роль переводчика. Рената была счастлива, много смеялась и просила меня «одолжить Борю хотя бы на месяц», пока у меня заживет раненая нога. Она забавно рассказала, как совсем недавно у нее с ногой происходило то же самое. Боря влюбленно смотрел на нас и шутил на тему мудрости султанов, которые имеют по несколько жен. Рената, получившая в письме от Пастернака несколько его фотографий, одну из них назвала «образом русского султана» и предлагала стать его «первой германской женой».

Мы строили радужные планы на будущее, на новые встречи, быть может, и в Берлине, куда Бориса Леонидовича уже несколько раз приглашали.

— Как прекрасна жизнь, когда встречаются близкие по духу люди! — восклицал Боря.

После отъезда Ренаты Боря пришел ко мне в возбужденном состоянии и повторял:

— Надо жить, как сердце велит, и надо уходить от фальши. Нельзя бесконечно надевать на себя личину безразличия в кругу ничтожеств и краснобаев. А те, без

которых нет настоящей жизни, находятся в черном теле.

Так зазвучала вновь тема его прошлогоднего несостоявшегося решения уехать со мной в Тарусу. В те апрельские дни 1960 года Боря написал стихотворение «Перед красой земли в апреле»[184].

Перед красой земли в апреле
Опять как вкопанный стою.
Но север держит в черном теле
Тебя, родимую мою.
<…>
Зачем отмалчиваться робко,
Свое заветное тая,
Зачем расхлебывать похлебку,
Которую варил не я.

Столом с посудой лучше грохну,
Пускай и отобью кулак,
Но с общим стадом не заглохну
В толпе ничтожеств и кривляк.

В компании личин и кукол
Комедии я не ломал
И в тон начальству не сюсюкал
В толпе льстецов и прихлебал.

Апрель 1960

«ГЕФСИМАНСКИЙ САД»

Когда мы говорили с Ольгой Ивинской о стихах из тетрадки Юрия Живаго, я спросил, почему завершающим стихотворением романа стал «Гефсиманский сад». Ольга Всеволодовна вспомнила дни, когда Пастернак завершил работу над романом:

Когда Боря закончил вторую часть, он как-то спросил у меня:

— Как ты думаешь, каким должно быть заключительное стихотворение романа?

Я отвечаю, что главным стихотворением считаю ошеломляющую «Рождественскую звезду».

— Да, да, — соглашается Боря, — и потому ее нельзя ставить в конце романа. Она должна быть в гуще всех

стихов Живаго, как вершина. И знаешь, роман они не разрешат напечатать по многим причинам. Нет там мысли о светлом будущем, которое они все еще сулят, сея на пути в никуда гибель и разрушение. Олюша, я успел завершить самый главный труд моей жизни, за который не стыжусь перед будущим. Знаю, что за него меня погонят на Голгофу. Быть может, лишь тебе после моей смерти удастся опубликовать роман со всеми стихами Живаго. А подачки в виде печатания урезанных главок и отдельных стихов из романа мне не нужны. Но не может такая подневольная и бездушная жизнь продолжаться вечно. Об этом я писал в дни отчаяния после твоего ареста[185] в стихотворении «Гефсиманский сад». Потому оно завершит тетрадь Юрия Живаго, — заключил наш разговор Боря.

Вы понимаете, почему я не могла написать об этом в своей книге о Пастернаке? Даже за то, что было мною рассказано в ней, я получила множество злобных угроз от советской писательской братии и представителей органов. Как мне передавали друзья, шли доносы с требованием предать меня суду за разглашение «закрытых материалов» собрания советских писателей, где злобной травле подвергли Пастернака. Его изгнали из Союза писателей и потребовали «выслать предателя из страны». Я думаю, меня спасло то, что власти решили сделать вид, будто моей книги вообще не существует. Ведь советские власти, как и я, считали, что эта книга при моей жизни не выйдет в России[186].

«Гефсиманский сад» пророчески предвосхитил огромный интерес столетий к творчеству Бориса Пастернака. Этому интересу способствовала и талантливая книга Ольги Ивинской «В плену времени. Годы с Борисом Пастернаком». Прочитав ее, известный знаток русской литературы Глеб Струве написал: «Несмотря на ГУЛАГ, Лара выполнила данное Пастернаку слово. Она будет долго жить в своих словах, написанных ею как пленником времени. Ее мощное писательское дарование — великолепное описание людей и событий — даст этой книге долгую жизнь. Пастернак знал, что делал, когда выбрал Ивинскую источником своего вдохновения».

ГЕФСИМАНСКИЙ САД

Мерцаньем звезд далеких безразлично
Был поворот дороги озарен.

Дорога шла вокруг горы Масличной,
Внизу под нею протекал Кедрон.
<…>
Смягчив молитвой смертную истому,
Он вышел за ограду. На земле
Ученики, осиленные дремой,
Валялись в придорожном ковыле.

Он разбудил их: «Вас Господь сподобил
Жить в дни мои, вы ж разлеглись, как пласт.
Час Сына Человеческого пробил.
Он в руки грешников себя предаст».
<…>
Неужто тьмы крылатых легионов
Отец не снарядил бы мне сюда?
И, волоска тогда на мне не тронув,
Враги рассеялись бы без следа.

Но книга жизни подошла к странице,
Которая дороже всех святынь.
Сейчас должно написанное сбыться,
Пускай же сбудется оно. Аминь.

Ты видишь, ход веков подобен притче
И может загореться на ходу.
Во имя страшного ее величья
Я в добровольных муках в гроб сойду.

Я в гроб сойду и в третий день восстану,
И, как сплавляют по реке плоты,
Ко мне на суд, как баржи каравана,
Столетья поплывут из темноты.

1948

«РОЖДЕСТВЕНСКАЯ ЗВЕЗДА»

В одной из первых бесед с Ивинской я спросил, как родилось такое ошеломляющее стихотворение — «Рождественская звезда». Ольга Всеволодовна вспомнила дни первых встреч с Борисом Пастернаком, которые ранее описала в своей книге, но в своем рассказе существенно дополнила:

Если для меня встреча с Борей и его любовь стали каким-то озарением, открывшим мне высший смысл жизни, то для него наша встреча стала встряской, которая пробудила Бориса Леонидовича от странной, многолетней творческой спячки. Ему вновь, как когда-то давно, в период «Сестры моей — жизни», строку стало диктовать чувство. Такого творческого всплеска к 56 годам жизни Пастернак уже не ожидал и был этим сильно удивлен. Провожая меня из редакции на Пушкинской площади до Потаповского переулка в начале зимы 1946 года, Борис Леонидович возбужденно и радостно говорил, что наша встреча даст ему силы возродиться и вновь начать писать стихи о красоте и тайне жизни.

Из окна моей комнатки на Потаповском Боря однажды увидел в вечернем небе свет яркой звезды. Глаза его вспыхнули, и он сказал:

— Да, да… это будет звезда Рождества, знаменующая начало моей новой жизни. Таким должно стать главное стихотворение романа.

Уже на одной из читок глав романа весной 1947-го Боря ошеломил всех собравшихся этим стихотворением. Но окончательный, полный вариант «Рождественской звезды», включенный позже в роман, прорвался ко мне в мордовский лагерь жарким изнуряющим летом 1951-го в зеленой Бориной тетрадке вместе с большим письмом. В тетрадке было и спасшее меня «Свидание». В письме Боря писал, что «это стихи тебе и о тебе». Письмо и тетрадь, как вы уже знаете, у меня отобрали. После реабилитации в 1988 году на мой запрос КГБ сообщил, что материалы моего дела переданы в их спецархив — ЦГАЛИ. «Рождественская звезда»[187] — вселенское стихотворение.

Известно, что Ахматова особенно ценила это стихотворение Пастернака и советовала Бродскому писать стихи о Рождестве, чтобы приблизиться к пастернаковской «Рождественской звезде». Первое из этих стихотворений, «Рождественский романс», Бродский написал через год после смерти Пастернака и ежегодно писал Рождественские стихи последние 30 лет своей жизни.

В известном интервью нобелевский лауреат Иосиф Бродский говорил: «Каждый год, на Рождество, я стараюсь написать по стихотворению. Это единственный день, к которому я отношусь более-менее серьезно». В разговоре с Соломоном Волковым

Бродский вспоминал: «Мы с Анной Андреевной обсуждали идею переложения Псалмов и всей Библии на стихи <…>, чтобы получилось не хуже, чем у Пастернака»[188].

РОЖДЕСТВЕНСКАЯ ЗВЕЗДА

Стояла зима.
Дул ветер из степи.
И холодно было младенцу в вертепе
На склоне холма.

Его согревало дыханье вола.
Домашние звери Стояли в пещере,
Над яслями теплая дымка плыла.

Доху отряхнув от постельной трухи
И зернышек проса,
Смотрели с утеса
Спросонья в полночную даль пастухи.
Вдали было поле в снегу и погост,
Ограды, надгробья,
Оглобля в сугробе,
И небо над кладбищем, полное звезд.

А рядом, неведомая перед тем,
<…>
Мерцала звезда по пути в Вифлеем.
Она пламенела, как стог, в стороне
От неба и Бога,
Как отблеск поджога,

Как хутор в огне и пожар на гумне.
Она возвышалась горящей скирдой
Соломы и сена
Средь целой вселенной,
Встревоженной этою новой звездой.
<…>
И странным виденьем грядущей поры
Вставало вдали все, пришедшее после.
Все мысли веков, все мечты, все миры,
Все будущее галерей и музеев,
Все шалости фей, все дела чародеев,
Все елки на свете, все сны детворы.

Весь трепет затепленных свечек, все цепи,
Все великолепье цветной мишуры…
…Все злей и свирепей дул ветер из степи…
…Все яблоки, все золотые шары.
<…>
Морозная ночь походила на сказку,
И кто-то с навьюженной снежной гряды
Все время незримо входил в их ряды.
Собаки брели, озираясь с опаской,
И жались к подпаску, и ждали беды.

По той же дороге, чрез эту же местность
Шло несколько ангелов в гуще толпы.
Незримыми делала их бестелесность,
Но шаг оставлял отпечаток стопы.
<…>
Светало. Рассвет, как пылинки золы,
Последние звезды сметал с небосвода.
И только волхвов из несметного сброда
Впустила Мария в отверстье скалы.

Он спал, весь сияющий, в яслях из дуба,
Как месяца луч в углубленье дупла.
Ему заменяли овчинную шубу
Ослиные губы и ноздри вола.

Стояли в тени, словно в сумраке хлева,
Шептались, едва подбирая слова.
Вдруг кто-то в потемках, немного налево
От яслей рукой отодвинул волхва.
И тот оглянулся: с порога на деву,
Как гостья, смотрела звезда Рождества.

1947

«Фауст» есть величайшее создание человеческого духа.

А. С. Пушкин

ПЕРЕВОД «ФАУСТА» ГЕТЕ

Несколько наших встреч с Ольгой Ивинской были посвящены беседам о работе Пастернака над переводом «Фауста». Рассказ Ольги Всеволодовны:

> Увлеченный переводом «Фауста», Борис Леонидович пишет в 1948 году сестре Ольге Фрейденберг в Ленинград: «Я с бешеной торопливостью перевожу первую часть гетевского „Фауста“».
>
> Началом своего творческого возрождения Пастернак считал стихотворение «Рождественская звезда», где засияли «все сны детворы, все миры». После «Рождественской звезды» он с особым чувством взялся за перевод «Фауста». Боря говорил, что «Фауст» — плод философских и эстетических воззрений Гете, которые формировались в течение всей жизни этого великого немца. Свою трагедию Гете писал более 50 лет и завершил ее незадолго до своей смерти. Борю поражало глубинное совпадение понимания роли женщины в судьбе поэта, воплощенного Гете в бессмертном «Фаусте», с его собственными жизненными принципами, что особенно заметно в стихотворениях Пастернака: «Магдалина», «Август», «Ева», «Вакханалия». Помню, однажды после репетиции спектакля, где мы были вместе с Борисом Леонидовичем, он вдруг говорит:
>
> — Знаешь, Олюшка, ведь нашу «Вакханалию» я написал вместо Гете. Он просто не успел.
>
> Пастернак был знаком только с одним переводом «Фауста» на русский язык — переводом Николая Холодковского, выполненным очень близко к тексту трагедии Гете[189]. Боря заметил, что в этом переводе неясно выражена главная мысль Гете о том, что в жизни и творчестве поэта всегда присутствует преклонение перед вселенской красотой и величием женщины. Она рождает новую жизнь, и из-за нее, во имя нее создаются все шедевры, все «чуда света», даже когда поэт прикрывает это именем Бога[190].
>
> Начав работу над переводом «Фауста», Боря сказал, что посвящает его мне, а я обещала ответить на его щедрость стихами. Боря просил меня записать эти стихи для него. Иногда Боря брал на прогулки отдельные куски перевода «Фауста» и читал их мне в лицах, но я всегда смущалась и отказывалась читать за Маргариту, очарованная колдовской стихией его стиха. Боря обещал к концу 1949-го закончить первую часть и дать мне ее на

ознакомление. Настал день 6 октября 1949 года, когда мы дольше обычного гуляли по Москве, не решаясь расстаться, будто в этот день нельзя было уходить друг от друга. Но меня ждали дома мама и дети, а у Бори в Лаврушинском также все были в сборе.

Уже в сумерках, усталые, мы сели на лавочку, и Боря обнял меня. Рядом присел какой-то мужчина в кожанке с газетой в руке и с раздражением стал нас разглядывать. Боря вздохнул и недовольно заметил: «Другого места, что ли, не нашлось?» Мы поднялись, и Боря проводил меня до подъезда в Потаповском. Он крепко поцеловал меня и медленно пошел за угол своим обычным маршрутом. Какая-то группа людей стояла на другой стороне Потаповского и, как мне показалось, следила за уходящим Пастернаком. Я не стала ужинать и с тревожным чувством села в своей комнатке за пишущую машинку. Стихи потекли сразу, как слезы:

Играй во всю клавиатуру боли,
И совесть пусть тебя не укорит
За то, что я, совсем не зная роли,
Играю всех Джульетт и Маргарит.
За то, что я не помню даже лица,
Прошедших до тебя.
С рожденья — ВСЕ ТВОЕ…

И вдруг в голове закружились невесть откуда взявшиеся строки:

А ты мне дважды отворял темницу
И все ж меня не вывел из нее…

Я сидела, недоумевая, откуда такие мрачные мысли, когда раздался громкий стук в дверь и затем топот множества тяжелых шагов, схожий с топотом копыт дикого стада. Группа мужчин в кожанках и в форме зловещих органов ввалилась в мою комнатушку и, зачитав какую-то бумагу о моей антисоветской деятельности, оборвала мою жизнь, уведя в бездонные казематы Лубянки. На столике в машинке осталось неоконченное послание Боре.

Уже в камере, вспоминая подробности моего ареста, я обратила внимание на то, как шел обыск: отбирались

все книги и бумаги, связанные с Борисом Леонидовичем. Изъяли все рукописи, записки, книжки, которые подарил мне Боря, надписывая широко и щедро. Забрали книги, подаренные мне Анной Ахматовой, а также стихи Цветаевой и Мандельштама, мои записи стихов других любимых поэтов. Самое подлое и трагичное состояло в том, что на Лубянке все эти драгоценные для меня книги и стихи были сожжены как «не относящиеся к делу». Уже после освобождения я с удивлением узнала, что Боре еще в 1949 году вернули надписанные им и подаренные мне книги.

Узнав от мамы о моем аресте, Боря вызвал на Гоголевский бульвар Люсю Попову, нашего верного и бесценного друга, художницу, влюбленную в его поэзию. На скамейке у метро «Дворец Советов» Пастернак расплакался и сказал Люсе:

— Вот теперь все кончено, я никогда ее не увижу. Это как смерть, даже хуже.

В разговорах он стал называть Сталина не иначе как убийцей. Боря понимал, что мой арест произошел по его указанию. Об этом мне также рассказал Фадеев, когда подвозил меня на машине из Переделкина в Москву в начале мая 1956 года. Через несколько дней Фадеев, не вынеся проклятий со стороны выживших в концлагерях писателей, покончил с жизнью.

Сталин любил стихи грузинских поэтов в переводах Пастернака, а стихи Пастернака о сталинской мудрости ранее печатались в главной советской газете «Правда». Но то, что доносили «наблюдатели» о содержании романа, раздражало вождя. В романе осуждалась братоубийственная гражданская война и не была отражена выдающаяся роль Сталина в революции.

Боль и отчаянье, испытанные после ареста Ольги, выражены в письме Пастернака от 15 октября 1949 года к Нине Табидзе: «Дорогой мой друг, Нина, подумайте, какое у меня горе, и пожалейте меня. Жизнь в полной буквальности повторила последнюю сцену „Фауста“ — Маргариту в темнице. Бедная моя Ольга последовала за дорогим нашим Тицианом[191]. Это случилось совсем недавно. Сколько она вынесла из-за меня[192]! И теперь еще это! <…> Измерьте степень ее беды и меру моего страдания. А страдание еще больше углубит мой труд, только проведет еще более резкие черты во всем моем существе и сознании. Но при чем она, бедная, не правда ли?»

В декабре 1949-го Пастернак пишет в Ленинград сестре Ольге Фрейденберг: «Моя знакомая и тезка твоя, о которой я тебе писал, попала в беду и переместилась в пространство, подобно когда-то Сашке[193]».

В том же декабре Пастернак пишет отчаянное письмо о своем несчастье самому дорогому другу — Ариадне Эфрон в туруханскую ссылку: «Только милая печаль моя попала в беду, вроде того, как ты когда-то раньше». Взволнованная Аля в письме просит Борю подробно написать ей о постигшей его беде[194].

Символично и горько звучат слова Ариадны в письме Пастернаку от 31 января 1950 года: «Безумно, бесконечно, с детских лет люблю и до последнего издыхания любить буду твои стихи[195]. Я знаю о твоей печали <…> страшная боль в сердце от своего и твоего страдания».

С будто утихшей болью в сердце Аля пишет Пастернаку в октябре 1952 года из Туруханска: «Вообще я ужасно тебя люблю (может быть, это наследственное), люблю, как только избранные избранных любят, то есть не считаясь ни с временем, ни с веком, ни с пространством, так — „поверх барьеров“. <…> Если бы не ты, я, наверно, была бы очень одинокой. Твоя Аля».

О пережитом в Лубянской тюрьме Ивинская пишет в своей книге:

> Допросы на Лубянке продолжались почти каждую ночь. Это была изощренная система угнетения жертвы. Я как-то держалась только потому, что из-за беременности получала разрешение спать до обеда. Другим арестованным на Лубянке не давали днем спать ни минуты, а ночью таскали на допросы. Следователь постоянно требовал от меня, чтобы я рассказывала об антисоветском романе и нашей подрывной деятельности[196].
>
> В марте 1950 года следователь Семенов меня известил:
>
> — Ну вот, вы так часто просили о свидании, и мы сейчас вам его даем. Приготовьтесь к встрече с Пастернаком.
>
> У меня все внутри похолодело: неужели Боря арестован и находится в подвалах Лубянки? Меня посадили в воронок и куда-то повезли. <…> Затем началось странное хождение по бесконечным лестницам вниз и вниз, куда-то в подвалы. Окончательно измученную, меня втолкнули в темное мертвящее холодом помещение и захлопнули дверь с каким-то

могильным лязгом. Когда глаза привыкли к полумгле, разглядела известковый пол с лужами воды, покрытые цинком столы и на них — укрытые кусками брезента неподвижные чьи-то тела. Голова стала кружиться от тошнотворного сладковатого запаха трупов. Значит, меня завели в морг и среди этих тел лежит мой любимый. Холод и ужас сковали меня, и я со стоном рухнула на ледяной пол. Тогда, в морге Лубянки, будто Бог мне внушил, что это подлая инсценировка, а Бори здесь не может быть.

Ивинская вспоминала:

Когда после смерти этого изверга Сталина я вернулась из лагеря и Боря слушал мой рассказ о страшном свидании в морге, он удивленно воскликнул:

— Ведь в это время я писал строки «Как будто бы железом, обмокнутым в сурьму, / Тебя вели нарезом по сердцу моему»!

Из морга меня вынесли полуживую. <…> Тащили под руки по лестницам и коридорам. Снова воронок и тряска в душном «хлебном» фургоне. Едва внесли в камеру, как я была разодрана чудовищной болью — начался выкидыш. Там, на Лубянке, погиб, не успев появиться на свет, наш с Борей ребенок[197].

После посещения Лубянки Пастернак написал Люсе Поповой 19 марта 1950 года:

«Дорогой друг мой, Люсенька! Я узнал о Вашем поведении уже несколько дней и все же решил, что должен написать Вам. Как я люблю Вас, Вы знаете. Теперь я восхищаюсь Вами! Я упиваюсь своей уверенностью в Вас. Так хорошо знать, твердо знать, что вот этот человек не способен на подлость, ни при каких обстоятельствах. Я целую Вас, моя славная девочка, крепко, крепко. Мой Леонардовский ангел, будьте здоровы.

Всегда искренне Ваш. Б. П.»

Из рассказа Ольги Ивинской:

Вернув Борису Леонидовичу все его письма ко мне и книги с его дарственными надписями, на Лубянке сожгли книги Ахматовой и других поэтов, подаренные мне в редакции «Нового мира», а также мои дневники

как «не имеющие отношения к делу». Позже, в 1958 году, Пастернак писал в откровенном письме Ренате Швейцер в Германию о моем аресте: «Ее посадили из-за меня как самого близкого мне человека, по мнению секретных органов. Ее геройству и выдержке я обязан тому, что меня в те годы не трогали».

Действовало изуверское указание свыше — держать Пастернака в напряжении, но показывать ему, что с властью надо сотрудничать, то есть угождать «хозяину». На уникального посетителя Лубянки, когда Пастернака вызвали к следователю Семенову, приходили под разными предлогами поглядеть десятки следователей других отделов этого зловещего каземата. Человек-паук — так определил облик Сталина Пастернак при встрече в 20-х годах — моим арестом хотел заставить Бориса Леонидовича изменить несоветский дух романа. В преддверии своего 70-летия (21 декабря 1949 года) кремлевский властитель хотел вынудить Пастернака написать о его, Сталина, гениальных заслугах в революции.

С 1947 года, после нескольких читок первых глав романа, которые проводились широко и открыто, стал проявляться несоветский характер произведения, а о роли Сталина не говорилось ни слова. Уже весной 1947 года Пастернака стали критиковать и обвинять в реакционном взгляде на советскую действительность. В марте газета «Культура и жизнь» публикует злобную статью Суркова о творчестве Пастернака. Органы стали создавать духовный вакуум вокруг поэта, лишая его общения с людьми, близкими по духу[198].

Известный драматург Александр Гладков, чья пьеса «Давным-давно» шла с аншлагами по стране и нравилась самому «хозяину», был знаком с Пастернаком еще по театру Мейерхольда. Гладков особенно сдружился с Борисом Леонидовичем в эвакуации, в Чистополе. Восхищенный пастернаковским переводом пьесы Шекспира «Антоний и Клеопатра», Гладков устроил ее читку перед труппой театра во МХАТе. Встреча прошла с большим успехом. Кроме пьесы Пастернака просили прочитать цикл стихов из романа, и его чтение ошеломило всех[199].

Запись в дневнике Гладкова от 19 сентября 1948 года: «Золотая осень сменилась ненастьем. По городу ходит рукопись

первой части романа Пастернака. Через несколько дней получу. Мне обещал ее достать Т. (видимо, Тарасенков. — *Б. М.*)». 1 ноября Гладков был арестован.

Еще одно предупреждение послали власти Пастернаку, продолжавшему читать друзьям и знакомым рукопись «несоветского» романа: весной 1949 года не выпустили из страны на конкурс пианистов в Варшаву Станислава Нейгауза, сына Зинаиды и Генриха Нейгауз. С 1931 года Станислав рос в доме Пастернака, и Борис Леонидович относился к нему как к родному[200].

Из книги Ольги Ивинской:

> Однажды на Лубянке меня привели на допрос к самому Абакумову[201], который спросил: «Почему так упрям твой Борис?» А потом со злобой в голосе произнес: «Должно быть, он нас так презирает и ненавидит»[202].
>
> Осужденная «тройкой» на пять лет лагерей по статье 58–10 части 1 «за антисоветскую агитацию и связь с лицами, подозреваемыми в шпионаже» (Пастернак числился на Лубянке как английский шпион), я была сослана в мордовский концлагерь. Узнав от мамы адрес концлагеря, Боря стал посылать мне письма. Но они до меня не доходили, так как письма не от родственников осужденным не отдавали. Тогда Боря уговорился с моей мамой и стал присылать мне свои чудесные письма от ее имени — Марии Николаевны Костко[203].
>
> Ко мне в лагерь приходили открытки, подписанные «твоя мама» и написанные рукой Бори и его сердцем. Читаю милый почерк в открытке от 31 мая 1951 года: «Дорогая моя, Олюша, прелесть моя! Б. на днях видел тебя во сне. Он послал тебе однажды большое письмо и стихи, кроме того, я послала как-то несколько книжек. Видимо, все это пропало. Бог с тобой, родная моя. Все это как сон. Целую тебя без конца. Твоя мама».
>
> Я стала просить начальство найти то письмо и стихи. Измученная концлагерем, совсем зачахла и попала в лазарет. Видимо, это куда-то донесли наверх и вдруг, в конце жаркого лета 1951 года, в лагерь прорвалась Борина зеленая тетрадка со стихами и его большое письмо на 12 страницах. Он написал, что эти стихи — выражение его боли и любви ко мне. Стихи Евангельского цикла и пронзительное «Свидание» вернули меня к жизни[204].

На мой вопрос о судьбе того письма и тетрадки со стихами Ольга Всеволодовна сказала:

— Борины письмо и тетрадка со стихами были отправлены в мое дело в КГБ, а теперь должны находиться в ЦГАЛИ[205].

Ивинская продолжила:

> Наступил март 1953 года, и изверг, 30 лет истязавший страну, уничтоживший миллионы ее ярких умов и талантов, «наконец сдох» (слова актрисы Любови Орловой). Меня освободили 4 мая 1953 года по ворошиловской амнистии. Вскоре я вернулась в Москву, где мне не разрешалось постоянно жить.
>
> У Бори возникла какая-то боязнь первой встречи. Ему казалось, что я буду после концлагеря опустошенной и уродливой, а его преклонение перед красотой женщины было абсолютным. Волнение охватило меня, а Борю, как он мне позже сказал, пробирала дрожь, когда приближалось время нашей встречи у любимой скамейки на Чистых прудах. Я надела его любимое платье, которое, как рассказала мне мама, Боря не разрешил продать после моего ареста. Маму и детей спасла постоянная помощь Бориса Леонидовича. Он не забывал о моих близких, даже попав в больницу с инфарктом осенью 1952 года.
>
> Я спешила на встречу с Борей. Повернув с Потаповского переулка к бульвару, перешла трамвайную линию Аннушки и сразу увидела издали Борю, вышагивающего у нашей скамейки. На ней он не смог поцеловать меня в тот последний вечер 1949 года перед арестом из-за мрачного типа, следившего за нами самым наглым образом. Мое сердце тревожно забилось, и я ускорила шаги. Боря, как от удара током, поднял глаза и застыл, словно завороженный. А затем бросился ко мне, обхватил, стал беспрерывно целовать, и слезы лились градом. На окружающих мы не обращали внимания, да и они, видимо, понимали, что происходило. Тогда многие возвращались из сталинских тюрем и концлагерей. А когда, обнявшись, мы пошли по аллее бульвара, Боря сказал:
>
> — Знаешь, Олюшка, а ты стала еще краше.
>
> Потом наступило наше удивительное измалковское житие, когда Боря молодел день ото дня, несмотря на его перламутровую седину. Его охватил небывалый творческий подъем. Написаны были одиннадцать

стихотворений в тетрадь Юрия Живаго, по-новому создавалась вторая часть романа, и энергично изменялся перевод «Фауста».

Боря постоянно просил меня рассказывать о тюрьме и концлагере. Я делала это неохотно, невольно возникали картины человеческой низости, предательства и лжи во имя угоды «кумовьям» и наглому лагерному начальству.

Боря повторял, что это не должно забываться. Слушая мои печальные лагерные повести, Боря нередко плакал, нежно обнимал меня и тихо повторял:

— Как хорошо, что ты не сломалась, не озлобилась. Бог тебя сохранил для меня, и теперь мы всегда будем вместе.

В один из июльских дней он читал мне в Измалкове новую строфу перевода о первой встрече Фауста с Маргаритой:

О небо, вот так красота!
Я в жизни не видал подобной.
Как неиспорченно-чиста
И как насмешливо-беззлобна!

— Это мои слова о тебе, Олюшка, — говорил мне Боря.

Каждый день стали появляться новые части перевода «Фауста». Боря радовался:

— Я опять говорю, Лелюша, губами Фауста, словами Фауста, обращенными к Маргарите: «Как ты бледна, моя краса, моя вина». Это все тебе адресовано. Ведь «Фауст» почти весь — про нас с тобой, я его чувствую всей дрожью жилок. Я знаю, что не успел написать Гете, и хочу это дать в переводе, даже отходя от текста оригинала.

В письме к Ольге Фрейденберг 30 декабря 1953 года Пастернак сообщал: «Мне удалось переделать чудовищную махину обоечастного Фауста, как мне хотелось».

Осенью 1953 года перевод «Фауста» вышел в свет, и Пастернак с гордостью рассылал его многим своим близким друзьям. Отвечая на восторженную реакцию сестры, восхищавшейся силой перевода, Пастернак написал ей 7 января 1954 года:

Я знаю, что много хорошего в переводе. Но как мне рассказать тебе, что этот «Фауст» весь был в жизни, что он переведен кровью сердца, что одновременно с работой и рядом с ней были и тюрьма, и прочее, и все эти ужасы, и вина, и верность. <…> Не хватило смелости отойти от буквы подлинника чуть-чуть больше в сторону на свободу. В остальном же все звучит и выглядит, как мне хотелось, все отлилось в ту форму, о которой я мечтал. <…> Я не могу ничего тебе сказать о том подпольном признании, которым балует меня судьба. <…> Мне ХОРОШО, Оля!

Ольга Всеволодовна показала мне книгу с переводом «Фауста», оформленную замечательными гравюрами Андрея Гончарова, с дарственной надписью-признанием Пастернака: «Олюша, выйди на минуту из книжки, сядь в стороне и прочти ее. Твой Боря. 18 ноября 53 года»[206].

На мой вопрос, почему Пастернак сделал такую надпись, Ольга Всеволодовна пояснила:

Художник Гончаров изобразил Маргариту в книге очень похожей на меня[207]. Когда я удивленно сказала об этом Боре, он ответил, что Гончаров «видел нас вместе несколько раз в театре и хорошо запомнил твою ясность и красоту. Он показывал мне несколько рисунков Маргариты, и я был доволен тем, как он тебя, Олюшка, представлял».

Пастернак написал сестрам в Англию обо мне, и затем мы обменялись письмами. Из письма в августе 1958 года, посланного Пастернаком сестре Жозефине: «Если хотите знать, какая Ольга Всеволодовна с виду, взгляните на страницу 190 книги, на Маргариту у окна, она почти списана с нее. Покажите эту иллюстрацию Жоржу, когда он вернется, чтобы он подтвердил вам сходство[208]».

О своих переводах Шекспира Боря написал: «Подобно оригиналу, перевод должен производить впечатление жизни, а не словесности».

Трагедия «Фауст» в переводе Пастернака была представлена музею Гете в Веймаре, и Борис Леонидович получил в награду от музея памятную медаль Гете с профилем великого немца.

И.-В. ГЕТЕ. «ФАУСТ»

ПОСВЯЩЕНИЕ

Вы снова здесь, изменчивые тени,
Меня тревожившие с давних пор,
Найдется ль наконец вам воплощенье,
Или остыл мой молодой задор?
Но вы, как дым, надвинулись, виденья,
Туманом мне застлавши кругозор.
Ловлю дыханье ваше грудью всею
И возле вас душою молодею.
Вы воскресили прошлого картины,
Былые дни, былые вечера.
Вдали всплывает сказкою старинной
Любви и дружбы первая пора.
<…>
И я прикован силой небывалой
К тем образам, нахлынувшим извне,
Эоловою арфой прорыдало
Начало строф, родившихся вчерне.
Я в трепете, томленье миновало,
Я слезы лью, и тает лед во мне.
Насущное отходит вдаль, а давность,
Приблизившись, приобретает явность.

ВСТУПЛЕНИЕ

ДИРЕКТОР ТЕАТРА, ПОЭТ И КОМИЧЕСКИЙ АКТЕР

Вы оба, средь несчастий всех
Меня дарившие удачей,
Здесь, с труппою моей бродячей,
Какой мне прочите успех?
Мой зритель в большинстве неименитый,
И нам опора в жизни — большинство.
Столбы помоста врыты, доски сбиты,
И каждый ждет от нас невесть чего.
<…>
Что может быть приятней многолюдства,
Когда к театру ломится народ
И, в ревности дойдя до безрассудства,
Как двери райские, штурмует вход?
Нет четырех, а ловкие проныры,

Локтями в давке пробивая путь,
Как к пекарю за хлебом, прут к кассиру
И рады шею за билет свернуть.
Волшебник и виновник их наплыва,
Поэт, сверши сегодня это диво.

ПОЭТ

Не говори мне о толпе, повинной
В том, что пред ней нас оторопь берет.
Она засасывает, как трясина,
Закручивает, как водоворот.
Нет, уведи меня на те вершины,
Куда сосредоточенность зовет,
Туда, где Божьей созданы рукою
Обитель грез, святилище покоя.
Что те места твоей душе навеют,
Пускай не рвется сразу на уста.
Мечту тщеславье светское рассеет,
Пятой своей растопчет суета.
Пусть мысль твоя, когда она созреет,
Предстанет нам законченно чиста.
Наружный блеск рассчитан на мгновенье,
А правда переходит в поколенья.
<…>

ДИРЕКТОР

<…>
Собою упоенный небожитель,
Спуститесь вниз на землю с облаков!
Поближе присмотритесь: кто ваш зритель?
Он равнодушен, груб и бестолков.
Он из театра бросится к рулетке
Или в объятья ветреной кокетки.
А если так, я не шутя, дивлюсь:
К чему без пользы мучить бедных муз?
<…>

ПОЭТ

Ступай, другого поищи раба!
Но над поэтом власть твоя слаба,
Чтоб он свои священные права

Из-за тебя смешал преступно с грязью.
Чем сердце трогают его слова?
Благодаря ли только громкой фразе?
Созвучный миру строй души его —
Вот этой тайной власти существо.
<…>
Кто подвиги венчает? Кто защита
Богам под сенью олимпийских рощ?
Что это? — Человеческая мощь,
В поэте выступившая открыто.

КОМИЧЕСКИЙ АКТЕР

Воспользуйтесь же ей по назначенью.
Займитесь вашим делом вдохновенья
Так, как ведут любовные дела
Как их ведут? Случайно, спрохвала.
Дружат, вздыхают, дуются — минута,
Другая, и готовы путы.
Размолвка, объясненье — повод дан,
Вам отступленья нет, у вас роман.
Представьте нам такую точно драму.
Из гущи жизни загребайте прямо.
Не каждый сознает, чем он живет.
Кто это схватит, тот нас увлечет.
В заквашенную небылицу
Подбросьте истины крупицу.
<…>

ПОЭТ

Тогда верни мне возраст дивный,
Когда все было впереди
И вереницей беспрерывной
Теснились песни из груди.
В тумане мир лежал впервые,
И, чуду радуясь во всем,
Срывал цветы я полевые,
Повсюду росшие кругом.
Когда я нищ был и богат,
Жив правдой и неправде рад.
Верни мне дух неукрощенный,
Дни муки и блаженства дни,
Жар ненависти, пыл влюбленный,

Дни юности моей верни!

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

УЛИЦА

(Фауст. Маргарита проходит мимо)

ФАУСТ

Рад милой барышне служить.
Нельзя ли мне вас проводить?

МАРГАРИТА

Я и не барышня и не мила,
Дойду без спутников домой, как шла.

(Увернувшись, уходит)

ФАУСТ

О небо, вот так красота!
Я в жизни не видал подобной.
Как неиспорченно-чиста
И как насмешливо-беззлобна!
Багрянец губ, румянец щек, —
Я их вовеки не забуду!
Несмело покосилась вбок,
Потупив взор, — какое чудо!
А как ответила впопад!
Нет, это прелесть, это клад!

(Входит Мефистофель)

ФАУСТ

Сведи меня с той девушкой.

МЕФИСТОФЕЛЬ

С которой?

ФАУСТ

Которую я на углу настиг.

МЕФИСТОФЕЛЬ

Она сейчас лишь вышла из собора,
Где отпустил грехи ей духовник.
Я исповедь подслушал, в ту же пору
За нею тайно прошмыгнувши вслед.
Ей исповедоваться нет причины,
Она, как дети малые, невинна,
И у меня над нею власти нет.

ФАУСТ

Ей более четырнадцати лет.

МЕФИСТОФЕЛЬ

Ты судишь, как какой-то селадон.
Увидят эти люди цвет, бутон,
И тотчас же сорвать его готовы.
Все в мире создано для их персон.
Для них нет в жизни ничего святого.
Нельзя так, милый. Больно ты востер.

ФАУСТ

Напрасный труд, мой милый гувернер.
Я обойдусь без этих наставлений.
Но вот что заруби-ка на носу:
Я эту ненаглядную красу
В своих объятьях нынче унесу
Или расторгну наше соглашенье.
<…>

ВЕЧЕР

МЕФИСТОФЕЛЬ (оглядывая комнату Маргариты)
Порядок у нее какой!
(Уходит)

ФАУСТ (осматриваясь кругом)
Любимой девушки покой,
Святилище души моей,
На мирный лад меня настрой.

Своею тишиной обвей!
Невозмутимость, тишь да гладь,
Довольство жизнью трудовой
Кладут на все свою печать,
Налет неизгладимый свой.
<…>
(Открывает полог кровати)
Я весь охвачен чудной дрожью.
Часами бы стоял я здесь один,
На ложе, глядя как на балдахин,
Где созданный природой ангел божий
Сначала развивался, как дитя,
И подрастал, играя и шутя,
И вдруг, созрев душевно и телесно,
Стал воплощеньем красоты небесной,
А ты зачем пришел сюда?
Таким ты не был никогда.
Чем ты взволнован? Чем терзаем?
Нет, Фауст, ты неузнаваем.
Дыханье мира и добра
Умерило твои влеченья.
Неужто наши настроенья
Воздушных веяний игра?
Когда б она, не чая зла,
Сейчас бы в комнату вошла,
В каком бы страхе и смущенье
Ты бросился бы на колени!
<…>

САД
(Фауст встречает Маргариту)

ФАУСТ
Поверь, мой ангел, то, что мы зовем
Ученостью, подчас одно тщеславье.

МАРГАРИТА

Ужель?

ФАУСТ

О, как в неведенье своем
Невинность блещет, как алмаз в оправе,

Не помышляя о своей цене,
Своих достоинств ни во что не ставя!

МАРГАРИТА

Хоть миг вниманья подарите мне,
И я всегда вас помнить буду вправе.

ФАУСТ

И ты все дома?

МАРГАРИТА

Больше все одна.
Хотя у нас хозяйство небольшое,
Сноровка в доме все равно нужна:
Мы без служанки, я стираю, мою,
Готовлю, подметаю, шью, все — я.
Возни и спешки — только б с ног не сбиться,
И матушка строга: насчет шитья
Она сама большая мастерица!
Не то чтоб находились мы в нужде,
Скорее мы с достатком горожане.
Отец семье оставил состоянье,
И сад, и домик малый в слободе.
Теперь я не тружусь чуть свет спросонку,
Как год назад:
В солдатах брат
И умерла сестренка,
А то я отдавала все ребенку.
Но рада б муки все вернуть назад
За милый детский взгляд,

ФАУСТ

Взгляд, вероятно, херувима,
Единственно с твоим сравнимый.
<…>

ФАУСТ

Ты что, букет
Или венок плетешь?

МАРГАРИТА

Нет, так, пустое.

ФАУСТ

Нет, что же ты?

МАРГАРИТА (шепчет)

Не смейтесь надо мною!

ФАУСТ

Что шепчешь ты?

МАРГАРИТА (вполголоса)

Не любит. Любит. Нет.

ФАУСТ

О прелесть ты моя!

МАРГАРИТА (продолжает)

Не любит. Любит!
Не любит.
(Обрывая последний лепесток, громко и радостно)
Любит!

ФАУСТ

Любит! Да, мой свет!
Гаданье этот узел пусть разрубит!
Он любит, любит, вот цветка ответ.
Вмести, постигни это торжество!

МАРГАРИТА

Я вся дрожу.

ФАУСТ

Не бойся ничего!
Пусть этот взгляд
И рук пожатье скажут
О необъятном том,
Пред чем слова — ничто,
О радости, которая нам свяжет
Сердца.
Да, да, навеки без конца!
Конец — необъяснимое понятье,
Печать отчаянья, проклятья
И гнев творца.

Маргарита сжимает ему руки, вырывается и убегает.
Фауст не сразу приходит в себя и, овладев собою, идет за нею.

ЛЕСНАЯ ПЕЩЕРА

ФАУСТ (один)

Пресветлый дух, ты дал мне, дал мне все,
О чем просил я. Ты не понапрасну
Лицом к лицу явился мне в огне.
Ты отдал в пользованье мне природу.
Дал силу восхищаться ей. Мой глаз
Не гостя дружелюбный взгляд без страсти, —
Но я могу до самого нутра
Заглядывать в нее, как в сердце друга.
<…>
Где б ни был я, в какие бы пределы
Ни скрылся я, она со мной слита
И я завидую Христову телу:
Его касаются ее уста.

МЕФИСТОФЕЛЬ

Я вспомнил пастбище средь роз
И ланей, символы желанья.

ФАУСТ

Прочь, сводник!

МЕФИСТОФЕЛЬ

Ты меня до слез
Смешишь потоком этой брани.
Создав мальчишек и девчонок,
Сам бог раскрыл глаза с пеленок
На этот роковой вопрос.
Что ж растерялся ты? Вперед!
Тебя свиданье с милой ждет,
А не палач, не эшафот!

ФАУСТ

Ах, даже к ней упав на грудь
И в неге заключив в объятье,
Как мне забыть, как зачеркнуть
Ее беду, мое проклятье?
Скиталец, выродок унылый,
Я сею горе и разлад,
Как с разрушительною силой
Летящий в пропасть водопад.
А рядом девочка в лачуге
На горном девственном лугу,
И словно тишина округи
Вся собрана в ее кругу.
И, видишь, мне, злодею, мало,
Что скалы с места я сдвигал
И камни тяжестью обвала
В песок и щебень превращал!
Еще мне надобно, подонку,
Тебе в угоду, палачу,
Расстроить светлый мир ребенка!
Скорей же к ней, в ее уют!
Пусть незаметнее пройдут
Мгновенья жалости пугливой,
И в пропасть вместе с ней с обрыва
Я, оступившись, полечу.

МЕФИСТОФЕЛЬ

Опять кипит, опять в обиде!
Ступай утешь ее, глупец!

В смятенье выхода не видя,
Ты думаешь: всему конец?
Ты был всегда храбрец мужчина,
Так что ж ты пятишься назад?
Что оробел ты, дурачина,
Когда тебе сам черт не брат?

КОМНАТА ГРЕТХЕН

ГРЕТХЕН (одна за прялкой)

Что сталось со мною?
Я словно в чаду.
Минуты покоя
Себе не найду.
Чуть он отлучится,
Забьюсь, как в петле,
И я не жилица
На этой земле.
В догадках угрюмых
Брожу, чуть жива,
Сумятица в думах,
В огне голова.
Что сталось со мною?
Я словно в чаду.
Минуты покоя
Себе не найду.
Гляжу, цепенея
Часами в окно.
Заботой моею
Все заслонено.
И вижу я живо
Походку его,
И стан горделивый,
И глаз колдовство.
И, слух мой чаруя,
Течет его речь,
И жар поцелуя
Грозит меня сжечь.
Что сталось со мною?
Я словно в чаду.
Минуты покоя
Себе не найду.
Где духу набраться,

Чтоб страх победить,
Рвануться, прижаться,
Руками обвить?
Я б все позабыла
С ним наедине,
Хотя б это было
Погибелью мне.

САД МАРТЫ

Маргарита и Фауст

МАРГАРИТА

Пообещай мне, Генрих!

ФАУСТ

Ах,
Все, что в моих руках!

МАРГАРИТА

Как обстоит с твоею верой в Бога?
Ты добрый человек, каких немного,
Но в деле веры просто вертопрах.

ФАУСТ

Оставь, дитя! У всякого свой толк.
Ты дорога мне, а за тех, кто дорог,
Я жизнь отдам, не изощряясь в спорах.

МАРГАРИТА

Нет, верить по Писанию твой долг.

ФАУСТ

Мой долг?

МАРГАРИТА

Ах, уступи хоть на крупицу!
Святых даров ты, стало быть, не чтишь?

ФАУСТ

Я чту их.

МАРГАРИТА

Но одним рассудком лишь,
И тайн святых не жаждешь приобщиться.
Ты в церковь не ходил который год?
Ты в Бога веришь ли?

ФАУСТ

О, милая, не трогай
Таких вопросов. Кто из нас дерзнет
Ответить, не смутясь: «Я верю в Бога»?
А отповедь схоласта и попа
На этот счет так искренне глупа,
Что кажется насмешкою убогой.

МАРГАРИТА

Так ты не веришь, значит?

ФАУСТ

Не коверкай
Речей моих, о свет моих очей!
Кто на поверку,
Разум чей
Сказать осмелится: «Я верю»?
Чье существо
Высокомерно скажет: «Я не верю»?
В него,
Создателя всего,
Опоры
Всего: меня, тебя, простора
И самого себя?
Или над нами неба нет,
Или земли нет под ногами,
И звезд мерцающее пламя
На нас не льет свой кроткий свет?
Глаза в глаза тебе сейчас

Не я ль гляжу проникновенно,
И не присутствие ль вселенной
Незримо явно возле нас?
Так вот, воспрянь в ее соседстве,
Почувствуй на ее свету
Существованья полноту
И это назови потом
Любовью, счастьем, божеством.
Нет подходящих соответствий,
И нет достаточных имен,
Все дело в чувстве, а названье
Лишь дым, которым блеск сиянья
Без надобности затемнен.
<…>

МАРГАРИТА

Но мне пора домой.

ФАУСТ

Постой.
Хоть раз нельзя ли без боязни
Побыть часочек мне с тобой —
Грудь с грудью и душа с душой?

МАРГАРИТА

Ах, если б я спала одна,
Сегодня ночью, веришь слову,
Я б не задвинула засова.
Но рядом дремлет мать вполсна.
Когда бы нас она застала,
Я б тут же замертво упала!

ФАУСТ

О, вздор! Вот с каплями флакон.
Немного их накапай в воду,
Дай выпить ей, и до восхода
Ее охватит крепкий сон.

МАРГАРИТА

Ты у меня не знал отказа.
А эти капли без вреда?

ФАУСТ

Я б не дал их тебе тогда.

МАРГАРИТА

Чуть я тебя увижу, сразу
Все рада сделать для тебя.
Тебе я, кажется, любя,
Так много отдала в прошедшем,
Что жертвовать уж больно нечем.
(Уходит)

МЕФИСТОФЕЛЬ (входя)
Ну что, ушла твоя овца?
<…>

НА ГОРОДСКОМ ВАЛУ

ГРЕТХЕН

К молящей
Свой лик скорбящий
Склони в неизреченной доброте,

С кручиной Смотря на сына
Простертого в мученьях на кресте,
И очи
Возведши
За помощью отчей в вышине!

Кто знает,
Как тают
По капле силы у меня внутри?

Лишь пред тобой я вся как на ладони.
О, пожалей меня и благосклонней
На муку и беду мою воззри!

Где шумно, людно,
Дышать мне трудно,

Поднять глаза на посторонних срам,

А дома волю
Слезам от боли
Даю, и сердце рвется пополам.
<…>
Меня застало солнце в спальной
Давным-давно без сна.
Я думою своей печальной
Была пробуждена.

Спаси меня от мук позора.
Лицо ко мне склоня!
Единая моя опора,
Услышь, услышь меня!
<…>

ТЮРЬМА
(Фауст со связкой ключей перед железной дверцей)

ФАУСТ

Сжимается от боли сердце,
Грудь скорбью мира стеснена.
За этою железной дверцей,
Ни в чем не винная, она.
Ты медлишь, ты войти не смеешь,
С ней встретиться лицом к лицу?
Живей! Пока ты цепенеешь,
Ты близишь жизнь ее к концу!
(Берется за замок)

ГОЛОС МАРГАРИТЫ

Чтоб вольнее гулять,
Извела меня мать,
И отец-людоед
Обглодал мой скелет,
И меня у бугра
Закопала сестра
Головою к ключу.
Я вспорхнула весной
Серой птичкой лесной.

И лечу.

ФАУСТ (отворяя дверь)

Ей невдомек, что я сломал засов
И слышу песнь ее и шум шагов.
(Входит в камеру)

МАРГАРИТА (прячась на подстилке)

Идут за мною! Скоро под топор!

ФАУСТ (вполголоса)

Молчи, мы увезем тебя и спрячем.

МАРГАРИТА (у него в ногах)

Будь милостив! Смягчи свой приговор!

ФАУСТ

Ты спящих сторожей разбудишь плачем.
(Старается разбить ее цепи)

МАРГАРИТА (на коленях)

Кто дал тебе, мучитель мой,
Власть надо мною, бесталанной?
Дай до утра дожить! Постой!
Казнь завтра ведь! Что ж ты так рано
За мной врываешься сюда?
(Встает)
Я молода, я молода
И умираю так нежданно!
То был моей красы расцвет,
Она меня и погубила.
Со мной был милый, ныне нет.
Опал венок, увял букет.
Не жми меня с такою силой,
А лучше б от могилы спас!
Я зла тебе не причинила,
Тебя я вижу в первый раз.

ФАУСТ

Как эту боль мне превозмочь?

МАРГАРИТА

Сейчас пойду, лишь миг отсрочь!
Я б грудью покормила дочь.
Мне дали ночь проплакать с нею,
А утром отняли, злодеи,
И говорят — мои дела,
Сама-де в лес ее снесла,
Как в сказке есть про двух малюток.
Я вся дрожу от этих шуток
И оттого невесела.

ФАУСТ (на коленях перед нею)

Твой милый рядом и мгновенно
Освободит тебя из плена.

МАРГАРИТА (падая рядом с ним, на колени)

Скорей вдвоем
На колени станем
И к небу взовем
Пред святым изваяньем!
Смотри, под стенами
Этой темницы
Всеми огнями
Ад дымится,
И смеха раскаты
Его, супостата!

ФАУСТ (громко)

Гретхен! Гретхен!

МАРГАРИТА (прислушиваясь)

То голос друга, как когда-то!
Спасенье! Наше место свято!
(Вскакивает. Цепи падают.)
Не страшно ничего ничуть!

Ушам поверить я не смею,
Где он? Скорей к нему на шею!
Скорей, скорей к нему на грудь!
Сквозь мрак темницы неутешный,
Сквозь пламя адской тьмы кромешной,
И улюлюканье, и вой
Он крикнул «Гретхен!», милый мой!

ФАУСТ

Я тут!

МАРГАРИТА (обнимая его)

Ты тут? О, повтори!
Он тут! Он тут! Он все исправит!
Где ужас завтрашней зари?
Где смерть? Меня не обезглавят,
Я спасена!
Я в мыслях у того угла,
Где встретила тебя впервые.
Вот сад и деревца кривые,
Где с Мартой я тебя ждала.

ФАУСТ (с поспешностью)

Идем! Идем!

МАРГАРИТА

Давай в покое
Побуду миг один с тобою!
(Прижимается к нему)

ФАУСТ

Спеши!
Кругом ни души.
Мы дорого заплатим
За то, что время тратим.

МАРГАРИТА

Разлуки срок был невелик,

А ты от ласк совсем отвык
И холоден к моим объятьям!
Что мне с тобой такая жуть?
Ты разучился целоваться!
Бывало, станем обниматься,
И страшно — разорвется грудь.
И вдруг — какой-то холод, муть!
Целуй меня! Ах, ты так вял.
Тебя сама я поцелую!
(Обнимает его)
<…>

ФАУСТ

Дверь настежь! Только захоти!

МАРГАРИТА

Нельзя и некуда идти,
Да если даже уйти от стражи,
Что хуже участи бродяжьей?
С сумою по чужим одной
Шататься с совестью больной,
Всегда с оглядкой, нет ли сзади
Врагов и сыщиков в засаде!

ФАУСТ

Тогда я остаюсь с тобой.

МАРГАРИТА

Скорей! Скорей!
Спаси свою бедную дочь!
Прочь,
Вдоль по обочине рощ,
Через ручей, и оттуда
Влево с гнилого мостка,
К месту, где из пруда
Высунулась доска.
Дрожащего ребенка
Когда всплывет голова,
Хватай скорей за ручонку.
Она жива, жива!

ФАУСТ

Опомнись! Только лишь шаг,
И прочь неволя и страх!
Но каждый миг нам дорог.

МАРГАРИТА

О, только б пройти пригорок!
На камушке том моя мать
(Мороз продирает по коже!),
На камушке том моя мать
Сидит у придорожья.
Она кивает головой,
Болтающейся, неживой,
Тяжелою от сна.
Ей никогда не встать. Она
Старательно усыплена
Для нашего веселья.
Тогда у нас была весна.
Где вы теперь, те времена?
Куда вы улетели?

ФАУСТ

Раз не добром — тебя, мой ангел милый,
Придется унести отсюда силой.

МАРГАРИТА

Нет, принужденья я не потерплю.
Не стискивай меня ты так ужасно!
Я чересчур была всегда безгласна.

ФАУСТ

Уж брезжит день. Любимая, молю!

МАРГАРИТА

Да, это день. День смерти наступил,
Я думала, что будет он днем свадьбы.
О, если бы все это раньше знать бы!

Не говори, что ты у Гретхен был,
Цветы с моей косынки
Сорвут, и, хоть плясать
Нельзя на вечеринке,
Мы свидимся опять.
На улице толпа и гомон.
И площади их не вместить.
Вот стали в колокол звонить,
И вот уж жезл судейский сломан.
Мне крутят руки на спине
И тащат силою на плаху.
Все содрогаются от страха
И ждут, со мною наравне,
Мне предназначенного взмаха
В последней, смертной тишине!

ФАУСТ

Зачем я дожил до такой печали!

МЕФИСТОФЕЛЬ (в дверях)

Бегите, или вы пропали.
Все эти пререканья невпопад!
Уж светится полоска небосклона,
И кони вороные под попоной
Озябли, застоялись и дрожат.

МАРГАРИТА

Кто это вырос там из-под земли?
Он за моей душой пришел, презренный!
Но стены божьего суда священны!
Скорее прочь уйти ему вели!

ФАУСТ

Ты будешь жить! Живи! Ты жить должна!

МАРГАРИТА

Я покоряюсь божьему суду.

МЕФИСТОФЕЛЬ

Иди за мною, или я уйду,
Мое ведь дело, знаешь, сторона

МАРГАРИТА

Спаси меня, отец мой в вышине!
Вы, ангелы, вокруг меня забытой
Святой стеной мне станьте на защиту!
Ты, Генрих, страх внушаешь мне.

МЕФИСТОФЕЛЬ

Она
Осуждена на муки!

ГОЛОС СВЫШЕ

Спасена!

МЕФИСТОФЕЛЬ (Фаусту)
Скорей за мною!
(Исчезает с Фаустом)

ГОЛОС МАРГАРИТЫ (из тюрьмы, замирая)

Генрих! Генрих?

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

У НИЖНЕГО ПЕНЕЯ

ХИРОН

Ничтожна женщин красота,
Безжизненная зачастую.
Воистину прекрасна та,
Что и приветлива, чаруя.
Живая фация мила,
Неотразима, не надменна,
Такою именно была,
Когда я вез ее, Елена.

ФАУСТ

Ты вез ее?

ХИРОН

Да, на загривке.

ФАУСТ

И я на этой же спине!
Ах, сведений твоих обрывки
Всю голову вскружили мне!

ХИРОН

Она, вскочив, взялась за гриву,
Как ты. За прядь моих волос.

ФАУСТ

Я вне себя! О, я счастливый,
Я весь теряюсь в вихре грез!
Я посвятил ей все порывы!
Куда же ты Елену вез?

ХИРОН

Отвечу на вопрос сейчас.
В те дни похитили Елену.
Два Диоскура в тот же час
Спасли свою сестру из плена,
Но похитители, озлясь
На дерзость нашего налета,
Пустились за беглянкой вслед.
Мы взяли вбок у поворота,
Решивши уходить от бед
Чрез Элевзинские болота.
И братья перешли их вброд,
Я ж переплыл с живою ношей.
И, наземь спрыгнув на бегу
И ручкой гриву мне ероша,
Она была на берегу
Так хороша, так молода,
И старику на загляденье!

<…>

ПЕРЕД ДВОРЦОМ МЕНЕЛАЯ В СПАРТЕ

ФАУСТ
(подводит с собой человека в оковах)

Царица, вместо надлежащей встречи
И слов привета, выдаю тебе
Закованного в цепи человека.
Свой долг нарушив, мой нарушил он.
Стань перед госпожою на колени
И повинись пред нею, низкий раб.
Царица, это сторож наш на башне.
<…>
В готовности перед высокой гостьей
Достоин смерти он, и он давно
Лежал бы на земле в крови, казненный,
Но вот он тут, и ты сама реши,
Что делать с ним, казни его иль милуй.

ЕЛЕНА

Хотя бы ты царицей и судьей
Лишь для того меня над ним поставил,
Чтоб испытать меня, начну с того.
Что составляет первый долг судейский,
И обвиняемого допрошу

БАШЕННЫЙ СТОРОЖ ЛИНКЕЙ

<…>
Все, как сон, передо мной.

Мост подъемный пред твердыней,
Башня, крепостной курган
Пред лицом такой богини
Разом канули в туман.

В ослепленье, став у края,
Не сводил с нее я глаз.
Вот она стоит, живая,
Так же ослепляя вас.

Рогом не дал я сигнала,
Долг дозорного презрев.
Жалуй плахой иль опалой
Иль смени на милость гнев.

ЕЛЕНА

Не вправе взыскивать я за провинность,
Которой я виной. О, горе мне!
Меня преследует печальный жребий
<…>

ПОЛНОЧЬ

ФАУСТ

Я шел всю жизнь беспечно напролом
И удовлетворял свои желанья,
Что злило — оставлял я без вниманья,
Что умиляло — не тужил о том.
Я следовал желаньям, молодой.
Я исполнял их сгоряча, в порыве.
Тогда я жил с размахом, с широтой,
Ну а теперь — скромней и бережливей.
Я этот свет достаточно постиг.
Глупец, кто сочинит потусторонний,
Уверует, что там его двойник,
И пустится за призраком в погоню.
Стой на своих ногах, будь даровит,
Брось вечность утверждать за облаками!
Нам здешний мир так много говорит!
Что надо знать, то можно взять руками.
Так и живи, так к цели и шагай,
Не глядя вспять, спиною к привиденьям,
В движенье находя свой ад и рай,
Не утоленный ни одним мгновеньем!

ЗАБОТА

Кто в мои попался сети,
Ничему не рад на свете.
Солнце встанет, солнце сядет.
Но морщин он не разгладит.
Все пред ним покрыто мраком,

Все недобрым служит знаком.
<…>

БОЛЬШОЙ ДВОР ПЕРЕД ДВОРЦОМ

<…>

ФАУСТ
(выходит ощупью из дворца, хватаясь за дверные косяки)

Как мне приятен этот стук лопат!
Рабочие, их разобрав, толпою
Кладут границу бешенству прибоя
И, как бы землю примирив с собою,
Возводят вал и насыпи крепят.

МЕФИСТОФЕЛЬ (В сторону)

На мельницу мою ты воду льешь.
Плотиной думая сковать буруны,
Морскому черту, старику Нептуну,
Заранее готовишь ты кутеж.
В союзе с нами против вас стихии,
И ты узнаешь силы роковые,
И в разрушенье сам, как все, придешь.

ФАУСТ

Надсмотрщик!

МЕФИСТОФЕЛЬ

Здесь!

ФАУСТ

Усилий не жалей!
Задатками и всевозможной льготой
Вербуй сюда работников без счету,
И доноси мне каждый день с работы,
Как подвигается рытье траншей.

МЕФИСТОФЕЛЬ (вполголоса)

На этот раз, насколько разумею,
Тебе могилу роют — не траншею.

ФАУСТ

Болото тянется вдоль гор,
Губя работы наши вчуже.
Но, чтоб очистить весь простор,
Я воду отведу из лужи.
Мильоны я стяну сюда
На девственную землю нашу.
Я жизнь их не обезопашу,
Но благодарностью труда
И вольной волею украшу.
Стада и люди, нивы, села
Раскинутся на целине,
К которой дедов труд тяжелый
Подвел высокий вал извне.
<…>
Лишь тот, кем бой за жизнь изведан
Жизнь и свободу заслужил.
Так именно, вседневно, ежегодно,
Трудясь, борясь, опасностью шутя,
Пускай живут муж, старец и дитя.
Народ свободный на земле свободной
Увидеть я б хотел в такие дни.
Тогда бы мог воскликнуть я: «Мгновенье!
О как прекрасно ты, повремени!
Воплощены следы моих борений,
И не сотрутся никогда они».
И, это торжество предвосхищая,
Я высший миг сейчас переживаю.
(Фауст падает…)

МЕФИСТОФЕЛЬ

В борьбе со всем, ничем насытим,
Преследуя изменчивые тени,
Последний миг, пустейшее мгновенье
Хотел он удержать, пленившись им.
Кто так сопротивлялся мне, бывало,
Простерт в песке, с ним время совладало,
Часы стоят.

ХОР

Стоят. Молчат, как ночь.
Упала стрелка. Делу не помочь…

1953

НЕСКОЛЬКО ДОПОЛНИТЕЛЬНЫХ ШТРИХОВ К ПЕРЕВОДУ «ФАУСТА»

В одной передаче по телеканалу «Культура» в феврале 2005 года я услышал подтверждение рассказа Ивинской о том, какая музыка должна была звучать в качестве сопровождения к спектаклю «Фауст». В нашей беседе о переводе трагедии Ольга Всеволодовна передала свой разговор с Пастернаком в феврале 1954 года:

> В Измалкове Боря читал мне письма — поздравления с днем его рождения, и в нескольких из них выражалась благодарность за замечательный перевод «Фауста». Были пожелания скорейшей постановки этой трагедии на сцене достойного театра. И тогда Боря, лукаво улыбаясь, меня спрашивает:
>
> — Как ты, Олюшка, считаешь, какая музыка может сопровождать постановку трагедии «Фауст»?
>
> Я смутилась и говорю Боре, что не настолько музыкальна, чтобы предложить музыку к такой необыкновенной пьесе, как «Фауст» Гете. Но мне очень нравится музыка Моцарта. Борис Леонидович прямо подпрыгнул с радостным возгласом:
>
> — Ну, знаешь, это тебя само Провидение озарило! Ведь когда Гете впервые услышал оперу Моцарта «Дон Жуан», то восхищенно воскликнул: «Только эта музыка выражает всю трагедию моего Фауста». А я переводил «Фауста» и думал о тебе, моя милая Маргарита.

Фрагменты из протоколов допросов Ольги Ивинской на Лубянке в 1949–1950 годах (опубликованы в «Литературной газете», № 11 от 16 марта 1994 года).

> **Следователь:** Чем была вызвана ваша связь с Пастернаком? Ведь он много старше вас.

Ивинская: Любовью.

Следователь: Нет, вы были связаны общностью ваших политических взглядов и изменнических намерений. Чем вы объясняете, что он поддерживал связь с репрессированными, враждебно настроенными людьми?

Ивинская: Он им оказывал материальную поддержку, так как они находились в тяжелом положении. Так, он помогал деньгами Ариадне Эфрон, Анастасии Цветаевой.

Следователь: Вам известно, что он систематически встречался с женой врага народа Тициана Табидзе[209]?

Ивинская: Да, известно, он оказывал поддержку жене своего друга. Также, как я уже говорила, он оказывал материальную поддержку Анне Ахматовой[210].

<…>

Следователь: Расскажите о своем знакомстве с Холдкрофт Анной Ивановной.

Ивинская: Я впервые слышу это имя.

Следователь: Вы лжете следствию. Это консул английского посольства, она была на чтении Пастернака, где были и вы.

Ивинская: На чтении было много народа, я ее не помню.

Следователь: Продолжаете отрицать[211]. С кем еще из иностранцев встречался Пастернак в вашем присутствии?

Ивинская: Не помню.

Следователь: Опять лжете. Свидетель П. показывает, что на вечере Петефи с Пастернаком разговаривал венгерский посол, а вы стояли рядом[212]. Охарактеризуйте политические настроения Пастернака. Что вам известно о проводимой им вражеской работе, проанглийских настроениях и изменнических намерениях?

Ивинская: Его нельзя отнести к категории антисоветски настроенных людей. Изменнических намерений у него не было. Он всегда любил Родину.

Следователь: Но у вас изъята книга на английском языке о творчестве Пастернака. Как она к вам попала?

Ивинская: Эту книгу мне подарил Борис Пастернак. Это монография о его отце, художнике. Книга была издана в Лондоне.

Из рассказа Ольги Ивинской:

В процессе допросов Семенов перебирал, вынимая из папок, доносы на меня и Бориса Леонидовича, приговаривая:

— А вот что уважаемый советский писатель сообщает нам о ваших делах.

На мой вопрос «Скажите, кто это пишет?» Семенов с улыбочкой изрекал:

— Не вашим антисоветским ушам слышать эти достойные фамилии.

Однако однажды промелькнуло в вопросе следователя:

— Почему вы ниже таланта Пастернака цените талант писателя Сурикова? — этот знаток стихов имел в виду Суркова.

Писательская верхушка активно распускала слухи о моем аресте якобы за мошенничество с какими-то гонорарами. Эту ложь Боре пыталась внушить и Зинаида Нейгауз, но Боря резко ее оборвал:

— Не лги на Ольгу, как все эти мерзавцы. Я знаю, почему ее бросил в тюрьму Сталин[213].

О содержании допросов Боре было известно от Люси Поповой, которую десятки раз вызывали к следователю на Лубянку. Боря говорил мне в Измалкове о нескольких случаях его резких конфликтов с писателями из-за их измышлений и злорадства по поводу моего ареста. Это стало главной причиной его окончательного разрыва с Асеевым, с которым Пастернак дружил в 20-х годах. Когда после смерти Бори я жила у Ариадны в Тарусе, Паустовский рассказал нам с Алей о резкой отповеди, которую дал Борис Леонидович писателю Всеволоду Вишневскому на встрече у Федина в Переделкине. Вишневский тогда заявил, что «теперь, когда наш вождь убрал от Пастернака компрометирующую его авантюристку, Борис станет настоящим советским поэтом».

— В ответ Пастернак выразился так нецензурно, — сказал Константин Георгиевич, — что об этом неприлично говорить при женщинах.

На это Ариадна с присущим ей юмором заметила:

— Но вы говорите еще и с лагерницами, которые знакомы с шедеврами русской словесности не только по Пушкину.

Однако Паустовский отказался передать речь разгневанного Пастернака в адрес Вишневского.

В дневнике Александра Гладкова есть запись от 13 января 1957 года о его встрече с Паустовским:

> Паустовский рассказал историю о скандале Пастернака и Всеволода Вишневского на новоселье у Константина Федина в начале 50-х годов. Вишневский произносит: «Пью за будущего советского поэта Пастернака!» И Борис Леонидович спокойно: «Идите вы в п…» Общий ужас. Борис Леонидович повторяет <…>. Вишневский быстро уходит. Потом истерика Федина[214].

В острой и увлекательной книге Даниила Данина «Бремя стыда», посвященной важнейшим эпизодам жизни Пастернака и его противостояния советской системе и холуйствующей писательской массе, рассказывается о патологической ненависти Вишневского к Пастернаку. Уже в 1947 году, в кресле главного редактора журнала «Знамя», Вишневский требовал от писателей срочно начать травлю Пастернака после раздраженной статьи Суркова в «Культуре и жизни».

В этой статье от 22 марта 1947 года Сурков, ненавидевший Пастернака, ссылается на мрачную реакцию вождя на содержание озвученных Пастернаком глав романа. Сурков клеймит Пастернака в форме развернутого доноса: «Пастернак с нескрываемым восторгом отзывается о буржуазном временном правительстве, <…> с явной недоброжелательностью и даже злобой отзывается о советской революции <…>. Советская литература не может мириться с его поэзией».

Завершает Сурков статью злобным выводом: «Пастернак не может быть глашатаем эпохи», повторяя сталинскую формулировку. Ведь эту задачу ставил кремлевский хозяин перед Маяковским, Есениным и Пастернаком при личной встрече в начале 1920-х годов.

Данин пишет о случайной встрече с Пастернаком в консерватории в марте 1949 года на концерте Рихтера, когда, столкнувшись в антракте лицом к лицу с Борисом Леонидовичем, услышал восклицание:

— Здр-равст-твуйте, мой милый! — за чем последовало громогласное заявление, от которого застыл поток дефилировавшей по фойе публики. — Да, да, да. Я знаю, вам здорово попало из-за меня.

Парадокс этих слов состоял в том, что Данин последний год, когда по указанию Сталина с 1948-го была развернута

беспощадная борьба с «космополитами», вообще ничего не писал о творчестве Пастернака. И это восклицание Пастернака говорило о его понимании, что ведущееся в советских газетах бичевание Данина писательской верхушкой — месть за неучастие в изобличении антисоветского романа, рукопись которого свободно читали и обсуждали в московских кругах в тот период.

В сталинские времена активно практиковались преследования и аресты за недонесение. Если ты не написал донос на сотоварища по цеху — ты уже преступник и тайный заговорщик против власти и кремлевского вождя. Доносы в среде советских писателей, как пишет Данин, были широко распространены и часто приносили значительные дивиденды доносчику — таким давали тиражи и премии. Пастернак благодарил Данина за мужество неучастия в доносительстве и шельмовании.

Лидия Чуковская пишет об антипастернаковской истерии, особенно усилившейся с 1948 года, в разгар борьбы с космополитизмом. Тогда сановные писатели и издатели наперегонки спешили изобличить антисоветскую суть Пастернака, оторвавшегося от народа. «Егорова, — вспоминает Чуковская, — заведующая отделом классики „Детгиза“, кричала: „Зачем вы прикрываете Пастернака, этого насквозь антисоветского человека? Этого шизофреника!“».

Данин считал, что «Пастернака спасла от стрессов и охлаждения к творчеству его встреча с Ольгой Ивинской. Ей он посвятил лучшие стихи и строки романа».

Осенью 1996 года, уже после смерти Ольги Всеволодовны, мне посчастливилось побывать на встрече с Даниилом Даниным. Я подарил ему изданную в России книгу Ивинской «Годы с Борисом Пастернаком» с дарственной надписью: «За достойное несение бремени верности Борису Пастернаку». Оказалось, что о сложных перипетиях издания в России этой «важной и нужной» (слова Данина) книги он знал от самой Ивинской, с которой был давно знаком. Он подарил мне свою книгу «Бремя стыда» и написал: «Уважаемому Борису Мансуровичу — с благодарностью за издательскую деятельность. Ноябрь, 96, Москва. Д. Данин». В конце нашей беседы он спросил о ходе суда по делу об архиве Ивинской и сказал:

— Ольга Ивинская была очень красивой и талантливой женщиной, которая дважды спасла для России Пастернака.

«МАРИЯ СТЮАРТ»

Когда мы с Ольгой Всеволодовной говорили о переводе пьесы «Мария Стюарт» Юлиуша Словацкого, я спросил, почему Пастернак взялся за этот перевод, тогда как к тому времени был широко известен его перевод пьесы «Мария Стюарт» Фридриха Шиллера. Пьеса шла во МХАТе и других театрах Союза. Рассказ Ивинской:

> В письме к Жаклин от 28 ноября 1958 года Боря сообщал: «Перевожу драму Юлиуша Словацкого. Из-за этого никому не отвечаю и прошу мою любимую Элен и всех остальных мне это временно простить».
>
> Дело в том, что после передачи рукописи романа в Италию власти требовали от Пастернака ее возврата и любыми способами хотели этого добиться. Конечно, они применили и свой подлый метод удушения непокорных писателей — лишили заказов на работу и перестали печатать стихи и переводы Бори. Так незадолго до того по указанию Сталина лишали заработка и душили безденежьем гордую Ахматову, Платонова, Булгакова, Зощенко и других непокорных писателей и поэтов[215].
>
> Многие были сломлены и погибли, но Борису Леонидовичу очень помогали держаться деньги, которые привозили неофициально как часть гонорара за «Доктора Живаго» из Италии и Франции. Власти следили за этими поступлениями, но закрывали на это глаза. Хрущев понимал, что голодомором всемирно известного поэта советская власть дискредитирует все пропагандистские речи о хрущевской оттепели.
>
> С декабря 1957-го Фельтринелли смог передать для Бори более 15 тысяч рублей, а летом 1958-го привезли еще около 25 тысяч рублей из сумм гонорара за роман.
>
> В ноябрьском письме Пастернак пишет Жаклин:
>
> «Надеюсь, что Вы получили мою открытку, касающуюся 10 декабря в Стокгольме[216]. <…> Я предлагал Вам воспользоваться Вашей прежней доверенностью. Вы отправитесь в Стокгольм, <…> примете вместо меня свободное участие в церемонии. Я прилагаю Вам письмо баронессы Гольштинской. Она, вероятно, посвящена в Нобелевские дела. Судя по ее словам, мой отказ не упразднил сумму, от которой я отказался. <…> Не возьмете ли Вы это на себя и не сделаете ли от своего имени этот дар Красному кресту? Я, со своей стороны, пальцем не прикоснусь к Нобелевской теме».

Пастернак просил принять премию вместо него и сказать ответную речь королю — такую, какую посчитает возможной сама Жаклин[217].

2 ноября 1958 года, после письма Пастернака на имя Хрущева и потока телеграмм от писателей и государственных деятелей из-за рубежа в защиту поэта, в газете «Правда» появилось заявление советских властей о том, что «Пастернаку разрешат выехать из СССР, чтобы испытать лично прелести капиталистического рая». Боря пишет в «Правду» письмо с просьбой не высылать его из России.

Видимо, все это привело к решению власти дать Пастернаку работу по переводу. Кто-то из его знакомых предлагает перевести еще одну «Марию Стюарт» — уже польского писателя Юлиуша Словацкого. Его стихи Борис Леонидович переводил раньше, и они ему нравились. Переводы Пастернака хорошо знали в Польше и настаивали на том, чтобы перевод пьесы Словацкого был поручен именно Борису Леонидовичу.

В феврале 1957-го Пастернак приглашал меня на репетиции пьесы «Мария Стюарт» Шиллера во МХАТе. Однако сам Боря не смог посмотреть этот спектакль, поскольку в марте неожиданно заболел и попал в больницу. Болезнь была мучительной. Он писал мне трагические письма из больницы. Я рвалась встретиться с его лечащим врачом, чтобы знать, какая нужна помощь, и обратиться к Фельтринелли за редкими лекарствами. Из больницы Боря написал записку — она-то и послужила мне пропуском во МХАТ[218], чтобы встретиться с лечащим врачом, которая также по его записке в тот вечер пришла на «Марию Стюарт». Я в волнении смотрела спектакль, озабоченная болезнью Бори и предстоящим разговором с врачом, но хорошо запомнила великолепную гордую Тарасову в роли Марии Стюарт. Врач благодарила Бориса Леонидовича за возможность посмотреть пьесу, а в газетах появились положительные отзывы о спектакле.

Уже в санатории «Узкое», где Боря продолжил лечение после больницы, он говорил мне:

— Нет, не все получилось в переводе «Марии Стюарт». Тогда всего меня занимал Живаго, и мне было не до пьесы Шиллера. В канву «Марии Стюарт» не вошла в полной мере твоя тюрьма и мое тогдашнее состояние.

И когда в конце 1958 года появилась возможность

нового перевода — «Марии Стюарт» Словацкого, Борис Леонидович с увлечением взялся за него.

Ольга Ивинская вспомнила об эпизоде, когда впервые услышала от Пастернака строки его перевода пьесы Словацкого:

Во время новогодней встречи в Измалкове Боря говорит мне:

— Главное — это выстоять и всегда быть вместе.

А затем читает:

Что значит мир в сравнении с тобой,
Моя любовь! И пусть следы вселенной
Размоет и снесет второй потоп.
Скорей пусть погрузится мир в пучину.
Чем я тебя оставлю и отрину.

Я удивленно спрашиваю:

— Откуда это, Боря?

Он отвечает:

— Это твоя «Мария Стюарт».

Это были слова сэра Мортимера, обращенные к Марии Стюарт в темнице. Сам Пастернак считал этот перевод «Марии Стюарт» лучшим.

ЮЛИУШ СЛОВАЦКИЙ «МАРИЯ СТЮАРТ»

(фрагменты перевода Бориса Пастернака)

МАРИЯ СТЮАРТ В ТЮРЬМЕ

МОРТИМЕР (Марии)

Как Вам известно, десять дней назад
Я увидал самих Вас, королева.
Не Ваш портрет. О, что мне Вам сказать!
Один Ваш вид темницу превращает
В один обитель рая, в праздничный чертог.
Какое несравненное блаженство
Единым с Вами воздухом дышать!
Она права, что прячет Вас в потемках!

Всей Англии восстала б молодежь,
Весь остров охватило б возмущенье,
Когда британец мог бы знать свою
Законную главу и королеву!

МАРИЯ

И если бы, прибавлю от себя,
Ее увидел вашими глазами.

МОРТИМЕР

И был свидетелем душевных мук,
И доброты, и благородства духа,
С какими переносите Вы все.
Всегда выходите Вы королевой
Из испытаний. Может ли тюрьма
Ослабить Вашу прелесть? Вас лишили
Всех радостей и, не смотря на то,
Вы сами — жизнь, Вы сами — свет и радость.
Я не могу ступить на Ваш порог,
Чтоб сердце не рвалось от мук и счастья,
Но час решительный настал. Пора
Открыть Вам всю грозящую опасность.

МАРИЯ

Мой приговор уже произнесен?
Я выслушаю стойко. Не скрывайте.
<…>
Но только не убийство в тишине
Чрез тайного наемного убийцу.
Убийство запятнало б честь мою.
Меня потом за это б не судили,
И речь не о законности идет
Меж мной и Англией, а лишь о силе.

ЛОРД

На силу лучше не ссылаться Вам —
Для побежденных это худший довод.

МАРИЯ

Пускай слаба я, а она — сильна.
Пускай убьет меня, чтоб спать спокойно,
Но пусть расправы не рядит
В святые ангельские одеянья.
Не ей меня, а мне ее судить!
Пускай фиглярством не морочит мира
И мужество имеет признавать
Все то, что есть она на самом деле.
<…>

ЕЛИЗАВЕТА С ЛОРДОМ ТАЛЬБОТОМ И ЛЕСТЕРОМ
В ТЮРЕМНОМ КАЗЕМАТЕ У МАРИИ

МАРИЯ (ждет приговора)

Я жду его! Не заставляйте ждать!
Но горе Вам, когда не этим словом
Вы завершите встречу! Если Вы
Не благодатным ангелом небесным
Явились и покинете меня,
Тогда всех царств земных ценою
За весь богатый этот остров ваш,
Я б не хотела быть на Вашем месте,
Стоять, как Вы теперь передо мной.

ЕЛИЗАВЕТА

Так Вы побеждены! Конец проделкам?
Ни одного поклонника в виду?
Ни рыцарей, ни удальцов, ни хватов,
За Вас готовых в воду и огонь!
Пора прошла. Победы миновали.
Теперь не те заботы у людей,
И кончить жизнь четвертым Вашим мужем
Не соблазняет больше никого.

МАРИЯ (вспыхивает)

Сестра! Сестра! Дай мне терпенья, Боже!

ЕЛИЗАВЕТА (смерив Марию взором гордого презрения)

Вот, Лестер, стало быть от чар каких

Спастись не может ни один мужчина,
И меркнет прелесть до одной? Ну что ж.
Красавицами в общем мнении,
Бывают общие добычи всех.

МАРИЯ

Нет! Это слишком!

ЕЛИЗАВЕТА

Вот Вы показали
Свое лицо, а были до сих пор
Прикрыты маской.

МАРИЯ (горя гневом и благородным достоинством)

Пусть я и грешила,
Как смертная, по молодости лет,
Но я своих ошибок не скрывала.
Я вся как на ладони. Ложный вид
Я презирала гордо, откровенно.
Все худшее известно обо мне.
Могу сказать: я лучше этой славы,
Но горе Вам: молва сорвет с Вас плащ
Невинности, и свет предаст огласке
Распутство ваших низменных страстей.
Наследственная эта добродетель —
Блудливость, привела на эшафот
Родительницу Вашу, Анну Болен.

ТАЛЬБОТ (становится между королевами)

О, Боже! До чего Вы довели!
Где Ваша сдержанность, покорность, леди?

МАРИЯ

Покорность? О, я все перенесла,
Что в силах человеческих! Довольно!
Долой овечью кротость! Пропадай
Терпенье жертвы! Выступи наружу
Мой, с давних пор томимый, правый гнев!

И ты, о Боже, ядовитым жалом
Вооружи меня, мои слова!

ТАЛЬБОТ

Она в неистовстве и раздраженьи…
Прости, прости не помнящей себя.

(Елизавета, немая от злобы, бросает на Марию бешеные взгляды.
Лестер в сильнейшем волнении старается увести Елизавету)
<…>

МОРТИМЕР В ТЕМНИЦЕ У МАРИИ СТЮАРТ

МОРТИМЕР

Они падут от моего кинжала.

МАРИЯ

Как? Дядя Ваш, второй отец?

МОРТИМЕР

Умрет.
От рук моих.

МАРИЯ

Минуй нас ужас этот!

МОРТИМЕР

Мне церковью досрочно прощено,
Мне все дозволено.

МАРИЯ

Как это страшно!

МОРТИМЕР

При надобности королеву шпагой
Я заколоть поклялся под присягой.

МАРИЯ

Нет, столько крови за одну меня!

МОРТИМЕР

Что значит мир в сравнении с тобой,
Моя любовь! Пускай следы вселенной
Размоет и снесет второй потоп!
Скорей пусть погрузится мир в пучину,
Чем я тебя оставлю и отрину.
<…>

МАРИЯ

Великий Боже, милость мне яви!
Что за судьба — будить до гроба
То ослепленье яростной любви,
То исступленье разъяренной злобы?

МОРТИМЕР

Любовь к тебе и нежность, и вражда
Всегда безмерны, пламенны всегда.
Злодеи эту шею, чище снега,
Хотят отдать в добычу топору.
Отдай мне это все! С какою негой,
С каким я счастьем за тебя умру!
Ведь все равно, пред тем как обезглавить,
Откинут волосы твои со лба.
Позволь мне локоны твои расправить,
Опутай ими своего раба!

МАРИЯ

О, если больше нет у Вас стыда
И титула Вы моего не чтите,
Пусть остановит Вас моя беда,
К какой еще прибегнуть мне защите?

МОРТИМЕР

Не титулом священна ты отныне,
Лишившись королевских прав,
Теперь сама ты — высшая святыня,
Твоя краса превыше всех держав!..

1959

* * * * *

• Большая дача Бориса Пастернака в Переделкине. 2008 г.

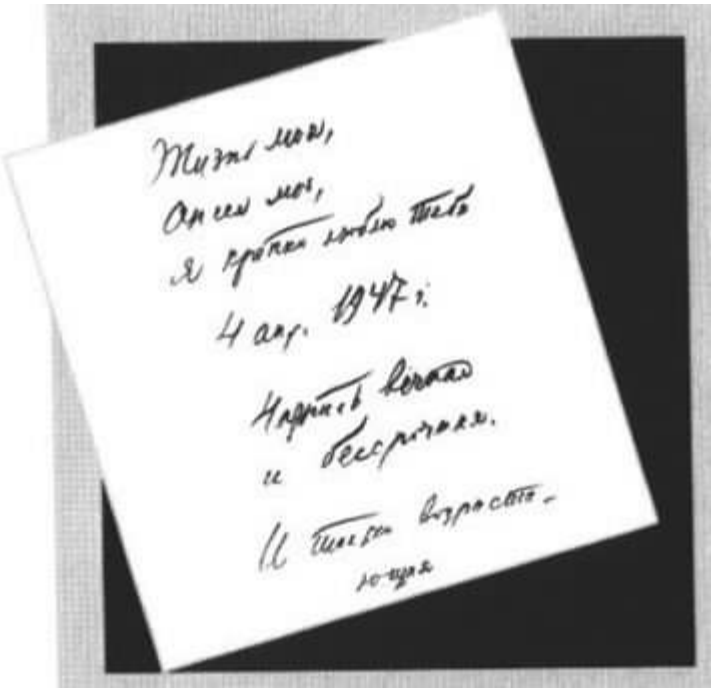
• Ольга Ивинская. «Все в ней жизнь, все свобода…» *Б. Пастернак.*

• Актриса Кира Найтли в роли Лары. Фильм «Доктор Живаго», 2004 г.

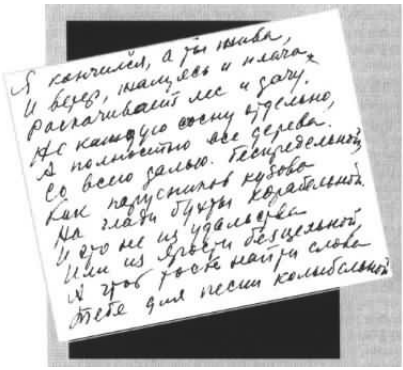
• Ольга Ивинская. Молодые годы.

• Лара (Джулия Кристи) и Юрий (Омар Шериф) в фильме «Доктор Живаго». США, 1965 г.

• Лето в Измалкове. 2008 г.



• Дарственная надпись Пастернака на книге, подаренной Ольге Ивинской. 1953 г.


Я кончился, а ты жива,
И вечер, нащупав и плача,
Разлаченный лес и дождь.
Я полностью все деревья.
Со всею далью. Беспредельной,
Как парусников корабельных
На глади бухты колыбельной
И кто не из уважения
Или из зависти безделной,
И гроб рока напрасно слова
Тебя для песни колыбельной

• Стихотворение «Ольге», записанное О. Ивинской со слов Пастернака. 1953 г.

• По этому мосту через Самаринский пруд Пастернак шел к своей Недотроге.

• «Во всем мне хочется дойти до самой сути…» Б. Пастернак, 1959 г.

Кадр из любительской киносъемки И. Емельяновой.

• Лето в Переделкине. 2008 г.

• Борис Пастернак и Ольга перед поездкой в театр. 1959 г.

• Мостик в Измалкове, по которому шел Пастернак к Ивинской. 1950-е годы.

• Тот самый мостик. 2008 г.

• Встреча Бориса Мансурова с Ниной Михайловной, соседкой Кузьмича, наблюдавшей жизнь Б. Пастернака и О. Ивинской в Измалкове. 2003 г.

• Озеро в Измалкове (Самаринский пруд). 2008 г.

• Зима в Переделкине — одна из любимых тем в стихах Бориса Пастернака: «Снег идет, снег идет…»

Зимой все обитатели Большой дачи жили в городе, поэт оставался один и мог беспрепятственно встречаться с Ольгой.

• «Свеча», горевшая на столе в комнате Ивинской в Измалкове (электрический светильник, приобретенный Ольгой в 1957 г.).

• «Какое тысячелетие нынче на дворе…» Борис Пастернак в измалковской избе.

Кадр из любительской киносъемки И. Емельяновой. 1959 г.

• Кузьмич прощается с Б. Пастернаком. За Кузьмичом идет Булат Окуджава. Переделкино, 2 июня 1960 г.

• Дом Кузьмича в Измалкове. 2008 г.

• Дж. Фельтринелли (слева) — издатель романа «Доктор Живаго» и Х. Шеве. 1959 г.

• Б. Пастернак, О. Ивинская и Х. Шеве. Весна, 1959 г.

• Ольга Ивинская (в центре) прощается с поэтом. Переделкино, 2 июня 1960 г.

• Ольга Ивинская после смерти Бориса Пастернака. Июнь, 1960 г.

• «И любящие, как во сне, друг к другу тянутся поспешней…» Февраль 1960 г.

Кадр из любительской киносъемки И.Емельяновой.

• Германия, Марбургский университет, в котором в 1912 г. Пастернак слушал курс лекций у профессора Когена.

Фотография Г. Герцена, 2005 г.

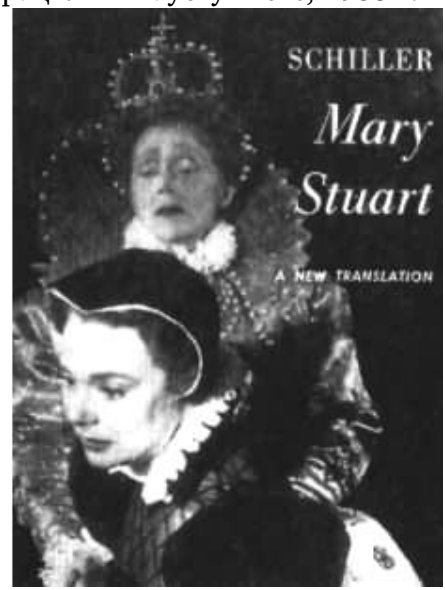
• Борис Пастернак в г. Чистополе. 1942 г. Фотография В. Авдеева.

• Люся Попова — «Леонардовский ангел». Верный друг Пастернака и Ольги.

• Б. Пастернак с актерами театра Грюндгенса после спектакля «Фауст», 1960 г.

• Ольга Ивинская у зеркала. Фотография 1930-х годов.

• «Маргарита у окна». Иллюстрация к «Фаусту» Гете, 1953 г.



• «А корень красоты — отвага…» *Б. Пастернак.*

Фотография Ольги Ивинской, на которую смотрел Пастернак, создавая перевод «Марии Стюарт».

• Обложка книги Шиллера «Мария Стюарт», 1959 г. Над переводом этой пьесы также работал Борис Пастернак.

• «Мария Стюарт перед казнью». Работа неизвестного художника, XIX в.

Глава вторая
Судьба архива Ольги Ивинской

«Власти поручили КГБ отнять у меня все рукописи и письма», — говорила Ольга Ивинская, вспоминая тяжелые первые дни после смерти Бориса Пастернака. Рассказ об ее архиве и особом интересе к нему КГБ я начну с воспоминаний Ирины, опубликованных в 1997 году[219].

После похорон поэта 2 июня 1960 года в Переделкине и поминок в «доме у шалмана» Ольга Всеволодовна уехала в Москву. Вечером 3 июня 1960 года вместе с детьми и друзьями она вернулась в свою квартиру в Потаповском переулке. Ирина пишет:

> Нас встретил истеричный телефонный звонок.
>
> — Где вы пропадаете? Звоню вам целый день.
>
> Это был Григорий Хесин[220]. У него спешное дело: в Союзе писателей хотят ознакомиться с пьесой на предмет ее издания. И вот сейчас, вечером, к нам выезжает сам Воронков[221], чтобы на месте ее прочитать и принять решение. Надо приготовить пьесу, только оригинал. <…> Мама доверчиво побежала
>
> к соседке, где держала оригинал. <…> Стали ждать, но зародились подозрения — отнимут! Мама уговорила по телефону, чтобы пришли Банниковы, ведь оба партийные. Успели только прийти, как звонок — на пороге Хесин и с ним полный брюнет.
>
> — Это товарищ из Союза, ему передайте пьесу.
>
> Мы удалились в другую комнату, чтобы не мешать читать.
>
> — А что же Воронков не приехал? — спросила мама с беспокойством. Хесин нервно и беспричинно заулыбался. Скоро вошел к нам брюнет — в руках у него ничего не было.
>
> — Спасибо, Григорий Александрович, — обратился он к Хесину. — Можете быть свободны.
>
> Затем сообщил, что КГБ стало известно, что на Западе объявлена награда в 100 тысяч долларов тому, кто раздобудет последнее произведение Пастернака. Поэтому в общих интересах сберечь произведение в надежном месте — «а не у вашей соседки» (мы вздрогнули: следят!).

Мать говорила о последнем даре, памяти, но ее заверили, что все это принадлежит ей и у нее одной будет право приходить в архив и работать с рукописью. Мама сказала, что хочет посоветоваться с детьми. Мы с Митей сказали, что мы против, так как сумеем сами сохранить пьесу и распорядиться ею в соответствии с волей Бориса Леонидовича. Брюнет показывает нам удостоверение КГБ и приглашает еще одного товарища. Входят еще двое, высокий блондин с наглыми светло-синими глазами, который еще не раз попадется на нашем пути. Они понимают чувства детей, но возражать совершенно бесполезно.

— За дверью стоят еще шесть человек, — успокоил нас блондин.

<…> Операция «провести на мякине» прошла в сильно сжатые сроки.

<…> Мама срочно поехала в Переделкино, где передала Шеве машинописную копию пьесы для отправки Фельтринелли, так как стало ясно, что на одном изъятии власти не остановятся. Приехала мама, испуганная тем, что и в Переделкине за их встречей следили люди, прятавшиеся в кустах. А один субъект, вынырнувший из леса, сопровождал Шеве до вагона электрички. <…> К нам на квартиру зачастили электромонтеры и водопроводчики, особенно же телефонные мастера. Постоянно меняли в щитке нашей квартиры пробки. Телефон наш вдруг отключался на целые часы. Подружек моих стали вызывать на Лубянку и расспрашивали о чем угодно, только не обо мне.

<…> Беда уже стояла за воротами. <…> Брак мой с французским аспирантом, славистом Жоржем Нива, учившимся в Союзе по обмену с Францией, был заблокирован. Мы были записаны на регистрацию брака в загсе на 20 июня 1960 года, но за неделю до этого дня Жорж неожиданно заболевает странной болезнью — покрывается волдырями при большой температуре, и его отвозят в Боткинскую больницу. К 20 июня он хотел уйти на день из больницы под расписку, но его запирают в палате и приставляют специального дежурного. После 25 июня его выпускают, взяв с него расписку, что врачи за его жизнь не отвечают. 10 августа заканчивался срок его визы, но стипендию ему выдали до октября 1960 года. Жорж был уверен, что ему продлят визу на этот срок, потому что еще не было случая, чтобы не продлевали

визу. Ариадна, хорошо знавшая методы работы КГБ, уверенно заявила: «Не было — так будет!»

Мы с Жоржем вновь подали заявление на 20 августа в другой загс Москвы. Жорж пропадал в посольстве Франции, тормоша всех из-за визы, в продлении которой заверял его сам посол. Но советский МИД не отвечал на запросы посла, ссылаясь на летний период и прочую чепуху. В эти дни и я заболела той же странной болезнью, которой заразили недавно Жоржа, и не могла ходить. Вся покрылась волдырями при высокой температуре и была с ног до головы обмотана бинтами[222].

Жоржа выдворили за пределы Союза 10 августа 1960 года, устроив в аэропорту провокацию с тем, чтобы он больше не смог приехать из Франции ко мне. Странным показался нам приезд из Италии супругов Бенедетти. Они 6 августа принесли на Потаповский большую сумму денег. «Это, — сказали они, — остаток долга Д'Анджело Пастернаку». <…> А 16 августа арестовали маму, когда она была в Переделкине, за контрабанду!!! Пришли большой группой из КГБ на Потаповский с тотальным обыском. Даже бинты с меня снимали, искали бумаги. Несмотря на формулировку «за контрабанду», изымали рукописи, письма и автографы, которые передавал Борис Леонидович маме. Конечно, забрали и рукопись второй части «Доктора Живаго» с дарственной надписью Бориса Леонидовича «Ларе от Юры».

Изъятия и описи проводились каждый день с 16 августа по 5 сентября. Делали вызовы на Лубянку Мити, Ариадны, меня. <…> Я пыталась сопротивляться, но за мной по пятам ходил выводок здоровых мужиков в белых плащах, уже давно свивших гнездо в доме напротив. Мои попытки позвонить Жоржу во Францию, за которыми неусыпно следили гаврики, никогда не достигали цели: то связь не налажена, то гроза в Европе, то ждите несколько часов и безрезультатно. <…> Видимо, властям это надоело, и 5 сентября меня на Лубянке арестовали[223]. Аля Эфрон, старый лагерный волк, была категорична: «Хотели завладеть архивами»[224].

Ирина говорит об этом:

Арест был просто злобной местью советской власти беззащитным женщинам, спасшим Пастернака от растерзания, что позволило ему умереть в своей постели.

> Героем! Это недопустимо. И вот, чтобы другим неповадно было, совершается расплата, расправа — над самыми уязвимыми. <…> Хоть так вдогонку Пастернаку кинуть ком грязи[225].

Ирина написала эти воспоминания в 1965-м, но многое из того, что позволяет понять мотивацию властей, стало известно позже. Интересный материал я получил в 2005 году из Германии от Лилии Цибарт, прочитавшей книгу Хайнца Шеве «Пастернак приват», опубликованную в 1974 году. Ее перевод в России никогда не издавался. Лиля прислала перевод «Дневника болезни» Пастернака, который вел с 23 апреля 1960 года сам поэт, а также перевод письма Шеве, отправленного Ивинской в июне 1960 года к Фельтринелли вместе с завещательным договором, подписанным Пастернаком. КГБ в сговоре с ИКП похитил все эти документы у супругов Гарритано, о чем подробно написал Д'Анджело в своей книге. Эти документы затем фигурировали в 1960 году на суде против Ольги Всеволодовны и Ирины.

Вот что писал Шеве 6 июня 1960 года в письме к Фельтринелли:

> Нельзя допустить ничего, что могло бы сказаться на свободе, безопасности и самом существовании Ольги. По воле Бориса Леонидовича она является единственной наследницей и единственной уполномоченной для распоряжения его заграничным состоянием. Я это знаю и могу об этом свидетельствовать[226].

О ходе процесса адвокат Ивинской Виктор Косачевский написал подробную статью[227]. В ней приведена формулировка обвинения «за контрабанду», предъявленного Ивинской и ее дочери.

Ольга Всеволодовна рассказывала мне:

> Власти поручили КГБ отнять у меня все рукописи и письма Пастернака, не ограничиваясь пьесой «Слепая красавица». Им слишком хорошо запомнился международный скандал после публикации в Англии в феврале 1959 года стихотворения Пастернака «Нобелевская премия». Потому после моей встречи с Шеве в Переделкине, когда я передала ему копию «Слепой красавицы», органы, следившие за каждым шагом, решили действовать немедленно. КГБ в сговоре с функционерами итальянской компартии, которые были

злы на Фельтринелли за его выход из партии и публикацию «Доктора Живаго», провели совместную операцию. В феврале 1960 года Гарритано привез для Пастернака большую сумму денег за роман, что позволило Борису Леонидовичу расплатиться с долгами и купить «Волгу» для Лени.

Боря, лишенный заработка в своей стране, вынужден был занимать деньги у Чуковского, Иванова, Шеве, Герда Руге и еще у нескольких знакомых. Его особенно тяготил долг перед вдовой Пришвина, у которой он занял несколько тысяч рублей и долго не мог отдать. Большая сумма, привезенная Гарритано, позволила Боре отдать все долги[228]. Потому я обрадовалась, когда в июне 1960 года Гарритано сообщил мне, что на днях они с женой едут в отпуск в Италию. Помня о вероломном налете КГБ 3 июня, когда отняли рукопись «Слепой красавицы», я решила срочно отправить через Гарритано завещание Пастернака, письма и доверенности. Шеве также вложил в пакет свое письмо к издателю. Супруги Гарритано, получив документы и письма, уехали из Москвы.

Я с Ирой отправилась на две недели к Ариадне в Тарусу, чтобы немного успокоиться и побыть с родными людьми. Мы вернулись из Тарусы 26 июня и узнали от Шеве, что Фельтринелли ничего от нас не получил и чета Гарритано в Италии не появлялась. Мне тогда казалось, что Гарритано уже нет в живых. Но через десять дней они появились в Москве и со стенаниями, заламывая руки, сообщили, что ездили отдыхать не в Италию, а в Грузию, и там случайно потеряли пакет с документами, который должны были передать Фельтринелли. Моему отчаянью и гневу Шеве не было предела, поскольку тот сразу сказал о проведенной органами операции похищения[229].

В феврале 2004 года я принес Мите книгу, которую Карло Фельтринелли написал о своем отце Джанджакомо[230]. Митя стал рассказывать мне, в какое отчаянье впала мама, когда узнала от Гарритано о «случайной» потере в Грузии важнейших документов, подписанных в апреле Пастернаком. Митя вызвался срочно ехать в Грузию искать пропавший пакет. В 1959 году Митя с экспедицией под руководством профессора-геолога Святловского, мужа Люси Поповой, более трех месяцев работал в Грузии, и у него там появилось много друзей. Ольга Всеволодовна готова была пойти на этот отчаянный шаг, но мудрая Ариадна

всех успокоила, сказав, что из Грузии Митя «случайно» уже никогда не вернется. Ивинская стала готовиться к худшему, распределяя рукописи, письма и документы по друзьям и соседям в Москве и Измалкове. Но система абсолютно все прослушивала и отслеживала: КГБ удалось отнять при аресте у Ольги Всеволодовны все материалы, до последнего листочка. Изъятый у Гарритано пакет, видимо, сильно озаботил КГБ своим содержанием.

Ольга сообщала в письме к Фельтринелли:

Милый, милый Джанджакомо!

Вы уже знаете о нашем ужасном горе. Моего любимого Бориса больше нет. Это письмо имеет не только личный, но и деловой характер. Мы боимся это откладывать. В апреле Борис написал мне для Вас Доверенность, он хочет, чтобы моя подпись имела силу его подписи на всех финансовых документах и на других официальных бумагах. <…> Я прошу Вас верить мне и доверять, когда я доверяю Вам мои планы. <…> Прошу рассматривать господина Хайнца Шеве моим доверенным лицом. Через него я пошлю Вам — также по желанию Бориса — рукописи (оригиналы, тексты), которые он вручит Вам для напечатания. Речь идет об оригинале «Доктора Живаго», об архивных материалах, которые я привожу в порядок, о драме «Слепая красавица». Дела здесь очень сложны, мы должны быть очень осторожны. <…> Набросайте текст, как мы должны взаимодействовать с мадам Пруайяр, я подпишу. Обеспечьте денежные переводы, которые Вы по его желанию должны послать его друзьям, которые помогали ему и украсили его жизнь. <…> Как только я получу Ваш ответ, то смогу переслать Вам тот договор, который подписал Борис Леонидович еще при жизни, предусматривающий полюбовное соглашение с мадам Пруайяр. <…> Пожалуйста, посылайте Ваши письма только через Х. Шеве. И всегда помните, что неосторожность может погубить нас всех. <…> При всяких конфликтах с семьей я буду на Вашей стороне.

Ваша Ольга Ивинская.

В письме от 6 июня 1960 года, перехваченном органами,

Шеве писал Фельтринелли:

> Нам всем предстоит действовать дружно и справедливо, чтобы все соответствовало замыслам Пастернака. <…> Я сказал Ольге, что и все другое (не только драма), что когда-либо Борис Леонидович в своей жизни написал, стало частью мировой литературы. Она собрала все: все его письма и автографы. Надеюсь, все это не пропадет! Мы опасаемся, что кое-какие органы здесь в Москве, возможно, пустят в ход жесткие меры. Я уверен, что Пастернак не простил бы нас, если бы мы подвергли опасности Ольгу из-за нетерпения, неосторожности или корысти. Остальное узнаете из письма Ольги, которое я даю и в переводе. С сердечным приветом Вам и Инге[231].
>
> *Ваш Хайнц Шеве.*

Получив такую тревожную информацию, власти предприняли срочные меры. Нужен был повод для ареста Ивинской и изъятия всего ее архива. КГБ провел операцию с помощью функционеров итальянской компартии, которые отслеживали все контакты их представителей с Москвой. 6 августа 1960 года коммунист Бенедетти привозит из Италии Ольге крупную сумму российских денег — «долг за гонорар Пастернака», который прислал Д'Анджело, как завещал Пастернак.

До этого от Фельтринелли и от Жаклин привозили российские деньги непосредственно Пастернаку более десяти раз. Об этом пишет в своей книге Карло Фельтринелли. В письмах Пастернака к Жаклин[232] Борис Леонидович выражает благодарность Пруайяр за неоднократную передачу ему денег из Франции за роман «Доктор Живаго». Эти поступления до 1959 года шли непосредственно к Пастернаку, а после марта 1959-го, когда генпрокурор вызвал поэта на допрос и запретил ему встречаться с иностранцами, деньги для Пастернака стали передавать через Ольгу.

Советские органы отслеживали все поступления к Пастернаку с 1957 года. Потому после его смерти КГБ ждал очередной посылки денег для Ивинской, чтобы получить повод арестовать ее и захватить ее архив. Как только мышеловка захлопнулась, 6 августа 1960 года привезли деньги из Италии, КГБ получил ордер на арест Ольги Ивинской за контрабанду и на полное изъятие документов[233].

Однако арестовали Ивинскую только 16 августа, так как пришлось вначале провести зачистку пространства вокруг нее —

выслать из СССР нежелательного свидетеля — жениха Ирины Жоржа Нива. Ирина пишет в своей книге, что Жоржа выдворили из страны 10 августа 1960 года, предварительно заразив неизвестной болезнью и заточив в больницу. Ирина также была заражена той таинственной болезнью. Ее попытки связаться по телефону с Жоржем после ареста мамы не имели никакого успеха, за ней ходили гаврики в штатском, которые сопровождали везде и их домработницу Полину. Факт ареста Ивинской скрывали от зарубежной прессы, а Шеве, сообщивший об этом Фельтринелли, просил издателя хранить молчание, думая, что это недоразумение и скоро Ольгу отпустят.

Д'Анджело в своей книге приводит важные подробности этих «странных» дней ареста Ольги и затем Ирины. Серджо в начале сентября 1960 года приехал в Москву и встретился на Потаповском с Митей, который сообщил, что Ирина неожиданно поехала к маме в санаторий. На вопрос, кто с ними разговаривает, Митя ответил, что с мамой и Ириной связывается по телефону немецкий корреспондент[234]. Рассказывая мне об этом жестоком времени, Митя мучился вопросом, почему гэбэшник, надзиравший за ним, заставлял его говорить приехавшему в Москву Д'Анджело, что маме и Ирине звонит в санаторий знакомый корреспондент Шеве.

Только после закрытого суда 7 декабря 1960 года адвокату Косачевскому, который еще во время следствия встречался с Шеве, удалось сообщить зарубежным корреспондентам о расправе над невиновными женщинами. В начале января 1961-го эту сенсационную новость сообщили миру английская газета «Дейли телеграф» и итальянская «Вита», где с середины сентября 1960-го стал работать Серджо после разрыва с Фельтринелли, скрывшего от него факт ареста Ольги в августе. Арест «любимых женщин Пастернака» вызвал волну протеста зарубежных писательских организаций и известных государственных деятелей. Эти материалы опубликованы в книге «Борис Пастернак и власть» в специальном разделе «Дело Ивинской. Ходатайства зарубежных писателей об освобождении подруги Бориса Пастернака».

Говоря со мною на эту тему, Ольга Всеволодовна удивлялась:

— Почему Шеве не поднял волну протеста в зарубежной печати еще в августе 1960 года, узнав о моем аресте? Это могло спасти Ирину от ареста. Ведь еще Борис Леонидович предупреждал: «После моей смерти Ольгу арестуют, и надо будет бить во все колокола».

Следователь КГБ Алексаночкин имел жесткое указание получить от Ивинской на допросе добровольное признание вины. Его увещевания и угрозы долго не давали результата, так как

деньги к Пастернаку поступали с 1957 года и ни к какой контрабанде Ивинская и ее дочь отношения не имели[235]. Адвокат Косачевский при первых встречах с Ольгой, расположившей его своей открытостью, объяснил ей, что статья 78 УК СССР о контрабанде «предполагает незаконное перемещение товаров или иных ценностей через государственную границу СССР, но вы ничего не перевозили и не доставляли!»

Арест дочери потряс Ивинскую, она поняла, что следователь вводит ее в заблуждение. Потому Ивинская стала требовать встречи с адвокатом с глазу на глаз. Косачевский писал: «Ивинская часто плачет, страдая за безвинно арестованную дочь».

Время идет, власти торопят, а Ивинская не признает себя виновной в контрабанде. И тогда органы идут на прямой шантаж. Следователь Алексаночкин заявляет Ивинской:

> Ваше нежелание признать вину вынуждает нас отправить на уничтожение изъятые при аресте материалы как не относящиеся к делу и носящие антисоветский характер[236]. Мы даже соберем комиссию из писателей, в которую вы можете включить любого из своего списка: они все дружно подпишут акт об уничтожении антисоветских рукописей Пастернака, которые вы так бережно сохранили. Разве в этом вы можете сомневаться?

— Конечно, у меня не было никаких сомнений, что в случае моего отказа любые писатели подпишут то, что им укажет КГБ, а мой архив уничтожат, — говорила мне Ольга Всеволодовна. Алексаночкин обещал Ивинской за добровольное признание маленький срок, а «Ирину вообще накажут лишь условно».

Спасая архив от уничтожения, а дочь — от тюрьмы, Ивинская пишет признательное заявление в КГБ. Его будут демонстрировать за рубежом советские послы, советская делегация в Англии и другие официальные лица. Советскому суду хватило перехваченных писем, а также показаний Зинаиды и Нины Табидзе, обвинявших Ивинскую в «алчности и тайном получении денег из-за рубежа, о которых семья Пастернака ничего не знала и никогда никаких денег не получала».

Это было прямой ложью и клеветой на Ольгу Ивинскую и Ирину. В письме из тюремного лагеря летом 1961 года Ольга написала Люсе Поповой: «Зинка меня посадила. <…> Боря перевернулся бы в гробу, прочитав показания Ниночки[237]».

Следователь также сфабриковал признание Ирины в том, что Пастернак ничего не знал о поступавших из-за границы деньгах. Ирина пишет: «Мне в камеру принесли стенограмму моего

вчерашнего допроса. И вдруг на вопрос „Знал ли Пастернак о преступных действиях Ивинской?“ я читаю такой свой ответ: „Нет, не знал, об этом надо открыто заявить“»[238] На закрытом суде прокурор победно огласил признательное заявление Ивинской — царицу доказательств, главный аргумент расстрелов 1937–1939 годов по теории сталинского прокурора-садиста Вышинского. Осужденные Ольга Ивинская и ее дочь Ирина в январе 1961 года были отправлены по этапу в Сибирь.

Вспыхнувшее в мире возмущение вынудило советские власти срочно организовывать специальные передачи на радио, а также статьи, изобличающие авантюристок и валютчиц, в газетах братских зарубежных компартий. 21 и 27 января 1961 года из СССР шли радиопередачи для зарубежных слушателей, изображавшие Ивинскую и ее дочь «авантюристками, обманывавшими Пастернака в целях личного обогащения и искажавшими творчество хорошего советского писателя». В феврале 1961 года Алексей Аджубей, главный редактор «Известий» и зять Хрущева, прибыл вместе с Сурковым, секретарем Союза писателей, Симоновым, главным редактором «Нового мира», в котором несколько лет работала Ивинская, и политическим обозревателем Жуковым в Англию на конференцию по мирному сосуществованию. Они привезли пакет документов, «доказывающих виновность Ивинской». Эта ударная бригада пыталась связаться с рядом английских газет для опубликования обвинительных документов, но только на условиях отсутствия всяких комментариев со стороны английских журналистов и юристов. Конечно, газеты Англии отвергли такое наглое предложение, тем более что эти документы никогда не публиковались в самом СССР.

В состав «аджубеевского набора» для заграничных пропагандистских вояжей входили:

1. Фото пачек советских денег;

2. Фото итальянских банкнот (что было явным подлогом, так как Пастернак и Ольга никогда итальянские лиры не получали);

3. Фотография письма Фельтринелли к Ольге Ивинской;

4. Признание, написанное Ивинской в следственном отделе КГБ, которое вызвало наибольший интерес.

Об этих материалах и деле Ивинской подробно написал уже в 1962 году известный английский журналист Роберт Конквест в своей книге «Мужество гения. Дело Пастернака», которая до сих пор не издана в России. Конквест пишет о реакции юристов и прессы Англии: «Аджубеевские документы не могли быть приняты в качестве свидетельства обвинения ни в одном суде на Западе („Дейли телеграф“). Однако признание Ивинской было

необычным и символичным»[239].

В книге «Пастернак и власть» специалисты из Росархива утаили от читателей текст признательного заявления Ивинской. В этой книге нет также текстов писем Фельтринелли, Шеве и Ивинской, которые были выкрадены КГБ в июне 1960 года у супругов Гарритано. Специалисты не приводят текст письма Д'Анджело к Хрущеву от февраля 1961 года, где Серджо посылает копию расписки самого Пастернака о получении им 44 тысяч рублей из Италии в феврале 1960-го. Тем более утаивается от читателей текст завещательного договора Пастернака с Фельтринелли, который в июне 1960-го был выкраден у Гарритано и передан в ЦК КПСС. Митя обратил мое внимание на эти изъятия и зачистки. В книге нет также текстов радиопередач за рубеж, одобренных комиссией при ЦК КПСС, обличающих преступниц Ивинскую и ее дочь, которые частично воспроизводятся в письме Суркова как ответ на запрос английского ПЕН-клуба (выдержки из этого письма уже приведены во вводной главе книги).

Для российских читателей, на мой взгляд, представляет интерес текст «признательного заявления» Ольги Ивинской, который огласил в 1961 году в Лондоне Аджубей:

В отдел расследования КГБ
от обвиняемой Ивинской О. В.

Заявление

Все в обвинении — чистая правда. Я ничего не оспариваю из него (может быть, за исключением деталей, которые приводят меня саму в замешательство вследствие моего нервного состояния). С другой стороны, я хочу поблагодарить следователя за его такт и корректность не только в общении со мной, но и в изучении моих архивов, которые были аккуратно отобраны — часть их возвращена мне, а часть — в литературный архив, и ничего из того, что я хотела сохранить, **не уничтожено** (выделено мною. — Б. М.).

О. Ивинская, 4.11.60 г.

Английские газеты писали в 1961 году об этом признательном заявлении Ивинской:

«Этим актом самопожертвования она пыталась облегчить участь своей дочери, но была и другая, столь же важная причина в одинокой борьбе Ивинской с КГБ — ее ответственность за сохранение рукописей Пастернака! <…> Таким путем возникала кажущаяся гарантия со стороны власти в обмен на признание женщины, зажатой в тисках бесчеловечной системы. Этот ее выкрик, разрешенный следователем, который добился своей коварной цели, был ее единственной возможностью что-то сообщить миру».

Материалы английских газет перепечатали газеты Европы и Америки, недоступные для советских граждан. Появилось заявление возмущенного Фельтринелли, интервью с Д'Анджело, Жаклин, Руге, Шеве, Нива и Ренатой Швейцер, которая стала срочно писать книгу о своей переписке с Пастернаком, чтобы защитить Ивинскую от клеветы со стороны советской пропаганды.

Вспоминая о своем вынужденном признании вины на следствии в КГБ, Ольга Всеволодовна говорила мне:

— Конечно, мое признательное заявление было договором с дьяволом, как писал в свое время Боря во Францию к Жаклин. И этот дьявол — советская власть — коварно обманул меня, проштамповав в закрытом и скоротечном суде чудовищный приговор — восемь лет лагерей мне и три года лагеря Ирине, с полной конфискацией имущества[240].

В нашем разговоре Ольга Всеволодовна особо отмечала:

— Все семейство на Большой даче с конца 1957-го жило на деньги, которые привозили Пастернаку за роман из Италии и Франции. В письме к Жаклин в 1959 году Борис Леонидович писал, что ему давно не оплачивают выполненную работу, лишили заказов на переводы, пьес в его переводе не дают, что теперь не на что содержать семью. Боря написал в ЦК, что станет обмениваться гонорарами с Хемингуэем и Ремарком (такой совет дал Борису Леонидовичу Фельтринелли), если ему не дадут работу по переводам[241].

В конце января 1961 года осужденных отправляют по этапу, а КГБ начинает отбор архивных материалов Ольги Всеволодовны Ивинской для отправки в подвалы ЦГАЛИ. Актом от 15 февраля 1961 года по описи № 1 на хранение в ЦГАЛИ перешло 84 наименования документов из архива Ивинской.

Среди этих документов находятся:

Позиция 1.

Роман «Доктор Живаго», книга вторая, автограф. Тетради 1, 2, 3, 4 и 5 на 659 листах. Стихотворения,

вложенные в пятую тетрадь, автографы: «Бессонница», «Лето в городе», «Хмель», «Разлука», «Стога», «Август», «Свадьба», «Тишина», «Липовая аллея», «Дорога», «Осенний лес», «Вакханалия» и другие.

На отдельном листе рукописи романа, как отмечала Ольга Всеволодовна, имеется дарственный автограф Пастернака Ольге: «Ларе от Юры».

Позиции 2, 3 и 4.

Роман «Доктор Живаго», книга первая (части с первой по шестую), машинопись с авторской правкой.

Позиция 9.

Пьеса «Слепая красавица» (картины 1, 2, 3, и 4), автограф, на 169 страницах.

Позиция 11.

Борис Пастернак. «Биографический очерк», машинопись на 74 страницах.

Позиции 12–30.

Автографы и машинописные копии стихотворений Пастернака «Следы на снегу», «После вьюги», «Перемена», «Хлеб», «Осень», «Ева», «Душа», «Когда разгуляется», «Нобелевская премия» с датой 20 января 1959 года, «Единственные дни» и других.

Позиция 31.

Рисунок Л. О. Пастернака, карандаш. На рисунке надпись Бориса Пастернака: «Дж. Фельтринелли».

Позиции 32–57.

Автографы и письма Пастернака разным адресатам. В их числе письмо Хрущеву от 1 ноября 1958 года, опубликованное в газете «Правда», письма Галлимару, Коллинзу, Крузе, Пастернаку Евгению Борисовичу от 27 июня 1954 года, Герду Руге, Элен Пельтье, Элиоту Слейтеру, Борису Зайцеву, Зельме Руофф, в Монтевидео и другие.

Позиции 59–69.

Письма в адрес Пастернака, автографы (Фельтринелли, Пельтье, Коллинза, Д'Анджело, Пузикова, Табидзе и других).

Позиции 70–76.

Телеграммы Пастернаку, большая часть из-за рубежа.

Ольга Ивинская вспоминала:

В собранном мной архиве было приглашение от известного писателя Оскара Уайльда после телефонного

разговора 1 ноября 1958 года в дни нобелевской травли Пастернака. Я сохранила письмо Инюрколлегии СССР от февраля 1959 года с приглашением Пастернака для переговоров о переводе гонораров в советский банк. Львиную долю власти хотели забрать на свои нужды: Фонд мира, Фонд поддержки освободительных движений и тому подобное. Пастернак отказался пойти на этот договор с дьяволом.

ЦГАЛИ также захватил более десятка доверенностей от Бори на мое имя в различные издательства, в том числе зарубежные. Отняли также стихотворение Ахматовой с посвящением «Борису Пастернаку» (позиция 83) и перепечатанную мною на машинке статью Цветаевой «Световой ливень» (позиция 84), которую я читала Боре, когда он отказывался от своих ранних стихов. «Марина обладала безупречным поэтическим чутьем, и если ценила твои стихи в те годы, то они многого стоят», — приводила я в споре последний аргумент, который неизменно действовал на Борю. Всегда это сопровождалось его горькой фразой: «И я виноват в ее гибели. Не настоял на ее переезде с Муром ко мне в Переделкино в августе 1941 года».

На мой вопрос о ее попытках увидеть свой архив Ивинская сообщила:

— Причиной моего первого, вынужденного обращения в ЦГАЛИ в 1969 году стала публикация пьесы «Слепая красавица», организованная Львом Озеровым (настоящая фамилия — Гольдберг). Получив в свое время от Зинаиды невыправленную машинописную копию пьесы, Озеров по ней напечатал «Слепую красавицу» с десятком ошибок. Я потребовала вернуть мне из ЦГАЛИ рукопись «Слепой красавицы» для ее точной публикации. В ЦГАЛИ отказались отдать мне автограф пьесы, прислав лишь копию, поскольку к 1969 году я еще не была реабилитирована судом.

Дальнейшая история с архивом Ивинской имеет фантасмагорическое продолжение. Многое изложено в пояснительной записке, подготовленной Вадимом Козовым, которую он составил для адвоката Генриха Падвы, взявшегося вызволять архив Ивинской из подвалов ЦГАЛИ. Вадим шаг за шагом описал перипетии борьбы за архив Ивинской:

1. 2 ноября 1988 года президиум Верховного суда РСФСР, рассмотрев приговор Мосгорсуда от 7 декабря 1960 года, выносит постановление о реабилитации

Ольги Всеволодовны Ивинской и ее дочери Ирины Емельяновой за отсутствием состава преступления.

2.19 апреля 1989 года председатель Мосгорсуда Лебедев извещает Ольгу, что принадлежащие ей архивы, переданные на хранение в ЦГАЛИ, «подлежат возврату Ивинской».

ЦГАЛИ не выполняет это указание, а продолжает делать свое черное дело. 14 мая 1991 года, полностью игнорируя решение Верховного суда РФ, ЦГАЛИ забирает из дела Ивинской, находившегося в ведомстве Крючкова, тогдашнего председателя КГБ СССР, еще 55 наименований документов, опись № 2.

Среди них, например, письма и копии писем Пастернака в «Правду», на имя Хрущева, к Поликарпову, в Инюрколлегию СССР и в адрес зарубежных издателей. Захвачены также письма, написанные лично Ольгой Ивинской Фельтринелли, Панферову, Хесину, Жаклин и другим.

В описи № 2 изъятых в 1991 году из архива Ивинской и отправленных в ЦГАЛИ материалов, составленной сотрудниками КГБ и ЦГАЛИ, значатся таинственные пакеты (позиции 36 и 39) без указания того, что в них спрятали сотрудники закрытых ведомств.

Ольга Всеволодовна предполагала:

— В этих пакетах может быть завещательное распоряжение-договор, подписанный Пастернаком, который КГБ выкрал у супругов Гарритано в июне 1960 года. Возможно также, что в безымянном пакете находятся письмо Бори и его зеленая тетрадка со стихами, которые пришли ко мне в 1951 году в мордовский лагерь и после прочтения вернулись в мое дело в КГБ.

Продолжая свой рассказ, Вадим Козовой констатировал:

После второго наглого грабежа архива Ивинской я обратился в Минюст РФ с жалобой на директора ЦГАЛИ Волкову, игнорирующую решение Верховного суда о возврате архива. Минюст обратился в Верховный суд России с просьбой обязать ЦГАЛИ исполнить определение Верховного суда о полной реабилитации Ивинской и ее дочери и возврате им незаконно изъятых при аресте материалов.

3. 10 июля 1992 года Мосгорсуд выносит очередное решение о возврате всех изъятых в 1960 году архивов Ивинской их владелице. Постановление вступило в

законную силу 18 июля 1992 года. Зампредседателя Росархива Козлов заверил представителя Ивинской (доверенность от Ивинской имели Вадим Козовой и Митя), что решение суда будет безусловно выполнено и все изъятые у Ивинской материалы будут возвращены. Но директор РГАЛИ (так стал именоваться ЦГАЛИ) Волкова заявила, что оспоритрешение Мосгорсуда. Ей приходит ответ, что это незаконно, так как ранее Верховный суд РФ уже принял решение о возврате Ивинской принадлежащих ей материалов архива.

4. 28 сентября 1992 года Мосгорсуд выписывает исполнительный лист в адрес РГАЛИ с указанием о возбуждении дела в суде «О превышении власти директором РГАЛИ». Но РГАЛИ, созданный под эгидой КГБ, эти решения не исполняет, и система организует срочный протест заместителя генерального прокурора РФ на решение Мосгорсуда.

Вадим говорил мне:

— Как по щучьему велению через 32 года после смерти Бориса Пастернака, в октябре 1992-го, у РГАЛИ вдруг появляются заявления от членов семейства Пастернак. Судебная коллегия по уголовным делам Верховного суда РФ за немыслимо короткий срок, уже в декабре 1992 года, отменяет решение Мосгорсуда о возврате Ивинской ее архивов на основании заявления наследников Пастернака: Евгения Борисовича Пастернака, а также Натальи Анисимовны и Елены Леонидовны Пастернак[242].

Это оперативно принятое решение требует рассмотрения в порядке гражданского судопроизводства спора о законности принадлежности Ивинской материалов, незаконно изъятых у нее при аресте в 1960 году. Вадим негодовал:

— Особенно возмутило нас появление в 1992 году заявления со стороны Евгения Борисовича. Дело в том, что, освободившись из лагеря, Ирина передала ему — еще в 1962 году — десятки копий из архива Ивинской с автографами стихов и писем Бориса Пастернака (*особо было подчеркнуто Вадимом. — Б. М.*).

Как рассказывала мне Ирина, тогда это вызвало у Евгения чувство благодарности, и он сделал на папке с ее материалами трогательную надпись: «Ирочкин архив».

Во время нашего разговора о суде по делу об архиве Вадим сказал:

— Претензии Евгения Борисовича к Ивинской через 30 лет более чем нелепы. Видимо, РГАЛИ и органы настоятельно попросили его написать это постыдное заявление. Надо знать, что

именно он еще в декабре 1989 года был отправлен советскими органами в Стокгольм для получения Нобелевской премии Бориса Пастернака. А ведь отец на смертном одре запретил сыновьям прикасаться к его зарубежным делам. Как говорил Костя Богатырев, «Пастернак завещал Ольге приехать в Стокгольм за Нобелевской премией»[243].

> 5. Зампредседателя Верховного суда РФ Меркушов вносит протест на решение коллегии по уголовным делам от 29 декабря 1992 года, оставившей архив Ивинской в РГАЛИ. Состоялось заседание президиума Верховного суда РФ.

Постановление Верховного суда РФ, заметил Вадим, было принято 27 октября 1993 года (прошло более 10 месяцев!), и в нем определено:

> Как видно из постановления следователя от 29 октября 1960 года, все материалы, которые были возвращены Ивинской постановлением Мосгорсуда (от 10 июля 1992 года), не были признаны вещественными доказательствами. Они не приобщены к материалам дела и при нем не хранились, как того требуют в отношении вещественных доказательств статьи 83 и 84 УПК РСФСР. Мосгорсуд обоснованно возвратил Ивинской эти материалы. Если наследники Пастернака претендуют на возвращение им части этих материалов, то должны обратиться в гражданский суд. Президиум Верховного суда РФ постановил:
>
> «Определение судебной коллегии по уголовным делам от 29 декабря 1992 года отменить. Оставить в силе постановление Мосгорсуда от 10 июля 1992 года о возврате Ивинской О. В. материалов, относящихся к творчеству Б. Л. Пастернака».

РГАЛИ вновь проигнорировал постановление высшей судебной инстанции России и уговорил Наталью Анисимовну и Елену Пастернак в 1994 году направить иск в районный суд на изъятие всего архива у Ивинской в свою пользу. Мотивировка, которая прозвучала в речи Натальи Анисимовны по телевидению:

— Мы не знали о том, что архивы, собранные Ивинской, нам не принадлежат. Только недавно[244] нам все разъяснили в РГАЛИ. РГАЛИ попросил нас написать заявление в суд, чтобы забрать все у Ивинской и содержать в РГАЛИ.

С 1994 года я регулярно приходил с Митей, у которого

прогрессировала изнуряющая болезнь — эмфизема легких, на заседания Савеловского районного суда Москвы и делал записи заседаний на диктофон. Ни единого раза на суд не явились ни Наталья Анисимовна Пастернак, ни дочь Леонида Пастернака Елена, главные истицы. На всех заседаниях их интересы представляла третья сторона — директор РГАЛИ Наталья Борисовна Волкова с адвокатом Геральдиной Любарской[245].

Ольга Ивинская понимала, что волю Пастернака не посмели нарушить с 1960 года ни Зинаида Нейгауз, ни Леня, ни Евгений, ведавшие о завещании и слышавшие предсмертные слова Бориса Леонидовича. Ольга Всеволодовна рассказывала, что Леня звонил ей в 1976 году после убийства Кости Богатырева. Он хотел помочь Косте в поисках похищенного завещания Пастернака. Леня сказал Ивинской, что запретил матери после похорон Пастернака нарушать волю отца и писать заявление в КГБ с требованием изъять все рукописи и письма Пастернака у Ивинской. Зинаиду Николаевну просили написать такое заявление представитель Союза писателей Воронков и Хесин.

— Будь у органов такое заявление от Зинаиды, ничто не смогло бы остановить изъятие моего архива сразу после смерти Бори, — говорила Ивинская.

Помню, как сокрушалась Ольга Всеволодовна, узнав, что и Елена, дочь Лени, подписала иск:

— Какие злые и жестокие люди — заставили девочку взять на душу такой грех, осквернить память отца и деда! О Наталье Анисимовне что говорить? Она же подневольная[246]: как прикажут сверху, так и будет делать. Но зачем девочку принуждать к низкому поступку? Это позорное пятно останется на ней на всю жизнь.

Важно то, что к этому времени уже действовало соглашение между Ольгой Ивинской и семейством Пастернак. По требованию Фельтринелли в соответствии с волей Бориса Пастернака только по решению Ивинской гонорары Пастернака могли быть переведены в СССР. И в 1969 году под давлением властей Ольга Всеволодовна вынуждена была пойти на подписание соглашения, в которое включила представителей семейства Пастернак. Стороны-правопреемники — Евгений Борисович Пастернак, Леонид Борисович Пастернак, Ольга Всеволодовна Ивинская и Станислав Нейгауз (Зинаида Николаевна умерла в 1966 году) подписали соглашение на 20 лет о распределении средств от зарубежных гонораров Пастернака. На архив Ивинской никто из членов семейства не претендовал. После неожиданной смерти Лени в возрасте 37 лет осенью 1976 года (вскоре после убийства Кости Богатырева в том же году) Наталья Анисимовна Пастернак

и дочь Лени Елена пользовались действующим на 20 лет соглашением, не имея никаких претензий к Ивинской. В 1990 году стороны продлили соглашение еще на 20 лет, при этом Наталья Анисимовна сама приехала к Ольге Всеволодовне на Вятскую для его подписания[247].

В 1978 году вышла книга Ольги Ивинской «В плену времени», получившая широкий резонанс в мире. Ольга Всеволодовна опубликовала автографы стихов Пастернака, которые вернули Ирине после ее освобождения из мордовского концлагеря: их ЦГАЛИ посчитал несущественными и не изъял в свою пользу. Никто из семейства Пастернак с 1978 года не требовал отобрать эти автографы у Ивинской.

В выходивших стихотворных сборниках Бориса Пастернака активно использовали тексты из «архива О. Ивинской», о чем сообщалось в комментариях. Так, например, в сборнике «Стихотворения и поэмы», вышедшем в 1990 году[248], более 15 ссылок на стихи — автографы Пастернака «из собрания О. В. Ивинской». Такие примечания сделаны к стихотворениям «Ева», «Весна в лесу», «Быть знаменитым некрасиво», «Ночь», «Все сбылось», «Женщины в детстве», «Цветы ночные утром спят», «Вакханалия» и другим.

В дневнике Зои Масленниковой есть запись ее разговора с Борисом Леонидовичем, когда стало известно о его возможной высылке из страны. 31 октября 1958 года, после речи Семичастного с требованием выслать поэта из СССР, Масленникова записывает в дневнике слова Пастернака:

> — Я уже решил, что, если придется уехать, я ничего с собой брать не буду, поеду налегке. И работу свою[249] вы получите. Всеми своими делами и вещами я завещаю распоряжаться своему другу. Она вам тогда отдаст портрет.
>
> <…> Он открывает секретер, достает внушительный сверток:
>
> — Это я приготовил на случай обыска, чтобы не искали. Здесь вся моя переписка, связанная с романом. Я вам дам еще телефон, — говорит он и пишет номер Ивинской. — Ольга Всеволодовна, Б-7–33–70. Она всегда все обо мне знает, и она все берет на себя. Если придется уезжать, я буду просить, чтобы ее выпустили.

Зоя Масленникова говорила мне во время нашей встречи у нее дома в 2003 году:

— Никому из семейства Пастернак не доверял свои рукописи, он все хотел оставить Ольге Ивинской.

После смерти Пастернака писатели в Переделкине знали, что свои рукописи и дела Борис Леонидович передал Ольге как распорядительнице его творческого наследия. В дневнике Корнея Чуковского об этом есть записи, сделанные после смерти Пастернака. 6 июня 1960 года Чуковский в дневнике отмечает: «Сейчас самая главная проблема — Ольга Всеволодовна. <…> Асмус боится, что письма у Ольги Всеволодовны, равно как и другие материалы»[250]. Запись от 8 июня 1960 года: «Текст пьесы передан Ольге, так как у Зинаиды есть лишь черновики пьесы[251]. Вообще у Ольги Всеволодны весь архив Пастернака, и неизвестно, что она сделает с ним».

Для читателей приведу краткое изложение речи адвоката высшей категории Генриха Падвы на одном из первых заседаний суда в 1994 году по делу архива Ивинской:

> Согласно части 3 статьи 16 Основ Гражданского законодательства течение трехгодичного срока исковой давности началось после смерти Бориса Пастернака 30 мая 1960 года. Весь этот трехлетний срок и более были живы все прямые наследники Пастернака (Зинаида Нейгауз умерла в 1966 году, младший сын, Леонид Пастернак, неожиданно умер в 1976 году, сын от первой жены Евгений Пастернак в добром здравии). Ни один из них за прошедшие 34 года не предъявил иска об изъятии архива Ивинской в свою пользу. В 1970 году ЦГАЛИ официально подтвердил исключительное право Ольги Ивинской на архив, выдав справку от 11 февраля 1970 года.
>
> В 1978 году вышла книга Ольги Ивинской «В плену времени. Годы с Борисом Пастернаком», где она пишет об имеющихся у нее автографах стихотворений и писем Пастернака, тексты которых приводит в книге. Книгу Ивинской широко обсуждают и цитируют в печати. К этому времени уже многократно истекли сроки давности на возможное истребование архива Ивинской кем-либо. Вновь ни одна душа из семьи Пастернака, прямых и косвенных его наследников, не предъявляет иска к Ивинской об изъятии ее архива в свою пользу.
>
> Года минули, страсти улеглись, все сроки исковой давности многократно истекли, и вдруг по чьему-то наущению две женщины с фамилиями Пастернак, которые даже в глаза Пастернака никогда не видели, решили в 1994 году отобрать у Ивинской ее архив. Отобрать все, что она получила из рук Пастернака и

ценой своей тюрьмы сохранила для людей. Почему суд идет на грубейшее нарушение закона, почему эти женщины, которые сами ни разу не явились на судебное заседание, так оскорбляют память великого поэта и в еще большей мере оскорбляют честь его сына, Леонида Пастернака?

Судья Савеловского суда Чаплина, которая заменила первого судью Виноградова, много лет выслушивала речи Волковой и адвоката РГАЛИ Любарской. В ответах на вопросы, которые задавали им Падва и сын Ивинской Митя, часто выяснялось, что они находятся в неведении относительно родственных связей Пастернака, так как ни на одном из заседаний истицы, Наталья Анисимовна Пастернак и Елена Пастернак, не присутствовали.

После четырех лет проволочек, в 1998 году, директор РГАЛИ Наталья Волкова предложила судье провести экспертизу архива Ивинской на предмет того, представляет ли он ценность как национальное достояние. Судья Чаплина, конечно, поддержала это предложение и назначила такую экспертизу под эгидой Росархива. Адвокат Падва был поражен бестактностью самой постановки вопроса, так как в суде речь должна идти о юридической принадлежности архива, который собрала и сохранила ценой своей тюрьмы и тюрьмы дочери Ольга Ивинская.

Вадим Козовой по поводу этой уловки РГАЛИ с экспертизой говорил:

— Роман, пьеса, письма и стихи Пастернака составляют общемировое достояние, что ясно было уже десятилетия всему цивилизованному миру. Только советские власти хотели уничтожить рукописи Пастернака как антинародные и вредные сочинения, чуждые советским гражданам — строителям коммунизма. Ольга Всеволодовна ценой тюрьмы сохранила бесценный архив, который ей доверил Борис Леонидович, не дав органам уничтожить его.

Какую экспертизу мог обеспечить Росархив, ясно было из реплики Ирины во время ее беседы в 1998 году с корреспондентом радио «Эхо Москвы» Майей Пешковой: «Этот Савеловский суд пустил щуку в реку».

Вадим отмечал, что группа, захватившая архив Ивинской, еще в ноябре 1997 года, перед началом нового витка судебных заседаний, организовала публикацию провокационной статьи в «Московском комсомольце». Ее автор, некая Н. Дардыкина, утверждала, что Ивинская — якобы по результатам изучения закрытых архивов — была агентом органов и партии при Пастернаке. Эту статью «группа захвата», как ее называл Козовой,

одновременно разместила в газетах Европы и Америки.

Возмущенный Вадим говорил:

— Подлость этой заказной публикации состоит в том, что «специалисты» из органов, снабжавшие Дардыкину «секретной» информацией, скрывают от российских читателей донесения КГБ на Пастернака и Ивинскую, которые сразу показывают всю мерзость и клевету дардыкинского опуса. Эти доносы из архивов ЦК и КГБ были опубликованы в Европе еще в 1994 году.

Председатель КГБ Шелепин 18 февраля 1959 года «секретно» направляет в адрес ЦК КПСС записку «в отношении писателя Пастернака Б. Л.», в которой докладывает: «Как видно из агентурных материалов, Пастернак среди своих знакомых неоднократно выказывал антисоветские настроения. Ряд лиц из его окружения также не разделяет точки зрения советской общественности и подогревает озлобленность Пастернака. К числу таких лиц относится сожительница Пастернака О. Ивинская[252]. Происходит из дворян, характеризуется как умная, но морально разложившаяся женщина. Ивинская не прочь эмигрировать с Пастернаком за границу. <…> В настоящее время высказывает антисоветские настроения. Пастернак находится под ее большим влиянием. Председатель КГБ Шелепин»[253].

В России эти многочисленные секретные материалы КГБ на Пастернака и Ивинскую опубликованы были только в 2001 году в книге «Пастернак и власть». Книгу разрешили выпустить после того, как в 2000-м «группа захвата» провела через Савеловский суд и Мосгорсуд решение об изъятии всего архива Ивинской в пользу РГАЛИ.

Вадим отмечал:

— Массовому читателю, которому предназначена ложь Дардыкиной, не известны письма Пастернака во Францию и к сестрам в Англию, в которых он неоднократно писал о слежке за ним и Ольгой со стороны организации, одетой в железо, о перехвате писем и о прослушивании их телефонных разговоров. Эти письма к Жаклин были опубликованы в журнале «Новый мир» еще в 1992 году. Дардыкина сделала вид, что таких писем не знает. «Группа захвата» действует по старому методу советской пропаганды: чем чудовищнее ложь, тем скорее в нее поверит обыватель.

Возмущенные статьей в «МК», которую напечатали и во Франции, известные профессора-слависты Мишель Окутюрье и Жорж Нива, знавшие беспринципность и жестокость советских органов, опубликовали в российской газете «Известия» резкую отповедь провокаторам:

Грубая и невежественная клевета не скрывает своей подлинной цели: помешать возвращению наследникам Ольги Ивинской автографов, рукописей и писем Пастернака, отобранных у нее КГБ при аресте в 1960 году и переданных в ЦГАЛИ. Возвращение архива, казалось бы, — естественное и законное следствие полной реабилитации Ивинской, наступившей в 1988 году. Пытаться очернить память Ольги не просто недопустимо, это ПОДЛО!

За рубежом реакция на дардыкинскую статью была быстрой и резкой. Уже с декабря 1997 года газеты и журналы Франции, Италии, Германии, Америки, Англии и ряда других стран стали публиковать интервью с людьми, знавшими Пастернака и Ольгу Ивинскую, цитировали письма Пастернака и книгу «В плену времени».

Особый интерес представляло интервью Серджо Д'Анджело, которое он дал Эдуарду Лозанскому, главному редактору газеты «Новое русское слово» в США. Достаточно символично название этого интервью — «Была ли Ольга Ивинская агентом КГБ?». Приведу выдержки из него:

— Обвинения в статье Дардыкиной из «МК» против Ольги настолько абсурдны и смехотворны, что комментировать здесь нечего, — сразу заявил Д'Анджело.

— Поскольку в России мало знают о личной жизни Пастернака, многие могут поверить, что Ольга действительно работала на КГБ и что вся история ее любви к Пастернаку — выдумка. Вы один из тех людей, кто хорошо их знал, потому даже краткое ваше свидетельство очень важно.

— Я неоднократно публично высказывался, имея многолетние личные впечатления о Пастернаке и Ольге. Подчеркиваю ее благородные чувства и абсолютную преданность Пастернаку. Вот лишь некоторые примеры. В конце 1956 года после волнений в Польше и жестокого подавления восстания в Венгрии советскими танками оттепель в СССР сменилась заморозками. Советские органы стремились не допустить публикации «Доктора Живаго». На Фельтринелли давило руководство ИКП, к этому подключили даже генсека ИКП Пальмиро Тольятти, но Фельтринелли не сдался. Ольге Ивинской приходилось проявлять незаурядное дипломатическое искусство, чтобы защитить Пастернака от гнева

писательской верхушки и советских властей. В 1957-м Госиздат предпринял уловку помешать изданию романа в Италии, официально сообщив Фельтринелли, что в сентябре «Доктор Живаго» будет издан в СССР. Фельтринелли согласился подождать до сентября. Но советские власти захотели отобрать рукопись романа у Фельтринелли якобы для доработки. Пастернаку был предъявлен ультиматум: либо он шлет телеграмму Фельтринелли с требованием возвратить рукопись, либо будет арестован. Ольга прибежала ко мне в слезах, и мы вместе отправились к Пастернаку. Несколько часов мы убеждали Пастернака дать эту идиотскую телеграмму, уверяя, что она не сыграет никакой роли. К этому времени Фельтринелли продал права на перевод романа во многие страны, и процесс этот никто уже не мог остановить[254].

В книге «Дело Пастернака» Д'Анджело описывает любопытную подробность, ясно характеризующую твердое желание Ивинской добиться главной цели, к которой стремится ее любимый человек — Борис Пастернак:

> Опираясь на новости из Милана, я говорю Ольге, что в сложившейся ситуации, какую бы хитрость ни придумали Поликарпов и Сурков, считаю вероятным (с иронией использую это мягкое слово), что соответствующее оригиналу издание очень скоро выйдет в Италии. Ольга растеряна: «Вероятно? Но это должно быть наверняка!» Наверняка, поправляюсь я. Здесь иерархи суетятся, чтобы закрыть ворота после того, как быки убежали[255].

Приведу еще выдержки из интервью Д'Анджело в 1998 году:

> — После наших уговоров о бессмысленности этого послания Пастернак подписал бесполезную телеграмму с текстом на русском языке. Фельтринелли сразу понял суть дела и продолжил игру с советскими органами. В сентябре роман не был издан в СССР, и Фельтринелли издал его в ноябре 1957 года на итальянском языке. Затем в течение одного месяца дополнительный тираж романа выходил в Италии три раза[256].
>
> **— Значит, «МК» с таким же успехом может написать, что и вы сотрудничали с КГБ с целью помешать публикации романа?**

— Конечно может. Но Ольга делала все возможное, чтобы помочь Пастернаку издать «Доктора Живаго» за границей и в то же время уберечь его от мести КГБ и его подручных в Союзе писателей.

— Связано ли появление статьи в «МК» с судом за архив, который сейчас ведется в Москве?

— Несомненно. Никто не ставит под сомнение тот факт, что Пастернак завещал все свои архивы Ольге. Если Россия считает себя цивилизованной страной, то эта воля Пастернака должна быть выполнена, нравится она кому-то или нет.

Относительно денег, которые привозили Пастернаку за роман, Д'Анджело сказал:

— Пастернак мог перевести гонорар через банк, но тогда его враги стали бы кричать, что он продался Западу за 30 сребреников. Пастернак лично решил получать часть гонорара в Москве по неофициальным каналам. Я имел от него письмо с поручением получать деньги в Италии и привозить ему деньги в рублях в Москву. Я понимал, что КГБ об этом узнает, но высокопоставленный чиновник из ЦК Поликарпов намекнул, что Пастернак может получать деньги от своего издателя, не опасаясь властей. Я привозил деньги и передавал их либо лично Пастернаку, либо по его указанию через Ольгу[257]. <…> Но, как только Пастернак умер, КГБ решил нанести удар по беззащитным женщинам. Верхи решили «реабилитировать» Пастернака, чтобы все его материалы сохранить у себя под контролем, и все свалить на «жадную и авантюристичную» женщину. Вскоре Ольга и ее дочь были арестованы, архив Ольги захватили, а остававшиеся деньги, которые хранились, казалось бы, в надежном месте, были сразу же обнаружены[258].

— Как вы думаете, КГБ действовал по чьей-то наводке?

— Несомненно. Один человек сумел втереться в доверие к Ольге и часто навещал ее квартиру. Он считался другом, и ему в этом доме доверяли. Я уверен, что именно он доносил на Ольгу в КГБ. Кстати, вот еще один пример ее истинных отношений с этой зловещей организацией.

Разумеется, ни этого интервью Д'Анджело, ни выступлений

Герда Руге, Мишеля Окутюрье, Жаклин де Пруайяр, Александра Гинзбурга и многих зарубежных писателей, юристов и политиков с резкой критикой провокационной статьи Дардыкиной российская пресса не опубликовала. Информационные ограничения на освещение хода суда за архив Ивинской действовали уже с 1998 года. Свободный и открытый для разных мнений «МК» не поместил даже выдержки из интервью Д'Анджело или из заявления французских славистов в адрес публикации Дардыкиной. Центральные российские телеканалы ни Ирину, ни Вадима, ни славистов из Франции, ни Митю до эфира не допускали. Только журналист Светлана Сорокина в январе 1998 года осмелилась пригласить на тогда еще свободный канал НТВ Ирину Емельянову для подробного интервью. Сорокина спросила, есть ли уверенность в том, что отнятые у Ольги Всеволодовны и переданные в ЦГАЛИ архивы все еще находятся в целости. Ирина ответила, что в этом не уверена, так как слышит только слова Волковой о том, что все должно быть под их контролем. Интервью у Ирины взяла также Майя Пешкова на независимом радио «Эхо Москвы».

Во время суда в 1994 году Митя рассказал мне, что в 1991-м встречался с итальянским профессором Ривой, который показывал ему выкупленные в российских спецархивах секретные и «совсекретные» материалы о Пастернаке и Ивинской. Митя прокомментировал некоторые донесения и обстоятельства дела периода 1958–1960 годов, участником которых был сам, а затем профессор позвонил в Росархив и дал указание пропустить туда Митю на предмет «посмотреть, что еще интересного о Пастернаке и Ивинской стоит ему купить». К изумлению Мити, он был допущен в спецархив и ознакомился с секретными делами на Бориса Леонидовича и Ольгу Всеволодовну. В 1994 году профессор Рива издал в Италии книгу о деле Пастернака и Ивинской, где опубликовал десятки секретных и «совсекретных» материалов из закрытых российских архивов.

В мае 1998 года мы с женой посетили Ирину и Вадима в Париже. *Я* передал Вадиму аудиозаписи с заседания Савеловского суда от 23 января 1998 года с выступлением Волковой, читавшей письмо Евгения Борисовича в адрес суда. В этом письме он выражал глубокую благодарность Волковой и возмущался попыткой Козового представить свой отказ участвовать в суде как признание права на возврат архива Ивинской из РГАЛИ детям Ивинской. «Я хочу, чтобы весь этот архив оставался в РГАЛИ», — завершил свое послание Евгений Борисович. Тогда в Париже Вадим сказал мне:

— Мне стало известно, что публикация статьи Дардыкиной

состоялась после ее консультаций с Евгением. Дардыкина приходила к нему со статьей за советами[259]. И последующее молчание Евгения Борисовича в ответ на эту подлость убедило меня, что они сговорились с Дардыкиной: на пасквиль против Ольги Всеволодовны он не станет никак реагировать. Только имея такой карт-бланш, Дардыкина решилась опубликовать провокационный опус. Эта статья была выгодна Евгению Борисовичу еще и потому, что в сочиненной им биографии Пастернака, которая вышла в том же году[260], впервые появилась придуманная им ложь о том, что Ивинская в истерике по телефону потребовала от Пастернака отказаться от Нобелевской премии. Это хорошо стыковалось с клеветой Дардыкиной на Ивинскую, которая якобы была приставлена к Пастернаку органами по заданию ЦК КПСС.

Патологическая ненависть Евгения к Ольге Всеволодовне, о которой говорила Ариадна Сергеевна, создала этот зловещий союз из РГАЛИ, Евгения Пастернака и нанятых писак. Образовался этот клубок еще в период действия советской системы. Эта группа захвата будет постоянно клеветать на Ольгу Всеволодовну ради своей выгоды.

— Почему ты не напишешь об этом? — спросил я тогда Вадима.

— Пока идет суд за архив, — ответил он, — этот клубок не надо ворошить, поскольку Евгений Борисович хотя бы делает вид, что его не интересует этот суд. Одно его слово могло бы прекратить весь это фарс. Пастернак сказал ему и Лене на смертном одре: «Не прикасаться к тому, что находится у Ольги Всеволодовны!» Об этом говорил Костя Богатырев, посещавший в мае 1960 года умиравшего на Большой даче Пастернака.

Ивинская рассказывала мне, что после гибели Кости ей звонил Леня, которого мучила совесть за предательство по отношению к отцу во время нобелевской травли. Леня просил прощения за нарушение воли отца, которое привело к аресту Ольги Всеволодовны и Ирины. Леня сказал Ивинской, что его вынудили это сделать[261].

По поводу комиссии Росархива, тщательно проверявшей архив Ивинской на предмет того, представляет ли он национальную ценность, Вадим говорил:

— Пустили козла в огород, причем в свой же. Конечно, ждать разумного решения комиссии и суда просто глупо. С осени я начну готовить заявление в Страсбургский суд. В России вновь возрождается диктат спецслужб, к которым принадлежит и РГАЛИ, и суды будут блюсти лишь их интересы. Верно называла Ольга Всеволодовна это зловещее учреждение, похоронившее

правду о Пильняке, Мейерхольде, Михоэльсе, Мандельштаме, Платонове и тысячах талантов России, могильником истины и судеб тысяч загубленных душ. О ЦГАЛИ точно сказал Евтушенко в своем стихотворении: «Лаврентий Павлович, меня вы проморгали, / Забыв упечь в Лубянку — ваше ЦГАЛИ».

Слушая запись письма Евгения Борисовича, которое читала в суде Волкова, Вадим обратил внимание на озабоченность Евгения тем, что в 1996 году наследники Ольги Всеволодовны выставили на лондонский аукцион «Кристи» письма Пастернака к Ольге Ивинской. Вадим едко заметил:

— Этот хамелеон изображает из себя бескорыстного дарителя папочкиных писем и автографов, но тщательно скрывает то, что после смерти Зинаиды в 1966 году семья Пастернак тайно продала итальянцам ряд писем грузинских писателей к Пастернаку, которые даже не были опубликованы в России[262]!

В 2002 году Митя обратил мое внимание на еще один факт бескорыстия семейства Пастернаков:

— Очень символично сообщение нового директора РГАЛИ Горяевой в ее интервью «Рукописи не горят. Но продаются»: «Я долго обивала пороги, наконец мне выделили 400 тысяч рублей. На эти деньги мы купили 17 документов — автографы стихотворений и письма Пастернака»[263].

Митя отмечал:

— В январе 2000-го мы с Ирой направили письмо на имя президента России, в котором просили признать наше право на архив мамы и передать его в открытый для исследователей Государственный литературный музей с выплатой определенной суммы за архив. Письмо осталось без ответа. Савеловский суд все отнял у нас и сделал только то, что было выгодно группе захвата из РГАЛИ и Евгению Борисовичу. Он получил абсолютную монополию на архивы, где бесконтрольно фабрикует нужные ему и РГАЛИ небылицы.

Из рассказа Вадима Козового в мае 1998 года:

> Мы решили выставить на аукционе «Кристи» в Лондоне письма Пастернака к Ольге Ивинской, которые она нам подарила за год до смерти, сказав: «Когда будет трудно — сможете их продать и лечить Борю и дать образование Андрею[264]». Еще в 1978 году все эти письма были опубликованы в книге «В плену времени», а в 1991-м они еще раз были напечатаны в вильнюсском журнале большим тиражом. Их цитировали во всем мире с 1979-го. Но в комментариях советских пастернаковедов постоянно звучало: «Таких писем никто никогда не

видел, все это придумала сама Ивинская»[265]. Представление этих писем в 1996 году в Лондоне, где юристы «Кристи» заверили автографы писем Пастернака, опубликовав их в каталоге, заставило замолчать хор «защитников» чистоты Пастернака от «измышлений» Ивинской.

Записи моих бесед с Ольгой Всеволодовной, долгие разговоры с Митей, изучение хода суда, книг и материалов о Пастернаке позволили мне написать статью «Тайны архивов Бориса Пастернака», которую в России в 1999 году из целого ряда газет не решилась напечатать ни одна. В сентябре 1999-го я приехал в США, где встретился с удивительным человеком, офицером ВВС СССР, живущим в эмиграции, Израилем Борисовичем Гутчиным. О нем мне рассказывала в Москве Ивинская. Это его магнитофонные записи бесед с Ольгой Ивинской и Люсей Поповой в 60-х годах дали старт к созданию книги «В плену времени. Годы с Борисом Пастернаком»[266].

По рекомендации Гутчина мою статью, начиная с декабрьского номера 1999-го, стал печатать журнал «Большой Вашингтон» в США. Его издатель Кузнецов гарантировал публикацию «столь важной» статьи в четырех номерах журнала, выходившего ежемесячно. Но после выхода трех номеров заключительная часть статьи, где приводились прямые свидетельства о завещании Пастернака, неожиданно напечатана не была. Мои звонки и возмущение Гутчина результата не дали. Как оказалось, некие лица уговорили владельца журнала не печатать последнюю часть статьи о завещании Пастернака, пока Савеловский суд не захлопнет свою мышеловку. После неожиданной смерти Вадима в марте 1999-го каким-то людям удалось уговорить и Ирину написать в журнал о том, что, поскольку завещание Пастернака не обнаружили, публиковать о нем информацию не следует. Это нелепое короткое письмо Ира упросила подписать и Митю, который мне сообщил об этом с виноватым видом.

— Она такой же миротворец, как и мама, — говорил об Ире Митя, — всегда пытается оправдать мерзости семейства по отношению к Пастернаку. Но чем больше добра мама и Ира делали Евгению Борисовичу, тем больше получали зла от него. Чего стоит эта его хамская реплика о мытье Пастернака в горячей ванне с мылом после возвращения от Ивинской, сказанная с экрана в документальном фильме Рязанова!

В середине 2000 года из недр Росархива поступило заключение о том, что все архивные материалы, сохраненные

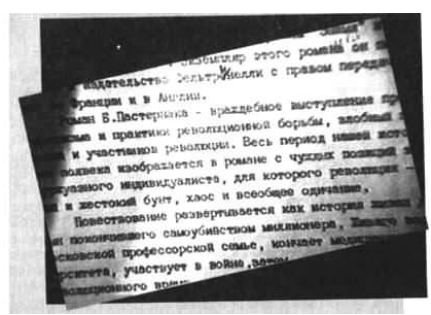
Ольгой Ивинской ценой ее тюрьмы и тюрьмы ее дочери, являются национальным достоянием. Поэтому, гласило решение, эти материалы должны остаться в РГАЛИ. 28 августа 2000 года судья Чаплина огласила это решение, удовлетворив иск Натальи Анисимовны Пастернак и Елены Пастернак об изъятии всего архива у Ольги Ивинской. Протест адвоката Генриха Падвы, направленный в Мосгорсуд, был оставлен без удовлетворения. Только тогда, спустя полтора года, заключительная часть моей статьи «Тайны архивов Бориса Пастернака» была наконец напечатана в журнале «Большой Вашингтон» в № 1 от 2001 года.

После последнего заседания суда Митя решил подарить мне редкую книгу — стихи Бориса Пастернака, изданные в Германии в 1959 году с автографом Пастернака для Ольги Ивинской: «Олюша, на с. 69 твое стихотворение[267]. 17 февраля 1960 г.»

После этого «судного дня» Митя стал мне подробно рассказывать о своем участии в охране поэта в дни нобелевской травли, а также о своей жизни под надзором органов после ареста мамы и Ирины в 1960 году. Важные свидетельства Мити я записал на магнитофон. За месяц до своей смерти (6 июля 2004 года) во время нашей встречи в Химкинском госпитале Митя взял с меня слово, что я напишу обо всем подробно в книге.

— Ради защиты чести, — сказал он, — в большей мере самого Пастернака, а не мамы!

* * * * *

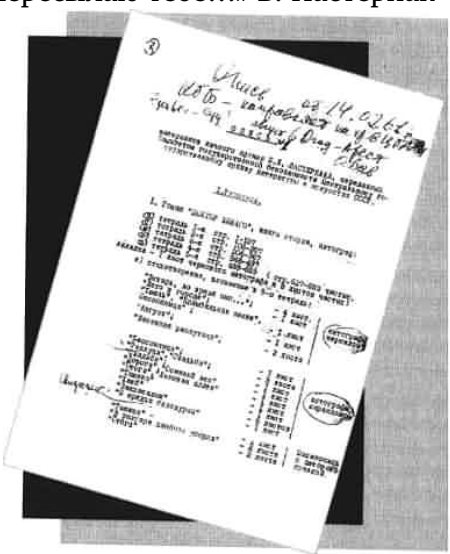


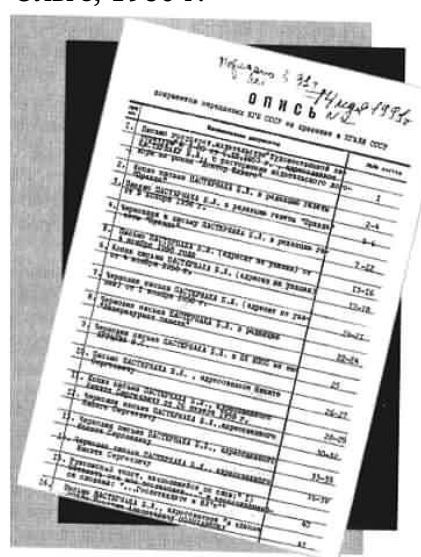
• Ирина Емельянова читает материалы секретного архива по делу Б. Пастернака и О. Ивинской, находившиеся в ЦК КПСС с 1958 г.

• Фрагмент разгромного отзыва отдела культуры ЦК КПСС на роман Б. Пастернака «Доктор Живаго», 1957 г.

• Ирина Емельянова, дочь О. Ивинской, — студентка Литературного института им. Горького.

• «Все, что у меня или во мне было лучшего, я сообщаю или пересылаю тебе…» Б. Пастернак — Ольге, 1960 г.





• Первый лист описи № 1 от 14 февраля 1961 г. о передаче материалов об Ольге Ивинской из дела КГБ в ЦГАЛИ (84 позиции документов).

• Первый лист описи № 2 от 14 мая 1991 г. о передаче материалов об Ольге Ивинской из дела КГБ в ЦГАЛИ (55 позиций документов).

• Обложка книги О. Ивинской «Годы с Борисом Пастернаком. В плену времени» Издательство «Либрис», 1992 г.

Глава третья
Завещание Бориса Пастернака

«При жизни моей и после смерти всеми моими гонорарами распоряжаться я уполномочиваю Ольгу Всеволодовну Ивинскую». Эти слова из распоряжения Пастернака, посланного им Фельтринелли, приведены Ивинской в книге «Годы с Борисом Пастернаком». Наш разговор о завещании Пастернака возник, когда я обратил внимание на ее заявление на суде в декабре 1960 года, опубликованное в книге. 51 спросил, почему о завещании Пастернака ничего не сказано в «Материалах к биографии», написанных Евгением Борисовичем в 1989 году. Нет никаких упоминаний о завещании Пастернака и в сборнике воспоминаний о поэте, который готовили к его столетию[268]. Отсутствуют в сборнике и материалы Ивинской, Ирины Емельяновой, нет воспоминаний Зои Масленниковой о ее беседах с Пастернаком. Ольга Всеволодовна стала подробно разъяснять:

> Тема завещания Пастернака была запретной не только при советской власти, она остается запретной и теперь, так как противоречит интересам тех людей, которые захватили мой архив в 1960 году. Право, мне неведомо, что от него нынче там осталось. Из-за содержания завещания и воспоминания Масленниковой не включены в сборник 1993 года, контролируемый ЦГАЛИ и наследниками советской номенклатуры. Впервые Борис Леонидович стал говорить со мной о завещании в дни нобелевской травли, когда неожиданно пришел в подавленном состоянии в нашу избу 28 октября 1958 года, потрясенный предательством сыновей. День был рабочий, но Евгений не пошел на работу, а Леня — в университет. Оба сына утром появились в Переделкине и предъявили отцу ультиматум: если он не откажется от Нобелевской премии, то они отрекутся от него. Я уже рассказывала, как Борис Леонидович при Мите просил меня уйти из жизни вместе с ним — отравиться таблетками нембутала, которые он принес с собой. Я бросилась спасать Борю. Стоило это мне невероятных усилий. Власти были в шоке, они боялись международного скандала. Гибель всемирно известного поэта, затравленного властью, не отвечала задачам муляжей

хрущевской оттепели.

С того дня Боря стал говорить о завещании. Распоряжаться зарубежными гонорарами, когда мы уйдем из жизни, Борис Леонидович хотел завещать Ирине и намеревался просить Фельтринелли похоронить нас в Милане, где увидел свет «Доктор Живаго». Когда возникла угроза высылки Пастернака из страны, он решил оставить мне свои рукописи и дела в СССР, пока не добьется моего выезда к нему в Италию. Его семейство отказалось ехать с ним в изгнание, заявив, что они должны будут от Пастернака отречься[269]. Конечно, о выезде с Евгением у Бори и речи никогда не было.

Как пишет Зинаида Николаевна в своих воспоминаниях[270], с 1946 года, после смерти ее старшего сына Адика от первого брака с Генрихом Нейгаузом, она прекратила супружеские отношения с Пастернаком. Ивинская по этому поводу говорила:

— Я этого никогда не могла понять. Как можно лишить поэта женского тепла? Кому тогда он будет писать стихи? Ведь для Бориса Леонидовича всегда главными в жизни были Бог, женщина…

Зоя Масленикова записала разговор с Пастернаком после речи Семичастного на всесоюзном собрании пленума ЦК ВЛКСМ 29 октября 1958 года, где присутствовали Хрущев и члены политбюро. «Пастернака надо выслать в капиталистический рай, потому что даже свинья не гадит там, где кушает», — решительно заявил главный комсомолец Советского Союза Семичастный. На кадрах кинохроники видно, как заерзал в кресле при словах о свинье генсек Хрущев. Хрущеву, конечно, донесли слова Пастернака: «Раньше долго над нами царствовал безумец и убийца, а теперь — дурак и свинья»[271].

31 октября 1958 года Пастернак говорит Зое Масленниковой: «Я уже решил: если придется уехать, я ничего с собою брать не буду <…> Всеми своими делами и вещами я завещаю распоряжаться своему другу. Я вам дам телефон, — он пишет номер Ольги. <…> — Я буду просить, чтобы ее выпустили».

Продолжение рассказа Ольги Ивинской:

Особенно активно Боря стал думать о завещании с апреля 1960 года, после участившихся случаев внезапно возникавшей слабости и сердцебиения. До этого он всегда был энергичен и жизнерадостен, даже после того, как перенес в 1952 году тяжелый инфаркт[272].

После моего возвращения из концлагеря в мае 1953 года наша жизнь в Измалкове вернула Борю, по его

словам, «в молодые годы». Это было время удивительного творческого подъема, когда писалась вторая часть «Доктора Живаго», был переделан и заблистал перевод «Фауста» и, конечно, родились изумительные стихи в тетрадку Юрия Живаго. Боря говорил мне, что такое вдохновение у него было в молодости в период «Сестры моей — жизни». Тяжелым ударом для Бори стали дни гонений, когда мы с Д'Анджело и Фельтринелли сражались за выход «Доктора Живаго» в Италии. Но, конечно, разящий удар был нанесен в дни нобелевской травли, когда Борю предали родня и окружение Большой дачи. Именно тогда у него появились заметное недомогание и боли под лопаткой. Зародившаяся болезнь стала причиной того, что Боря не решился поехать со мной в январе 1959 года жить в Тарусу. Нас пригласили к себе Константин Паустовский и Ариадна Эфрон, чтобы дать возможность Боре освободиться от мрачной атмосферы разлада, сложившейся на Большой даче. Нервное потрясение от ультиматума сыновей 28 октября 1958 года, на мой взгляд, стало главной причиной зарождения у Бори беспощадной болезни — рака легких. Его переживания в тбилисской ссылке в феврале-марте 1959-го, а также сентябрьский скандал на Большой даче, когда Пастернак прогнал пьяного Ливанова и написал в его адрес резкое письмо, дали еще один толчок этой страшной болезни.

В апреле 1960-го Боря вновь стал говорить со мной о завещании. Передавая рукопись пьесы «Слепая красавица», он просил издать ее в случае его ухода тем же путем, что и роман. Стал убеждать меня, что должен быть похоронен в Милане:

— Пойми, Олюшка! Если советские власти оскорбляют и травят нас при жизни, то будут безнаказанно глумиться над моей могилой после смерти. Надо просить Фельтринелли, чтобы он выкупил мое тело у властей, а также выкупил тебя с детьми. Ирина выйдет замуж за Жоржа и уедет во Францию, а ты с мамой и Митей будешь жить в Милане рядом с моим прахом под покровительством Фельтринелли. Согласись, что это разумно и защитит тебя от преследования этой безнравственной и наглой власти. Денег у Фельтринелли и Жаклин на все расходы и твою достойную жизнь за границей достаточно, ведь основную часть гонорара я оставил у них. И Фельтринелли, и Жаклин ты можешь

полностью довериться, они никогда не подводили нас в эти жестокие годы. Оттуда, Олюшка, ты сможешь помогать и моим сестрам, а если из страны смогут вырваться Стасик с Галиной, то и им ты станешь поддержкой[273]. А здесь все деньги за мои пьесы и книги поступают Зине и Лене[274].

В своей книге «Пастернак приват. Ларе и Ире», вышедшей в 1974 году в Германии, Хайнц Шеве пишет: «Последняя воля писателя Бориса Пастернака не выполнена. Его воля была в том, чтобы Ольга Ивинская и ее дочь Ирина Емельянова безраздельно получили все доходы от романа „Доктор Живаго“».

В 1961 году, после того как Ивинская и Ирина, по словам Ариадны, «были подло преданы семейством», осуждены и отправлены по этапу, семейство захотело получить зарубежные гонорары Пастернака. В августе 1961 года к Суслову обратился Сурков, ненавидевший Пастернака (документ 82 в книге «Пастернак и власть»):

> По имеющимся у меня сведениям, на счету Пастернака в разных местах за границей имеется несколько сот тысяч долларов, которые могли быть истребованы через Инюрколлегию и переданы наследникам в советской валюте. Я убедительно прошу Вас дать нам руководящий совет по этому мелкому, но щекотливому вопросу. <…> Жена Пастернака (Зинаида Нейгауз) безусловно лояльная к советской власти женщина, никогда не одобрявшая того, что сделал ее муж со своим последним романом.

Вскоре появляется записка из КГБ (документ 84 в книге «Пастернак и власть»):

Записка КГБ при СМ СССР о наследстве Б. Л. Пастернака за рубежом.

22 сентября 1961 года. Совершенно секретно.

По имеющимся в КГБ неофициальным данным, имеется в банках ФРГ около 8 миллионов марок, в Англии — 100 тысяч фунтов стерлингов, в банках скандинавских стран — 108 тысяч шведских крон за антисоветский роман Пастернака «Доктор Живаго».

В 1960 году Пастернак отказался от получения денег официальным путем. После смерти Пастернака, как известно, не оставившего завещания, прямыми наследниками являются: Пастернак Зинаида Николаевна, Пастернак Евгений Борисович и Пастернак Леонид Борисович.

КГБ полагает целесообразным: поручить Инюрколлегии принять меры по введению Пастернак Зинаиды Николаевны в права наследования, что даст возможность получить указанную валюту в фонд Госбанка СССР.

Председатель КГБ СССР А. Шелепин.

Учитывая ранее упоминавшиеся секретные записки КГБ в адрес ЦК КПСС «о пагубном влиянии антисоветчицы Ивинской на Пастернака» (документы 43 и 44 в книге «Пастернак и власть»), можно понять возмущение Козового, читавшего во Франции в 1994 году книгу с секретными материалами из архивов ЦК КПСС и КГБ. Вадим говорил:

— И какой степенью низости и подлости надо было обладать группе захвата, чтобы написать в «МК» и нескольких газетах на Западе в ноябре 1997 года перед заседанием Савеловского суда, что Ивинская являлась агентом партии и органов при Пастернаке! Уже из вышеприведенных записок КГБ и Суркова ясно, кто всегда действовал по указанию властей и КГБ.

КГБ мог уверенно написать в записке 22 сентября 1961 года об отсутствии завещания Пастернака, так как годом ранее его агенты это завещание похитили. В 2004-м в России появилось прямое подтверждение факта изъятия советскими органами завещания Пастернака, о чем написал Карло Фельтринелли в своей книге об отце. На странице 180 читаем:

Супружескую пару Гарритано попросили передать Фельтринелли (6 июня 1960 года) конверт с уведомлением о получении апрельских денег и завещание Бориса в пользу Ольги. <…> Хайнца Шеве в то время в Советском Союзе не было. Гарритано сказали Ольге, что на следующий день уезжают в Рим, однако отправились на Кавказ и потеряли (или позволили изъять у себя) документы во время сильного ливня. После этого Ольга прекращает всякие отношения с ними, доверяя лишь Хайнцу Шеве.

Ольга Ивинская подробно мне рассказывала о периоде

болезни и смерти Пастернака в апреле-мае 1960 года. Часть сведений она включила в свою книгу, оставив многое за бортом и зашифровав ряд имен участников тех событий:

> После эмоционального подъема, вызванного приездом в Переделкино на Пасху Ренаты Швейцер, с ее отъездом Боря почувствовал себя разбитым и больным. 21 апреля он решил полежать, пока не станет лучше себя чувствовать.
>
> Но 23 апреля утром Борис Леонидович неожиданно пришел в наш дом «у шалмана» усталым и стал говорить, что ему придется несколько дней оставаться в постели, но чтобы я не беспокоилась и не приходила к нему на Большую дачу. Он успокаивал меня и несколько раз повторил:
>
> — Я сам приду к тебе, как только станет мне легче, или вызову к себе обязательно, если станет совсем плохо. Еще в 1953 году я обещал Зине, что ты, Олюшка, не будешь приходить на Большую дачу, а она не будет вмешиваться в наши с тобой отношения. Будь спокойна, терпи дни разлуки, работай, пиши о нас, ведь мы и не из таких переделок выбирались.
>
> Уже уходя, Боря вспомнил:
>
> — Я принес тебе рукопись пьесы, храни ее и в чрезвычайном случае обратись к Фельтринелли. Он поможет издать пьесу, ему я полностью доверяю, доверяй ему и ты. Я знаю и верю, что ты любишь меня, и этим мы с тобою сильны. Если мне придется несколько дней отлежаться, то мы установим постоянную связь через Костю. Я обязательно обдумаю завещание, которое должно быть известно властям и родственникам, что позволит тебе иметь права на мои зарубежные издания и гонорары, о чем уже знает Фельтринелли. Только ты сможешь поступать так, как я того хотел бы. Мне надо принять решение по некоторым важным вопросам, с которыми я еще не определился. Об этом в крайнем случае я сообщу через Костю.
>
> Оказалось, что с вечера этого дня Боря стал вести «Дневник болезни», который удалось передать Шеве и который тот опубликовал в немецком журнале, а затем и в своей книге в 1974 году.

Запись, сделанная Пастернаком вечером в субботу 23 апреля 1960 года; «Я чувствую себя вялым и усталым. Сердце беспокоит и спина болит очень. Думаю, что на Пасху я все же позволил себе

больше, чем следовало. Я едва держусь на ногах. Мне придется прилечь».

Есть записи Пастернака в дневнике от 25 и 27 апреля 1960 года. Продолжение рассказа Ольги Ивинской:

> В записке, которую принес 27 апреля Костя, Борис Леонидович написал:
>
> «Позавчера вечером, в воскресенье (день 24 апреля! — Б. М.), я еще был в состоянии добрести до конторы и позвонить тебе. <…> Работай, пиши что-нибудь свое. Это тебя успокоит. Давай держать связь по средам через Костю Богатырева, а по воскресеньям — через Кому Иванова. Пока не предпринимай ничего решительного для свидания. Волны переполоха, которые бы это подняло <…>. Это бы меня убило. Зина по своей глупости не догадалась бы пощадить меня. Я уже зондировал в этом отношении почву. <…> Вспомни: все, все главное, все, что составляет значение жизни, — только в твоих руках. Будь же мужественна и терпелива. <…> Без конца обнимаю и целую тебя. Не огорчайся. Мы и не такое преодолевали»[275].

30 апреля 1960 года Пастернак делает в дневнике запись: «Я переехал на первый этаж и велел поставить мою кровать в рабочей комнате. Подниматься по лестнице мне стоит многих сил. Какая весна за окном! <…> Мы купили новую машину „Волгу“. Я еще слаб».

В субботней записке от 30 апреля Пастернак сообщает Ольге: «Есть надежда, что сегодня придет Кома, я что-нибудь узнаю о тебе. Моя болезнь в полном разгаре. <…> Если потребуется какой-нибудь решительный шаг и надо будет перешагнуть все препятствия, ты об этом узнаешь»[276].

О записках к Пастернаку Ивинская говорила:

— Все мои записки к Боре, а их более 20 (большую часть записок я передавала через медсестер), пропали или попали в руки органов и где-то упрятаны до сих пор. Когда меня освободили из второго концлагеря в 1964 году, то вернули мне лишь часть Бориных записок. Все его записки после 5 мая органы не давали медсестрам приносить ко мне.

Запись Пастернака в дневнике от 2 мая 1960 года (приведена в книге Шеве): «Почта из Германии. Шеве пишет, что приедет позже, чем планировал. *Я* передам его приветы. Если мне будет хуже, я хочу, чтобы ко мне позвали моих друзей».

Ранее Пастернак прислал Ольге специальную записку, чтобы Шеве мог беспрепятственно пройти к нему на Большую дачу.

Ивинская не могла понять, почему Хайнц не смог за месяц предсмертной болезни Пастернака приехать в Переделкино. Она говорила мне:

— Боря очень ждал приезда Шеве, чтобы с ним решить вопрос своего захоронения в Милане под опекой Фельтринелли. Боря подготовил текст завещания, которое должно было защитить меня от произвола властей. Об этом сообщил мне Костя, который 5 мая принес подписанный Пастернаком генеральный договор для Фельтринелли и диплом Американской академии, присужденный Борису Леонидовичу. Костя говорил, что Борис Леонидович готовит окончательный текст завещания на русском языке, чтобы передать его в следующее Костино посещение 12 мая 1960 года. Я должна была распространить этот текст среди друзей и иметь на случай провокаций и шантажа властей или родственников.

В записке к Ивинской от четверга 5 мая Пастернак писал:

> Мне уже немного лучше. Все, что у меня или во мне было лучшего, я сообщаю и пересылаю тебе: рукопись пьесы, теперь диплом. Все нам помогают так охотно. <…> Если бы я был действительно при смерти, я бы настоял на том, чтобы тебя вызвали ко мне. <…> Что слышно насчет фаустовских денег? Правда ли, что предвидятся деньги и в «Искусстве» (за Шекспира)? Прошейте, пожалуйста, тетрадь с пьесой. Как бы при чтении не разроняли выпадающих страниц. Крепко обнимаю тебя и умоляю успокоиться. Прерываю, очень усилилось сердцебиение[277].

Обнадеживающая запись в дневнике Пастернака датирована 5 мая 1960 года: «Сегодня чувствую себя намного лучше».

Ольга Ивинская вспоминала:

> После 5 мая органы закрыли доступ к Пастернаку, 6 мая к нему приехали брат Александр Леонидович с женой. Ни Костя, ни Кома, несмотря на уговоры и требования, не смогли пройти к Боре, даже когда его самочувствие было относительно удовлетворительным. Как рассказывала нам медсестра Марина, дежурившая у постели, несколько дней Борис Леонидович чувствовал себя плохо. Но затем были легкие дни, когда он бодро говорил и что-то писал[278]. 12 мая Костя пришел к воротам Большой дачи, но его не пропустили[279].
>
> Помню, как в те дни приехала Анна Ахматова, которую пропустили на дачу, но не дали войти к

Пастернаку. Тогда я вся исстрадалась от неведения, даже рассказы медсестер меня не успокаивали. Костя считал, что в доме все прослушивается и органы знают о желании Пастернака передать завещание. Я стала панически бояться за Борю и послала нарочного в Тарусу к Ариадне, умоляя срочно приехать и прорваться к Боре, чтобы увидеть его лицо и услышать его слова. Ариадна примчалась немедленно и прошла на дачу. Ее не посмели не впустить в дом, хотя органы считали ее «крайне нежелательным элементом». Но в комнату к Пастернаку Алю не допустили, сославшись на его плохое самочувствие и сказав, что «даже Ахматова к нему не вошла». Ариадна вышла в слезах, заявив, что «эти ничтожества совести не имеют, не дают повидаться с Борей». Тогда я решила написать записку Нине Табидзе с просьбой помочь увидеть Борю. Он лежал на первом этаже, и со двора можно было посмотреть на него в окно. Но меня как лагерницу и антисоветчицу органы категорически запретили пускать даже на территорию двора Большой дачи, и семейство беспрекословно выполняло эти указания.

Мою записку передали Нине Табидзе, но она даже не ответила мне, хотя еще в 1957 году мы вместе с ней ходили к Боре в больницу, и он был очень рад нашей дружбе. Но под пристальным вниманием КГБ Табидзе стала выполнять только указания органов. Позже мы с Ириной в этом окончательно убедились, читая судебное дело о нашем аресте, где были лживые заявления Зинаиды и Нины Табидзе[280].

О последних днях Пастернака Ивинская пишет:

Ко мне пришла Марина Рассохина, молоденькая шестнадцатилетняя медсестра, одна из дежуривших у постели Бориса Леонидовича. После дневного дежурства Марина часто оставалась у меня ночевать. Она рассказала, что Борис Леонидович без конца просит устроить наше с ним свидание. Он перебрался вниз, и Марина должна была подвести меня к его окну в нижней комнате. <…> 28 мая Марина пришла в приподнятом настроении: после переливания крови Боре стало лучше. Она сказала, что Борис Леонидович вызывает меня на давно задуманное свидание.

29 мая утром на шоссе я встретила Зою Масленикову. Последние два года Зоя с любовью лепила

Борин скульптурный портрет, который мне нравился. Об этом портрете Боря говорил: «Теперь есть что установить на моей могиле. Если мне удастся упокоиться в Милане, то Фельтринелли поставит этот портрет для моего памятника. И тебя с семьей перевезет в Милан, чтобы ухаживали за моей могилой».

<…> В то утро Зоя со слезами сказала мне, что метастазы распространяются и надежды нет. Но я не могла поверить этому. Около дачи, вся в слезах, встретила Семена Липкина, спросившего у меня:

— Что, совсем плохо дело?

— Нет, нет, что вы, мы можем надеяться, — ответила я, не веря в трагический исход, особенно когда сам Боря прислал весть о встрече. Но все входы для меня на Большую дачу оказались закрыты. <…>

Понедельник 30 мая я весь день до позднего вечера провела у забора Большой дачи, где долго горел свет. Уже в сумерках на дачу кто-то приезжал, а на дороге стояли какие-то машины. Поздно я побрела в наш «дом у шалмана», чтобы вздремнуть и снова утром прибежать к Большой даче.

Рано утром 31 мая 1960 года меня будто кто-то толкнул и сказал, что теперь можно к нему идти. Я поспешно шла к Боре, и на перекрестке дачных улиц увидела старшую медсестру Марфу Кузьминичну. Она быстро шла с низко опущенной головой. Я ее догнала и с трудом выдавила слова: «Ну, что?» И все поняла — Боря умер. Не помня себя, видимо, что-то произнося, как в бреду, бросилась к нему. Как в тумане пролетела через ворота, на крыльцо и, словно по нити Ариадны, никого не встретив, вошла в его комнату[281].

О прощании с Пастернаком на Большой даче Ивинская также написала в своей книге:

Боря лежал еще теплый, руки у него были мягкие в утреннем свете. Вспомнился его «Август». <…> Все сбылось по вехам рокового романа. Он все в себя вобрал. И плач Лары: «<…> Прощай, большой и родной мой, прощай, моя гордость, прощай моя быстрая голубая реченька, как я любила целодневный плеск твой, как я любила бросаться в твои холодные воды». И в ответ слышалось: «Прощай, Лара. До свидания на том свете. Прощай, краса моя, прощай, радость моя, бездонная, неисчерпаемая, вечная».

<…> Ариадна, отставив свою боль, стала готовить меня к похоронам. Ездила со мною в поисках траурного платья и уговорила сшить его для меня какого-то знаменитого портного, рассказав, кто я для Пастернака. Но поехать в Переделкино на похороны Бори не захотела, сказав: «Эти подлецы не дали мне проститься с еще живым Борей, а мертвыми я не видела ни отца, ни маму, ни Мура. Боря такой же родной мне, и его я не должна видеть мертвым».

Воронков, приставленный от органов наблюдать за Большой дачей, с согласия Зинаиды назначил похороны на 2 июня, в разгар рабочего дня, чтобы не допустить приезда тысяч поклонников проститься с Пастернаком.

Ариадна уехала в Тарусу 1 июня, убедившись, что я одета по чину, нахожусь под присмотром и снабжена лекарствами. Ира, провожавшая Алю на Курском вокзале, рассказала, что, сев в вагон, железная леди с многолетней гулаговской закалкой разрыдалась от боли и горя, от ненависти к этой власти и подлому окружению Большой дачи.

Конечно, ни в одной советской газете о дне похорон Пастернака не написали ни слова. Только 2 июня в «Литгазете» упомянули о смерти писателя, «члена литфонда» Пастернака Б. Л., и выразили соболезнование семье покойного, не дав сведений о часе похорон. Эту подлость мрачно и коротко прокомментировал Самуил Маршак: «Какие мерзавцы!» Но на Киевском вокзале бесстрашные люди развесили рукописные объявления о похоронах Пастернака в Переделкине. У меня сохранилось одно из таких рукописных объявлений, его принес вечером Митя: «Товарищи! В ночь с 30 на 31 мая 1960 года скончался один из Великих поэтов современности Борис Пастернак. Гражданская панихида состоится сегодня в 15 часов. Ст. Переделкино». Милиция и сотрудники органов срывали эти рукописные объявления, но они упорно появлялись вновь и вновь.

Хоронить Бориса Пастернака, по наблюдениям Шеве, пришло, как короновать, около трех тысяч человек. Повсюду сновало около сотни гавриков, фотографировавших нагло, в упор всех из процессии, растянувшейся на два километра. «Шли толпою, врозь и парами» за плывущим над головами гробом ПОЭТА от Большой дачи к трем соснам Переделкинского погоста[282].

Ивинская рассказывала мне о дне похорон:

> 2 июня с утра во двор Большой дачи со мной пришли Ирина с Митей, Люся Попова, Жорж Нива, Хайнц Шеве и друзья Иры. Когда мы вошли во двор дачи, к нам направился из дома Евгений и стал что-то говорить о пристойном поведении и тому подобном, что звучало дико и нелепо. Уже позже, в Тарусе, Ирина подробно рассказала об этом Ариадне, что вызвало ее гнев и возмущение. Тогда я вспомнила пророческие слова Бори, сказанные им в июне 1953 года в Измалкове после неудачной попытки Евгения разлучить нас: «Евгений ненавидит тебя и бегом исполняет все гнусные поручения Зинаиды».
>
> Еще до выноса гроба из дома, уже пройдя мимо холодного мраморного лица Бори, уходившего от меня куда-то в иной мир, я присела на ступени крыльца.

Далее из книги Ольги Ивинской:

> Во двор вошел Константин Паустовский со своей привлекательной спутницей и, увидев меня, сразу подошел и наклонился ко мне. Он сказал мне что-то теплое, от чего у меня потекли слезы и сердце чуть отпустило. Потом Константин Георгиевич поднял меня за локоть и громко сказал:
>
> — Я хочу пройти мимо его гроба с вами.
>
> Мы вошли в дом и обошли еще раз вокруг гроба. <…>
>
> — Я с Борей уже хорошо простилась, — нелепо сказала я. — Он уже другой, а тогда был теплый[283].
>
> <…> Когда шли за гробом, со мной неотлучно были Люся Попова, Шеве и подруга Иры, Нанка. Хайнц меня защищал от натиска корреспондентов. Паустовскому не дали сказать прощальное слово над гробом, выпустили с речью Асмуса.

Ольга Всеволодовна вспоминала:

> Я припала к холодной щеке Бори, вырвались рыдания и какие-то бессвязные слова. Чья-то жаркая рука обхватила меня, и донеслись слова:
>
> — Не убивайся, сердешная. Хороший человек тебя любил, а этих Бог накажет за зло.
>
> Послышались чьи-то команды: «Довольно, митинг

прекратить! Закрывайте крышку». Кто-то крикнул: «Слава Пастернаку!» Клич подхватили, и вдруг грянули колокола переделкинской церкви Преображения Господня. Меня оторвали от Бори и повели вглубь толпы, плотно окружившей могилу. Уже на поминках в нашем «доме у шалмана» рассказали, что люди не расходятся и непрерывно звучат стихи над могилой Бори. Шеве спросил меня:

— Что говорила вам няня Пастернака, которая вас так крепко обнимала над гробом?

Только тогда я осознала, что услышала «Не убивайся, сердешная» от Татьяны Матвеевны.

3 июня, после похорон и поминок, мы вернулись в Москву, где нас уже поджидали Хесин с представителями КГБ, которые путем обмана и грубой силы отобрали у меня рукопись пьесы «Слепая красавица». Тогда я удивилась отсутствию заявления Зинаиды с требованием отнять у меня все рукописи Бориса Леонидовича. Формально это дало бы возможность КГБ изъять у меня все, что им было угодно. Позже я вспомнила реплику Хесина, когда отняли рукопись пьесы:

— Мы не прощаемся, надеюсь, скоро вернемся за другими интересными материалами.

Время шло, но они не приходили. И я поняла, что родня Бори и органы не могут переступить через завещание Пастернака. Вернулся из командировки Костя Богатырев[284]. Он пришел ко мне и рассказал о главных положениях завещания Пастернака, которые сообщил ему Борис Леонидович в день последней их встречи 5 мая 1960 года:

1. Все рукописи передавались Ольге Ивинской для организации их публикации за границей с помощью Фельтринелли.

2. Гонорары за советские издания и постановки пьес в переводах Пастернака в СССР предназначались семье. Все средства от его зарубежных гонораров оставались за рубежом для расходования и распределения согласно распоряжениям Ольги Ивинской.

3. Борис Леонидович верил, что наступит время, когда бесчеловечный советский режим рухнет, и что Ольга Всеволодовна или Ира доживут до этой поры. И Нобелевский комитет сможет вручить его Нобелевскую премию. «Тогда, — писал Боря в завещании, — я поручаю

Ольге Всеволодовне Ивинской, Ларе моего романа, или Ирине Емельяновой — моим литературным наследникам — принять Нобелевскую премию»[285].

В 1989 году Нобелевский комитет сообщил советскому правительству о своем решении вручить Нобелевскую премию Пастернака, присужденную поэту в 1958 году. Мне как махровой антисоветчице об этом даже не было известно.

В ведомстве Крючкова[286] оперативно подобрали лояльную кандидатуру — Евгения Борисовича. Нам об этом Евгений также ничего не сказал[287].

4. В завещании Борис Леонидович выразил свое требование: «Установить на могиле в качестве памятника мой скульптурный портрет работы Зои Масленниковой». Об этом желании Пастернака пишет Масленникова в своей книге «Портрет Бориса Пастернака».

5. Где должно состояться его захоронение, Пастернак еще не решил на день последнего разговора с Костей 5 мая 1960 года. Он ждал прихода Шеве, чтобы выяснить, сможет ли Фельтринелли выкупить его тело и вывезти в Италию семью Ольги Ивинской.

В письме от 14 ноября 1959 года к Жаклин де Пруайяр Пастернак сообщал: «Пусть Фельтринелли оценит мое уважение и дружбу. Даже в случае разрыва я хочу, чтобы он выкупил, пусть даже за большие деньги, мое тело у советской власти и похоронил в Милане. А Ольга отправится хранительницей могилы».

Вспоминая об этом письме, Ивинская говорила:

Борис Леонидович после нобелевского предательства родни совсем разругался с окружением Большой дачи. После стихотворения о «лжецах и трусах» Пастернак написал в апреле 1960 года еще одно резкое стихотворение об обитателях Большой дачи:

<…>
Столом с посудой лучше грохну,
Пускай и отобью кулак,
Но с общим стадом не заглохну
В толпе ничтожеств и кривляк.

В апреле Боря говорил мне горькие слова:
— Советской власти я давно уже надоел. Да и она

мне осточертела. Знаю, еще будут измываться над моей могилой, а тебя посадят в тюрьму, чтобы не мешала им уничтожить память обо мне. Только Фельтринелли по силам уберечь мой прах от надругательства и вытащить вас отсюда. Я думаю, нам надо полностью довериться ему.

Я была потрясена и обескуражена его отчаяньем, убеждала, что его любят тысячи почитателей в России, и они не дадут глумиться над нашими могилами, а то признание, которое он получил в мире, защитит его от хамских действий властей. Ведь уже давно нет этого садиста Сталина. Усмехнувшись, Боря задумчиво произнес:

— Быть может, Сталин и не дал бы осквернить мою могилу.

Я старалась всеми силами изгнать из его головы мысль о возможности захоронения за границей, но он постоянно возвращался к этому.

Поразительно, но великий поэт вновь оказался пророком. В ноябре 2006 года в разгар «суверенной демократии» вандалы надругались над могилой Бориса Пастернака. На его могилу свалили кучи мусора и устроили костер, по примеру нацистов, сжигавших символы культуры на кострах. Об этом сообщили лишь «Новая газета», малотиражные газеты России, радио «Эхо Москвы» и радио «Свобода».

Ольга Всеволодовна говорила мне о желании Пастернака:

Борис Леонидович сказал Косте, что к следующему посещению он примет твердое решение о месте своего захоронения. Тогда же Пастернак просил Костю, чтобы тот пришел вместе с Комой для разбора его рукописей и писем. Важные он хотел отобрать для передачи мне, а остальные уничтожить.

— Видишь ли, — говорил мне Боря, — после «Живаго» все будто взбесились: стали издавать всякую чепуху, которую я в молодости по глупости и из тщеславия насочинял. Рукописи и письма надо освободить от шелухи.

Никому из окружения Большой дачи Боря свой архив не доверял, а Зинаиде запрещал даже убираться в его комнате. Боря практически прекратил общение с Евгением после предательства в нобелевские дни. Потому разбирать архив Пастернак позвал только Костю и Кому, чтобы они лично передали в мои руки то, что он

решит сохранить.

12 мая состояние Бориса Леонидовича улучшилось, о чем нам сообщила медсестра. Но Костю и Кому с этого дня на Большую дачу больше не допускали. Костя сказал мне, что, видимо, органы поручили кому-то из окружения Дачи уговорить Пастернака через них передать завещание для Ивинской, так как якобы ни Кости, ни Комы нет в Москве. Боря, зная о трагическом исходе своей болезни, попался на эту хитрость и передал завещание.

Я думала, что по указанию органов уговорить его могли или Леня, или Нина Табидзе. Уже много позже, в 1976 году, после убийства Кости Богатырева, неожиданно позвонил мне Леня и подтвердил мои опасения. 28 мая медсестра передала, что Борис Леонидович ждет меня завтра, чтобы увидеть и что-то передать. Когда я пришла к забору Большой дачи, то все было закрыто, а невдалеке стояла какая-то машина, где сидели молодые люди в одинаковых плащах.

В 1994 году мы говорили с Ольгой Всеволодовной о недавно вышедшей книге воспоминаний Зинаиды Николаевны, а перед тем обсуждали свидетельства, опубликованные в сборнике воспоминаний о Пастернаке, изданном в 1993 году. Ивинская тогда сказала:

— Уже прошло тридцать лет и три года, как в старой сказке, со дня смерти Бори, но никто из родни или завсегдатаев Большой дачи не смог написать так нужную властям фразу: «Борис Пастернак умер внезапно и потому не успел написать завещания»[288].

В биографии Пастернака, сочиненной Евгением Борисовичем, читаем:

> Вечером 30 мая он ясным голосом вызвал нас с братом, чтобы проститься. Он сказал, что закон защитит нас как законных наследников, и просил оставаться совершенно безучастными к другой, незаконной части его существования — к его заграничным делам[289].

Что на самом деле говорил Пастернак о советской законности, ясно из его письма к Жаклин во Францию от 30 марта 1959 года: «Скажите, на что реальное, логичное, вообразимое можно рассчитывать, можно ли бороться в этом враждебном мире всеобщего бешенства и озверения?»

Из воспоминаний Зинаиды Николаевны:

> Шура (брат Бориса Пастернака. — Б. М.) присутствовал при Бориной смерти и слышал, как он, прощаясь с детьми, сказал, что дал распоряжение за границу, что он обеспечил детей и обо всем знает Лида. Это были его последние слова.

Зинаида Николаевна, видимо, не желала лишаться заграничных гонораров за роман, на которые содержалась дача последние годы и на которые была куплена в апреле 1960 года новая «Волга». В воспоминаниях Александра Леонидовича о предсмертных словах Пастернака не сказано ни слова.

Митя по этому поводу заметил:

— И как же так случилось, что Борис Леонидович и Зинаиде не оставил завещания? Ведь родня и окружение Большой дачи так настойчиво и энергично повсюду распространяли слухи о том, что Пастернак во время болезни не хотел видеть Ольгу Ивинскую, что должно означать: ей он ничего завещать никогда не хотел, все завещает Зинаиде!

Костя передал Ивинской слова Пастернака: «Эта камарилья не дождется от меня перевода гонораров в советский Госбанк»[290].

— Конечно, текст завещания Пастернака, — говорила Ивинская, — не отвечал требованиям ЦК и органов, что и стало причиной его изъятия у поэта путем обмана. Об этом говорит и оскорбление, нанесенное родственниками Пастернака лично Зое Масленниковой.

Сама Масленникова в своих воспоминаниях пишет об этом так:

> Возвращаясь с похорон Пастернака, я узнала от Елены Тагер, что надгробие уже заказано Саре Лебедевой[291]. Но ведь Борис Леонидович не раз говорил, что моя работа и будет надгробием!
>
> Застала семью дома за обедом. Объяснила, что Борис Пастернак ясно и неоднократно выражал волю о том, чтобы надгробие ему сделала я. «Ну мало ли что он говорил, — услышала я в ответ. — Не надо придавать значение каждому его слову». Я была так поражена, что тут же ушла, чтобы не расплакаться или не сказать лишнего[292].

Ольга Ивинская полагала, что, выкрав завещание Пастернака, «органы не допускали исполнения ни одного из его положений, чтобы не вызвать вопросов о содержании остальных, важнейших положений завещания. Потому и „забыли“ о скульптуре Масленниковой, которую Боря просил установить на своей

могиле».

— Неприятным фактом, — отметил Митя, — на который обратили внимание участники похорон Пастернака, стал отказ Александра Леонидовича и сыновей, Евгения и Лени, сказать слова прощания над могилой отца. Над гробом пришлось бы сказать о предсмертных заветах поэта и обещать выполнить волю умершего.

Прямым указанием на то, что на Большой даче знали о завещании Пастернака, служат показания Нины Табидзе. Она дала их представителям КГБ в 1960 году. Ирина прочитала их в деле на Лубянке и на странице 177 своей книги воспоминаний написала:

> Кроме слов клеветы на нас и заверений об их неведении о больших деньгах, поступавших Пастернаку как гонорары за роман, «которые получала Ивинская в сговоре с Фельтринелли и французами», есть заявление от Нины Табидзе: «Ивинская пыталась проникнуть к умирающему Пастернаку, для чего написала мне письмо, на которое я не ответила, для того, чтобы ПОЛУЧИТЬ нужные ей ЗАВЕЩАТЕЛЬНЫЕ распоряжения» (выделено мною. — Б. М.).

Примечательно, что Табидзе не говорит в показаниях следователям КГБ о том, что Пастернак не хотел видеть Ольгу. Но эта ложь тиражируется в воспоминаниях членов семейства и публикациях советских пастернаковедов.

Я спросил у Ольги Всеволодовны, почему она не рассказала о завещании в своей книге «В плену времени». Ивинская ответила:

> После зверского убийства Кости Богатырева в 1976 году я не решилась писать о пропаже завещания Пастернака. Костя надеялся на помощь Генриха Белля, немецкого писателя-антифашиста, лауреата Нобелевской премии, в поиске украденного завещания Пастернака. Белль был вхож к советскому руководству. Костя был одним из лучших в стране переводчиков с немецкого языка и находился в дружеских отношениях с Беллем. Костя говорил с Беллем о Пастернаке, и тот обещал поднять вопрос о завещании на встрече с руководством ЦК КПСС. Костя сообщил, что заручился поддержкой Лени Пастернака, глубоко переживавшего свою вину перед отцом за предательство в 1958 году и перед нами — за наш с Ириной арест и тюрьму.
>
> Накануне приезда Белля в Москву в 1976 году Костю

нашли в подъезде его дома с проломленной головой. Подосланный убийца был профессионалом: пролежав несколько месяцев в больнице, Костя скончался не приходя в сознание. Белль отказался приехать в Москву, потребовав найти и наказать убийц Богатырева. Конечно, никаких убийц органы не нашли. После похорон Кости мне неожиданно позвонил Леня Пастернак и сказал, что постарается сделать то, что не успел сделать Богатырев, чтобы завещание отца было найдено. Он просил меня не верить тем, кто называет отца безответственным эгоистом.

— Отец сделал все так, как говорил вам в апреле 1960 года. После смерти отца я запретил матери писать заявление, как требовали органы, чтобы все отнять у вас, — сказал мне Леня.

Я ответила, что никогда не верила наговорам на Бориса Леонидовича, что Костя многое рассказал мне. Усилия Лени по поиску завещания отца остались неизвестны.

В ноябре 1976 года Леня неожиданно умер за рулем своей машины. Ему было всего 37 лет.

Митя в нашем разговоре о завещании Пастернака обратил мое внимание на то, что в книге «Пастернак и власть» сделаны тщательный отбор и зачистка текстов с тем, чтобы не проскочила информация о завещании, однако его уголок показался даже там. В комментариях к разделу «Организовать востребование наследства», п. 4, на странице 303 сотрудники спецархива написали: «Учитывая волю Бориса Леонидовича Пастернака, кроме сыновей Евгения и Леонида в число наследников была включена Ольга Ивинская».

— Где же могли прочитать хранители секретных архивных материалов о последней воле Пастернака, которую не посмели нарушить? — спрашивал Митя.

Непреклонность Фельтринелли, имевшего доверенность от Пастернака на исключительное право Ивинской распоряжаться его наследием, вынудила советскую власть просить «антисоветчицу, морально разложившуюся и происходившую из дворян» (текст из записки КГБ), войти в число наследников Пастернака. Только ее согласие позволило советским властям и членам семейства получить средства от зарубежных гонораров Бориса Леонидовича. Конечно, львиную долю денег забрала себе власть.

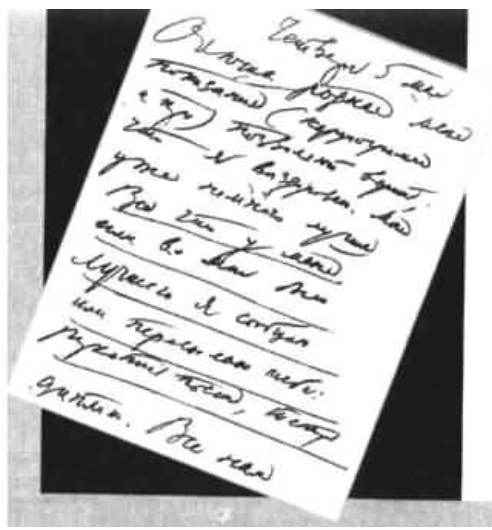
Ивинская была уверена:

— О завещании Пастернака знало и руководство ЦГАЛИ, подчиняющееся КГБ, когда в 1970 году выдало мне официальную справку № 11642 от 11 февраля 1970 года о том, что рукопись «Слепой красавицы» принадлежит мне.

В заявлении издательства Фельтринелли и официального представителя Инюрколлегии СССР, опубликованном 1 марта 1970 года в центральной газете правительства Италии «Коррьере делла Сера», говорится: «Сыновья автора и его верная спутница Ольга Ивинская, унаследовавшие во владение авторское право после кончины Бориса Пастернака, заключили с издателем Фельтринелли полноценный договор».

Этим документом, утвержденным Инюрколлегией СССР, завещание Пастернака получило юридическое подтверждение.

* * * * *



• А. Дюрер. «Несение креста», 1498–1499 гг.
• Фрагмент записки Пастернака к Ольге от 5 мая 1960 г.

• Фрагмент мемориальной комнаты Б. Пастернака на Большой даче. 2008 г.

• Татьяна Матвеевна (няня Бориса Пастернака) обняла Ольгу над гробом поэта. 2 июня 1960 г.

СПРАВКА

Гр. ИВИНСКОЙ ОЛЬГЕ ВСЕВОЛОДОВНЕ

Выдана настоящая в том, что подлинная авторская рукопись Б.Л.Пастернака "Слепая красавица", принадлежащая О.В.Ивинской, находится на хранении в Центральном государственном архиве литературы и искусства СССР.

ЗАМ.ДИРЕКТОРА ЦГАЛИ СССР /В.ЧЕРНЫХ/

• Официальная справка ЦГАЛИ о принадлежности О. Ивинской рукописи пьесы Пастернака «Слепая красавица».

• Соглашение между правопреемниками писателя Бориса Пастернака: Е.Б. Пастернаком, Л.Б. Пастернаком, О.В. Ивинской и С.Г. Нейгаузом (утверждено Инюрколлегией СССР в 1970 г.).

Глава четвертая
Друзья, родные — милый хлам

«Годы с Борисом Пастернаком» — летом 1992 года, к 80-летию Ольги Ивинской вышла эта выстраданная ею книга, Издание, хорошо известное за рубежом, наконец увидело свет и в России. Тираж — 20 тысяч экземпляров — стремительно разошелся по стране. Тысячи поклонников творчества Пастернака узнали много нового о реальной жизни и творческой судьбе поэта, о его любимой женщине и музе последних 14 лет жизни — Ольге Ивинской.

В 1988 году Ольга Всеволодовна была полностью реабилитирована после беззаконных арестов и судов при сталинском режиме и в хрущевские времена. Ее стали изредка приглашать на встречи с почитателями Пастернака. В 1988 году в журнале «Огонек», где в то перестроечное время дерзко правил независимый Виталий Коротич, опубликовали краткое интервью с ней. Но ее книгу, впервые вышедшую в Париже в 1978 году, а затем и в более чем 20 странах мира, было запрещено издавать в нашей стране. С конца 1992-го Ольга Всеволодовна стала получать десятки писем читателей с выражением восхищения и благодарности за волнующий рассказ о любимом поэте, нобелевском лауреате Борисе Пастернаке. Книга показала «неслыханную простоту» и гениальность поэта, позволила российскому читателю узнать о письмах Пастернака Ольге в тюремный лагерь в 1950–1953 годах и из тбилисской ссылки в 1959-м.

Читатели России узнали о предсмертных письмах Пастернака к своей любимой, когда органы и окружение Большой дачи закрыли доступ Ольге к умирающему поэту. Ольга Всеволодовна привела в книге «яркие цитаты» из погромных речей советских писателей, злобно травивших Пастернака в дни нобелевского шабаша в 1958 году. Книга содержит также тексты стихов и писем Бориса Леонидовича в адрес предавших его «друзей, родных — милого хлама», которых он называл лжецами и трусами.

Потому уже вскоре после выхода книги в России зашевелились просоветская сановная рать и ее последователи, ненавидевшие Пастернака, а в еще большей степени — Ольгу Ивинскую за верность поэту и правду, которую она посмела рассказать соотечественникам. Врагам Пастернака казалось, что на книгу Ивинской власти и органы с 1978 года навечно «плиту гранита положили»[293].

Просоветская номенклатура была уверена, что в России никогда не узнают правды о последних годах жизни и любви поэта, наполненных «чудотворством», когда (с 1946 по 1960 год) Пастернак написал главные свои произведения: роман «Доктор Живаго», перевод «Фауста» Гете и цикл любимых самим поэтом стихов, посвященных Ольге.

Емко и точно определил ее роль в жизни и творчестве Пастернака известный литератор Борис Парамонов, часто выступающий с литературными обзорами и эссе на радио «Свобода»: «Ольга Ивинская была не только любовью Пастернака, она была его темой!»

Кем была Ивинская для Пастернака, пишет в своем дневнике любивший Пастернака известный писатель Корней Чуковский. Чуковский более 20 лет жил в Переделкине, дружил и постоянно встречался с Пастернаком. О майских днях 1956 года, когда после разоблачения сталинских преступлений и возвращения из лагерей выживших писателей застрелился Фадеев, Чуковский написал: «По словам Ольги Ивинской, *жены Пастернака* (курсив мой. — *Б. М.*), только вчера в Переделкине Фадеев был бодр и весел».

В дни нобелевской травли Чуковский делает такую запись:

> После ультиматума Федина к Пастернаку, переданного утром 24 октября 1958 года, Борис Леонидович советовался со Всеволодом Ивановым и с женой, Ольгой Ивинской. После этого Ольга поехала в Москву и отправила благодарственную телеграмму Пастернака в адрес Нобелевского комитета.

В эти тяжкие дни Ариадна Эфрон жила у Ольги и помогала ей спасать Пастернака. Ариадна видела подлость писательской среды, предательство родни и окружения Большой дачи. В письме к Пастернаку 1 января 1959 года после пережитых дней нобелевской травли Ариадна пишет:

Дорогой мой Боренька!

> Все время думаю о тебе, о вас двоих, и то, что было подсказано чутьем, теперь превратилось в убеждение. <…> Сейчас все раскрыто, все обнажено. <…> И какое, о Господи, счастье, что встала рядом с тобой на суд веков — навечно — эта женщина, жена (Ольга!), встала противовесом всех низостей, предательств и

пустословий. <…> Целую тебя крепко, дорогой мой, люблю тебя и всегда с тобой.

1 января 1959 года.

Твоя Аля.

Конечно же, многочисленные наследники «друзей» Пастернака — носителей «низостей, предательств и пустословий» — не могли не излить своей злобы на талантливую, острую и нелицеприятную книгу Ольги Ивинской, вышедшую в России.

Уже в 1993 году появляется публикация артиста Василия Ливанова, сына актера, многократного лауреата Сталинских премий Бориса Ливанова, под многообещающим названием «Невыдуманный Борис Пастернак»[294]. Ливанов приводит свидетельства восхищения Пастернака дружбой с Борисом Ливановым, имевшие место до нобелевского шабаша 1958 года.

Символично стихотворное приветствие, посланное Пастернаком в адрес Евгении Казимировны, жены Бориса Ливанова, на ее именины в январе 1951 года:

Будь счастлива Женечка!
Когда твой Борис
Под мухой маленечко —
Прости, не сердись.
<… >
Ведь ты — самый крепкий
Его перепой.
Он стал бы как щепка,
Но полон тобой.

Пастернак отмечает одну из характерных особенностей Бориса Ливанова — бывать во время застолий немножечко под мухой. Об этом также пишет Ариадна Эфрон в своих воспоминаниях о Пастернаке. В рассказе известного актера Евгения Весника, прозвучавшего в феврале 2004 года, в дни его 80-летия, на канале «Культура», упоминается о случаях неадекватного поведения актера Бориса Ливанова под мухой даже на приемах у Сталина.

Об оскорбившем Пастернака поведении Бориса Ливанова на Большой даче в сентябре 1959 года написала Ольга Ивинская в своей книге. Возмущенный Пастернак тогда отправил актеру письмо, в котором есть такие слова:

> Вчера после того, что ты побывал у нас, я места себе не находил от отвращения к жизни и самому себе. <…> И не надо мне твоей влиятельной поддержки в целях увековечения. Как-нибудь проживу и без твоего покровительства <…>. Мне слаще умереть, чем разделить дым и обман, которым дышишь ты. Я говорил и говорил бы впредь нежности тебе, Нейгаузу, Асмусу. А конечно, охотнее всего я всех бы вас перевешал.

Отношение Пастернака к окружению Большой дачи после нобелевских дней можно понять из его письма в Париж знаменитому музыковеду и литературному критику Петру Сувчинскому[295]. 11 сентября 1959 года Пастернак пишет ему: «Именно этой осенью, в исходе происшествий года, определилось и кристаллизовалось основное мое теперешнее настроение, жаждущее деятельности и дееспособное, полное вызывающего презрения к „друзьям“ и обстановке»[296].

Примечательно, что это письмо к Сувчинскому написано Пастернаком до его резкой отповеди Ливанову. После скандала на даче 13 сентября 1959 года Пастернак прогнал Бориса Ливанова и написал резкое стихотворение «Друзья, родные — милый хлам…». Зоя Масленикова в своих воспоминаниях рассказывает, что в бумагах Пастернака, которые она разбирала после его смерти по просьбе Зинаиды Николаевны, был найден лист с текстом стихотворения о «милом хламе» с посвящением Борису Ливанову.

В многочисленных стихотворных сборниках, изданных за 50 лет после смерти поэта, стихотворение о «милом хламе» не публикуется. Тем более не публикуется последнее стихотворение — «Перед красой земли в апреле». Оно написано поэтом в апреле 1960-го после встречи с Ренатой Швейцер, приезжавшей из Германии, как протест против двуличия и лжи окружения Большой дачи.

Василий Ливанов в своей книге живописует лживую историю о том, как в 1949 году «Ивинская прикинулась умирающей (тогда она ждала ребенка от Бориса Пастернака. — *Б. М.*) и пожелала сказать Зинаиде Николаевне последнее прости».

Как заметил Митя, это утверждение само по себе нелепо и смешно. Об эпизоде встречи Ольги с Зинаидой рассказала Люся Попова в документальном фильме режиссера Агишева «Последняя любовь Бориса Пастернака» (1997). Люся приезжала в Переделкино к Пастернаку, чтобы вызвать его к Ольге, которая была в положении, но Зинаида не отпустила Бориса Леонидовича, а поехала сама. При встрече Зинаида потребовала, чтобы Ольга

«отстала от Пастернака», в противном случае пригрозила «найти на Ольгу управу». Но поэт вновь стал встречаться с Ивинской. Вскоре, 6 октября 1949 года, Ольга была арестована. Ребенок Пастернака и Ольги погиб в Лубянской тюрьме, когда Ольгу привезли в морг якобы на свидание с Пастернаком.

Описывая встречу Зинаиды с Ольгой — видимо, со слов отца, Василий Ливанов с торжеством сообщает, что «Зинаида, прирожденный игрок, разоблачила бездарную аферистку Ивинскую, которая вымазалась сажей и притворилась умирающей». Помню комментарий Ивинской по поводу этого опуса Василия Ливанова:

— Боже, чего еще можно ждать от этих лжецов и трусов, как пророчески писал Боря? Они только и могут, что пресмыкаться перед властью, лгать да доносить друг на друга.

— Посмотрите, — говорил мне Митя, — этот навет Зинаиды весь пропитан бессмысленной злобой на маму. Это же логика ненависти. Мама ждет прихода Бориса Леонидовича, нося под сердцем его ребенка. Пастернак придет и станет ее целовать, плакать. А мама, по выдумке Зинаиды, измазана сажей и грязью. И что должен подумать и сделать Пастернак, измазавшись при поцелуях сажей и грязью? Зинаиду в ревности и злобе Бог лишает разума. Так было и с наветом, придуманным из-за ревности к маме Лидией Чуковской.

Статья Василия Ливанова из журнала «Москва» перешла в его книжку[297], где и Бориса Леонидовича он наделил неприглядными чертами. Вот некоторые из этих откровений Василия Ливанова:

> «Борис Леонидович частенько капризничал, восхитительно и явно капризничал по мелочам. <…> В отношении Зины на людях Борис Пастернак вел себя как избалованный мальчик».
>
> «От любых укоров совести Пастернак был прочно защищен своим возведенным в абсолют эгоизмом».
>
> «Женские черты обличали присутствие в натуре Пастернака очень своенравной и, если хотите, коварной женщины».

В разговоре со мной о сочинениях Василия Ливанова Митя отмечал:

— И с таким коварным субъектом — Пастернаком дружил артист Борис Ливанов, обласканный и удостоенный почестей и сталинских премий, завсегдатай кремлевских приемов и застолий! Понимая, что гениальный Пастернак, всемирно известный нобелевский лауреат, не чета сталинским лауреатам,

Василий Ливанов не чурается подчеркнуть расположение Бориса Леонидовича к Ливановым.

Василий Ливанов приводит в книге тексты «приятных писем» Пастернака «дорогим Ливановым». Это письма от 12 апреля 1952-го, 5 апреля 1953-го, 25 июля 1957-го, 23 июня 1958-го. Но вся переписка заканчивается письмом Пастернака к Ливановым от 8 сентября 1958 года. С началом нобелевской травли Пастернака «дорогие Ливановы» исчезают с дорожек Большой дачи, избегая контактов с антисоветским элементом Пастернаком.

Митя обращал мое внимание:

— Внимательно прочитайте воспоминания Корнея Чуковского, Тамары Ивановой, Лидии Чуковской, Галины Нейгауз, Зинаиды Нейгауз, Зои Масленниковой — там нет никаких следов Ливановых рядом с опальным поэтом в дни нобелевского шабаша октября — ноября 1958 года. Как нет и следов Асмуса, Сельвинских, Евгения Борисовича Пастернака и прочих и прочих. Только благодаря невероятным усилиям мамы, Ариадны и узкого круга их друзей, а также из-за мощной волны протеста в мире, удалось в 1958 году спасти жизнь и честь Пастернака.

Ольга Ивинская подробно комментировала обстоятельства появления этого письма:

> Боря в силу своего миролюбивого характера, конечно, многих из предавших его в нобелевские дни позже простил. Но теперь, когда все проявились, Боря имел полное представление о преданности и истинном лице завсегдатаев Большой дачи и не прощал клеветы на своих настоящих друзей. В сентябре 1959-го Боря пришел ко мне в возбужденном состоянии и сказал, что вчера прогнал с дачи Бориса Ливанова. Тот под мухой стал рассуждать о своих заслугах в нобелевские дни и осуждать вредное влияние на Борю чуждых советским людям авантюристок, которых и тюрьма не исправила. Эти антисоветские лица (это обо мне и Ариадне) дискредитируют и губят талант их друга Пастернака. Подключившееся окружение застолья также укоряло Пастернака в том, что он не слушает советов настоящих друзей, и это приводит к ошибкам в творчестве и доставляет неприятности его ближним, так как недовольство властей больно ударяет по Зинаиде Николаевне и детям. Разогревшись от выпитого, Ливанов стал кричать на жену Погодина: дескать, ее муж бездарь и только артистизм Ливанова приводит публику в театр на бездарные пьесы Погодина. «Такой лжи и мерзости я

уже им не прощу», — заключил рассказ Боря. При мне он стал писать резкое письмо-отповедь Ливанову, которое я привела в своей книжке. Тогда же Борис Леонидович написал короткое, но выразительное стихотворение в адрес двуличного окружения Большой дачи «Друзья, родные — милый хлам…».

Митя говорил мне:

— Вполне естественно, что выход в России маминой книги, где приведено письмо к Борису Ливанову, вызвал раздражение у потомка, пытающегося отомстить Пастернаку. Советские пастернаковеды, включая Евгения Борисовича, уже выпустившего десятки предисловий, интервью и книжек о Пастернаке, сделали вид, что не заметили такого низкопробного охаивания поэта. Евгений Борисович не захотел ссориться с именитым Василием Ливановым ради защиты чести «папочки».

Однако истинные почитатели таланта Бориса Пастернака отреагировали достойно на злобные пассажи обиженного артиста Василия Ливанова. Профессор МГУ Александр Берлянт пишет:

> Борис Пастернак в воспоминаниях Василия Ливанова как раз выглядит выдуманным. Человек гипертрофированной скромности и подлинного бескорыстия[298] выведен кокетливым и расчетливым. <…> Писатель, отвергший принятую многими советскими литераторами манеру общественного поведения[299], наделен конформистскими чертами; восторженный и влюбчивый человек представлен аморальным бабником, а его известные христианские устремления представлены фарисейством и гордыней[300].
>
> Все это вкупе представляется искусственным, надуманным, заданным. Неловко становится от мстительной тенденциозности, мелочного стремления унизить, развенчать поэта, отметить в нем неприглядное, увидеть его униженным, стоящим на коленях. И было, видимо, в дружбе двух Борисов нечто такое, чего не уразумел мемуарист, посчитавший долгом «отплатить» за отцовы обиды, унизив великого поэта. <.. > Хотя он и не забывает всячески подчеркнуть свою к нему близость. Вот уж поистине гамлетовский комплекс, обернувшийся мелочным фарсом.
>
> <…> Я был студентом, когда разгорелась травля Бориса Пастернака и газетные полосы стали источать грязь и злобу. Хорошо помню заметку «Лягушка в

> болоте», подписанную старшим машинистом экскаватора. Сегодня в лексику этого, скорее всего, выдуманного экскаваторщика успешно вживается артист Василий Ливанов. Стыдно за него[301].

Митя так прокомментировал сочинение Василия Ливанова, принижающее образ Пастернака:

— Похоже, к Василию по наследству перешла неприглядная черта Бориса Ливанова, о которой говорил Борис Леонидович: ему стыд глаза не ест.

Из рассказа Ивинской:

— После принципиального разрыва с Борисом Ливановым только из-за демаршей Зинаиды Пастернак запиской пригласил Бориса на дачу. Но у того хватило ума больше туда не являться. Ливанов появился только в день похорон Пастернака по настоятельной просьбе Зинаиды. Речи над могилой Пастернака он не произносил, как не сказали слов прощания над могилой отца ни Евгений, ни Леня.

Ирина, рассказывая о дне прощания с Пастернаком 2 июня на Большой даче, пишет:

> На стуле сидел Ливанов, вытирал обеими руками слезы и, с неудовольствием косясь на нас (помешали проститься с лучшим другом), бормотал, как мне показалось, на публику: «Борька! Борька! Зачем ты это сделал, Боря? Зачем ты это сделал?»[302]

Над могилой какие-то «несущественные слова», по воспоминаниям Лидии Чуковской, сказал Асмус, и крышку гроба заколотили.

В беседе с Масленниковой (запись в дневнике Зои от 2 ноября 1959 года) об эпизоде с Борисом Ливановым Пастернак сказал: «Я в том резком письме Ливанову задел еще двух моих приятелей — Асмуса и Нейгауза. Асмус — овца, но перед ним я извинился, а до Нейгауза дошло, и я извиняться не стал».

Василий Ливанов обвиняет Ивинскую в злобной клевете на Бориса Ливанова, кляня ее за публикацию письма Пастернака. Артист делает вид, что не знает о дневниках Зои Масленниковой, напечатанных в журнале «Нева» в 1988 году и в ее книге «Портрет Бориса Пастернака». Масленикова приводит в книге текст стихотворения о «милом хламе» с посвящением Пастернака: «Б. Ливанову».

Василий Ливанов забывает о десятке писем, которые Пастернак прислал Ивинской из тбилисской ссылки. В письме от 4 марта 1959 года есть такие слова Пастернака, обращенные к

Ольге:

> Нити более тонкие, связи более высокие и могучие, чем тесное существование вдвоем на глазах у всех, соединяют нас. <…> Радость моя, прелесть моя, какое невероятное счастье, что ты есть на свете. Я получил в дар от тебя это драгоценное право самозабвенно погружаться в бездну восхищения тобой и твоей одаренностью и снова, и дважды, и трижды твоей добротой.

Помня предательство друзей и родни в нобелевские дни, Пастернак не написал из тбилисской ссылки ни одного письма ни Борису Ливанову, ни сыновьям. Поэт отправил из ссылки два десятка писем только к Ольге, она опубликовала их в своей книге. В мае 1960-го уже смертельно больной Пастернак, к которому не допускают Ольгу, пишет ей:

> Все, все главное, все, что составляет значение жизни — только в твоих руках. <…> Олюша, радость моя, начни описывать свою жизнь, скупо, художественно законченно, как для издания. Целую тебя без конца, тебя и твоих. <…> Все, что у меня или во мне было лучшего, я сообщаю или пересылаю тебе!

Василий Ливанов, написавший о том, что Пастернак приходил к его отцу просить прощения и стоял на коленях, видимо, забыл, что и в предсмертные дни мая 1960-го Пастернак не шлет прощальных или примирительных писем Борису Ливанову.

В компании недоброжелателей Ивинской есть различные персонажи, часто неожиданные, но причины нелюбви к Ольге так же разнообразны, как и сама жизнь. Это в том числе целый сонм поклонниц, влюбленных в Бориса Пастернака и считавших Ольгу «женщиной не из их круга и недостойной быть любимой гениальным поэтом».

К «их кругу» можно отнести Эмму Герштейн, Агнию Барто, Нину Муравину, Елену Берковскую… Конечно, наиболее яркий представитель этой очарованной поэтом женской когорты — писательница Лидия Чуковская, дочь писателя и давнего переделкинского друга Пастернака Корнея Ивановича Чуковского.

Дружба Лидии Корнеевны с Ольгой сложилась в 1946 году, в начале их совместной работы в «Новом мире». Тогда Лидия подарила Ольге свои стихи с автографом «Дорогой Ольге Ивинской». Пастернак для Лидии был кумиром. Вспыхнувшая на

ее глазах его любовь к Ольге вызвала у Чуковской острое чувство ревности. Узнав в начале осени 1949-го, что Ольга ждет от Пастернака ребенка, Лидия Корнеевна прекратила все отношения с Ивинской. Это произошло перед самым арестом Ольги.

Вернувшись в мае 1953 года из сталинского концлагеря, Ольга по настоянию Пастернака постоянно жила в Измалкове. Поэт ежедневно приходил к ней, а осенью и зимой нередко оставался у нее ночевать. Любовь к Олюшке возвращала его к активной жизни, стали появляться блистательные стихи, вошедшие в тетрадь Юрия Живаго: «Хмель», «Август», «Ольге», «Недотрога», «Осень»…

В начале 1954 года Ольга стала носить под сердцем ребенка от Бориса Пастернака. С этого времени ревность Чуковской к Ольге начала преступать все границы. Лидия Корнеевна распространяла небылицы о коварстве, воровстве и стяжательстве Ольги повсюду. Об этой клевете в адрес Ивинской, вызванной ревностью, говорил в фильме «Последняя любовь Пастернака» поэт Андрей Вознесенский, который часто бывал у Пастернака в Переделкине и знал о любви поэта к Ольге Ивинской[303].

Самое печальное, что эту свою ненависть к сопернице Чуковская внушала — и небезуспешно — Анне Ахматовой, придумав чудовищное обвинение в адрес Ольги. Лидия Корнеевна говорила Ахматовой, что после возвращения Ольги из концлагеря передавала ей деньги на покупку продуктов для их общей знакомой, которая находилась в одном концлагере с Ольгой, Надежды Адольф-Надеждиной. Но посылки в лагерь к Надежде не приходили, а деньги Ольга присваивала и покупала себе косметику.

Эти обвинения встречаются и в обширных воспоминаниях Лидии Чуковской[304]. Первое издание записок Чуковской об Анне Ахматовой вышло за рубежом в 1980 году в издательстве ИМКА-ПРЕСС. В нашем разговоре Митя так комментировал отношения Лидии и Ольги Ивинской:

— С 1949 года, как пишет сама Чуковская, она прекратила все контакты с мамой. С 1953-го, как и раньше, Чуковская могла сама с удовольствием помогать Надеждиной, что, видимо, она успешно и делала. Мама с мая 1953 года из-за отсутствия московской прописки жила в Измалкове рядом с Пастернаком и не могла ездить в Москву. С 1954-го беременная Ивинская не могла отправлять никаких посылок. О таком бесчеловечном поступке Ольги по отношению к заключенной Чуковская должна была сама известить своего кумира Пастернака (мол, с кем связался), чтобы спасти поэта от авантюристки. Лидия приходила к Пастернаку неоднократно со своими стихами и по другим

поводам, но никогда не говорила ему о коварстве Ивинской.

В моем разговоре с Козовым на тему навета Лидии на Ольгу Ивинскую Вадим говорил:

— Ревность женщины рождает к сопернице ненависть, не знающую границ. Чтобы понять состояние Чуковской, видящей любовь Пастернака к Ольге, прочитайте ее стихи того периода.

Стихи Лидии Корнеевны к Пастернаку многое говорят о причине ее безумной ревности к Ольге:

> Это сердце устало, а не я. Я-то жива еще.
> У меня еще ночи и дни впереди. Я опять начинаю сначала
> Старую песню. Молча прошу тебя: «Не уходи».

Узнав о любви поэта к Ольге, вернувшейся живой из концлагеря и находящейся в Измалкове рядом с ее кумиром, Чуковская в отчаянии пишет:

> И каждую секунду забывая,
> Зачем пришла сюда, зачем открыла газ,
> Хватаясь за стены, за двери, как больная,
> Я вдруг воды под краном напилась
> И вспомнила, что я не пить хотела,
> В десятый раз не чайник вскипятить,
> А положить предел — ведь боли нет предела —
> И газом жажду утолить.

Узнав о клевете Лидии Корнеевны, Ольга обратилась к Пастернаку:

> — Как мне поступить? На людях все высказать Лидии Корнеевне?
>
> Понимая, что движет Чуковской, Боря остановил меня:
>
> — Олюшка, забудь об этом и пожалей ты ее.
>
> И я решила не обращать внимания на клевету Лидии и ее окружения, так как понимала, что главным для меня была любовь Бори и дружба с Алей, чья «жестокая» любовь и преданность Боре не знали предела. Аля в разговоре со мной по-лагерному резко сказала в адрес литературных дам, клеветавших на меня:
>
> — Не обращай внимания на эту бабскую ревность и злобу. Цену всем этим литераторшам я узнала в дни

нобелевской травли Бори. Спасая свои…, они спрятались по норам, не сказав и слова в защиту Бори на писательских судилищах. Тебе, Оля, за то, что ты не предала Пастернака, эти бабы и семейка будут мстить всю жизнь.

Ольга Всеволодовна вспоминала:

— Боря пытался каким-либо путем вновь подружить нас с Лидией. Даже как-то просил меня передать ей главы романа на читку, но я отказалась это сделать, пока Чуковская не извинится при нем за наговоры на меня. Как-то Боря рассказал, что в ответ на просьбу Лидии Корнеевны посмотреть ее стихи написал ей, что они замечательны и лучше, чем его «Рождественская звезда». Тогда я сказала Боре, что это не лесть, а издевательство.

Как говорят в народе, у лжи оказались короткие ноги. В 1956 году Надежда Надеждина вернулась из концлагеря и, узнав о злобном навете Чуковской на Ивинскую, написала Ольге, с которой была дружна в концлагере, теплое письмо с извинениями за Лидию. Но Лидия Корнеевна опубликовала в Америке свои «Записки об Анне Ахматовой», где повторила наговоры на Ивинскую. Возмущенная Надеждина написала горькое и резкое письмо в адрес Лидии Корнеевны. Это письмо хранилось у Мити. На мои просьбы дать письмо для ознакомления Митя отвечал:

— Вам мало того, что Борис Леонидович до последних дней любил маму и доверял ей самое дорогое? Вам мало дружбы Ариадны с мамой? Разве не ясно из писем Ариадны к Пастернаку и маме, что Чуковская клеветала на Ивинскую?

В августе 2007 года швейцарская журналистка Елена Гаревская взяла интервью у одного из самых известных ныне европейских славистов, профессора Женевского университета, академика Европейской академии в Лондоне Жоржа Нива. Он с 1956 года был знаком с Ольгой Ивинской, встречался у нее неоднократно с Борисом Пастернаком, а в 1957–1958 годах учился в Оксфорде, где жил на пансионе у сестры поэта Лидии Слейтер-Пастернак. Вернувшись на учебу в Москву, Жорж стал желанным гостем и собеседником Пастернака и Ивинской в Измалкове. При нем разворачивались многие события, связанные с гонениями на Пастернака и Ольгу, с наговорами и сплетнями недоброжелателей.

— В мемуарах Герштейн и Чуковской много раз звучат обвинения в адрес Ивинской, — напоминает журналистка Жоржу Нива. Он отвечает:

Все эти отвратительные намеки на нечистоплотность Ивинской меня просто бесят, потому что я знал

Ивинскую очень долго и наблюдал ее очень близко. Объясняю эти намеки и предвзятое отношение только ревностью. В биографии поэта, которую написал Евгений Пастернак, роль Ольги Всеволодовны всячески преуменьшена. Это не соответствует тому, что я сам видел своими глазами и ощущал: между Ольгой Ивинской и Борисом Пастернаком была удивительная гармония. Эта часть его биографии, по-моему, недооценена и в очень хорошей книге Дмитрия Быкова «Борис Пастернак».

Когда моя жена делала перевод на французский язык книги Лидии Чуковской «Воспоминания об Анне Ахматовой», то мы получили разрешение на некоторые сокращения. Я сказал дочери Лидии Корнеевны Елене Цезаревне, что одно сокращение мы проведем обязательно: это рассуждения об Ольге Ивинской, потому что я считаю их предвзятыми и совершенно несправедливыми.

Жорж Нива не сказал, что снять наговор на Ивинскую требовала от Лидии Корнеевны сама Надежда Надеждина. Еще в 2001 году я убеждал Митю, что тысячи поклонников Пастернака во всем мире читают воспоминания Лидии Чуковской, где порочится имя Ольги Ивинской. А чудовищная заказная статья Дардыкиной, распространенная по миру, также разносит ложь о «воровке и авантюристке Ивинской, приставленной советскими властями к Пастернаку», нанизывая новую ложь на старую ложь Чуковской.

Тему обвинений Ивинской Лидией Чуковской затронул в 2003 году литератор Константин Поливанов в беседе на радио «Россия», указав, что возвращение Надеждиной из лагеря разоблачило этот лживый навет. Тогда я вновь стал требовать у Мити дать мне прочитать письмо Надеждиной к Лидии Чуковской. Уже смертельно больной Митя сказал: «Когда умру, найдешь его в этой коробке».

Митя умер 6 июля 2004 года и похоронен рядом с мамой на кладбище в Переделкине. Ирина, сестра Мити, нашла то самое письмо Надеждиной к Чуковской. Надежда Адольф-Надеждина, подруга Ивинской по концлагерю, пишет Лидии Чуковской:

В течение многих лет привыкнув обращаться к Вам «дорогая», не могу заменить это слово на казенное «уважаемая», поэтому начну так:

Здравствуйте, Лидия Корнеевна!

Из Вашего письма явствует, что Вы меня потеряли, поскольку я «человек без чести, лживый, лицемерный, причинивший Вам боль». Никому другому я после этого не отвечала бы. Но, помня то доброе, что Вы для меня сделали, я в ответном письме расскажу и про свою боль. Между лагерниками существует братство, как между однополчанами-фронтовиками. История с Ивинской была для меня глубокой душевной раной. <…> Самую трудную и голодную жизнь на воле я не могу сравнить с тем, что переживаешь в лагере, когда ты уже не человек, а номер. Вы этого не испытали, и я была уверена, что не испытаете. Помните наш разговор на эту тему? Поэтому Вы могли позволить себе то, что другим бы не сошло, в частности мне, у кого в биографии три тюрьмы и лагерь.

<…> Я испытала боль от удара в спину, прочитав то, что Вы написали обо мне в зарубежной печати. Вспомним все по порядку.

Согласно Вашему пожеланию я написала справку. Вы ее называете письмом. В ней говорилось, что посылок, деньги на которые собирали друзья, я не получала. Я это могу подтвердить и сейчас. Но я не могу подтвердить, что на эти деньги, как Вы мне сказали по телефону, Ивинская покупала себе духи «Красная Москва». Я этого не видела. И Вы не видели, и не можете это доказать. Если вина не доказана, у человека презумпция невиновности. Справка не предназначалась для всеобщего чтения, тем более для печати. Теперь я могу спросить: почему Вы это сделали за моей спиной, не спросив моего согласия? Зарубежный читатель подумает про меня: ну и писательница, которая по-бабьи, на уровне коммунальной квартиры, не имея других аргументов, маневрирует тряпками!

Вы сказали мне по телефону, что не измените ни одного слова, сказанного Вами Ахматовой. Но информация об Ивинской была сообщена Ахматовой Вами, в Вашей редакции. Я не говорила Вам, что Ивинская украла у меня платье и плащ. Это неправда, я сама их ей дала. У лагерников принято делиться. Вы утверждаете, что Ивинская получила срок как уголовница. Это тоже неправда. В нашем номерном лагере уголовников не было[305].

Почему я сразу не заявила свой протест? Мне

пришлось бы сказать Вам много горького. Ничего не исправить — Ваша книга уже вышла. Одно меня утешало: книгу, изданную в Америке, прочтут немногие[306]. Но когда я услышала, что Ваши мемуары об Ахматовой будет печатать «Нева», тут уже я не могла молчать. Я еще раз настойчиво прошу Вас и надеюсь, что Вы уважите мою просьбу: изъять из текста все, что касается меня. Никакого отношения к Ахматовой эта история не имеет. Это личный вопрос, нельзя обсуждать его вопреки желанию потерпевшей. В комментариях к своим лагерным стихам я говорю, что в лагере мы с Ольгой дружили. Остальное никого не касается. Роль мадам Вышинской мне не подходит.

И еще. Я делаю это в память Бориса Леонидовича, который лично тепло благодарил меня за дружбу с Ольгой.

Об этом письме Надежды Надеждиной к Лидии Чуковской, поразительном по своему благородству и степени боли, необходимо знать всем истинным поклонникам Бориса Пастернака.

Митя рассказывал мне, что после переезда из Ленинграда в Москву Надеждина приходила к Ольге Всеволодовне на Вятскую улицу. А когда Надеждина заболела, то Митя стал приезжать к ней домой, чтобы помогать по хозяйству. Надежда Надеждина умерла в 1992 году. Помню, в один из дней, когда я пришел к Ольге Всеволодовне, она сказала:

— Давайте выпьем по стопочке. Наденька умерла.

С болью и досадой читал я горькое письмо Надеждиной. Вспомнил слова Вадима Козового, которые он сказал о Лидии Чуковской: «Даже умная женщина в ревности становится безумной, а ее жестокость не знает границ».

Вернемся вновь к выступлению Поливанова на радио «Россия», когда журналистка Хмелева завела речь о посмертных распоряжениях Пастернака. Здесь проявилась характерная болезнь просоветских литераторов, о которых Козовой говорил: «Они все сидят на архивной игле РГАЛИ и всегда будут петь дифирамбы этой мрачной системе и „милому хламу“, чтобы быть допущенными к столику»[307].

Константин Поливанов — сын Михаила Поливанова и Насти Баранович, хорошо знавших Бориса Пастернака. Мама Насти Марина Казимировна Баранович перепечатывала практически все рукописи Пастернака, включая «Доктора Живаго». Последние годы по поручению Пастернака с ней постоянно встречалась и

перезванивалась Ольга Ивинская.

Ни Зинаиде, ни Евгению вести свои дела Борис Леонидович не доверял. С 1947 года, после того как Зинаида прочла записку Ольги, найденную в его комнате, Борис Леонидович запретил ей прибираться у него. Он все разбирал сам, передавая Ольге важные рукописи и письма. «Все, что у меня или во мне было лучшего, я сообщаю и пересылаю тебе», — напоминает Пастернак в последней дошедшей к Ольге записке от 5 мая 1960 года.

Хмелева задала вопрос Поливанову об отношении Пастернака к трем женщинам: Евгении Лурье, Зинаиде Нейгауз и Ольге Ивинской, чтобы узнать, кто из них был Пастернаку дороже, с подтекстом: кому бы Борис Пастернак оставил все по завещанию. Митя отметил, что сценаристы из РГАЛИ, готовившие передачу, как бы невзначай предложили ответить на этот вопрос рекомендованному ими гостю — Константину Поливанову.

В это время в Верховном суде России рассматривалась кассационная жалоба с требованием вернуть из РГАЛИ архив Ивинской ее наследникам Ирине и Мите. Напомню, что полная реабилитация Ольги Ивинской и Ирины состоялась еще в начале перестройки, в ноябре 1988 года Верховный суд РФ указал на необходимость безусловного возврата Ольге Ивинской всех конфискованных при аресте материалов. Ни журналистка, ни Поливанов, видимо, «случайно», об этом не сказали ни слова.

Читали волнующие письма Пастернака 1931–1933 годов к Зинаиде Нейгауз, и прозвучало посвященное ей стихотворение 1931 года:

> Любить иных — тяжелый крест,
> А ты прекрасна без извилин.

Очень жаль, что ведущая забыла прочитать знаменитое стихотворение Пастернака 1916 года «Марбург», адресованное любимой им в те годы девушке Иде Высоцкой, к которой Пастернак сватался:

> В тот день всю тебя, от гребенок до ног,
> Как трагик в провинции драму Шекспирову,
> Носил я с собою и знал назубок,
> Шатался по городу и репетировал.

Не меньшее сожаление вызывало упущение — конечно, «случайное» — пастернаковеда Поливанова, который ни слова не сказал о влюбленности Пастернака в 1917–1918 годах в Елену

Виноград. Тогда у поэта родился цикл замечательных стихов «Сестра моя — жизнь». Среди них чудесные «Весна была просто тобой, / И лето — с грехом пополам…» и летящие и обжигающие строки, на взгляд Ольги Ивинской, просто шедевры:

> Как я трогал тебя! Даже губ моих медью
> Трогал так, как трагедией трогают зал.
> Поцелуй был как лето. Он медлил и медлил,
> Лишь потом разражалась гроза.

К большому огорчению слушателей радио «Россия» ни Хмелева, ни Константин Поливанов не прочли ни строчки из восторженных писем Пастернака 1921–1924 годов к его первой жене Евгении Лурье. Эти письма в 1998-м опубликовал Евгений Борисович в объемной книге «Существованья ткань сквозная». В письме от 22 декабря 1921 года Пастернак пишет жене: «Твой голос, оставшийся в углах этой тишины, он больше мой, чем твой. Он далекий и темный и самый родной, больше мой. <…> Я тебя долго, долго, продолжительно мучительно нежно целую». В письме от 27–28 мая 1924 года поэт страдает в разлуке:

> Нежно любимая моя, я прямо головой мотаю от мучительного действия этих трех слов — я часто так живо вижу тебя и страшно, страшно люблю тебя, до побледненья порывисто. Ах, какое счастье, что это ты у меня есть! Какой был бы ужас, если бы это было у другого, я бы в муках изошелся и кончился.

Но летом 1930 года в поселке Ирпень под Киевом поэт страстно увлекся женой своего друга, известного пианиста Генриха Нейгауза — Зинаидой Нейгауз, что привело к разрыву с Евгенией Лурье. Эта сжигавшая Пастернака страсть длилась несколько лет. При этом Пастернак продолжает переписку с Евгенией и оказывает ей ежемесячно денежную помощь до самой смерти. Зинаида Николаевна в 1931 году ушла к Пастернаку вместе с двумя сыновьями от Генриха Нейгауза — Адиком и Стасиком.

Однако с конца 1934 года между Пастернаком и Зинаидой возник разлад. Об этом пишет в своих воспоминаниях актриса и поэтесса Вера Звягинцева (1894–1972), учредившая в 20-х годах вместе с Софьей Парнок, Пастернаком и другими поэтами поэтический журнал «Узел». В интереснейшей книге Натальи Громовой «Узел», увлекательное предисловие к которой написал известный поэт Наум Коржавин, приведена запись из дневника

Веры Звягинцевой:

> Пастернак всегда рассказывал мне о своих личных делах. В день митинга, после убийства Кирова (декабрь 1934 года. — Б. М.), он вдруг вздумал перевести нашу дружбу на другое. Но я это в страшном перепуге отвела — как это, роман с таким великим? Ночью Пастернак обиженно звонил[308].

После смерти сына Адика в 1945 году Зинаида, как она написала в своих воспоминаниях, приняла решение прекратить супружеские отношения с Пастернаком.

Осенью 1946 года Пастернак встретил в редакции «Нового мира» Ольгу Ивинскую — свою последнюю любовь. Ее облик и черты характера отразились в образе Лары романа «Доктор Живаго». Ей посвящены известные всему миру стихи Юрия Живаго.

В упомянутой радиопередаче журналистка, согласно подготовленному сценарию, спросила у Константина Поливанова, кто же является прототипом образа Лары в романе «Доктор Живаго» — Зинаида Нейгауз или Ольга Ивинская. Поливанов дает пространный ответ, утверждая, что это несомненно Зинаида Николаевна. И вместе с ведущей передачи они заключают, что главной женщиной для Пастернака всегда являлась Зинаида Нейгауз.

Прослушав запись этой передачи, миротворица Ирина Емельянова с досадой заметила:

— Уж Костя Поливанов не понаслышке знает, когда какая женщина была для Пастернака любимой. Но приглашение на радио обязывает говорить то, что требует заказчик. Из выборочного круга цитат и подтекста вопросов так и торчат уши РГАЛИ. Остается только сожалеть, что страдает истина, но благосклонность РГАЛИ и доступ к архивам Поливанову дороже истины.

Митя отреагировал на тенденциозность этой передачи на радио «Россия» кратко:

— Пастернак о таких «друзьях» провидчески сказал:

> Ведь в этом виден Божий перст,
> И нету вам иной дороги,
> Как по приемным министерств
> Упорно обивать пороги.

Константин Поливанов хорошо знал от своего отца Михаила

Поливанова об отношениях Пастернака и Зинаиды. После первых лет страстного увлечения красавицей со статью Пастернак разочарован жизнью с Зинаидой. Об эпизоде с Верой Звягинцевой в 1934 году уже сказано выше. Летом 1935-го, возвращаясь из Парижа с конгресса писателей, где состоялась «невстреча» Пастернака с Мариной Цветаевой, Борис Леонидович остается в Ленинграде. Поэт поселился у своей двоюродной сестры Ольги Фрейденберг. Он часто приходит к Ахматовой, делает ей в очередной раз предложение выйти за него замуж, не хочет ехать в Москву к Зинаиде. Ахматова приводит слова Пастернака о Зинаиде:

> Пастернак говорил о Зине при Нине Антоновне, которую едва знал. Мы с Ниной друг на друга глаз поднять не смели — так было неловко. «Это паркетная буря, побывавшая у парикмахера и набравшаяся пошлости». Точно, не правда ли?[309]

Пастернак так неприглядно выразился о Зинаиде при самой близкой подруге Ахматовой с лицейских лет Нине Ольшевской[310]. Невероятно, но такие грубые слова сказал Пастернак о женщине, якобы самой главной в жизни поэта, как это утверждали Борис Ливанов, Константин Поливанов и К°.

Митя обратил мое внимание:

— Как надо поэту презирать женщину, чтобы сказать о ней «паркетная буря, набравшаяся пошлости»? Ведь для Пастернака святыми в жизни были «Бог, женщина…».

О трепетном отношении к женщине Пастернака, не позволявшего себе даже намека на грубость или насилие по отношению к ней, известно из многих воспоминаний. В книге «Узел» описан эпизод, имевший место в 1917 году, когда Пастернак пришел к Елене Виноград, в которую был влюблен, чтобы пойти с ней на прогулку. Елена пишет:

> «Я подошла к двери, собираясь выйти, но он держал дверь и улыбался. Тогда так сблизились наши чуб и челка. Я просто сказала с укоризной: Боря!.. и дверь тут же открылась».

В 1935 году Зинаида вынуждена была приехать в Ленинград, чтобы доставить Пастернака в Москву. Поливанов знает, что в автобиографическом очерке Пастернак описал события 1937 года:

> Зина, находясь в положении, валялась в ногах и умоляла подписать расстрельное письмо на

> Тухачевского, Якира и других героев Гражданской войны, которое привез мне Ставский. Я в гневе отверг это требование и заявил Зине: «Ребенок, который родится не от меня, а от человека с иными взглядами, мне не нужен, пусть гибнет». В это время под окном дачи сидел доносчик из органов и записывал все речи.

Об этом случае Пастернак говорил и с Зоей Масленниковой, что отражено в ее дневнике.

В начале 1941 года у Пастернака был полный разлад с Зинаидой, и он принял решение о разводе, о чем писал сестре Ольге в Ленинград, но начавшаяся война развод остановила. Во время эвакуации в 1942–1943 годах в Чистополе Пастернак с Зинаидой практически жили отдельно, и он был лишен заботы с ее стороны. Наталья Громова в интересной книге «Эвакуация идет» приводит эпизод из воспоминаний Ольги Дзюбинской, находившейся в чистопольской эвакуации:

> Мы с Пастернаком сидели на берегу с утра, нас назначили караульщиками. <…> Жара была изнуряющей. <…> Замечаю, что он изнемогает в своем коричневом зимнем костюме. И вырывается глупая фраза:
>
> — Борис Леонидович, а вы бы сняли пиджак.
>
> В ответ слышу:
>
> — Вы знаете, я бы с удовольствием, но у меня такая рваная рубашка…[311]

После смерти Сталина в марте 1953 года Зинаида требовала от Пастернака написать оду памяти ушедшего вождя всего прогрессивного человечества, но Борис Леонидович отверг это дикое требование восхвалять убийцу. Главная, по мнению Поливанова, женщина, Зинаида, в период нобелевской травли Пастернака сообщила ему: «Нам с Леней придется отречься от тебя, ты понимаешь, конечно, что это будет только официально».

В сентябре 1959 года Пастернак пишет к Жаклин во Францию о Зине: «Она мне как дочь, как последний ребенок. 51 ее люблю, как ее любила бы мать, скончавшаяся в незапамятные времена».

Конечно, все эти свидетельства в передаче на радио «Россия» не прозвучали. Поливанов, как и другие советские пастернаковеды, не исполнил завет Пастернака: «Не говорите за меня. Дайте говорить мне самому. Моим письмам и произведениям».

Поливанов не приводит текста письма Пастернака о Ларе романа «Доктор Живаго», которое Борис Леонидович поспал 1

ноября 1957 года сестре в Англию: «Ольга Ивинская — Лара романа, перенесшая четырехлетнее тюремное заключение, поскольку была моим самым близким другом. Она невообразимо много делает для меня. Это единственная душа, с кем я обсуждаю, что такое бремя века, что надо сделать, подумать, написать».

Поливанов также забыл о том, что в мае 1958 года Пастернак написал Ренате Швейцер:

> Во втором послевоенном времени я познакомился с молодой женщиной — Ольгой Ивинской. <…> Она и есть Лара моего произведения, которое я именно в это время начал писать (с перерывами для «Марии Стюарт», «Фауста»). Она олицетворение жизнерадостности и самопожертвования. <…> Она посвящена в мою духовную жизнь и во все мои писательские дела.

Читателю уже известно, что 31 октября 1958 года, в период нобелевской травли, Масленикова записывает в дневнике слова Пастернака об Ольге: «Это мое счастье».

Прикованный с начала мая 1960 года смертельной болезнью к постели, Пастернак пишет Ольге, которую не допускают к нему органы: «Все, все главное, все, что составляет значение жизни — только в твоих руках».

Ничего этого в передаче на радио «Россия» у журналистки Хмелевой не прозвучало. Скромно промолчал об этом и приглашенный знаток жизни Пастернака Поливанов. Митя, прослушав эту передачу, сказал:

— Как символично звучат слова из последнего стихотворения, написанного Пастернаком в пасхальные дни апреля 1960 года:

> В компании личин и кукол
> Комедии я не ломал,
> И в тон начальству не сюсюкал
> В толпе льстецов и прихлебал.

* * * * *

• Борис Пастернак, 1959 г. Тенистый уголок переделкинской дачи.

• Переделкино, Большая дача. Весна, 2008 г.

• Борис Пастернак с Ольгой и Ириной в 1958 г. Фотография из книги И. Емельяновой.

• «Жизнь моя… Я крепко люблю тебя», — писал Борис Пастернак Ольге 4 апреля 1947 г. Фотография 1947 г.

Глава пятая
Как сбылось пророчество Бориса Пастернака

«Важно знать всю правду», — повторяла Ольга Ивинская. Наш обстоятельный разговор о Евгении Борисовиче, сыне Пастернака от его первой жены Евгении Лурье, состоялся в начале 1994 года. На необходимость раскрытия этой темы особо указывал мне Митя. Потому сюда включены многие его замечания и мысли. Для целостности и полноты картины я прибегаю и к другим источникам — в том числе и к тем, что уже были представлены в предшествующих главах.

О ЕВГЕНИИ БОРИСОВИЧЕ, ДУШЕПРИКАЗЧИКЕ И ПАСТЕРНАКОВЕДЕ

В начале 1994 года я прочел в книге воспоминаний Зинаиды Николаевны описанный ею случай, произошедший в 1953 году. Заканчивался май и учебный год у Лени, и она собиралась переезжать на дачу в Переделкино, где после болезни и пребывания в Болшевском санатории постоянно жил Пастернак. Но Зинаиде позвонил Николай Асеев и доложил о «возмутительном» поведении Пастернака. Зинаида Николаевна пишет:

> Только я собралась ехать в Переделкино, как раздался звонок — звонил Асеев. Он с возмущением сказал, что Ивинскую освободили. Боря встречался с ней, и она таскает его на дальние прогулки, что после инфаркта вредно. Асеев считает, что я должна принять меры. <…> Ехать к Боре мне не хотелось, и я позвонила Бориному сыну от первой жены Жене. К счастью, он оказался дома. <…> Женя согласился тотчас же поехать в Переделкино, сделать все процедуры, переночевать и наутро привезти отца на рентген. Я просила его передать отцу, что больше не могу бывать на даче. Часов в 12 ночи раздался телефонный звонок. К моему удивлению, это звонил Женя уже из Москвы. Оказалось, отец его выгнал[312].

Пастернак вернулся из Болшевского санатория в марте 1953

года после двухмесячного лечения от обширного инфаркта и стал постоянно жить в Переделкине. Ольга Ивинская вышла из концлагеря в мае 1953 года, после смерти кремлевского хозяина. Справка об освобождении Ивинской выдана была 4 мая 1953 года. Первая встреча Пастернака с Ольгой состоялась в мае на Чистых прудах у той самой скамейки, где они были вместе 6 октября 1949-го перед арестом — арестовали Ольгу поздним вечером того же дня дома, на Потаповском.

Об их встрече на Чистых прудах подробно рассказано в комментарии к «Фаусту». Борис Леонидович настоял, чтобы Ольга жила рядом с ним, около Большой дачи, пока он найдет ей постоянную переводческую работу. Переводами Ивинская успешно занималась и раньше. Пастернак снял для Ольги комнату в Измалкове, и с конца мая 1953 года она жила в избе хозяйки Полины. Пастернак приходил ежедневно и проводил с ней много времени в прогулках и беседах, что стало известно всей писательской среде в Переделкине, а затем и в Москве. Зинаида Николаевна после донесения Асеева и конфуза Евгения Борисовича не решалась ехать в Переделкино.

Я спросил у Ольги Всеволодовны, почему в обширных «Материалах к биографии», выпущенных Евгением Борисовичем в 1989 году, ни слова не сказано об этом случае его приезда к отцу в Переделкино? Более того, он пишет, что Ивинская вернулась из лагеря осенью 1953 года. Зачем ему нужна эта неправда? Ольга Всеволодовна тяжело вздохнула и ответила:

> Я уже в 1990 году поняла всю важность и пророческую глубину предупреждения Бори — не иметь дел с Евгением. А тот случай появления Евгения в Переделкине в июне 1953 года, чтобы нас разлучить, Борю возмутил и запомнился навсегда. Боря говорил мне:
>
> — Олюшка, предупреждаю тебя, не имей никаких дел с Евгением. Малодушие и ненависть к тебе у Евгения в крови. И он будет постоянно пытаться дискредитировать тебя как свидетеля его низких поступков.
>
> Я всегда старалась как-то оправдать неблаговидные поступки Евгения и Лени перед отцом, говоря Боре, что их заставила это сделать жестокая власть. Зинаида постоянно устраивала Борису Леонидовичу скандалы, требуя от него не ссориться с властью[313]. Конечно, Борю это раздражало, но то, что в дни нобелевской травли сыновья пошли на унижения и предательство, его

возмущало беспредельно:

— Как же они, приспособленцы, станут жить? Какой порядочный человек станет их уважать? Они же позорят имя моего отца, даже если им наплевать на меня! Нет, Олюша, ты их не защищай. Ведь ты знаешь, что честь берегут смолоду, и не все дети в России становятся Павликами Морозовыми. Какой пример Евгений подает своему сыну?

После долгой паузы, приняв лекарство, Ивинская решительно заявила:

Вам, Борис Мансурович, я расскажу все подробно. Важно знать всю правду. Это нужно сделать, пока у меня есть силы. А если не касаться этой темы, как просит Вадим, пока идет суд, чтобы не раздражать Евгения, то моей жизни на эту тяжбу с ЦГАЛИ не хватит.

Андрюша Вознесенский рассказал мне, что еще в 1988 году начали готовить юбилейный сборник воспоминаний к 100-летию Пастернака. В него планировали включить воспоминания Зои Масленниковой, моей дочери Ирины и даже, как говорил Андрюша, фрагменты из моей книги «В плену времени». Она вышла в десятках стран мира, кроме СССР. Но в 1989 году оставалась у руля КГБ старая советская номенклатура, да и советские писатели боялись моей книги, где рассказано об их участии в травле Пастернака в нобелевские дни.

Эти люди после моей реабилитации не хотели, чтобы в России знали правду о Пастернаке. В начале 1989 года Мосгорсуд известил ЦГАЛИ, что принадлежащие мне бумаги должны быть возвращены. Директорша Волкова была этим сильно озадачена. Как полагает Вадим, видимо, не все автографы Пастернака сохранились. Вскоре Митя был на встрече с итальянцем, который показал ему купленные в советских архивах закрытые документы, касающиеся Бориса Леонидовича и меня. Это подтвердило опасение Вадима, что процесс тайной продажи архивов в кутерьме перестройки шел весьма активно. Видимо, тогда из ЦГАЛИ поступил твердый совет Евгению: не включать в сборник о Пастернаке ни моих, ни Ириных материалов.

В 1988 году Масленникова опубликовала в «Неве» записи своих бесед с Пастернаком, где написала, как в нобелевские дни родня и окружение Большой дачи предали Бориса Леонидовича. Зоя написала, что

Пастернак завещал все рукописи и письма мне. Она привела текст стихотворения «Нобелевская премия», где Боря говорит обо мне: «Нет руки со мною правой, / Друга сердца нет со мной».

Тогда Зою стало травить окружение Большой дачи, дезавуируя ее воспоминания о встречах с Борисом Леонидовичем. Поступила команда сверху не пускать в юбилейный сборник воспоминаний Масленниковой, а нас КГБ всегда считал антисоветчицами.

При подготовке сборника Евгений, перед этим отправленный советскими властями в Стокгольм за Нобелевской премией Бориса Леонидовича, конечно, стал действовать по их плану. Он вышел из числа составителей сборника и включил в составители свою жену (Елену Владимировну Пастернак — Б. М.). Вторым составителем значилась Маэль Фейнберг, служившая в «Совписе». Так Евгений сделал вид, что он не причастен к исключению из сборника материалов Зои и моих воспоминаний. Пророчество Пастернака о малодушии Евгения стало сбываться.

«Какая трусость и низость», — сказал Вадим, узнав об этом. Только «Литературная газета» проявила характер и принципиальность, опубликовав в 1990 году интервью со мной о Борисе Леонидовиче.

В феврале 1990 года, к 100-летию Пастернака, вышло специальное приложение к «Литературной газете», «ЛГ-Досье», где было опубликовано интервью с Ивинской. Символична в нем заключительная фраза журналистки Неклюдовой, беседовавшей с Ольгой: «На обстоятельной выставке „Мир Пастернака“, открытой в Москве к юбилею поэта, нет ни фотографий, ни даже упоминания об Ольге Ивинской».

Как пояснил мне Вадим, «маневры ЦГАЛИ и Евгения Борисовича со сборником, включая купирование текстов, не позволили издать воспоминания в 1990 году, к юбилею Пастернака. Книга вышла только в 1993-м».

Продолжение рассказа Ивинской:

Еще в 1962 году, когда Ира освободилась из лагеря, она передала Евгению копии писем Пастернака и автографы его стихов, которые не были захвачены ЦГАЛИ. Когда в 1965 году вышел сборник стихов Пастернака, куда вошли материалы Иры, то об этом не было даже упоминания. Это особенно возмутило Ариадну. Она уже писала нам в концлагерь, что никого

из семейства Пастернак видеть не хочет и никогда им ничего из переписки с Пастернаком не даст.

Когда в мае 1953-го я поселилась в Измалкове, Боря ежедневно приходил ко мне — мы не могли наговориться и нацеловаться. Борис Леонидович на глазах молодел день ото дня. Он писал удивительные стихи, которые вошли в тетрадь Юрия Живаго. Иногда, приходя ко мне вечером, Боря оставался ночевать, лукаво говоря:

— Сегодня я много работал и устал, а идти до Большой дачи далеко. И врачи не рекомендуют больших нагрузок. А ты, Олюшка, лечишь меня лучше всех врачей вместе взятых.

В один из июньских дней Боря пришел в Измалково чем-то озабоченный и, не побыв в избе и пяти минут, говорит:

— Пойдем, Оля, погуляем. Что-то душно в комнате.

По обращению поняла, что произошло нечто неприятное. Обычно утром мы оставались в доме больше часа. Накинув кофту, вышла за Борей на тропинку, ведущую к озеру. Он шел в задумчивости, а я ждала, зная уже, что ему нужен внешний толчок для разговора. По мостику навстречу шла молочница, которая приветливо поздоровалась с нами. Боря поздоровался, оживился и говорит со вздохом:

— Не правда ли, Олюшка, у деревенских жителей нет того малодушия, которое свойственно городским?

В чем дело, спрашиваю его, что такое стряслось? И Боря рассказал, что вчера вечером приезжал его сын Евгений по указанию Зины и передал ее слова, что если он не порвет со мной, то Зина с Леней на дачу не приедут.

— Я был возмущен малодушием Евгения, желанием бегом исполнять грязное поручение. Накричал на него и выгнал с дачи, — завершил рассказ Борис Леонидович. Я пыталась защитить Евгения, сказав, что если он откажется выполнять просьбы Зинаиды, то она отвадит его от встреч с отцом.

— Он своим мерзким поступком сам делает это. Ведь ты не пытаешься отвадить его от встреч со мною, — возражает Боря.

— Этого я никогда не стану делать. Ведь он твой сын, а дети родителей не выбирают. И не он ушел из семьи, а ты оставил семью ради Зинаиды.

— Вот-вот, — подхватил Боря тему, — в этом суть. Вместо того чтобы предложить Зине самой разбираться со мной, он помчался исполнять ее грязную просьбу. А с Зиной у меня был серьезный разговор после твоего ареста, когда я шел на Лубянку в надежде забрать нашего ребенка. Теперь я понимаю, что Евгений больше ненавидит тебя, а не Зину. Узнав о моих неладах с Зиной, он ошибочно надеялся, что я могу вновь возвратиться к ним. Он не хочет принять того, что моя первая случайная женитьба на его матери была трагической ошибкой. Потому твое появление в моей жизни обозлило его и поселило в его душе чувство досады и злобы на тебя. И упаси тебя Бог, Олюшка, от каких-либо встреч с ним.

Конечно, Борис Леонидович, как пророк, увидел насквозь все будущее поведение Евгения, которого с тех пор сторонился. Его приводили в замешательство намеки на внешнее сходство с Евгением. В таких случаях Боря внутренне напрягался, на лице его читалось выражение какого-то ужаса, и вопрошал: «А разве он красивый?» Пастернак в своих письмах говорил о связи красоты человека с его честью, считая, что некрасивый человек не может быть честным.

В письме от 20 августа 1959 года Пастернак пишет к Жаклин во Францию:

У меня есть теория. Красота есть отпечаток правды чувства, след его силы и искренности. Некрасивый ребенок — следствие отцовского преступления, притворства или терпения взамен естественной привязанности и страстной, ревнивой нежности. Чувство несправедливости и боли от того, что не я, виновник, а мой старший сын, не повинный в преступлении, обезображен веснушками и розовой кожей.

Митя пояснял мне:

— Люди, хорошо знавшие Пастернака как «красависта», всегда любовавшегося красивым и гармоничным человеком, понимали, что вопросом «А разве он красивый?» он отторгал от себя персонаж, о котором шла речь.

Борис Леонидович преклонялся перед женской красотой. В Грузии Пастернак встал на колени перед красавицей Натой Вачнадзе, не удержался и поцеловал влетевшую домой с мороза Настю Баранович, румяную и искрящуюся, как Снегурочка, когда

пришел к Марине Баранович за главами своего романа.

В 1953 году, очарованный красотой и жизнелюбием Ольги, Пастернак в Измалкове переделывает перевод «Фауста». Тогда родились удивительные строки его перевода стиха о Маргарите:

О небо, вот так красота!
Я в жизни не видал подобной.
Как неиспорченно-чиста
И как насмешливо-беззлобна!

Продолжение рассказа Ольги Ивинской:

> В отношениях с Евгением, еще до резкого разрыва, который произошел в дни нобелевской травли, у Бориса Леонидовича было несколько неприятных эпизодов. Как-то в начале 1954 года он принес в Измалково письмо Евгения, где тот написал об их родстве по крови, которое ко многому обязывает и многое объясняет. Видимо, таким оборотом Евгений пытался оправдать свой поступок, когда приезжал разлучить папочку с лагерницей. Борис Леонидович терпеть не мог этого обращения Евгения к нему — «папочка». Пассаж о кровном родстве вызвал гнев Бориса Леонидовича:
>
> — Вновь это проявление малодушия! Теперь не хватает только зова предков и кровной мести. А ты, видимо, должна стать его первой жертвой. Эта истеричность у него от матери, которая никогда не понимала реальной жизни, требующей больших душевных усилий, чтобы достичь чего-то важного и значительного.
>
> Мне тогда пришлось говорить о трудностях военной службы Евгения, о том, что он ждет от него, Бори, постоянной моральной поддержки. Но ответное письмо Борис Леонидович написал очень жестко, и сколько я ни просила не отсылать его, он все же послал это письмо Евгению.

В книге «Существованья ткань сквозная» приведено это письмо Пастернака к Евгению от 31 января 1954 года. В нем есть такие строки:

> Ты пишешь — «Мы с тобой одной крови, папочка». А на черта мне эта кровь, твоя или моя? Мне брюхом, утробой, а не только головой ближе всякой крови

«Фауст», за которого ты меня благодаришь. <…> Есть объективный мир, с которым заставляет меряться гордость и столкновения с которым надо выдерживать с готовностью, спокойно, без истерики, отступить или погибнуть. Мамина (Евгении Лурье. — Б. М.) живопись, например, ни разу не испытала встречи с жизнью и проверки действительностью. <…> Надрывом, истерикой, фантастикой, ходулями никогда ничего не достигалось[314].

Ольга Ивинская в нашем разговоре о Евгении Борисовиче вспоминала:

Другая история с Евгением, вызвавшая раздражение у Бориса Леонидовича, произошла в июне 1954 года. Я ждала ребенка от Бори[315] и потому дачу снимала по Казанской дороге, чтобы не вызывать лишних сплетен в переделкинских кругах. Приезжала два раза в неделю для встреч с Борей. 27 июня, в день моего рождения, мы встречались в Измалкове. В апрельском номере журнала «Знамя» были опубликованы десять стихотворений из тетради Юрия Живаго, о чем написал Борис Леонидович в аннотации к этим стихам. Рассказала Боре о восторженных отзывах близких нам людей, которым очень понравились его стихи.

Тогда Боря сказал мне о письме Евгения, в котором тот сообщал папочке, что ему не понравилось стихотворение «Разлука», потому что в нем проведено какое-то формальное сравнение моря с пустыней, а также неясное ему сходство с тоской. Я недоуменно пожала плечами: мол, чего же здесь непонятного, а Борис Леонидович говорит:

— Посмотри, как он примитивен, а ведь ему уже 30 лет. И опять это слащавое обращение — «папочка», будто в душу влезть хочет. Все больше убеждаюсь: если в жизни станет трудно — не рассчитывай на него. Смалодушничает, отступится, и главное — никогда не поймет самой сути.

Я пыталась успокоить его, сказав, что не все сыновья поэтов разбираются в поэзии. Ведь природа, пошутила я, часто отдыхает на детях.

— Но здесь она отдыхает слишком откровенно, — мрачно произнес Борис Леонидович. — Ты только посмотри, что за вирши он сочиняет! А я еще должен писать на это какие-то учтивые слова.

Он передал мне для отправки письмо к Евгению, где, на мой взгляд, были какие-то серые слова-отписки.

— Прошу тебя, — обратилась я к Боре, — сегодня мой день рождения, не посылай это письмо, не огорчай сына.

— Опять ты его защищаешь? <…> Ну хорошо, оставь пока письмо у себя. Думаю, еще будет причина, тогда и пошлем его, — решил Боря.

Но при жизни Пастернака такой причины больше не возникло. После дней нобелевской травли, когда Евгений проявил себя совсем неприглядно, предав отца, Борис Леонидович резко ограничил общение с ним и, как помню, никогда ему больше писем не посылал.

В книге «Существованья ткань сквозная» на странице 506 приведено письмо Евгения Борисовича от 2 июня 1954 года, где есть такой пассаж:

Папочка, мне понравились твои стихи в «Знамени». Только одно — «Разлука» — меня не тронуло. Причина — чуждое мне сравнение (вернее, сопоставление) пустыни и моря и развернутое растолковывание их сходства с тоской, проведенное по формальным признакам.

Вадим по поводу этого письма говорил:

— И с таким узколобым пониманием поэзии взяться писать биографию поэта? Право, надо иметь совесть и хотя бы один грамм поэтического восприятия, а у Евгения Борисовича оно полностью отсутствует. Может быть, это Божья печать, о которой говорил Бродский[316].

На странице 507 книги «Существованья ткань сквозная» приведено письмо Пастернака к Евгению от 27 июня 1954 года, которое находится в РГАЛИ в архиве Ивинской. Ольга Всеволодовна вспоминала:

— Помню то напряжение, с которым Боря ждал вести об имени, которое даст Евгений сыну, родившемуся осенью 1957 года. Узнав, что его назвали Петей, Боря облегченно сказал: «Слава богу, что Евгений меня понял». Затем Пастернак написал сестрам в Англию о рождении внука Пети в семье Евгения.

Как я уже писал выше, Вадим с Ириной передали на аукцион «Кристи» в 1996 году письма Пастернака к Ольге Ивинской, которые в 1978-м были опубликованы в ее книге и вызывали скептические отзывы советского бомонда. Официальные знатоки Пастернака утверждали, что этих писем никто никогда не видел и

что Ивинская их выдумала, чтобы выпятить свою близость к гениальному поэту.

Во многом символическую статью «Так грустно почему-то…» в связи с этим аукционом в Лондоне опубликовал журнал «Огонек» в № 49 за 1996 год. На аукционе были представлены автографы писем Пастернака к Ольге: 1957 года из больницы, 1959 года из Тбилисской ссылки и дней предсмертной болезни поэта в мае 1960-го. Знаменателен редакционный комментарий «Огонька» к статье:

> Аукцион «Кристи» любезно предоставил нам каталог и фотоснимки рукописей Пастернака, которые станут предметом продажи, включая 22 письма 1957–1960 годов к Ольге Ивинской (текст писем был опубликован в книге Ивинской «В плену времени». — Париж: Файяр, 1978). Судьба Ивинской страшна и потрясающа: ни советская власть, ни истеблишмент сталинской культурной элиты, ни семья поэта, ни наследники, ни светские дамы 60-х годов, как и сейчас, делавшие погоду в общественном мнении, не смогли простить Ивинской страстной любви к ней поэта в последние годы его жизни. Не только безнадежный суд с ЦГАЛИ, но и бесконечная изматывающая борьба за свое честное имя сопровождали Ольгу Ивинскую до последних дней ее жизни. С самого начала и до самого конца она оставалась отверженной. Ей злобно приписывали алчность, воровство, моральную нечистоплотность, антисоветчину. Бурная драматическая любовь Ивинской и Пастернака, ее аресты, его бегство (ссылка) в Тбилиси, приступы тяжелой болезни, свидания украдкой. <…> Удивительно, что эта история до сих пор сама не стала сюжетом для литературных и киношедевров — все это имеет непосредственное отношение к «Доктору Живаго».
>
> И при Сталине, и при Хрущеве, и после смерти (в судьбе своего романа и своего архива) великий поэт шел вразрез с общественным мнением. Право на частную жизнь и личную независимость — лейтмотив его главного романа, его жизни, его судьбы.
>
> Поэтому продажа писем Пастернака к Ивинской и некоторых автографов поэта в Лондоне — не чисто аукционное, а глубоко символическое, имеющее трагическую предысторию событие нашей духовной жизни. Мы не смогли остаться в стороне от этого события. Чтобы увеличить эффект присутствия, мы взяли

тексты писем прямо с пастернаковского почерка, из каталога. <…> «Он ускользает и от нас с вами — в ту реальность, где нет ничего общего, государственного, национального, российского, а есть только отдельная судьба и частная жизнь»[317].

Право, сколь ясно и верно сказано о степени низости советского общества по отношению к жизни и любви гениального поэта Бориса Пастернака и его музы — Ольги. Из рассказа Ивинской о нобелевских днях и роли Евгения Борисовича:

27 октября 1958 года мы не пустили Бориса Леонидовича в Союз писателей на судилище. Он написал письмо, которое Кома и Митя срочно отвезли к заседанию. Потому у меня даже копии того письма не осталось[318].

Затем Митя поехал сопровождать Пастернака на дачу в Переделкино, так как уже посыпались угрозы в адрес предателя советского народа. Группа комсомольцев из Литинститута собиралась бить стекла на даче Пастернака. Ивановы рекомендовали Боре уехать с дачи и жить в Москве. Ирина с друзьями организовала группу поддержки, которая сопровождала Бориса Леонидовича в его редких поездках в Москву и при возвращении в Переделкино. Евгений в «Материалах к биографии», как и в своей статье в «Новом мире»[319], придумал, что 27 октября Борис Леонидович от нас поехал к ним и что-то весело рассказывал. С 25 октября мы уже не отпускали Борю одного, и 27 октября с ним в Переделкино с Потаповского поехал Митя. Боря говорил мне в тот день:

— Евгений спрятался с перепугу, даже 24-го не явился на именины к Зине. Видимо, для него важна партийная дисциплина. Так и мне спокойней, не видеть его дрожащим от страха.

Евгений появился неожиданно вместе с Леней на Большой даче утром на следующий день после судилища в Союзе писателей, чтобы потребовать от отца отказаться от Нобелевской премии. Бравурные слова Евгения в его сочинениях о полном благополучии его и Лени в дни всесоюзной истерии и травли их отца за Нобелевскую премию, конечно, полная чепуха в угоду властям, пославшим его в 1989-м за Нобелевской премией. Да и вам самому как бывшему студенту известно, какую пропаганду по шельмованию Пастернака вели в октябре

1958-го партийные и комсомольские организации. Но о том, как участвовал в этой работе член партии преподаватель Евгений, в его сочинениях нет ни слова.

Надо сказать, что порядочные студенты бесстрашно помогали нам. Было организовано дежурство студентов Ириной команды возле дачи Пастернака для защиты от разбойных нападений[320].

Ивинская написала в своей книге, как Пастернак, наблюдая за поведением студентов Литинститута в нобелевские дни, говорил: «Только честный человек может быть талантливым писателем». Это полностью подтвердилось судьбой и творчеством Вознесенского, Ахмадулиной, Евтушенко, Зульфикарова, которые не предали Пастернака в дни нобелевской травли и имена которых ныне известны всему миру.

27 октября 1958 года расширенный президиум Союза писателей под присмотром завотделом ЦК КПСС Поликарпова единогласно постановил:

> Пастернак стал орудием буржуазной пропаганды, оболгал все революционные движения, <…> отщепенец. <…> Учитывая его предательство по отношению к советскому народу <…> оплаченные Нобелевской премией в интересах разжигания холодной войны <…>. Лишить Пастернака звания советского писателя, исключить из состава членов СП СССР.

Утром 28 октября 1958 года в «Литературной газете», № 129, выходит редакционная статья «О действиях Пастернака, несовместимых со званием советского писателя». Ивинская взволнованно рассказывала:

> О решении «судебного заседания» Союза писателей мне сообщили друзья вечером 27 октября 1958 года. Опасаясь, что разгневанные писатели потребуют от органов изъять и уничтожить Борины «антисоветские» рукописи и письма, я сутра 28 октября собрала часть автографов стихов, писем и книги.
>
> С этим багажом мыс Митей срочно поехали в Измалково, чтобы спрятать бумаги у знакомых. Только мы добрались до Измалкова, как в избу пришел Борис Леонидович. Оказалось, он уже ждал нас в совершенно растерянном и подавленном состоянии. Боря сразу при Мите стал говорить:
>
> — Нам уже нет смысла жить, давай уйдем вместе из

жизни, как Ланны. Я уже принес с собою 22 таблетки нембутала.

Я была невероятно поражена таким состоянием Бори. Должно было случиться что-то сверхъестественное, чтобы он решил уйти из жизни. Ведь он, передав рукопись романа в Италию, был готов к самым мерзким действиям власти. В 1954-м он говорил мне: «Даже если они погонят меня на голгофу, я не сдамся». И вдруг — самоубийство! Я его обняла, поцеловала, усадила и просила спокойно рассказать о том, что такое невероятное произошло сегодня? Боря прерывисто, растерянно повторял:

— Они даже Леню привели… Я так в него верил… Как они могли… Даже Леню привели…

Борис Леонидович сбивчиво стал рассказывать, что сегодня утром неожиданно (вторник, рабочий день и день учебы в университете) на даче появились оба его сына, Евгений и Леня.

— Они потребовали от меня отказаться от Нобелевской премии, а если я этого не сделаю, то они отрекутся от меня, — сказал Боря. — Я был ошеломлен и в бешенстве прокричал им, чтобы они убирались отсюда немедленно. Они, жалкие трусы, уже забыли, что клялись мне выдержать любые испытания, когда я передал роман итальянцам и подписывал договор. То, что Евгений предаст меня, я знал уже давно, но чтобы Леня так низко пал? Это невыносимо. Зачем тогда дальше жить?

Борис Леонидович относился к Лене с особой нежностью и гордился им. Леня был его надеждой. Боря считал, что Леня похож на деда, Леонида Осиповича Пастернака. Отца своего Борис Леонидович чтил невероятно. Боря всегда хвалил Леню, несколько раз рассказывал мне, как Леня еще мальчиком впервые слушал главу из романа и тихо сидел в углу комнаты, зачарованный чтением. На вопрос отца ответил, что ему очень понравилось, а затем стал спорить с матерью, Зинаидой, которой глава не понравилась. Боря с удовлетворением говорил, что, имея тягу к музыке и литературе, Леня хорошо разбирается в математике и физике и хочет идти в инженерный вуз. В 1955-м Леню завалили на первом экзамене в Бауманский институт: оказалось, как сказал Митя, что в этот оборонный вуз не принимали выпускников школ «с пятым пунктом». В

1956 году Леня поступил на физфак МГУ.

В тот роковой день 28 октября, после того как Борис Леонидович прогнал сыновей, в комнату ворвалась Зинаида и устроила истерику. Она кричала:

— Тебе наплевать на судьбу детей! Леню выгонят из университета и отдадут в солдаты, с дачи всех прогонят, всех ждет нищета! — Зинаида назвала Пастернака эгоистом и чудовищем. — Мы все от тебя откажемся и так спасем будущее детей, — бросила она вдогонку, когда Боря выбежал из дома и направился в Измалково.

Конечно, об этом позорном поступке сыновей и насилии над Пастернаком ничего не говорится ни в воспоминаниях Зинаиды, ни в «Материалах для биографии», которые выпустил Евгений[321]. Поведение семьи в период нобелевской травли Пастернака описано в этих трудах очень скромно. Слабым отголоском трагедии тех дней звучит запись слов Зинаиды о том, что если Пастернака вышлют из страны, то «нам с Леней придется отречься от тебя, ты понимаешь, конечно, что это будет только официально».

Галина Нейгауз написала о тех днях:

Борис Леонидович с грустью говорит мне:

— Зина с Леней отказались ехать со мной, если меня вышлют. А там мне сказали, что со мною хоть на край света!

Я с ехидством заметила:

— Но на Запад, а не на Север.

— Вы несправедливы, но с вашей стороны это естественно. А на севере она уже была и стойко все вынесла.

Речь шла об Ольге Ивинской.

Как заметила Ольга Всеволодовна, ни о каком отъезде с Евгением никогда Пастернак речи не вел, эту небылицу сочинил Евгений в «Материалах для биографии», а также в своей журнальной статье. Митя подчеркивал:

— С умыслом Евгений придумал в своих писаниях ложь о том, что Ивинская по телефону в истерике требовала от Пастернака отказаться от премии, и тот побежал на телеграф и сделал это. Зачем это вранье Евгению? Видимо, еще во время беседы в КГБ, когда Евгения направляли в Стокгольм, ему дали жесткое указание молчать о причине отказа Бориса Пастернака от Нобелевской премии.

Говоря об отправке Евгения в Стокгольм за Нобелевской

премией Пастернака, Ивинская отметила:

Работа органов с Евгением и Леней заставила сыновей предъявить 28 октября ультиматум отцу. Все произошло, как повелось на Руси, по Достоевскому: премию отца получает сын, заставивший отца отказаться от этой премии. Как говорил Боря, советская власть непрерывно плодит Павликов Морозовых.

Вы обратили внимание, что в своих публикациях Евгений не мудрствуя лукаво повторяет слова Пастернака из моей книги «В плену времени», которые будто бы ему говорит «папочка» и которые Евгению якобы запомнились. Все эти мистификации Евгений создавал, несомненно, рассчитывая на то, что мою книгу в СССР никто никогда не увидит. В этом, конечно, его убедили всесильные органы, отрезавшие меня от всех средств информации. Как мне сказала журналистка «Огонька», «вам приоткрыли форточку, но не все мы сможем дать в номер».

Тогда я понимала, что советский КГБ еще всесилен, и потому говорила в интервью только лояльные фразы. Потому и на вашу просьбу дополнить книгу новыми материалами в 1990 году ответила отрицательно — не верила, что ее пропустят в печать.

Объясняя 29 октября 1958 года причину своего отказа от Нобелевской премии, Боря сказал нам с Ариадной: «Будущее Лени мне дороже чести». Оказалось, что с утра 29 октября на Большую дачу приехала врач Литфонда, которая сообщила, что будет жить там несколько дней. Видимо, Поликарпов приказал срочно взять под контроль поведение Пастернака, чтобы не допустить его самоубийства. Зинаида стала говорить, что врач понадобится ей и Лене на случай, если Леню выгонят из университета, поскольку 27 октября в МГУ его вызвали на беседу, где потребовали убедить отца отказаться от Нобелевской, в ином случае его исключат из МГУ и сразу заберут в армию. Эта угроза будущему сына вынудила Бориса Леонидовича срочно ехать в Москву и дать телеграмму с отказом от премии.

Боря сделал это на Главпочтамте, у метро «Кировская», а потом пришел к нам на Потаповский и таинственно заявил об этом. Он знал, что я была против этого шага: когда 24 октября он давал мне телеграмму с благодарностью для отправки в Нобелевский комитет, то

спросил меня:

— Может быть, стоит подождать, когда успокоится Поликарпов?

Я сказала Боре, что мы их уже давно успокоили выходом романа «Доктор Живаго». И не надо молчанием оскорблять Нобелевский комитет. В тот же день я поехала в Москву и отправила в Стокгольм благодарственную телеграмму Бориса Леонидовича.

Ариадна тяжело переживала предательство семейства Пастернаков и горько сказала:

— Я этого им никогда не прощу.

В те дни Ариадна вспомнила рассказ Лили Эфрон, сестры Сергея Эфрона, мужа Марины Цветаевой. У нее в комнатушке Аля жила в 1955 году после возвращения из туруханской ссылки. Лиля рассказывала Але о ее брате Муре. После возвращения в Москву из эвакуации[322] Мур поведал тетке о своей горемычной голодной жизни в Ташкенте, где он случайно встретился с Евгением, сыном Пастернака.

— Поразительно, — удивлялась Аля, — как Мур мог тогда почувствовать темное нутро Евгения даже за время короткой встречи с ним в Ташкенте[323].

Жгучая неприязнь Ариадны к семейству усугубилась после нашего ареста и суда в 1960 году. На суде фигурировали свидетельства членов семейства Пастернак против нас. Они называли меня и Иру авантюристками, заставлявшими Пастернака требовать из заграницы деньги, которых семейство никогда не получало. В то время как с конца 1957 года благополучие Большой дачи поддерживалось на деньги от Фельтринелли, а с осени 1958-го — и на деньги от Жаклин, которые поступали как часть гонорара за роман. Под них Пастернак занимал деньги у Чуковского, Иванова, Руге и других знакомых на большие расходы по даче[324].

Во время предсмертной болезни Бори в 1960 году меня не пропускали к нему. Я часами стояла у забора Большой дачи и видела приезжавшего Евгения, но Борис Леонидович, как мне говорили медсестры, его к себе не подпускал. Брить себя он позволял только Лене.

В день похорон мы с утра пришли во двор дачи, и здесь к нам направился из дома Евгений. Он стал что-то говорить об избежании истерик и скандала и что-то еще непристойное о театральщине. Уже позже я поняла, что

> он был направлен к нам Зинаидой или Воронковым. У Александра Леонидовича (брата Бориса Пастернака. — Б. М.) и у Лени хватило чести и стыда, чтобы не идти ко мне с этим гнусным поручением.

Этот эпизод описан в книге Ирины «Легенды Потаповского переулка» на странице 187:

> Из дома вышел Женя, старший сын Бориса Леонидовича, и направился к нам. Никого из семьи мы еще не видели, и при его приближении — он шел как посланец клана, семьи — мама напряглась, и мы кольцом окружили ее. Не уйдем! Увы, больно сейчас вспоминать те холодные и странно звучащие фразы, которые он с трудом выдавливал из себя. Он видел, как мы страдаем, каково горе мамы, но ответная волна не поднялась в нем. Он не позволил себе разделить это горе с нами. Он просил, чтобы не было никаких спектаклей или театра (не помню точно, как он выразился), о чем якобы просил отец. О боже, мог ли Борис Леонидович думать об этом! Специально просить! Мама, по-моему, ничего не понимала, потому что он говорил обиняками, и она никак не могла взять в толк, что за театр.

Ольга Ивинская рассказывала:

— 3 июня, на другой день после похорон Бори, Хесин с чинами из КГБ явились на Потаповский и силой отобрали у меня рукопись пьесы. 5 июня Аля прислала письмо из Тарусы — просила нас приехать погостить на несколько дней.

Из письма Ариадны:

> Дорогие Ольга и Аришка, приезжайте к нам погостить на три-четыре дня, чтобы отдохнуть, отвлечься, переменить хотя бы ненадолго обстановку. <…> Мне хочется услышать о Бориных похоронах именно от вас и именно здесь — в этой дивной природе, несказанной, сказанной только им. Люди говорят, что похороны были изумительные. Вы обе умницы, вы обе поразительно хорошо, с таким достоинством держались все эти невыразимо трудные дни. Глубоко уважаю вас за вашу выдержку, за ваше достоинство во имя Бори. Крепко, крепко целую вас, мои дорогие. Ваша Аля.

Продолжение рассказа Ольги Ивинской:

Мы с Ириной поехали на две недели в Тарусу, где было так тепло и покойно с Алей. Выслушав наш рассказ о похоронах Бори, она спросила:

— А что сказали над гробом Евгений и Леня, прощаясь с отцом?

Я ответила, что они ничего не говорили, промолчал и Александр Леонидович. Короткую речь произнес только Асмус. Аля с горькой усмешкой произнесла:

— Я так и думала. Что им людской закон? Эти трусы сговорились с властями, чтобы скрыть предсмертную волю Бори. Держитесь подальше от семейства и ждите новых набегов гэбэшников, — пророчески изрекла она.

В августе меня арестовали, отняв весь архив, а в сентябре неожиданно арестовали больную, всю в струпьях Иру. Откуда взялась эта бессмысленная злоба властей? Ведь Хрущев не был таким садистом, как Сталин, чтобы арестовать невиновную отравленную девушку. В декабре закрытым судом нас осудили за контрабанду, а в январе 1961 года мы с Ириной уже шли по этапу.

Аля часто присылала нам в концлагерь письма и направляла посылки. Посылки и письма приходили также от Инессы Малинкович и Люси Поповой, которой я написала много писем из концлагеря. Аля сообщала, что по чьему-то наущению с ней хотят встретиться сыновья Пастернака. Видимо, органы хотели выведать, какие крамольные письма Пастернака хранит Ариадна. Но Аля написала нам, что этих предателей видеть не желает и никаких писем Бори им никогда не покажет. Однажды Аля сообщила, не стесняясь в выражениях, что Зинаида за подлости против нас получила инфаркт[325].

Помню, после моего возвращения из концлагеря в один из памятных Бориных дней я предложила Але позвонить сыновьям. Она взорвалась от возмущения. Назвала меня неисправимой дурой и обвинила в том, что я не следую наказу Бори никогда не вступать в контакты с семейством, которое меня ненавидит.

Но мне было жаль Евгению Владимировну, первую жену Пастернака. На похоронах Бори мы с ней даже обнялись. Ариадна писала нам в концлагерь, что Евгения Владимировна попала в больницу[326].

Я вернулась из концлагеря осенью 1964 года и навестила Евгению Владимировну. Летом 1965-го неожиданно появились сыновья Пастернака с

требованием, чтобы я отказалась от зарубежных изданий и гонораров, которые Боря завещал мне. Видимо, шантажировать Фельтринелли у властей не получилось, так как у него были письменные распоряжения Бориса Леонидовича исполнять только мои требования.

До сих пор мне непонятно, почему это давление на меня началось только летом 1965-го, ведь я вернулась из лагеря еще осенью 1964-го. Нагло шантажировать меня власти могли много раньше, когда в подавленном состоянии я четыре года сидела в мордовском концлагере.

Ответ на эту загадку я нашел в 2007 году в книге Д'Анджело «Дело Пастернака», которую уже цитировал. В ней Серджо пишет, что в начале 1965-го, когда Ольга уже вернулась из концлагеря, он начал процесс по передаче ему от Фельтринелли половины гонораров за роман «Доктор Живаго» для создания Фонда помощи имени Бориса Пастернака. О передаче Д'Анджело половины от своей суммы гонорара за роман Пастернак написал к Фельтринелли в письме от 25 декабря 1957 года. Борис Леонидович лично передал это письмо в руки Серджо на Потаповском в присутствии Ольги. Месяцем раньше, празднуя на Потаповском с Ольгой и Серджо выход романа в Италии, Пастернак уже писал Фельтринелли: «Ничто из происшедшего не могло осуществиться без участия Серджо, который был нашим неустанным ангелом-хранителем» и просил щедро вознаградить его.

За «заслуги» в издании «Доктора Живаго» итальянская компартия срочно отозвала Серджо из СССР, отстранив его от работы на радио «Москва», и в декабре 1957 года он уезжал в Италию. Прощальный вечер с Пастернаком проходил 25 декабря у Ольги на Потаповском. Пастернак, решив отдать половину своего гонорара за роман, отблагодарил Серджо за его бесценную помощь в борьбе за выход в мировое плавание «Доктора Живаго».

После возвращения Ольги осенью 1964-го, когда советская система уже не могла давить на нее в концлагере, Серджо решил спасти часть гонорара Пастернака, который Фельтринелли стремительно тратил на финансирование революционных красных бригад во всех частях света. Интересно упоминание об этом хобби Фельтринелли в книге Ивинской. На странице 399 она пишет, что Фельтринелли прислал ей в июне 1960 года с последним письмом набор красных брошюр с революционными идеями. Эти прокламации и книжечки с призывами к борьбе с империализмом в больших количествах выпускало издательство

Фельтринелли. Эта тема достаточно интересна не только из-за больших размеров гонорара Пастернака, который, как пишет Серджо в своей книге, на 1965 год оценивался суммой около 1,5 миллиона долларов, но из-за удивительных зигзагов в поведении советских властей в этом деле.

Продолжение рассказа Ивинской:

> Отняв у меня архив, власти пыталась захватить и все гонорары Пастернака. Через сыновей власти сулили мне заказы на переводы и неофициальную материальную помощь за отказ от завещательного распоряжения Пастернака. Я не шла на этот сговор. Ариадна говорила: «Гони их всех в шею». Не добившись от меня отказа, Евгений и Леня стали преследовать Иру, которая в 1965 году ждала ребенка, требуя от нее уговорить меня ладить с властью. Тогда возмущенный Вадим прогнал их.

Проследим за перипетиями этого щекотливого дела. В книге «Пастернак и власть» приведено закрытое письмо Суркова от 19 августа 1961 года (Ивинская и Ирина уже сидят в мордовском концлагере. — *Б. М.*) в ЦК КПСС Суслову, документ 82. Сурков пишет:

> В связи с просьбой вдовы Пастернака и его детей — затребовать гонорары Пастернака. <…> Прошу дать руководящий совет по этому мелкому, но щекотливому вопросу. <…> Жена Пастернака, безусловно лояльная к советской власти женщина, никогда не одобряла того, что сделал муж со своим последним романом.

При этом ранее, после ареста Ольги Всеволодовны в 1960 году, в ее деле появились показания Зинаиды Николаевны, где та заявляла, что ни о каких зарубежных деньгах не знала и никогда их не примет.

В книге «Пастернак и власть» приведена также секретная записка председателя КГБ, направленная в ЦК КПСС, документ 84, в связи с обращением Суркова.

> 22 сентября 1961 года. Совершенно секретно.
>
> ***В ЦК КПСС: О наследстве Пастернака за рубежом.***
>
> В 1960 году некоторые банки Швеции через

Инюрколлегию предложили Пастернаку перевести часть денег в Советский Союз. Однако Пастернак в то время отказался получить их официальным путем. <…> КГБ считает целесообразным поручить Инюрколлегии: принять меры по введению Зинаиды Николаевны Пастернак в права наследования, что даст возможность получить валюту в фонд Госбанка СССР.

Председатель КГБ А. Шелепин.

Твердый отказ властей в 1961 году отражен в записке ЦК КПСС от 6 октября 1961 года с визами Суслова (секретарь ЦК КПСС по идеологии), Фурцевой (министр культуры), Куусинена (председатель Центральной комиссии партийного контроля) и Мухитдинова (первый заместитель председателя президиума Верховного совета СССР), документ 85 в книге «Пастернак и власть». Эта отказная записка из ЦК КПСС гласила:

«Наследникам Пастернака не следует поднимать сейчас вопрос перед иностранным издательством о выплате им гонорара за издание книги „Доктор Живаго“. Предъявление наследниками претензий может дать повод реакционной печати для организации газетной шумихи. <…> Представляется целесообразным снять этот вопрос с обсуждения».

Удивительное замечание сделал Митя, когда мы с ним читали этот документ:

В 1991 году я по звонку итальянского покупателя архивов ЦК КПСС был принят на Ильинке и смотрел секретные папки с делами на Пастернака и маму. И помню справку о сведениях по финансированию со стороны Фельтринелли дружественных коммунистических организаций в Латинской Америке, а также об оплате им учебы молодых коммунистов, стажирующихся в странах социализма. Так назывались террористические группы, которые засылались советскими органами в страны «загнивающего капитализма». Этот документ специалисты в книжку не включили.

Среди архивных документов, приведенных в книге, ни слова не говорится о попытках оказать помощь антисоветчицам и контрабандисткам Ивинской и Ирине, находящимся в концлагере. Ясно видна ложь в словах

Евгения Борисовича, которые он пишет во введении к книге «Пастернак и власть», изображая из себя бесстрашного борца, делящегося с Ивинской, несмотря на запрет ЦК и КГБ, итальянскими гонорарами.

В обширной вводной статье к книге «Пастернак и власть» Евгений Борисович заявляет:

> Никакого завещания Пастернак не оставил, и по советским законам его авторское право делилось между тремя лицами: женой и сыновьями, но при заключении договора с Фельтринелли по желанию сыновей в число наследников была включена Ивинская, которой они добровольно согласились выделять одну четвертую часть, отнимая соответственные доли от своих частей[327].

— Эта ложь Евгения особенно мерзка, так как его клевета на маму не прекращается ни в одной из его публикаций, ни на одной из его встреч с читателями, — сказал Митя.

Соглашение подписано было в 1970 году, в период напряженного строительства коммунизма под присмотром парткомов и органов.

Напомню читателю, что в главе «Завещание Бориса Пастернака» я уже привел заявление Фельтринелли, сделанное для мировой печати в 1961 году: «Все свои гонорары за издание романа Пастернак завещал только Ольге Ивинской». Такое же заявление сделал и Хайнц Шеве в 1974 году в своей книге: «51 могу подтвердить, что гонорары за роман и издание всех своих произведений за рубежом Пастернак завещал Ольге Ивинской».

Ученые из Росархива новейшей истории, готовившие к изданию книгу «Пастернак и власть», комментируя договор от 1970 года о распределении гонорара за роман «Доктор Живаго», пишут: «Учитывая волю Б. Л. Пастернака, кроме сыновей — Евгения и Леонида (Зинаида Николаевна умерла в июне 1966 года) в число наследников была включена О. В. Ивинская»[328].

— Эти ученые-архивисты, — заметил Митя, — постеснялись назвать документ, в котором выражена воля Бориса Пастернака, или им запретили это сделать?

Ольга Всеволодовна говорила по поводу соглашения, подписанного в 1970 году:

> Из-за большой волны протестов в зарубежной печати и твердой позиции, занятой Фельтринелли, только мое решение давало возможность властям официально

получить от Фельтринелли суммы гонораров за роман в советский Госбанк. После концлагеря советские власти меня совсем загнали в нужду, и потому я вынуждена была согласиться отдать основную часть гонораров Бори в Фонд мира, а также Инюрколлегии, зарубежным адвокатам, и включить в состав получателей сыновей Пастернака. Неофициальную помощь Фельтринелли уже не мог мне оказывать, так как это привело бы к моему немедленному аресту органами.

Кроме расходов, которые сделал Фельтринелли при Боре, через нарочных посылая сюда деньги на жизнь, советские власти зачли ему большие суммы за помощь каким-то революционным движениям. В итоге, как мне объяснил адвокат Виктор Косачевский, нам досталось по три-пять процентов от оставшейся суммы.

Большую тревогу и переполох в ЦК КПСС вызвало требование Д'Анджело к Фельтринелли учредить премию имени Бориса Пастернака на средства, эквивалентные 50 процентам от суммы гонорара Пастернака. Сумма определялась в соответствии с письмом Бориса Леонидовича к Фельтринелли от 25 декабря 1957 года, в котором Пастернак просил Фельтринелли передать эти средства в распоряжение Д'Анджело.

Серджо пишет в своей книге, что Фельтринелли отказался передать ему часть гонорара Пастернака для организации фонда поэта. Тогда Серджо обратился в итальянский суд, который был назначен на сентябрь 1965 года. Именно потому советские органы срочно подключили летом 1965-го Евгения и Леонида к давлению на Ивинскую, чтобы она написала заявление к Фельтринелли о своем отказе от завещания Пастернака.

КГБ начинает срочно разыгрывать специальный сценарий. 21 января 1966 года появляется секретное письмо Советского комитета защиты мира, в котором говорится: «Наследники Пастернака, два сына и жена, обратились в Инюрколлегию с просьбой истребовать из Италии наследственные суммы»[329]. Вскоре появляется записка трех отделов ЦК КПСС (документ 88) с просьбой «разрешить Инюрколлегии заняться вопросом гонораров Пастернака, а затем организовать востребование этого наследства».

В записке особо подчеркивалось, что «это явилось бы мерой против возможного использования определенными кругами на Западе крупных гонорарных средств покойного писателя в антисоветских целях». Читатель может сравнить это решение с текстом ранее представленной отказной записки ЦК КПСС от

января 1961 года, документ 85.

— А до этого времени крупные суммы из гонорара Пастернака использовались на финансирование красных бригад и не вызывали тревоги у ЦК КПСС, — отметил Митя.

Согласие на истребование гонораров Пастернака теперь срочно дали члены политбюро ЦК КПСС Суслов, Шелепин, Устинов и другие. Но Фельтринелли ничего не соглашался делать с гонораром Пастернака без личного решения Ольги Ивинской.

Тогда советские власти вынуждены была просить Ивинскую войти в состав официальных наследников Бориса Пастернака, что соответствовало его завещательному распоряжению, и подписать юридическое соглашение с представителем государственной Инюрколлегии. Когда Серджо узнал от представителя консульства СССР в Италии, что в число наследников Пастернака включена Ольга Ивинская, то снял свой иск к Фельтринелли.

О роли Евгения Борисовича в появлении публикации Дардыкиной говорил мне Вадим Козовой в мае 1998 года:

— Как мне стало известно, Евгений Борисович консультировал Дардыкину при написании этой провокационной статьи. Ему была выгодна клевета Дардыкиной на Ольгу Всеволодовну, так как в 1997 году он выпустил биографию Пастернака, в которой придумал новую чудовищную ложь. Чтобы скрыть свою вину, Евгений написал, что «истерика Ивинской во время телефонного разговора с Пастернаком заставила Бориса Леонидовича бежать на телеграф и дать телеграмму в Стокгольм с отказом от Нобелевской премии». Умершая в 1995 году Ивинская уже не могла сама изобличить Евгения во лжи.

Вернемся к роли Евгения Борисовича на суде за архив Ивинской. В январе 1998 года в заседании Савеловского суда появилось его письмо, которое зачитала директор РГАЛИ Наталья Волкова. Евгений Борисович выражал глубокую благодарность РГАЛИ за большую работу и желал, чтобы архив Ивинской не отдавали ее детям, а оставили в РГАЛИ. В этом заявлении впервые прозвучала фраза: «Борис Леонидович Пастернак не успел написать завещание». Митя, услышав на суде текст этого письма, сказал:

— Все же Евгений Борисович решил произнести эту ложь. Ему мало того, что Ира передала ему копии всех материалов мамы в 1962 году. Он хочет распоряжаться и тем, что отнял у мамы КГБ. Каким пророком был Борис Леонидович, когда в нобелевские дни назвал Евгения жалким подобием, которое будет мстить Ольге Всеволодовне и угождать власти! Права была Ариадна, заявляя, что с таким предателем даже рядом не сядет.

Мне казалось жестоким это лагерное выражение, говорящее о

крайней неприязни Ариадны к Евгению Борисовичу, и я решил узнать об отношении Ариадны к семейству Пастернак у Анны Саакянц, которая 15 лет была дружна с Алей. Саакянц с 1961 года до самой кончины Ариадны в 1975-м постоянно работала с ней, преодолевая препоны со стороны власти и писательской верхушки, над составлением и выпуском сборников произведений Марины Цветаевой. Ариадна высоко ценила толковость, искренность и преданность «рыжего соавтора» — так любовно называла Анну остроумная Ариадна, пояснила мне Ольга Всеволодовна.

С Саакянц я познакомился на юбилее Ольги Ивинской 27 июня 1992 года. В тот день мы говорили с ней недолго. Саакянц рассказала, что готовятся к выходу ее новые книги о Марине Цветаевой. После юбилея мы виделись редко, лишь на некоторых праздничных мероприятиях, посвященных Цветаевой, поэтому моей фамилии она не помнила. В январе 2001-го мой друг Александр Ханаков, знавший Саакянц более 20 лет, поехал к ней домой с ее новой книгой «Жизнь Цветаевой» (М.: Центрполиграф, 2000). Я передал ему экземпляр этой книги с просьбой получить ее дарственный автограф. Анна Александровна, услышав от Ханакова мое имя и рассказ о моем многолетнем знакомстве с Ольгой Ивинской, написала на титуле книжки:

> Борису Мансурову — по-моему, мы знакомы(?) на добрую память.
> А. Саакянц 2.01.2001 г.

Я позвонил ей домой и поблагодарил за автограф, а она стала подробно спрашивать об издательских делах. Говорила о полюбившейся ей книге стихов Ивинской «Земли раскрытое окно» 1999 года, в издании которой я также принимал участие. Саакянц надеялась на нашу встречу, когда станет лучше себя чувствовать. И я решил спросить, как Ариадна относилась к сыновьям Пастернака. Саакянц сразу сказала:

— К семейству Пастернак Ариадна Сергеевна относилась крайне негативно. Даже в первые дни нашего знакомства в начале 1961 года, когда мы должны были заниматься книгой Марины Цветаевой, Ариадна Сергеевна больше говорила об аресте и суде над Ольгой Ивинской и Ириной. Особенно возмущалась предательством семейства Пастернак. «В нобелевские дни они предали Борю, а теперь предали Ольгу и Ирину, которых бросили в тюрьму за любовь и верность Боре. И отняли весь архив у Ольги», — говорила Ариадна.

Затем Саакянц стала подробно рассказывать:

В 1965 году мы с Ариадной Сергеевной и Адой Шкодиной[330] были в поездке в Туруханске, где они провели шесть лет ссылки. Ариадна показала то место на берегу реки, где стоял ее домик, построенный на деньги, которые прислал ей Борис Леонидович Пастернак. Тогда я спросила Ариадну Сергеевну:

— А теперь, когда Ольга Ивинская вернулась из лагеря, вы хотя бы иногда будете встречаться с сыновьями Пастернака?

Ариадна неприязненно взглянула на меня и говорит:

— Упаси меня Бог от таких встреч. Если младшего, Леонида, еще можно как-то оправдать, то с Евгением я даже рядом не сяду.

Ада Шкодина, слышавшая этот разговор, как-то нервно засмеялась и говорит Ариадне:

— Это ты уж слишком.

— За Пастернака я могу еще похлеще выразиться, — ответила Ариадна.

Это мне запомнилось на всю жизнь.

О неприязни Али к семейству Пастернаков мне также рассказывала в Тарусе соседка Ариадны по даче — Татьяна Владимировна Правдивцева. Она дружила с Ариадной и помогала ей в Тарусе с 1957 года до последних дней ее жизни. Ариадна Эфрон умерла от обширного инфаркта в тарусской больнице летом 1975 года и похоронена на городском кладбище в Тарусе, недалеко от могилы Константина Паустовского.

Мне запомнился острый разговор с Митей, когда ему привезли из Америки интервью, которое дал Евгений Борисович газете «Панорама» (№ 1011, август 2000 года). Интервью вышло ко дню заключительного заседания Савеловского суда 28 августа 2000 года, на котором судья Чаплина присудила отобрать весь архив Ивинской у ее детей. Митя дал мне прочитать это интервью и говорит:

— Ты посмотри, до чего докатилось это жалкое подобие! Евгений Борисович уже перешел на блатной жаргон в адрес мамы, как в свое время Сурков. Как и Ливанов, он злобствует и истерично заклинает, что Ивинская «врет» в своей книге. Будь жив Вадим, уж он дал бы ему достойную публичную отповедь. Такой пошлости и мерзости не простил бы ему и Костя Богатырев. Но ничего, я еще жив и этого ему не спущу — напишу все, что о нем думаю. Подлость нельзя оставлять безнаказанной.

Через несколько дней Митя сказал мне, что послал в адрес Евгения Борисовича письмо: как он выразился, «бес попугал —

там используется и ненормативная лексика». Он прочитал мне выдержки из него, на что я сказал, что это почти как писали запорожцы к турецкому султану. Об этом злом письме мне говорила и Ольга Ильинична (Люся Попова), которой звонила с жалобой на Митю жена Евгения Борисовича. Приводить Митины резкие выражения не буду, пусть это сделает сам Евгений Борисович, если пожелает.

Для понимания причины возмущения Мити приведу «яркие» примеры из интервью Евгения Борисовича, связанные с его отношением к Ольге Ивинской.

Корреспондент «Панорамы» Николаев задает вопросы Евгению Борисовичу:

> **— Позвольте спросить вас о последней любви поэта — Ольге Ивинской, о ее нашумевших воспоминаниях «В плену времени».**
>
> — Дело в том, что эта поздняя любовь была бы очень короткой, если бы Ольгу Всеволодовну не закатали первый раз в лагерь. Ивинская была, конечно, слабая женщина. <…>Я веду это к тому, почему Пастернак отказался от Нобелевской премии. Ивинская позвонила ему по телефону и сказала: «Тебе ничего не будет, а от меня костей не соберешь». И тогда он пошел и отказался от премии. Он бы выдержал эту осаду, не выдержала она.
>
> **— О правдивости ее воспоминаний. Встреча Сталина с Пастернаком, Маяковским и Есениным, которую так красочно описала Ивинская, была?**
>
> — Это вранье. Ее воспоминания написаны значительно позднее происходивших событий, когда она вышла из лагеря. Я сказал как-то Вячеславу Иванову, близко знавшему Ивинскую, о том, что хорошо бы выбрать из этих воспоминаний хотя бы крупицы правды. Например, есть воспоминание о том, что отец сам принес рукопись — пьесу «Слепая красавица» — Ивинской, отдал из рук в руки, и это было их последнее свидание. Отец в это время уже лежал и не мог встать с постели[331]. То, что был портфель с рукописью, — правда, что там была записка, чтобы пока не давать ее перепечатывать, тоже правда. Но отнес этот портфель к Ивинской Вячеслав Иванов! Разница есть, не правда ли?

— Эти убийственные обвинения, — говорил Митя, — рассчитаны на невежд или литературный бомонд, который имеет смутное представление о реальной жизни Пастернака или короткую память.

К вопросу о слабой женщине напомним слова Ариадны из ее письма Пастернаку от 1 января 1959 года. Ариадна пишет о днях нобелевской травли Пастернака, когда его предали родные и друзья Большой дачи — «милый хлам»: «Рядом с тобой, Боря, встала на суд веков эта женщина, жена (Ольга!), встала противовесом всех низостей, предательств и пустословий». Борьба Ольги за жизнь Пастернака происходила на глазах и при участии Ариадны. Об этом в марте 1959 года Пастернак пишет Жаклин: «Зарабатывать мне больше никогда не дадут. Этого лишена также и Ольга Всеволодовна, не захотевшая публично отречься от меня».

Митя обратил мое внимание:

> Из тбилисской ссылки Пастернак ни слова не написал Евгению, хотя тот в своих сочинениях лживо утверждает: «В эти дни (нобелевской травли Пастернака. — Б. М.) мы ежедневно ездили в Переделкино». Однако «в эти дни» на Большой даче Евгения не видели ни Чуковский, ни Зинаида, ни Нейгауз, ни Масленикова, которые в действительности постоянно были рядом с Пастернаком. Только 28 октября органы заставили Евгения поехать в Переделкино, чтобы предъявить ультиматум папочке.
>
> Помню, когда мама отвела Бориса Леонидовича от самоубийства 28 октября и я провожал его на Большую дачу, Пастернак говорил мне: «Ведь ты не смог бы пойти на такую низость и стать Павликом Морозовым? Вот что значит рождение ребенка не от любви. Получилось жалкое… подобие. Ты, Митя, не делай в жизни подобной ошибки».

Эти трагические дни, пример мужества и бесстрашия матери, дали Мите важную жизненную закалку, которую он проявил в сложнейшей ситуации и о которой рассказал мне в 2003 году.

В 1962-м, когда Ольга Ивинская находилась в концлагере, Митю забрали в армию, чтобы удалить из Москвы «нежелательный элемент». Его послали служить на Дальний восток, в Находку. В то время пришло указание отправить добровольцев во Вьетнам воевать на стороне хошиминовцев. Митю, как и многих из его части, вызвали к командованию и предложили написать заявление о желании поехать добровольцем во Вьетнам. Митя отказался написать такое заявление — добровольно воевать за чужую страну. Он заявил командованию части:

— Я давал присягу защищать Родину, а не воевать на стороне

хошиминовцев. Если будет приказ мне отправиться с частью во Вьетнам, я подчинюсь приказу. Добровольно покидать свою Родину я не буду.

Такой поворот дела обескуражил командование, но никакие посулы и угрозы в адрес Мити не могли заставить его изменить свое решение. Это необычайное ЧП вызвало приезд к ним в часть генерала, замруководителя Главного политуправления советской армии. Генерал явился посмотреть на такого чудного солдата и своим генеральским нажимом заставить его написать заявление о добровольной отправке во Вьетнам. Но это был уже закаленный маминым бесстрашием в нобелевской истории 21 — летний мужчина, требовавший только приказа, которому он подчинится как солдат, давший присягу. После трех дней угроз и уговоров, не давших результата, озадаченный и пораженный бесстрашием Мити генерал улетел в Москву. Митю оставили служить на Дальнем Востоке. Поразительно то, что все командование части стало Митю уважать и дало ему возможность перейти служить в ту роту, в которой хотел быть — с земляками-москвичами. Как он мне рассказывал, даже самый злой и жестокий старшина стал с ним вежлив и не допускал грубости и брани, чем отличался до этой «вьетнамской» истории.

Позже этот рассказ мне повторил служивший с ним в Находке москвич Александр Чубуков, ставший Митиным другом на всю жизнь. Саша говорил:

— Митя всегда поступает честно и мудро. За ним пойдешь не только в разведку, но и в самое пекло: не предаст и не отступит.

Относительно заявления Евгения Борисовича об отказе Пастернака от премии Митя пояснил:

— Посмотрите, как примитивно лжет Евгений Борисович, написав, что мама позвонила Пастернаку, и тот побежал отказываться от Нобелевской премии. Он понимает, что теперешний читатель, тем более в Америке, не знает, что на даче Пастернака в Переделкине никогда не было телефона. Даже в мае 1960-го, когда Пастернак умирал под присмотром органов и семейства, не допускавших маму к Борису Леонидовичу, телефон на дачу не провели.

Митя обратил мое внимание на такой факт:

— В книге «Пастернак и власть» в документе 47 приведена докладная записка генпрокурора Руденко в ЦК КПСС о допросе Пастернака в марте 1959-го. Руденко назвал Пастернака двурушником, обманывающим советскую власть. Пастернака предупредили о высылке из СССР, если он не прекратит встречи с иностранцами, и заставили подписать обязательство избегать иностранцев. Такое же обязательство после вызова в прокуратуру

заставили подписать и Ольгу Ивинскую. Ни Зинаиду, ни Евгения Борисовича в прокуратуру не вызывали и подписывать подобные обязательства не заставляли. Это обстоятельство лучше всяких домыслов характеризует отношения родни с советскими органами.

К вопросу о пьесе «Слепая красавица», которую упомянул Евгений Борисович в интервью американской газете. По этому вопросу его не интересует суть дела, состоящая в том, что Пастернак только Ивинской доверил хранение и распоряжение этой пьесой, о чем было написано в его завещании. Ни Зинаиде, ни Евгению рукопись пьесы Пастернак не хотел оставлять. КГБ выдал Ивинской в 1970 году официальную справку: «Подлинная авторская рукопись Б. Пастернака „Слепая красавица“, принадлежащая О. В. Ивинской, находится на хранении в ЦГАЛИ»!

Парадоксально, но Евгений Борисович считает главным то, кто принес рукопись к Ольге Всеволодовне, а не то, кому завещал Борис Пастернак свои рукописи. Митя по этому поводу сказал:

— Все же как он примитивен и озлоблен! Мама 23 апреля 1960 года была в Измалкове, когда Борис Леонидович утром пришел на последнюю встречу. Он говорил о завещании и оставил маме рукопись пьесы «Слепая красавица». Об этом субботнем дне 23 апреля 1960 года, когда Пастернак приходил в Измалково, пишет и Зоя Масленикова в своих воспоминаниях. В дневнике болезни Пастернак сам сделал запись вечером 23 апреля 1960 года после посещения мамы в Измалкове: «Я сегодня устал и мне придется прилечь».

Хорошим комментарием к утверждению Евгения Борисовича о том, что «отец в это время (то есть 23 апреля. — *Б. М.*) уже лежал и не мог вставать с постели», служит запись Пастернака в дневнике от 27 апреля: «Мне несколько лучше. Позже я встану и пойду звонить. Мне сделали кардиограмму. Ничего особенного и тревожного она не показывает».

Только 30 апреля Пастернак записывает в дневнике: «Я переехал на первый этаж и велел поставить мою кровать в рабочей комнате. Подниматься по лестнице стоит мне многих сил. Какая весна за окном! <…> Мы купили новую машину „Волгу“».

— Для всякого трезвомыслящего человека это означает, — отметил Митя, — что Пастернак до 30 апреля не только мог вставать с постели, но и ходил самостоятельно. Звонить он мог только уходя к соседу или в Дом творчества, так как на Большой даче при жизни Пастернака телефона никогда не было[332].

Остановимся подробнее на теме «Пастернак и Сталин».

Ивинская посвятила этой теме вторую часть своей книги «Поэт и царь». В нее вошли 24 небольшие главы, повествующие об этой «таинственной» (слова Пастернака) теме. Во введении Ольга Всеволодовна пишет:

> За 14 лет нашей близости Борис Леонидович много раз по различным поводам говорил и писал о Сталине. <…> Особенно часто обращался к этому в 1956 году, после вызова в Прокуратуру СССР по поводу посмертной реабилитации Мейерхольда. <…> Тогда Борис Леонидович написал, что Мейерхольд был более советским человеком, чем он, Пастернак[333].

Тема Сталина возникла вновь в дни травли Пастернака за Нобелевскую премию. В своей книге, в главе «У вождя», Ивинская передает рассказ Пастернака:

> Личная встреча Пастернака, Есенина и Маяковского со Сталиным состоялась, по-видимому, в конце 1924 года или начале 1925-го. Борис Леонидович рассказывал мне об этом неоднократно, но спустя лишь 20 с лишним лет. <…> Вспоминая об этой встрече, Борис Леонидович рисовал Сталина как самого страшного человека, которого ему когда-либо приходилось видеть:
>
> — На меня из полумрака выдвинулся человек, похожий на краба. Все лицо его было желтого цвета, испещренное рябинками. (Сталин в юности болел оспой, после которой на лице остаются следы язв. — Б. М.) Топорщились усы. Это человек-карлик, непомерно широкий и вместе с тем напоминавший по росту мальчика, но с большим старообразным лицом.
>
> Сам Борис Леонидович объяснял встречу надеждой Сталина на то, что русские поэты поднимут знамя грузинской поэзии. Разумеется, это не помешало Сталину в последующие годы травить и уничтожить многих грузинских поэтов, в том числе и близких друзей Пастернака — Тициана Табидзе и Паоло Яшвили[334].

Пастернак рассказывал Ольге, что, хотя Есенин, Маяковский и он были приглашены одновременно, Сталин беседовал с каждым из них отдельно. Он говорил, что от них ждут настоящего творческого пафоса, что они должны взять на себя роль глашатаев эпохи.

На эти строки из книги Ивинской биограф Пастернака Евгений Борисович категорически заявил: «Это вранье». В

примечании к главе «У вождя» Ольга Всеволодовна написала: «Некоторые из читавших эти воспоминания сомневаются в достоверности рассказа о такой встрече. Я здесь передаю только то, о чем неоднократно слышала сама от Бориса Леонидовича».

— Ведь о встрече Пастернака и Сталина писали и другие известные современники со слов Пастернака, — заметил Митя. — По заявлению Евгения Борисовича выходит, что Пастернак набивал себе цену и врал всем, как и маме. Евгений Борисович даже не понимает, что в своей злобе к Ивинской он оскорбляет память отца. Потому необходимо защитить от ненависти со стороны Евгения честь самого Бориса Леонидовича.

Неожиданным открытием для меня стала книга Вадима Баевского «Пастернак — лирик»[335]. Профессор Баевский, заведующий кафедрой литературы Смоленского пединститута, десятки лет занимается изучением творчества Пастернака. В 1990 году в Ленинграде вышел подготовленный им известный двухтомный сборник Пастернака «Стихотворения и поэмы» в серии «Библиотека поэта»[336].

Особенность сборника в том, что Вадим Баевский пригласил в соавторы Евгения Борисовича, что открыло ему доступ в ЦГАЛИ. Там Баевский впервые столкнулся с архивом Ивинской, где увидел много автографов стихотворений Пастернака. Как скрупулезный и честный исследователь он в сборнике сделал к стихотворениям десятки ссылок, в которых указал, что они напечатаны по автографам Пастернака из собрания Ольги Ивинской. Например, в примечании к стихотворениям периода «Когда разгуляется» Баевский пишет: «Сохранились черновые и беловые автографы ранних редакций, а также подборка карандашных автографов десяти стихотворений 1956 года из собрания О. Ивинской».

Как я убедился, прочитав несколько десятков книг и статей о Пастернаке разных авторов, книга Баевского «Пастернак — лирик», вышедшая в Смоленске, не известна большинству российских литераторов, пишущих о Пастернаке. Только у писателя Быкова, создавшего объемную и оригинальную книгу «Борис Пастернак» (2005), есть упоминание о Баевском как об авторе замечательной книги о Пастернаке. Однако Быков не приводит важных материалов и выводов из книги Баевского. При этом, к сожалению, Быков повторяет ложные утверждения, которые много лет упорно распространял в своих сочинениях Евгений Борисович.

Книга Быкова о Пастернаке отмечена престижной российской премией «Большая книга России 2006 года», что особенно подчеркивает неуместность повторения в ней неверных

утверждений об Ольге Ивинской. Укажу лишь некоторые из этих ложных утверждений, перешедших в книгу Быкова из публикаций Евгения Борисовича. (Далее положения из книги Быкова выделены мною курсивом.)

1. На странице 535: *«Ольга Ивинская вернулась осенью 1953 года по амнистии».*

В действительности Ольга Всеволодовна вернулась из концлагеря в мае 1953 года, о чем говорит лагерная справка от 4 мая. Справка была приведена в «Литгазете» в 1994 году и в книге стихотворений Ивинской «Земли раскрытое окно» (1999). Копия ее приведена и во вступительной главе этой книги.

2. На странице 753 говорится, что в апреле 1957 года Пастернак находится в кремлевской больнице, где *«он сердится и капризничает, — отчасти это объяснимо тем, что он пишет Ольге, причем с главной целью: не пустить ее к нему».*

В больницу к Борису Леонидовичу Ольга приходила регулярно, в том числе с Ниной Табидзе. Ольга решала проблемы поддержки связи с итальянским издателем через Д'Анджело для отражения атак органов и Суркова, обеспечивая исполнение главного желания Пастернака — выхода романа в Италии. Об этом подробно написал Серджо в своей книге «Дело Пастернака».

3. На странице 7 58: *«После апрельской болезни (речь идет о болезни Пастернака в 1957 году. — Б. М.) его близость с Ивинской становится эпизодической, наступает время последнего очищения и аскезы».*

После этого «очищения и аскезы» рождаются письма Пастернака к Ренате Швейцер и к сестрам в Англии об Ольге — Ларе его романа, единственном человеке, с которым он близок, в котором он находит смысл своей жизни и источник творчества. Быков запамятовал, что в письме 1 ноября 1957-го Пастернак сообщает сестрам в Англию.

> Здесь надо сказать о той участи и той роли, которую играет в моей жизни Ольга Всеволодовна Ивинская, Лара моего романа. <…> Она неимоверно много делает для меня. Это единственная душа, с кем я обсуждаю, что такое бремя века, что надо сделать, подумать, написать.

25 ноября 1957 года Пастернак с Ольгой и Серджо празднуют на Вятской улице победу — выход в свет романа «Доктор Живаго» в Милане. 17 декабря Пастернак вновь пишет сестре в Оксфорд:

> Так называемые друзья дома и даже члены моей семьи понятия не имеют о вещах, слишком близких, живых и великих, чтобы я стал посвящать их в их ход.

> <…> Главная линия жизни проходит вне их досягания, не затрудняя их понимания, ведомая только Ольге Всеволодовне. Это два разных, не сообщающихся мира.

Еще раз говорить о близости Пастернака с Ольгой в дни нобелевского шабаша нет необходимости. Ольга Ивинская уберегла поэта от самоубийства.

4. На странице 785: *«Пастернак спросил старшего сына: „Поедешь со мной?“ „Куда угодно и когда угодно!“ — горячо ответил первенец».*

В октябрьском письме 1958 года Пастернака в ЦК КПСС, которое изъяло КГБ у Ивинской при ее аресте и которое читал Евгений Борисович, изучавший в РГАЛИ архив Ивинской, Пастернак пишет:

> «Если я буду выслан из страны, прошу выпустить со мною близкого друга Ольгу Всеволодовну Ивинскую с детьми <…> в разлуке с которой, в неуверенности в судьбе которой и в страхе за которую существование мое немыслимо».

— Ни в одном письме или записке Бориса Леонидовича, — отмечал Митя, — нет даже намека на желание Пастернака пригласить Евгения с собой за границу. Как говорила мама, такое дикое предположение даже прозвучать при Боре не могло.

5. На странице 836: *«Мы знаем дату убийства Пастернака совершенно точно. Механизм его последней раковой болезни был запущен 14 марта 1959 года, когда во время прогулки по Переделкину его впихнули в машину и отвезли в прокуратуру».*

Быков вновь забыл о фактах. После триумфа романа и присуждения Нобелевской премии в 1958 году о каком паническом страхе поэта перед властями 14 марта 1959 года можно говорить? Как уже сказано выше, Ивинская считала: «Началом смертельной болезни Пастернака стало утро 28 октября 1958 года, когда к Борису Леонидовичу с ультиматумом явились оба сына. Тогда взрыв гнева и шок вызвали зарождение роковой болезни, которая через полтора года стала причиной смерти Бори».

6. На странице 784: *«Есть мнение (его разделяет и Евгений Борисович), что решающую роль сыграла Ольга Ивинская. История с премией ее безмерно перепугала: „Тебе ничего не будет, а от меня костей не соберешь“. И тогда он бросил трубку и побежал на телеграф отказываться от Нобелевской премии».*

Об этой клевете Евгения Пастернака на Ольгу Ивинскую уже достаточно сказано выше.

7. На странице 786 Быков уверенно пишет: *«Она (Ольга Ивинская) утверждала, что слишком давила на Пастернака, чтобы он отказался от премии».* Но где это написано? Такого заявления — «чтобы он отказался» — нет ни в откровенной и самокритичной книге Ольги Всеволодовны, ни в книге Ирины. Эту ложь всеми силами внедрял только Евгений Борисович. Ольга Ивинская проявила невероятное мужество, как верная и любящая жена, чтобы спасти жизнь Бориса Пастернака. Таким же бесстрашным защитником поэта была Ариадна Эфрон. Они ни на йоту не предали гонимого и травимого властями, брошенного родней и «друзьями» поэта.

Неужели Быков не читал воспоминаний Зинаиды и дневников Зои Масленниковой, где приведены слова Пастернака: «Тайком от всех, от брата, от жены, я отправил в Шведскую академию телеграмму с отказом от премии»? В письме к Жаклин Пастернак написал о верности Ольги в нобелевские дни: «Зарабатывать мне больше никогда не дадут, этого лишена также Ольга Всеволодовна, *не захотевшая публично отречься от меня* (выделено мной. — *Б. М.*)».

Однако вернемся к сталинской теме и книге Вадима Баевского, где имеется необычная, не лирическая глава 12 под названием «Пастернак и Сталин». В этой главе профессор Баевский тщательно анализирует факты и убедительно показывает, что встреча Пастернака со Сталиным имела место! Такой книги не было у Мити, но эта книга, несомненно, была известна соавтору Баевского по сборнику — Евгению Борисовичу.

Прочитав главу «Пастернак и Сталин», я пришел в полное недоумение: как Евгений Борисович, зная работу Баевского еще в 1993 году, мог заявить в 2000-м, что пересказ Ивинской слов Пастернака о его встрече со Сталиным — «вранье»?!

Рассмотрим выдержки из главы «Пастернак и Сталин» книги Баевского.

> **Цитата 1.**
>
> С начала 30-х годов Пастернак переводил грузинских поэтов. Среди стихов его перевода есть тексты, полностью или частично посвященные Сталину. Так, «Октябрьские строки» В. Гаприндашвили в переводе Пастернака заканчиваются словами:
>
> > И нормы прежних выработок вытесним,
> > Одушевляясь Сталина примером.
>
> Строки из стихотворения П. Яшвили «На смерть

Ленина»:

Но все замрет в тот час,
Как Сталин с партиею в сборе
На Красной площади Москвы
Предаст земле, даренья недостойной,
Прах Ленина.

Цитата 2.

17 ноября 1932 года на первой полосе «Литгазеты» в траурной рамке — фото Аллилуевой[337]. Под фотографией — обращение, подписанное 33 писателями, в том числе Леоновым, Фадеевым, Олешей, Вс. Ивановым, Багрицким, Ильфом, Петровым, Авербахом, Кольцовым и другими:

«Дорогой товарищ Сталин! Трудно найти слова соболезнования. <…> Примите нашу скорбь о смерти Н. С. Аллилуевой, отдавшей все свои силы делу освобождения миллионов угнетенного человечества, которое Вы возглавляете и за которое мы готовы отдать свои жизни».

Под этим обращением в газете помещен еще один, отдельный текст с выражением соболезнования:

«Присоединяюсь к чувству товарищей. Накануне глубоко и упорно думал о Сталине; как художник — впервые. Утром прочел известье. Потрясен так, точно был рядом, жил и видел. Борис Пастернак».

«Его общественное положение было таково, что ему позволили это сделать», — пишет Баевский, напоминая, что в 1932 году «литературка» публикует целую серию материалов «о талантливом советском поэте Борисе Пастернаке». Критик Зелинский со страниц «Литературной газеты» поучал других критиков: «Они забывают: Пастернак — большой поэт»[338].

Моя сестра Алла, изучавшая историю советской литературы на литфаке МГУ, обратив мое внимание на факт опубликования отдельного письма-соболезнования Пастернака в адрес вождя, сказала:

— Знатоку нравов среди ареопага советских писателей (в числе подписавших письмо — такие советские монстры, как Леонов, Авербах, Кольцов, Фадеев), которые наперегонки спешили служить хозяину, понятно, что эти монстры вынуждены были позволить, подавив зависть, в такой выгодный для карьеры момент выскочить с личным соболезнованием одному, причем

ими нелюбимому Борису Пастернаку. Это могло быть только в случае личного знакомства выскочки с «хозяином». При этом монстры считали, что «хозяин» благожелательно оценит их рвение и выделение из рядов советской писательской элиты назначенного им последнего глашатая эпохи.

Надо помнить, что в 1932 году еще не состоялся Первый съезд советских писателей (он прошел в 1934 году) и не прозвучал еще доклад тогдашнего идеолога партии Бухарина, где Пастернак с трибуны был назван лучшим поэтом современности.

Цитата 3.

В стенограмме Первого Всесоюзного съезда советских писателей 1934 года отмечено, что на одном из заседаний писателям был подарен портрет Сталина. Однако там опущена одна подробность. От имени съезда портрет этот принимал Борис Пастернак. Сохранилась фотография, запечатлевшая этот исторический момент[339].

Цитата 4.

Осенью 1935 года были арестованы сын Ахматовой Лев Гумилев и ее муж Лунин. Ахматова срочно выехала в Москву, и по ее просьбе Пастернак написал Сталину. На следующий день сын и муж Ахматовой были освобождены[340].

Цитата 5.

В марте 1936 года Пастернак послал Сталину свою книгу «Грузинские лирики» и благодарственное письмо:

«Дорогой Иосиф Виссарионович! Меня мучит, что я не последовал тогда своему первому желанию и не поблагодарил Вас за чудесное молниеносное освобождение родных Ахматовой. <…> горячо благодарю Вас за Ваши недавние слова о Маяковском[341]. Я с легким сердцем могу жить и работать по-прежнему, в скромной тишине, с неожиданностями и таинственностями, без которых я бы не любил жизни. Именем этой таинственности горячо Вас любящий и преданный Вам Борис Пастернак».

Цитата 6.

Л. В. Горгунг, друг Пастернака, один из знаменитых советских фотолетописцев, сделавший серию фотопортретов Бориса Пастернака, пишет в дневнике о встрече Пастернака со Сталиным:

«Пастернак сказал мне, что намеками ему было предложено взять на себя роль Маяковского в деле

прославления вождя. Но Пастернак пришел от этого в такой ужас и умолял не рассчитывать на него; к счастью, никаких мер против него не было принято».

Баевский отмечает: «Пастернак получил и часть благ, которые выделялись по указанию вождя художественной и научной элите: квартиру в Лаврушинском, большую дачу в Переделкине, лечился он в кремлевской больнице».

Цитата 7.

Галина Нейгауз, жена Станислава Нейгауза, с 1931 года воспитывавшегося в доме Пастернака, вспоминает, что Борис Леонидович рассказывал ей о телефонных звонках к нему лично Сталина. Галина Нейгауз рассказывала:

«Однажды Сталин сообщил, что один его друг пишет стихи, и ему хотелось знать мнение Пастернака о них. Поняв, что это стихи самого Сталина, Пастернак стал объяснять, что ему трудно судить о чужих стихах. <…> Через несколько дней Пастернаку привезли стихи, довольно примитивные и неинтересные. Борис Леонидович мучительно думал, как ему об этом сказать, но звонка долго не было, и он успокоился. Неожиданно раздался звонок. И Пастернак решительно сказал, что стихи плохие и „пусть друг лучше занимается другим делом, если оно у него есть“. Помолчав, Сталин сказал: „Спасибо за откровенность, я так и передам“. После этого Пастернак ожидал, что его посадят».

Митя обратил мое внимание:

— Ни в одной из многочисленных публикаций Евгения Борисовича о Пастернаке ни слова не сказано о беседах с ним папочки на тему разговоров Пастернака со Сталиным. Ведь «главная линия жизни Пастернака проходит вне досягания и понимания Евгения, ведомая только Ольге Всеволодовне».

Цитата 8.

Ондра Лысогорский, чешский поэт, друг Пастернака, свидетельствует: «Борис Пастернак рассказывал мне, как в 1936 году его позвал к себе Сталин. В то время повсюду шли аресты. Пастернака бойкотировали, не печатали».

«Ивинская близка к истине, — отмечает Баевский, — написав в своей книге: „Мне кажется, что Пастернак и Сталин противостояли один другому в необыкновенной молчаливой дуэли“»[342].

В одной из наших бесед в 1993 году о романе «Доктор Живаго» Ольга Всеволодовна рассказывала:

> После моего освобождения, когда я постоянно жила в Измалкове, Борис Леонидович возвращался в разговорах к моему сталинскому аресту. Сталину доложили о содержании глав романа, которые читал Пастернак друзьям и знакомым. Вождь хотел, чтобы в роман вошла и его личность в достойном революционном ореоле. Потому с весны 1947-го он начал посылать Пастернаку острые сигналы, но Боря на них не реагировал, продолжая создавать «антиреволюционное» произведение. Тогда Сталин нанес свой коронный, многократно опробованный удар — арестовал любимую женщину поэта, которая ждала от него ребенка. Сталин был уверен, что получит от Пастернака покаянное письмо и оду к своему 70-летию, 21 декабря 1949 года. Об этом мне говорил Фадеев в начале мая 1956-го. Но Пастернак, как он писал в автобиографическом очерке, после 1936 года навсегда отвернулся от бесчеловечной советской власти, уничтожавшей лучшую часть народа России. И уже ничто не могло заставить его славословить кремлевского убийцу.

Завершая свое исследование «Пастернак и Сталин», Баевский делает вывод:

> Обращает на себя внимание, что все четыре (!) мемуариста свидетельствуют со слов Пастернака. Трудно предположить, что Пастернак их всех мистифицировал[343], тем более что трем из них (Ивинской, Горгунгу и Лысогорскому. — Б. М.) он рассказывал о контактах со Сталиным при жизни вождя. В 30–50-е годы имя Сталина было окружено такой аурой (то есть страхом. — *Б. М.*), что рассказчик должен был держаться фактов с предельной точностью, а слушатели запоминали (тем более если вели записи в дневнике. — Б. М.) со всей доступной им тщательностью.

Еще несколько слов к «сталинской теме».

В упомянутом интервью американской газете «Панорама» Евгений Борисович говорит, что он обращался к Коме Иванову для определения «вранья» в воспоминаниях Ивинской о встрече

Пастернака со Сталиным. На мой взгляд, ясным ответом на этот вопрос Евгения Борисовича стал рассказ Вячеслава Иванова на канале «Культура» в 2003 году, где Кома говорил о встречах своего отца, писателя Всеволода Иванова, со Сталиным. На этих встречах вождь требовал читать горячие куски из рассказов и повестей Иванова, где давались сцены противостояния красных и белых с жестокими эпизодами казней и расстрелов. Это, по словам Всеволода Иванова, вызывало у Сталина явный восторг, и он говорил Коме: «Сталин по натуре был садистом».

Думаю, Евгений Борисович не станет и Кому причислять к ряду вышеупомянутых «врунов».

Интересным комментарием к этой теме стали письма Пастернака, появившиеся через 60 лет в томе 9 «собрания сочинений и переводов писем». Вернувшись из чистопольской эвакуации в 1943 году, Пастернак обнаружил, что его как нелауреата записали в писатели второй очереди по снабжению пайками. Поняв, что руководство СП забыло о его знакомстве со Сталиным, Пастернак обращается к первому секретарю Московского горкома ВКПб Щербакову.

Щербаков в 1934–1935 годах руководил московскими писателями, опекал Пастернака на Парижском конгрессе и сопровождал при его возвращении в Россию через Англию. Щербаков как советский вожак писательской массы знал о встрече Пастернака со Сталиным. В письме от 16 июля 1943 года к Щербакову Пастернак пишет:

> Ко мне с недостаточно уверенным доброжелательством относятся в Союзе писателей и Литфонде[344]. Мне кажется, я сделал не настолько меньше наших лауреатов и орденоносцев, чтобы меня ставили в положение низшего по отношению к ним. Мне казалось мелким и немыслимым обращаться к Иосифу Виссарионовичу с этими страшными пустяками.

Одновременно 18 июля 1943 года Пастернак пишет действующему генсеку Союза писателей Фадееву: «Дорогой Саша! Со мной творятся обидные курьезы. Мне выдали литеру Б, а не А, прикрепили к распределителю второго сорта. <…> Если бы из нынешних лауреатов уделили мне то, что некоторые должны мне и Есенину больше, чем Маяковскому…<….> Вызови меня к себе и растолкуй, когда и по какой статье я переведен из аристократов в негры».

23 октября 1943 года Пастернак извещает Фадеева: «Только вчера выселили зенитчиков (из квартиры в Лаврушинском. — *Б. М.*), это помощь Щербакова, которому я написал снова. Но нельзя

же его беспокоить так часто».

Возмущенный отказом печатать его стихотворения в газетах «Труд» и «Правда», Пастернак 5 мая 1944 года вновь пишет письмо Щербакову с прямым напоминанием о «святой троице», назначенной Сталиным стать глашатаями эпохи:

> Дорогой Александр Сергеевич! Опять пишу Вам, простите. Трудно, трудно. Со мной обошлись как с мальчишкой. Я много работал последнее время… То, что было крупно и своевременно у Блока, должно было выродиться и обессмыслиться в **Маяковском, Есенине и мне** (выделено мною. — Б. М.). Это тягостный процесс. Он убил двух моих товарищей и немыслимо затруднил мою жизнь, лишив ее удовлетворенности. Этого не знают наши подражатели. Каково бы ни было их положение, все это литературная мелочь, незатронутая испепеляющим огнем душевных перемен, умирания и воскресений.

Вернемся к роли Евгения Борисовича в деле разоблачения пагубной роли Ольги Ивинской в жизни и творчестве Пастернака. Митя, собравший обширный материал о Пастернаке, говорил мне:

— Сравнение утверждений и положений из сочинений Евгения Борисовича о папочке, написанных в разный период, показывает многочисленные мистификации и выдумки автора. В «Материалах для биографии» (1989) и в статье в журнале «Новый мир» (1990), написанных Евгением Борисовичем при жизни Ивинской, автор даже не упоминает о предсмертном наказе Пастернака сыновьям. Об этом написала мама в своей книге, которая вышла в России в 1992 году. О предсмертных словах Пастернака сыновьям рассказала маме медсестра Мария Кузьминична, находившаяся 30 мая 1960 года у постели умирающего поэта.

В 1993 году вышли воспоминания Зинаиды, где она пишет: «Шура присутствовал при Бориной смерти и слышал, как он, прощаясь с детьми, сказал, что дал распоряжение за границу и обеспечил детей». В воспоминаниях врача Анны Голодец (опубликованы в 1993 году), которая в мае 1960-го постоянно находилась на Большой даче при Пастернаке, написано: «Примерно в 23 часа 30 мая 1960 года взгляд Бориса Леонидовича стал затуманиваться. Позвали сыновей».

Только после этих публикаций Евгений Борисович написал в биографии Пастернака (1997): «Вечером 30 мая он ясным голосом вызвал нас с братом, чтобы проститься. Он сказал, что закон защитит нас как законных наследников, и просил оставаться

безучастными к его незаконным, заграничным делам.»

— Трудно понять, — говорил Митя, — кто здесь мистифицирует: Зинаида, ожидающая очередных заграничных денег, или Евгений Борисович, которому советские власти, видимо, гарантировали обеспечение после смерти отца.

О вере в советскую власть сам Пастернак пишет 30 марта 1959 года, после безумных дней нобелевской травли, к Жаклин во Францию: «Железный занавес, неравная борьба одного против всех, выдуманный и искусственный мир, возникший некогда из буйного помешательства школьников, чтобы превратиться в бешенство недоучек — скажите, на что реальное, логичное, вообразимое можно рассчитывать в этом враждебном мире всеобщего бешенства и озверения?»[345]

В 1998 году в Париже Вадим говорил мне о «неминуемости расплаты Евгения Борисовича за предательство отца, за утаивание предсмертной воли Пастернака и сознательное вранье в адрес Ивинской, за раболепие перед мрачным ЦГАЛИ».

Хорошо помню, как в начале марта 2003 года неожиданно позвонил мне Митя и просил приехать, сказав, что покажет нечто интересное. Когда я приехал, Митя протянул мне газету «Московские новости», № 5 за 2001 год, которую ему прислал инженер, прочитавший книги Ольги Всеволодовны, Ирины и Евгения Борисовича и заинтересованно следивший, как он сообщал в письме, за ходом суда за архив Ивинской.

Автор письма возмущался: «Удивлен позицией Евгения Борисовича Пастернака, который должен защищать волю отца — вырвать из когтей КГБ и отдать Ивинской то, что ей посылал сам Пастернак. А, судя по публикациям самого Евгения Борисовича, видно, что он действует заодно с ЦГАЛИ. Стыдно за него, но раскаянья от него ждать не приходится. Потому груз стыда, видимо, лег на плечи сына Евгения Борисовича Пастернака — Петра, интервью с которым приведено в „Московских новостях“».

Инженер прислал Мите эту газету. *Я* стал читать интервью журналиста Катерины Кронгауз с внуком Бориса Пастернака — Петром Пастернаком, который родился в ноябре 1957 года. Название статьи-интервью — «Искусство ненужных вещей» в рубрике «Маргиналы». Журналист пишет:

> Внук Бориса Пастернака, неудавшийся живописец, нигде не работающий строитель Петр Пастернак — культовый персонаж современности. Он живет в квартире с обваливающимся потолком и ездит на уазике. В комнате все заставлено и завешано. <…> Под столом пень с ручкой. <…> Посреди комнаты помойное ведро

и сильный запах табака. Одно кресло, детский стульчик и табуретка, на которой стоит баночка с водой.

На стульчике сидит Петр Пастернак. Человек 43 лет, в старых джинсах, на которые он стряхивает пепел «Беломорканала», в грязной майке и старых коричневых сандалиях на синие носки.

Договорились беседовать не более полутора часов. Весь разговор Петр крутил гвоздик на маленькой пружинке. Петр рассказал:

— Я никуда не хотел, то есть не знал, куда поступать. Родители нашли знакомых в институте МХАТа. Там есть постановочный факультет. Служил в Алабинском кавалерийском полку писарем, демобилизован рядовым. Армия — самое ужасное время. Людям абсолютно нечем себя занять, они от этого звереют. <…> На два года занял пост главного художника в театре Марка Розовского. По истечении договорного срока уволился.

— Почему вы ушли из театра?

— Потому что я не умею работать с людьми. Мне очень скучно присутствовать при рождении истины в споре.

— Интервью давать тоже скучно?

— Ну, не знаю!.. Да! То есть вам интересно — я рассказываю. С 1991 года вынужден заниматься строительством кабаков.

— Строить клубы — прибыльное дело, но не для Пастернака. Он не умеет зарабатывать. Потому что скучно. Родители помогают?

— Да, конечно. Это самое главное, что у меня есть…

— Пастернак опять начинает крутить гвоздик. Я задала не тот вопрос.

— Дело в том, что это не то, что они заработали сами. Это то, что заработал Борис Леонидович. Это проценты от публикаций. И потому я скрепя сердце, за то, что вожу их на машине, помогаю с ремонтом, время от времени хожу за них в магазин, со стыдом, но во всех случаях, когда попадаю в трудную ситуацию, обращаюсь к ним.

— Почему у вас столько непонятных вещей в комнате? Пень с ручкой, коробка с использованными карандашами?

— Это не пень, а колода. На ней дрова рубят. А это музей карандашей. Знаете, у монахов есть такой грех —

мшелоимство. Когда в монашеской келье много никому не нужных вещей. Все, что мне нравится и что у меня есть, в принципе никому не нужно.

— Какое странное печальное интервью внука знаменитого на весь мир поэта, — сказал я по прочтении статьи Мите.

— Взгляни на его фотографию, — ответил он. Фотография Петра в позе потерянного и растерянного человека была напечатана в газете. — Он так глядит, будто знает, что дед запретил дать ему имя Борис. И Петр адресует Евгению Борисовичу немой вопрос: «Ведь ты все время называл деда папочкой — так почему ты мне не дал имя Борис?» Видно, Бог грехи нераскаявшихся родителей, живущих во лжи, всей тяжестью взваливает на души их детей, — с грустью произнес Митя.

Как я уже сказал в вводной главе книги, после гневного письма Мити в адрес Евгения Борисовича его агрессивность против Ивинской резко возросла. Его хамская реплика в ее адрес, прозвучавшая в фильме Рязанова о Пастернаке, возмутила даже всегда сдержанную миротворицу Ирину. В феврале 2004 года она пишет Рязанову:

> Вам, замечательному мастеру в изображении нюансов человеческой психологии, должно быть понятно, насколько приятно нам с братом услышать из уст Евгения Борисовича, что «каждый раз, возвращаясь от Ивинской, папочка принимал горячую ванну». Пусть это останется на его совести, говорит о его уме и вкусе. Но разве нельзя было откорректировать материал, отказаться от такой вопиющей пошлости?

Речь Мити, рассказавшего мне об этом письме, была более чем несдержанной.

Очередные открытия сделала Ирина, прочитав в 2005 году книгу, которую выпустили Евгений Борисович и Елена Владимировна Пастернак (см.: *Пастернак Б.* Письма к родителям и сестрам. — М.: НЛО, 2004). Здесь уже имел место явный подлог, понятный даже школьнику.

Ирина написала Евгению Борисовичу критическое письмо, которое я начал цитировать во вступительной главе книги. Приведу его в более полном виде, чтобы показать широту деятельности Евгения Борисовича в постоянных попытках дискредитировать и оболгать Ольгу Ивинскую.

Ирина пишет, приняв форму обращения к субъекту из письма Надежды Надеждиной к Лидии Чуковской, также клеветавшей на Ивинскую.

Евгений Борисович!

Я уже не один раз собиралась написать Вам, натыкаясь в печати на разные неприятные выпады по маминому адресу.

<…> Прочла замечательно интересную книгу, подготовленную Вами, «Письма Б. Л. Пастернака к родителям и сестрам» <…> Она мне открыла много нового — и в характере Бориса Леонидовича, и в распутывании разных ситуаций. <…> Однако, когда мы приближаемся к последним годам жизни Бориса Леонидовича, которым и я была свидетельницей, Ваши комментарии и необъективны, и недоброжелательны, и попросту неверны. Это не только мое мнение.

Почему, например, Вы позволяете себе такие подтасовки? На странице 838 приведено письмо Бориса Леонидовича к Жозефине на английском языке. Рядом — перевод: «Я не вижу возможности и не стану брать с собой в путешествие Ольгу <…>». Ведь даже на школьном уровне знания английского ясно, что смысл перевода противоположен оригиналу. К чему это? И это далеко не один раз[346]. <…> Значит ли это, что долгие 14 лет он был жертвой «смазливой авантюристки» (утверждение органов и Суркова), которая «истериками заставляла Бориса Леонидовича совершать поступки, противоречащие его желаниям», как Вы пишете? Ведь этим только бросается тень на память Пастернака, который якобы так обманулся на старости лет. В то время как именно маме мы обязаны последним взлетом его поэзии, лучшими страницами романа, да и просто счастливым ощущением бытия, о котором он пишет сестрам, имея в виду эту последнюю любовь: «О как все живо, велико и достойно. <…> Мне не хочется дальше говорить в этом плане, заинтриговывать. Знайте одно — мне хорошо последние годы и не бойтесь, не страдайте за меня».

По-моему, надо не собирать мелкие гадости, а сейчас, по прошествии стольких лет, найти для нее слова благодарности. <…> И к чему навешивать на нее несуществующие грехи, лишь бы сделать ее роль малосимпатичной для читателя? Например, ее дружбу с Панферовым[347]. Это вообще какой-то бред. Вам хочется

выдать белое за черное. Почему? Вот этого я уже много лет не могу понять.

<…> Коротко о встрече с Лидией на кладбище[348]. Я тоже там была. Мне очень хотелось увидеть сестру Бориса Леонидовича, о которой я столько слышала от него. Борис Леонидович показывал нам фото ее семьи, приносил ее переводы, говорил перед смертью (по словам медсестер), что «приедет Лида и все уладит»[349]. А «уверенность» мамы в эти дни в своих правах — Ваша фантазия. Какая могла быть у нас в чем-то уверенность, когда только что отняли «Слепую красавицу», буквально по пятам ходили агенты КГБ, причем открыто, даже не прячась. Жоржа и меня заразили неизвестной болезнью, все время отключали телефон. <…> И встретиться мама с Лидией еще раз не могла из-за открытой слежки. Боялась подвести.

Теперь об отказе от Нобелевской премии, который вы объясняете «истериками запуганной слабой женщины». Вы говорите в газете («Панорама»): «Ольга Всеволодовна позвонила ему по телефону и сказала, что ему ничего не будет, а от нее костей не соберешь. Тогда он бросил трубку, пошел и отказался от Нобелевской премии». Может быть, вы забыли, что телефона на даче не было, да и не звонила ему она никогда — это исключалось по характеру отношений, она берегла его покой, зная, как дорого ему дается «семейное равновесие».

<…> А то, что вы продолжаете эксплуатировать эту версию «слабой женщины», заставляет меня полагать, что она удобна вам самому. Так законнее было вам поехать в Стокгольм за премией в 1989 году и получить ее, нас даже не поставив в известность. Узнали о вашей поездке из газет.

Недавно прочитала в Интернете Ваше интервью по поводу издания ПСС Пастернака, в котором опять содержатся недружелюбные намеки на «скрываемый нами где-то архив, судьба которого Вам неизвестна». Судьба основной части архива Вам прекрасно известна: отнятое при аресте мамы и моем после 10 лет суда присуждено вашей невестке Н. А. Пастернак[350]. Судя по вашей трогательной благодарности Наталье Волковой, которая разрешила Вам ознакомиться с этой частью нашего архива, Вы находите это справедливым. Что же касается возвращенной мне из КГБ части архива после

моего освобождения из лагеря, то, во-первых, почти все мама опубликовала в своей книге, которой Вы пользовались. А во-вторых, хочу Вам напомнить один эпизод. Когда в 1962 году я вышла из лагеря и приехала в Москву, одной из первых моих забот (а забот у меня, без прописки, безработной, было по горло) стало сохранить архив, зная, в какой стране беззакония я живу. И мы с вами встретились (по-моему, не один раз) на площади Ногина в какой-то лаборатории, где ваш знакомый сделал фотокопии всех моих материалов. Вы даже озаглавили это «Ирочкин архив». И все копии остались, конечно, у вас. Меня многие ругали тогда за этот поступок[351].

Что же случилось с «Ирочкиным архивом»? Широко известны (в разных редакциях) последние слова Бориса Леонидовича семье: «Вам ничто не угрожает. Вас охраняет закон. Но есть другая часть моего существования, она не охраняется законом, но широко известна за границей, премия и все истории последних лет. <…> Я хочу, чтобы вы были к этому безучастны». <…> Вы, Женя, этот завет отца не выполняете. (Я, разумеется, далека от мысли обвинять в этом вульгарную, необразованную женщину, вашу невестку. И то, что она себе позволяет, находится за пределами нравственности. Мой упрек относится к Вам, так как с вами, я полагаю, мы говорим на общем языке.)

Если понимать под «безучастием» нежелание Бориса Леонидовича предоставлять семье права заниматься «иностранными» делами, заграничными гонорарами, премией и «всеми историями», то и это отнюдь не соблюдено. <…> Только благодаря настойчивости Фельтринелли, который отказался заключать с вами договор без мамы, она была включена в число наследников, а отнюдь не по вашему доброму желанию. Вы же этому отчаянно сопротивлялись.

Какая некрасивая вся эта история! Помните, был разговор в 1965 году в лесу, в Мичуринце[352], где Вы и покойный Леня решительно заявили, что «никаких общих прав наследования» у нас с вами быть не может. «Такая бумага просто не должна существовать», — помню, сказал Леня. И, однако, что за чехарда началась через год, когда вдруг надо было срочно заполучить подпись мамы! Тогда Вы и этот взяточник Волчков[353] ловили маму по разным городам, а она оказалась в

Ленинграде. В чем причина такой спешки[354]?

<…> Вот и пришлось спрятать в карман «семейную гордость». Даже в Москву не было времени вернуться, подписывали бумаги в какой-то ленинградской консультации. Не хочется все это ворошить. Но не надо в таком случае и Вам писать: «По желанию сыновей в число наследников была включена Ивинская, которой они добровольно согласились выделять одну четвертую часть, отнимая соответствующие доли от своих частей». Как говорят в народе, добровольно-принудительно.

Разумеется, после смерти Ольги Всеволодовны (из всей семьи в живых осталась только я) ни о каком участии «незаконной стороны» в зарубежных отчислениях и речи не может быть. А почему? «Не охраняемся законом».

Но я не об этих законах. О моральных. Начинается посмертная, позорная кампания: «Ивинская была агентом КГБ». Кстати, Вы никогда публично не опровергли эту клевету. <…> Но Вы поддерживаете навязшую в зубах версию, что она была орудием шантажа в руках власти. О простом шантаже можно рассуждать сейчас, а тогда реальностью были исключение из Союза писателей, травля, требование выслать из страны, расторжение договоров и угрозы Руденко привлечь Пастернака по статье «измена родине». Борис Леонидович сам писал: «угрожали жизнью», он хотел покончить с собой. И мама соглашалась умереть вместе с ним, если нет выхода. Ольга Всеволодовна одна бросилась на этот танк, металась от одного властителя к другому, от Поликарпова к Федину, составляя проекты писем (но никогда не делала того, с чем бы не согласился сам Пастернак).

«Ольге, ее шестому чувству по отношению к Боре», как определяла тогда метания мамы Ариадна Эфрон, обязана эта короткая передышка в полтора года жизни Бориса Леонидовича, вплоть до его кончины. Тогда писались пьеса, стихи, письма всему свету. <…> Слишком дорога для всех нас была его жизнь, чтобы находиться в ожидательном бездействии, как вела себя семья. Мама в этой борьбе себя не щадила. И жизнь Бориса Леонидовича была отвоевана.

<…> Мимоходом, как о чем-то несущественном, упоминается в ваших комментариях о втором аресте Ольги Всеволодовны. И я ведь была арестована. По

счастью. Вы не представляете себе, что такое восемь лет в лагерях женщине. <…> Под конвоем с собаками, с лопатой в мороз, под зноем в пыли, шмоны, мат в бараках, баланда с гнилой селедкой. <…> Мне было тяжело, но только два года. А что такое восемь лет! Предчувствуя беду, Борис Леонидович просил в письмах рассматривать ее арест как свой собственный и «бить во все колокола».

Друзья выполнили просьбу — и Жорж, и Жаклин отдали много сил для нашего освобождения. И Фельтринелли прислал маме после ее возвращения на московское пепелище (конфисковали ведь все, вплоть до носильных вещей) некоторую сумму, чтобы встать на ноги. Ваше же «неучастие» продолжалось.

А ведь мы были арестованы за то, что, оберегая покой законной семьи, взяли на себя риск, когда были расторгнуты все договора, сняты театральные пьесы в переводах Бориса Леонидовича, то есть перекрыт кислород, получать от приезжающих иностранцев по распоряжению Бориса Леонидовича гонорары за широко издаваемый на западе роман. Надо было обеспечивать жизнь Вашей семье, Зинаиде Николаевне и ее детям, нам. Зинаида Николаевна в показаниях написала, что она не знала, откуда идут эти грязные деньги. Но за то, что они не бедствовали, пострадали мы с мамой.

Быть может, Вам стоит перевернуть ситуацию-с головы на ноги и вместо неуместных и несправедливых колкостей поблагодарить Ольгу Всеволодовну за то, что она сделала для вашего отца, и посочувствовать ее страданиям.

Ивинская, конечно, не в накладе: для нее поэт писал стихи. Это самое главное. И ее место в литературе не определяется, к счастью, вашими оценками.

P. S. Иногда ваши «небезучастные» выпады ранят особенно больно.

Говорю о пошлом фильме Рязанова, где Вы, по-моему, позволили себе слишком много. Вам я тогда не написала, написала ему, но он мне высокомерно не ответил. Чтобы лишний раз себя не травмировать, прилагаю письмо к Рязанову, где есть место, касающееся ваших слов, за которые мне просто стыдно.

Ирина Емельянова. Париж, октябрь 2005 года.

Большие ожидания возлагали почитатели Пастернака на выход полного собрания сочинений в 11 томах, материалы для которого готовил Евгений Борисович со своей женой Еленой Владимировной. В ноябре 2007 года прошла презентация этого проекта, вышедшего в издательстве «Слово», главный редактор — Диана Варткесовна Тевекелян. В официальном сообщении говорилось: «Евгений Борисович особенно отметил на презентации полного собрания сочинений папочки (именно так он называл своего прославленного отца): это исключительно материалы, подтвержденные фактами, тем, что говорил сам автор».

Уже первое изучение собрания вызвало множество недоуменных вопросов у читателей. Почему в представленных читателю четырех томах писем (тома 7, 8, 9 и 10) нет ни одного подлинного текста письма, которые написал сам Пастернак, на английском, немецком и французском языках?

Таких писем более сотни, причем важнейших, поскольку большинство из них написано в 1957–1960 годах, в период борьбы за выход романа, трагических дней после присуждения Пастернаку Нобелевской премии и начала его широкой переписки со всем миром, читающим роман «Доктор Живаго». Это откровенные письма к любимым сестрам в Англию, к Фельтринелли в Италию, к Жаклин и Пельтье во Францию, к Ренате Швейцер в Германию. Составители приводят только сомнительные переводы писем «папочки», о чем написала Ирина Емельянова в своем письме к Евгению Борисовичу, которое было приведено выше.

В культурном мире, если объявлено о выходе полного собрания сочинений, принято давать в обязательном порядке подлинные сочинения автора, а не сделанные кем-то переводы. Читатель сам решит, какой перевод подлинника откроет ему истину. При этом Евгений Борисович и Елена Владимировна Пастернак исключили из собрания несколько десятков знаковых писем Пастернака, большинство из которых уже много лет известны читателям. Потому вышедшее многотомное собрание, на мой взгляд, корректней назвать собранием сочинений и переводов писем — СС и ПП, 2005.

Приведу примеры.

1. Из собрания исключены письма Пастернака к Ольге Ивинской, написанные из тбилисской ссылки 21, 22 и 28 февраля 1959 года и опубликованные в книге Ольги Всеволодовны в 1978 году в Париже и в 1992 году в России. Копии этих писем среди десятков других писем и автографов Пастернака из архива Ивинской передала Евгению Борисовичу в 1962 году Ирина, когда

освободилась из концлагеря. Евгений Борисович тогда сложил полученные от Ирины материалы в свою папку и написал на папке трогательные слова: «Ирочкин архив».

2. Из собрания исключили более 20 писем Пастернака к Ренате Швейцер. В 10 томе СС и ПП, 2005 даны лишь 3 из 27 писем, опубликованных Ренатой в ее книге «Дружба с Пастернаком» на немецком языке в 1963 году. Эти письма в переводе на русский язык опубликовал парижский журнал «Грани» в № 58 за 1965 год. Среди исключенных из СС писем, конечно, оказалось и важнейшее письмо Пастернака к Швейцер от 7 мая 1958 года, которое он послал к Ренате нарочным через Италию.

Об этом письме Рената говорила в своей книге специально:

> Я долго колебалась, публиковать ли это письмо Пастернака. Но поскольку отношения Ольги с Пастернаком, а также ее личность в целом, освещались прессой с ложной стороны[355], я обязана опровергнуть эти клеветнические измышления письменным свидетельством самого Пастернака.

Швейцер приводит в книге текст откровенного письма Пастернака от 7 мая 1958 года, в котором Борис Леонидович написал Ренате:

> Ольга Ивинская была арестована и провела пять лет в тюрьме и концлагере. Ее взяли из-за меня. <…> Ее героизму и стойкости я обязан жизнью. <…> Она — Лара моего романа, который я начал писать в то время. Она посвящена в мою внутреннюю жизнь и во все мои писательские дела. <…> Эта наша общность самого существа и есть подлинная, почти абсолютная форма взаимного притяжения.

Исследователь переписки Пастернака с Ренатой Швейцер, Лилия Цибарт-Фогельзанг, хорошо знающая русский и немецкий языки, встречалась в 2004 году с немецкой подругой Ренаты Лизелоттой Лаабс. Статью Лилии о Ренате, а также интереснейшее интервью Лилии с Лаабс я привожу в главе «Пастернак и Рената Швейцер». Причину отсутствия писем Пастернака к Ренате в ПП, 2005 Лилия пыталась выяснить у Евгения Борисовича. О результатах этого выяснения читатель узнает из текста вышеназванной главы.

В СС и ПП, 2005 не включены несколько важных писем к сестрам в Англию и к Жаклин во Францию. «Французские» письма

известны читателям с 1992 года из публикации в № 1 журнала «Новый мир». В СС нет письма Бориса Леонидовича к Жозефине в Англию от 28 сентября 1958 года, в котором Пастернак просит сестер присылать отзывы о романе на адрес Ольги Ивинской. Письмо находилось в ЦГАЛИ, в архиве Ивинской, и опубликовано в 2004 году[356].

Имея свободный доступ к архиву Ивинской в РГАПИ, Евгений Борисович и Елена Владимировна Пастернак включили в 10-й том несколько писем из этого архива: к Клебанову (декабрь 1954 года), Ельницкому (март 1957 года), Кучеровой (июль 1957 года), Вилявину (сентябрь 1957 года), Слейтер (ноябрь и декабрь 1957 года). Однако они почему-то не захотели включить в собрание большое число писем Пастернака из архива Ивинской, согласно описям находящихся в РГАЛИ. Нельзя найти в СС и ПП, 2005 писем Бориса Леонидовича к Пельтье от 20 ноября 1957 года, к Коллинзу, Галлимару, в Монтевидео в ноябре 1957 года. Также нет писем Пастернака к Слейтер от 28 сентября 1958-го, к Тэнсу, Руге 1959-го и еще более 20 других писем Пастернака из архива Ивинской. Все они указаны в официальных документах КГБ (опись № 1 от 14 февраля 1961 года — 84 позиции и опись № 2 от 14 мая 1991 года — 55 позиций).

Возвращаясь к встрече с Серджо Д'Анджело в Литмузее 11 сентября 2007 года, о которой говорилось во вступительной главе книги, напомню его реакцию на неожиданно увиденные им «Заметки» Евгения Борисовича на полях своей книги воспоминаний о Пастернаке. Эти «Заметки» включены были в книгу Д'Анджело без его ведома, вместо послесловия, о котором была договоренность с издательством.

В своих «заметках» Евгений Борисович пытается обесценить книгу Д'Анджело, о чем написал Серджо в своем заявлении, представленном на презентации книги «Дело Пастернака». Д'Анджело пишет:

> В период возникновения и развития «дела Доктора Живаго» Евгений Борисович был совершенно несведущ в отношении политической подоплеки и угроз, с которыми был вынужден иметь дело Пастернак вместе с Ольгой Ивинской.
>
> <…> В 1989 году, когда уже не было необходимости прибегать ко лжи, чтобы избежать преследования со стороны властей, Евгений Борисович пишет в книге «Материалы к биографии», что весной 1956 года «представитель иностранной комиссии СП привез в гости к Пастернаку члена ИКП С. Д'Анджело.

> <…> В обстановке официального визита рукопись романа была передана Д'Анджело для ознакомления». Евгений Борисович и по прошествии 33 лет все еще не был в курсе совершенно неофициального характера переделкинской встречи, но в особенности твердого решения Пастернака опубликовать свой роман за границей. Иными словами, Евгений Борисович ничего не знал о побудительных мотивах того, что Ивинская назовет романом о романе.

В выступлении Евгения Борисовича на презентации 11 сентября 2007 года вновь прозвучала его навязчивая мысль, которую он десятилетиями упорно внедряет в головы читателей, о том, что Ивинская и Д'Анджело насиловали волю Пастернака, заставляя его подписывать письма и телеграммы в угоду властям.

Ироничная реакция Серджо на эти речи Евгения Борисовича вызвала резкие нервные выкрики жены Евгения Борисовича в адрес Д'Анджело, на что сидевшая со мною рядом Лена, живущая на Вятской улице и хорошо знавшая семью Ивинской, с удивлением воскликнула: «Откуда столько злобы?»

Видя, что страсти разгораются, слово взяла доктор филологии Мариэтта Чудакова, известный в культурном мире историк литературы и писатель. Она, как обычно просто и ясно, сказала:

— Я говорю сейчас как исследователь, хорошо знающий примеры из истории русской литературы. Ни один настоящий мужчина, тем более из великих писателей, к которым несомненно относится Борис Пастернак, никогда не совершает принципиальных поступков под давлением или поддавшись на уговоры любимых женщин или друзей. Он совершает все решающие поступки и действия только согласно своему личному пониманию проблемы и только в соответствии со своей личной волей.

Аудитория, присутствовавшая на встрече в Литмузее, разразилась аплодисментами, а Серджо восхищенно произнес: «Браво, синьора!»

Казалось, слова мудрой и беспристрастной Чудаковой подвели черту под спором о независимости воли Бориса Пастернака от влияния окружения. Но после отъезда Серджо из Москвы, 14 сентября 2007 года в газете «Известия» появляется интервью журналистки Кочетковой с Евгением Борисовичем и Еленой Владимировной Пастернак. В нем приводится утверждение Евгения Борисовича о том, что «в результате миланского разбирательства Д'Анджело присудили 30 процентов

гонораров за „Доктора Живаго“, что, по словам Д’Анджело, составило 10 миллионов долларов».

Откуда появилось это грубое и ложное утверждение, известно, видимо, только Воланду. В своей книге Серджо ясно написал, что отказался от претензий, когда ему сообщили о подписании соглашения с Фельтринелли, в котором в качестве наследницы Пастернака присутствует наряду с сыновьями Пастернака и Ольга Ивинская.

Серджо получил в 1972 году, уже после странной гибели Фельтринелли, со стороны издательства Фельтринелли только компенсацию расходов на адвокатов, что составило около 50 тысяч долларов. Кому нужна эта сознательная клевета в адрес Д’Анджело о якобы полученных им «пастернаковских миллионах» в публикации «Известий», видимо, не знает и сама журналистка Кочеткова.

Интересно узнать, кто запретил журналистке взять интервью у самого автора книги, Д’Анджело — живого свидетеля и прямого участника борьбы за издание «Доктора Живаго». На чтение книги «Дело Пастернака» у Кочетковой, видимо, не нашлось времени. Опубликовав в своей статье слова Чудаковой, журналистка смогла бы закрыть тему, но, видимо, и этого ей не позволили сделать.

В «заметках» Евгения Борисовича, которые он привел в качестве послесловия к книге Д’Анджело, меня особенно поразил неожиданный пассаж на странице 166. Евгений Борисович пишет:

> Из этой книги я теперь понял, что Д’Анджело хотел найти в архивах КГБ подтверждение того, что вмешательство Инюрколлегии как защитника прав наследников Пастернака было обусловлено осведомленностью КГБ о тайном желании Д’Анджело учредить премию Пастернака. Удивительно, как заразна мания преследования со стороны КГБ, которой были больны сотни тысяч людей в советское время, но того, что она переносится через границы, мы тогда не подозревали.

Я перечитал это откровение Евгения Борисовича несколько раз, не понимая, кто это пишет. И вспомнил слова Мити:

— «Материалы к биографии» (1989) и затем статью в «Новом мире» (1990) Евгений Борисович писал с оглядкой на советские органы. Потому они его спокойно выпустили в Стокгольм, зная, что ничего лишнего он не скажет. Он всегда ревностно защищает интересы ЦГАЛИ, и ему позволяют делать с архивом Ивинской все что угодно.

В своем ответе на претензии Евгения Пастернака Серджо указывает:

> Трудно понять отказ Евгения Борисовича выдать мне доверенность на просмотр папок КГБ относительно отношений Фельтринелли с советскими властями в годы моего судебного процесса против итальянского издателя (Евгений Борисович имел право доступа к материалам КГБ как лицо, вовлеченное в события). В то же время Ирина Емельянова выдала мне доверенность на три папки КГБ с материалами судебного процесса ее и ее матери.

Право, читатель хочет знать, что скрывается в папках архива КГБ, которые не разрешил показать Евгений Борисович приехавшему из Италии Д'Анджело — человеку, который оказал решающее содействие изданию «Доктора Живаго», принесшего мировую славу Борису Пастернаку. Диву даешься, что о «заразе мании преследования со стороны КГБ» говорит человек, чей отец постоянно находился под колпаком этой организации и с гневом писал об этом.

В 1949 году следователь Семенов внушал Ивинской на Лубянке, что она действует заодно с английским шпионом Борисом Пастернаком. Об этом в деле Пастернака, заявлял Семенов, есть показания десятка расстрелянных писателей — троцкистов и антисоветчиков, а также донесения «честных граждан».

В письме к Лиде в Оксфорд 1 ноября 1957 года Пастернак сообщает: «Моя дорогая, началась пропажа моих писем, причем самых важных».

Нет необходимости повторять текст письма Пастернака к Швейцер о причинах сталинского ареста Ольги, которая, как писал Борис Леонидович, «в глазах тайных органов ближе всех стояла ко мне».

Евгений Борисович, видимо, забыл текст «совсекретной» записки от 18 февраля 1959 года (документ 44 в книге «Пастернак и власть»), в которой КГБ докладывает в ЦК КПСС:

> «Как видно из агентурных материалов, Пастернак среди своих знакомых неоднократно высказывал антисоветские настроения… В период Отечественной войны Пастернак (и в то время на Пастернака поступали доносы. — Б. М.) высказывал пораженческие настроения <…> как это установлено в ходе контроля за письмами Пастернака, которые он

> пытался отправить за границу. <…> К числу лиц из близкого окружения Пастернака, не разделяющих точки зрения советской общественности, относится сожительница Пастернака, Ивинская О. В.»

Митя обратил мое внимание на эту подробную депешу КГБ:

— А почему в этой «совсекретной» записке нет упоминания о жене Пастернака, Зинаиде, и о члене КПСС, 35-летнем воспитателе студенческой молодежи, преподавателе вуза — Евгении Пастернаке? Они что, были на другой планете? Кто исключил из книги информацию КГБ о роли ближайших родственников Пастернака в нобелевские дни? Это результат умышленной зачистки текстов.

В исключительно важном письме Пастернака к Жаклин от 17 января 1960 года, которое было опубликовано в России в 1992 году и «случайно» не включено в СС и ПП, 2005, Пастернак в гневе пишет: «Жорж мог бы, если бы захотел, описать Вам замаскированную зависимость, в которой тайная полиция (МГБ) постоянно нас держит (меня и всю семью Ольги, ее сына, дочь и ее саму, как заложников), все время шпионя и следя, судя по собственным открытым и бесстыдным признаниям этого учреждения. А тайна моей переписки!»[357]

Евгений Борисович и Елена Владимировна Пастернак как составители имеют непосредственное отношение к сборнику воспоминаний о Пастернаке[358], в котором собраны свидетельства Лидии Чуковской и других участников похорон Пастернака о «шнырявших во дворе Большой дачи и на кладбище гавриках, которые нагло фотографировали людей, приехавших проститься с поэтом». Лидия Корнеевна приводит диалог, который она слышала на кладбище, когда молодежь стала читать стихи Пастернака: «Может быть, нам разогнать все это безобразие?» — «Пусть пока резвятся, от нас никуда не денутся!»

Уже через день вызывали в органы некоторых писателей, чтобы те назвали фамилии лиц на фотографиях.

Прочитав рассуждения Евгения Борисовича в книге «Пастернак и власть», Митя заметил:

— Конечно, Евгений Борисович не имеет претензий к советским органам, так как его не отравили в 1960 году, как Жоржа и Ирину, не отняли архив, как это нагло сделали чины КГБ на следующий день после похорон Пастернака, силой забрав у нас рукопись пьесы. Это не ему, а маме и Ирине устроили органы провокацию и затем арестовали, отправив в концлагерь.

Видимо, Евгений Борисович и сейчас спокойно иронизирует по поводу страхов Д'Анджело перед КГБ лишь потому, что не его,

а Бориса Пастернака хотели выгнать из страны. Через несколько лет не Евгений Борисович, а Солженицын, Галич, Гинзбург, Ростропович, Вишневская и десятки других антисоветчиков были лишены гражданства по доносам и провокациям, организованным органами.

Особую боль вызывает реверанс Евгения Борисовича в сторону КГБ потому, что эта организация, по твердому убеждению Ольги Всеволодовны и Сони Богатыревой, зверски убила в 1976 году талантливого и бесстрашного Костю Богатырева, который был верным другом и любил Бориса Пастернака и Ольгу Ивинскую. Эта зловещая организация по указанию КПСС зверски убила в 1979 году талантливого писателя, антисталиниста Юрия Домбровского, отсидевшего I 7 лет в лагерях. Вновь и вновь вспоминаю слова Ольги Всеволодовны о том, как Пастернак заклинал ее после нобелевских дней не иметь никаких дел с Евгением: «Он тебя ненавидит и будет помогать властям, чтобы устранить свидетеля его низостей!»

Незадолго до кончины Мити мы обсуждали с ним очередное сочинение Евгения Борисовича и Елены Владимировны Пастернак — книгу с непритязательным названием «Жизнь Бориса Пастернака», вышедшую в Санкт-Петербурге в издательстве журнала «Звезда» в 2004 году. В этой публикации вновь повторились все традиционные для Евгения Борисовича ложь и наговоры на Ольгу Ивинскую: на странице 408 — о причине ареста в 1949 году, на странице 412 — о «коротком романе» Пастернака с Ивинской в 1947–1948 годах, на странице 425 — о том, что Ивинская освобождена осенью 1953 года, на странице 431 — о том, что в 1953 году «отношения Пастернака и Ивинской не возобновлялись», на странице 450 — о «насилии над достоинством и волей Пастернака», учиненном Ивинской и Д'Анджело, на странице 465 — о том, что Пастернак отказался от Нобелевской премии «в приступе отчаяния, вызванного телефонным разговором с Ивинской», и тому подобное. Тогда Митя сказал:

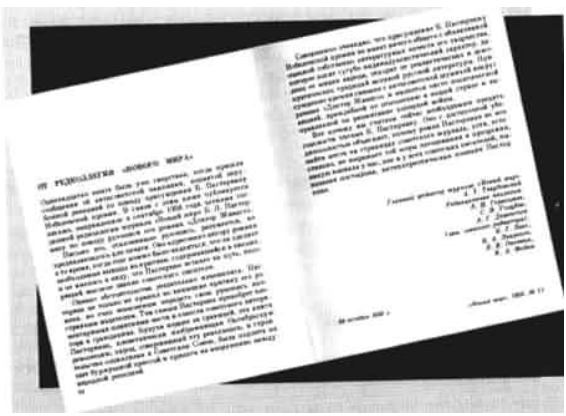
— Евгений Борисович ослеплен ненавистью к маме и даже не осознает, что, распространяя ложь и наветы на Ивинскую, непрерывно дискредитирует жизнь и талант Пастернака, представляя его глупой пешкой в руках антисоветчицы и авантюристки. Он твердолобо повторяет ложь и доносы из злобных речей Суркова и секретных записок КГБ. Сколь ясно и верно определил характер деятельности Евгения Борисовича и Елены Владимировны другой поэт-пророк, Иосиф Бродский: они «попросту дикари».

Действительно, сбылось пророчество Бориса Пастернака!

* * * * *

• Борис Пастернак.

• Александр Яковлев, секретарь ЦК КПСС, рассказывает о «деле Пастернака», 2005 г.



• Борис Пастернак читает поздравительные телеграммы в связи с присуждением ему Нобелевской премии. Переделкино, 24 октября 1958 г.

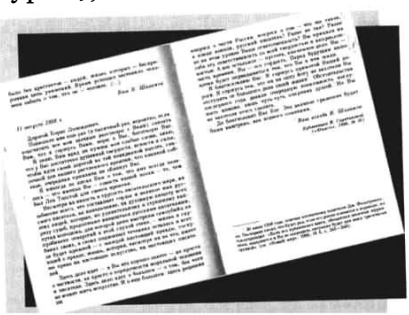
• Обличительная статья редакции журнала «Новый мир» в адрес Б. Пастернака, опубликованная 25 октября 1958 г.

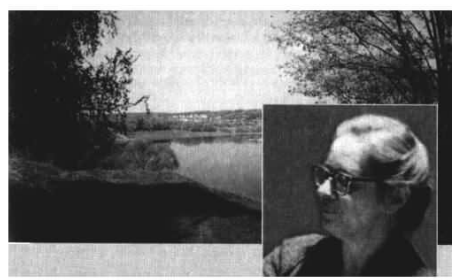
• Ольга Ивинская (август 1960 г.) и Ирина Емельянова (сентябрь 1960 г.) в лубянской тюрьме. Фотография из книги И. Емельяновой.

• И. Емельянова и Б. Мансуров сидят на «викторианском» диванчике, на котором часто отдыхал Борис Пастернак, когда приходил к Ольге Ивинской в Потаповский переулок. 2008 г.

• Дарственная надпись Анны Саакянц на книге для Б. Мансурова, 2 января 2001 г.

• Последнее прижизненное фото Марины Цветаевой (слева) с друзьями А. Крученых, Л. Либединской и сыном Г. Эфроном (Муром), 18 июня 1941 г.





• Письмо Варлама Шаламова Борису Пастернаку.

• Ариадна Эфрон, дочь Марины Цветаевой. Верный друг Б. Пастернака и О. Ивинской. Тропинка в Тарусу, идущая от дачи Цветаевых. Весна 2002 г. Фотография Б. Мансурова.

• Б. Пастернак и К. Чуковский на Первом съезде советских

писателей. Москва, август 1934 г.

• Сталин поручил М. Горькому собрать Первый съезд писателей СССР.

• Б. Пастернак от имени Первого съезда советских писателей получает подарок Съезду — портрет И. Сталина. Москва, август 1934 г.

• Встреча Б. Мансурова с И. Емельяновой в ее парижской квартире. Май 1998 г.

• И. Емельянова рассказывает о своих встречах с Б. Пастернаком. Кадр из французского документального фильма о Б. Пастернаке, 2005 г.

• Колокольня храма Преображения Господня в Переделкине. 2008 г.

• Ольга Ивинская, 1948 г.

• Борис Пастернак.

Глава шестая
Пастернак и Рената Швейцер

«Дружба с Борисом Пастернаком» — об этой книге и ее авторе Ренате Швейцер рассказывается в статье, которую по моей просьбе написала Лилия Цибарт-Фогельзанг в марте 2006 года. Лилия родилась в СССР, в Казахстане, а в 1980-х годах уехала на свою историческую родину — в Германию. В совершенстве владея русским и немецким, Лилия прочитала книгу Ренаты Швейцер в подлиннике. Статью Лилии я привожу без сокращений.

Лилия Цибарт-Фогельзанг

ДОБРЫЙ, УМНЫЙ, ПЛАМЕННЫЙ ДРУГ

В 1963 году в издательстве «Курт Деш» (Вена — Мюнхен — Базель вышла книга Ренаты Швейцер «Дружба с Борисом Пастернаком», написанная на немецком языке. Русский перевод был опубликован двумя годами позже, в 1965 году, в эмигрантском журнале «Грани» (№ 58, издательство «Посев», Франкфурт-на-Майне, Германия). Переписка Бориса Пастернака и Ренаты Швейцер с 1958 по 1960 год явилась последним проявлением «эпистолярной влюбленности поэта»[359]. Эта незаурядная и одаренная женщина жила в далекой Германии, с которой Пастернака очень многое связывало еще со времен студенчества в Берлине и Марбурге. В нелегкое время после публикации романа «Доктор Живаго» Пастернаку, несмотря на любовь и преданность Ольги Ивинской, была, видимо, необходима новая любовь — на тот случай, если он будет нуждаться в «сильнодействующем спасительном источнике»[360]. Рената Швейцер была ему настоящим подарком судьбы: переписка началась, когда Пастернак находился в больнице. Он сразу почувствовал, что Рената «добрый, умный, пламенный друг»[361] и он может не только обращаться к ней с этими словами, но и рассчитывать на проявление этих качеств в ней.

Первое письмо Ренаты к Пастернаку от 13 марта 1958 года оказалось результатом целой цепи переживаний и событий, связанных с ее отношением к России и русским. «Русские были первыми встретившимися мне в жизни представителями чужого народа, они с самого детства жили в моем воображении», —

признавалась Рената Швейцер. Как-то весенним вечером в конце Первой мировой войны ее, тогда маленькую девочку, разбудило что-то необычное — издалека неслось пение: пели мужские голоса — мягко, низко, с тоской. «Я никогда еще не слышала ничего похожего. Я стояла и слушала, как зачарованная, а потом безудержно разрыдалась — первый раз в моей жизни без видимой к тому причины».

Позже она узнала, что пели в тот вечер русские военнопленные, с которыми подружился ее брат. «Мне кажется, нет на свете народа более привязанного к своей родине, чем русский народ, народ выдающейся, несломленной внутренней силы, глубокой религиозности и высокой интеллектуальной одаренности», — писала Рената Швейцер.

Чувство невозвратимой потери охватывало ее при понимании, что та Россия, которую она полюбила еще в юности, читая русских классиков, ушла навеки. Рената интересовалась историей России, прослеживая пути духовного развития русского народа, не упуская случая общения с яркими его представителями.

И вот однажды, в начале января 1958 года, она прочитала статью Герда Руге «Встречи с иной Россией» о его первом посещении Бориса Пастернака в Переделкине. Тут же сообщалось о выходе в свет в Италии романа «Доктор Живаго» и была опубликована фотография автора.

«Непосредственно под впечатлением от статьи меня потянуло написать Пастернаку <…> однако я колебалась <…> и отложила перо», — вспоминала Рената. Но когда 12 марта того же года она — случайно! — услышала радиопередачу о Пастернаке, «начала писать, как в трансе, письмо, которое уже раз собиралась написать».

> <…> Чтобы дать Борису Пастернаку представление о себе, я вложила в письмо свою фотографию и одно из своих стихотворений — «Страстная пятница», созвучное названию его стихотворения в «Докторе Живаго». Это было 13 марта 1958 года, а 10 апреля, открыв свой почтовый ящик, я нашла там открытку. Она была написана совершенно незнакомым мне почерком. <…> Это была открытка от Бориса Пастернака.

Так началась переписка, которая легла в основу книги, опубликованной Ренатой Швейцер, когда возникла необходимость защитить Ольгу Ивинскую и Ирину в годы неоправданных преследований. Публикация переписки с Пастернаком — ни в коем случае не проявление честолюбия.

Когда Борис Пастернак нашел фамилию Швейцер в ряду известных западных литераторов, на вопрос, не она ли это, Рената ответила; «У меня нет никакого имени и никогда не будет! Я старательный новичок в поэзии, к тому же еще лишенный, к сожалению, честолюбия»[362].

То, что публикация преследовала благородную цель защиты Ольги Ивинской, подтверждает факт, о котором стало известно недавно: в книгу вошли не все письма; не вошло, например, письмо Бориса Пастернака Ренате Швейцер, о котором знакомая Ренаты[363] сказала: «Это было самое прекрасное любовное послание из всех, которые мне приходилось читать».

Рената Швейцер осознавала важность свидетельств, которыми она обладает:

> Поскольку отношения между Ольгой Ивинской и Пастернаком, а также ее личность в целом освещались прессой с ложной стороны, я чувствую себя обязанной опровергнуть эти порой просто клеветнические описания письменным свидетельством самого Пастернака. Устные пересказы не имели бы здесь веса. Я делаю это еще и потому, что эти связи и внутренняя борьба обнаруживает всю тяжесть его судьбы, из которой выросли лучшие стихи и «Доктор Живаго».

Так Рената Швейцер предваряет публикацию пространного письма Бориса Пастернака от 7 мая 1958 года. Она не скрывает, что долго колебалась, публиковать ли его. В то время Герд Руге писал об истории возникновения романа и о том, что время помогло Пастернаку преодолеть свой внутренний кризис.

Позже, при встрече в Переделкине, Пастернак говорил ей об этом «внутреннем кризисе» и о том, что работа над романом спасла его от отчаяния, когда Ольга Ивинская была из-за него арестована. Но его творчество не было одурманиванием себя, он осознавал боль как углубление духа и претворял ее в своем произведении. Это было единственное, что он мог сделать для Ольги, — и это была его непрестанная благодарность.

«Пользуюсь случаем окольным путем[364] написать Вам немного больше и свободней» — этими словами начинается письмо Пастернака от 7 мая 1958 года, которое потом будет опубликовано и прокомментировано во многих газетах и журналах мира, исключая, разумеется, советскую прессу.

> У меня добрая, прекрасная жена. <…> Она достойна любви, благодарности и восхищения. Обмануть ее, скрыть от нее что-то или изменить ей для меня так же

немыслимо. <…> И немыслимое случилось. Оно может длиться, оно имеет право пребывать, оно достойно этого. После Второй войны я познакомился с молодой женщиной, Ольгой Всеволодовной Ивинской, и вскоре, не будучи в силах вынести раздвоения и тихой, полной упрека грусти моей жены, пожертвовал едва начавшейся близостью и порвал с Ольгой Всеволодовной. Вскоре она была арестована и провела пять лет в тюрьме и концентрационном лагере. Ее взяли из-за меня, и поскольку в глазах тайных органов она ближе всех стояла ко мне[365], по-видимому, рассчитывали путем жестких допросов и угроз добиться от нее показаний, достаточных для того, чтобы погубить меня на суде. Ее героизму и стойкости я обязан жизнью и тем, что меня не тронули в те годы. Она — Лара того романа, который я как раз начал писать в то время. <…> Она — олицетворение радости и самоотдачи. <…> Она посвящена в мою духовную жизнь и во все мои писательские дела. В продолжающихся неприятностях с «Живаго» от меня только два раза потребовали личного ответа. Высокое начальство продолжает рассматривать Ольгу Всеволодовну как мою заместительницу, готовую принять на себя всю тяжесть переговоров и ударов[366].

Рената Швейцер, по ее собственному признанию, была счастлива знать, что около Пастернака есть женщина, не испугавшаяся никаких жертв и на жестоких допросах не позволившая выжать из себя ничего, что не соответствовало бы действительности и могло бы быть использовано против Пастернака. Сама будучи личностью творческой, Рената понимала, как важно было такому человеку, поэту, выйти из своего внутреннего одиночества и иметь возможность поговорить с женщиной таких же настроений, найти понимание и к тому же еще и творческий толчок.

Это потрясающее своей откровенностью и информативностью письмо придет в Западный Берлин, где жила Рената Швейцер, через Рим в начале сентября, а пока Рената со слезами на глазах читает послания, написанные ясным, легким, утонченным почерком, которые летели к ней из Москвы.

Это было настоящим счастьем: казалось, что Борис Пастернак протянул ей руку! Она осознавала и то, что этот великий человек ответил ей с больничной койки[367].

«Я много отдала бы за возможность принести Вам цветы в палату, если бы я могла облегчить Ваши муки!.. Охотнее всего я

села бы в ближайший самолет и полетела в Москву», — призналась Рената в письме от 13 апреля 1958 года. В этом письме она сокрушается по поводу незнания русского языка и решается на признание в том, почему она тоскует по личности, способной стать для нее примером. Не для подражания в творчестве, хотя, может быть, отчасти и для этого, но в первую очередь для понимания ее писательских опытов. «Женщина не может обойтись без признания со стороны мужчины, без такого признания ее попытки останутся частным высказыванием, которое никогда не может стать искусством».

С этим письмом она посылает свое стихотворение «Ангел», на которое Пастернак откликнулся уже 4 мая. Правда, это была лишь открытка, но содержание послания так окрылило Ренату, что она посылает ему свои 20 «Сонетов к смерти», написанных в 1954 году на смерть своего друга, знаменитого дирижера Вильгельма Фуртвенглера, с просьбой оценить их. Она понимала несовершенство своих сочинений, но надеялась, что Пастернак ответит осторожными словами. Иной критики, по ее собственному признанию, она бы не вынесла. В ответном письме на открытку Пастернака Рената пишет о своих занятиях музыкой в Берлине и Вене, о своей прежней жизни, когда в течение 20 лет с ней рядом был Вильгельм Фуртвенглер, о той работе, которую ей приходилось делать[368].

После получения открытки с ответом на «Ангела» ее будни совершенно переменились. По собственному признанию Ренаты, она «в первый раз в жизни переживала чудо встречи с поэтом в своем стихотворении». Ей все еще не верилось, что такой отклик — этот подарок от Пастернака — последовал только после двух ее писем!

«Фрау Рената, милый друг, Ваш дивный „Ангел“ стоит передо мной, весь в звуках Вашего милого голоса; я счастлив, что мой чудный новый друг так талантливо торжествует надо мной победу. <…> Мне кажется, Вы подошли к порогу моей жизни и намерены благосклонно переступить его», — писал ей Пастернак. Он был готов познакомить ее с двумя или тремя его лучшими подругами и помощницами из своего окружения, называя их ближайшими и достойными соседками Ренаты. А Рената в ожидании ответа на свое пространное письмо боялась, что такая реакция большого поэта — случайность, краткий проблеск, который исчезнет.

29 мая приходит открытка с отзывом на «Сонеты». Отмечая «лишь осуществленное, наивысшее и достигнутое», Пастернак писал: «Очень, очень хорошо, очень волнующе, родственно. Меня преследовало чувство совершенной по отношению к Вам

бестактности, неуместного моего покровительственного тона. Я должен был угадать в Вас профессиональную писательницу».

Несмотря на высокую оценку из уст Пастернака, у Ренаты появилась тоска «по живой теплоте его первых писем». В июне Пастернак обращается к ней с просьбой быть посредницей в деле, касающемся гетевского «Фауста» и «Музея Фауста» в Книтлингене[369]. Он просит просмотреть несколько страниц текста, опасаясь за свой немецкий язык.

Опасения оказались напрасными. «И я просто должна была ему сказать, насколько захватила меня статья, в которой он скупыми словами, ясно и четко обрисовал замысел всей[370] книги. Замысел, который мне, немке, стал ясен лишь постепенно, из разговоров с моим отцом и в результате работы с литературой о Гете», — признавалась потрясенная Рената Швейцер.

Она осознала, что этот гениальный человек, способный так глубоко проникнуть в психику и язык другого народа, имел возможность общения с внешним миром лишь «через решетку клетки». Уже вскоре Рената озадачивает Пастернака своим намерением приехать в Переделкино, на что поэт просит ее отложить посещение на год, подробно изложив ряд причин[371].

Несомненно, расстояние и политические моменты тех лет вмешивались в ход этой переписки. Так, некоторые письма терялись, какие-то так долго были в пути, что возникали и небольшие недоразумения. Так получилось с переходом на «ты», когда Пастернаку показалось, что Рената форсирует их отношения. Его фраза «с напрашивающимся уже порывом к переходу на „ты“ подождем до третьего заболевания»[372] привела Ренату, по ее собственному признанию, в смятение. Она стала серьезно искать причину такой реакции Пастернака, стала анализировать свои письма, посчитала необходимым объясниться[373]. Рената пишет Пастернаку:

> Только в чем дело с «ты», я не совсем понимаю. Мне ведь совершенно не важно, говорите ли Вы мне ты, Вы или он. Кроме того, я принадлежу к числу людей, не выносящих насилия (в особенности в области чувства) и не могу требовать того, чего сама бы не потерпела. Если судьба пожелает и мы скоро встретимся, то не раньше как в минуту этой встречи обнаружится, действительно ли я могу быть для Вас «сильнодействующим спасительным источником»!.. я ведь знаю, какая ничтожная мелочь может иной раз разрушить большую иллюзию, а поэтому, Борис, из чувства самосохранения я должна все продумать и быть ко всему готовой.

Пастернак, несомненно, был ей благодарен за то, что не ошибся: она оказалась не только умным, но и добрым другом. После кратких слов объяснения Рената перешла к вопросам, касающихся духовных сфер[374]. Примирением звучат слова, которыми начинается ответ Пастернака «умному, доброму, пламенному другу»:

> Дорогая Рената, моя нежность к Вам уже ушла много дальше, чем выражает язык моих открыток. Мои письма кажутся мне искусственно сдержанными и холодными. Сохраним, однако, эти границы, останемся в них. Одна из моих открыток к Вам, по-видимому, пропала, да и в дошедших до Вас я о многом не упомянул и на многое не ответил. В июле пришло от Вас письмо с вложенными в него цветами жасмина. Я ясно увидел летний день, одноконные фруктовые и овощные лавки, цветущие кусты в маленьком палисаднике на теневой стороне, и сердце мое переполнилось живой, ощутимой действительностью, окружающей Вас. В нашем саду в это время стоял в цвету такой же жасмин. Я не ответил Вам на Ваше сообщение о Вашем приезде сюда. Дорогая сумасшедшая девочка.

Знаток женской души[375], Пастернак после слов холодных и рассудочных включается в игру, предложенную ему Ренатой, которая в самом начале переписки отметила: «Ах, я рада, что сохранила способность вызывать людей и беседовать с их портретами. Мне кажется, что благодаря постоянной мысли о Вас я обрела нечто неразрушимое». И вот Борис Пастернак дает понять, что ее способность «вызывать людей» не утратила былой силы. Он увидел в письме цветы жасмина и — оказался на берлинской улице, где жила Рената.

Письма осени и конца 1958 года пронизаны переживаниями по поводу присуждения Нобелевской премии. Теперь, почти полвека спустя, когда есть возможность проанализировать все, что происходило в связи с этим событием, при чтении переписки Ренаты Швейцер с автором «Доктора Живаго» становится ясно, как важна была эта переписка для Пастернака. Да, у него было достаточно друзей, которые заботились о его заграничных делах, связанных с выходом романа, было большое количество откликов читателей из заграницы, но его сердце грела мысль о том, что в Германии у него есть добрый, умный, пламенный друг. Были случаи, как это выяснялось позже, когда они в один и тот же день и в одно и то же время суток писали друг другу письма. А послание от 21 октября 1958 года, в котором он признается, что

ее «столь мироохватывающие и мироподобные письма — потрясения», он заканчивает, похоже, непосредственно после получения известия о присуждении ему Нобелевской премии и ставит дату «22/0 ночью». Тогда Пастернак написал Ренате: «Я с тобой, я люблю Тебя. Ты должна это знать и чувствовать». Даже вырванные из контекста письма и всей переписки, эти слова не воспринимаются дежурной фразой.

В начале января 1959 года появилась возможность передавать письма через объявившуюся помощницу. Рената Швейцер воспользовалась предложенной помощью, осознавая истинное положение Бориса Пастернака[376]. «Как я завидую нашему маленькому „ангелу“, который передаст это в Твои руки! Если бы у нас его не было <…> и в этом я вижу волю небес, где не хотят нашей гибели», — написала Рената 19 апреля.

Она стала снова мечтать о свидании со своим кумиром и запланировала поездку в Москву на 5 сентября 1959 года. Но 24 мая ей пришло заказное письмо от Пастернака, в котором он, как уже было однажды, просил отложить приезд на год. Перечисляя проблемы, одним предложением он формулирует главное: «Год отсрочки нужен мне самому по внутренним причинам».

Ренате не оставалось ничего, кроме смирения, и тема искусства стала главной темой их переписки. К концу июля пришло известие о том, что ее посланница очень сожалеет об окончании своей миссии. Из ее последнего письма к Ренате, в котором была задета тема материального положения Пастернака, как никогда ранее ей стало ясно, что он находится в трудной во всех отношениях ситуации.

Вскоре появилась новая возможность передать письмо Пастернаку. Ответ, пришедшее через Гамбург письмо от 20 августа 1959 года, по признанию Ренаты, представлялся для нее «полностью достигнутой близостью»:

> Моя милая девочка, к чему слово «бояться»? Потому, что оно выражает чувство, потому, что оно волнует и заботит. Потому, что Твое обращение и мой ответ охватывают и одолевают, как полностью достигнутая близость. Почти год назад во мне созрело желание сделать Тебе и нескольким друзьям за рубежом кое-какие подарки из моих гонораров[377]. Что это до сих пор задерживалось и тянулось, объясняется тем, что мой главный издатель ссорился с моей парижской уполномоченной и другом[378] (я тебе однажды писал о ней) и не хотел уступить ей в этом. Лишь недавно я получил известие, что дела наконец сдвинулись, и меня

удивляет, что Тебе еще ничего не сообщили.

Ты чудесная, я горжусь Тобой. Ты все понимаешь без того, чтобы я всегда говорил Тебе об этом. Не ищи этого в конце письма, написанным снова черным по белому. Эта Твоя способность будить и волновать все во мне! Она меня приводит в дрожь! Творчество само возникло из жизни, насыщено и упитано жизнью. Но я говорю о новом, дополнительном вторжении первоначального в уже достигнутое и совершенное.

«Полностью достигнутую близость» уже нельзя было вытеснить ничем. Из писем Пастернака ушла былая официальность, исчезла проявлявшаяся порой натянутость. 10 декабря 1959 года он пишет Ренате:

Спасибо тебе, милый друг, за эти два прошедших года, в течение которых любить тебя так облегчало, обогащало и наполняло значением мою жизнь. В наших предположениях и допущениях мы зашли достаточно далеко. Не будем больше делать этого. При всем том, что ты обо мне знаешь, это было бы с моей стороны нечестно и низко. Но если мое молчание порой станет более длительным, причиной будет не это, но необходимость принудить себя к труду, который ведь составляет мой долг и по отношению к тебе тоже. Здесь говорят, будто ты ездила в Париж и посетила мадам Пруайяр. Правда ли это?[379]

Рената Швейцер не ощутила это как отчуждение, потому что в это время вернулся гастролировавший в Москве «Немецкий театр» Грюндгенса. Она посетила в Гамбурге свою семью, и, по ее признанию, «казалось, что Борис Пастернак был в эти дни среди нас, до такой степени чувствовалось его присутствие».

Тогда же, в первые дни нового, 1960 года, она и фотограф Гамбургского театра по фамилии Клаузен задумывают совместную летнюю поездку с целью выпустить книгу о России. Главной темой должно было стать Переделкино. «Я никогда не раскаивалась в том, что я делала по наитию, чем бы дело ни заканчивалось. Поэтому я сразу успокоилась, как только вышла из бюро путешествий, записавшись на поездку в Россию 14 апреля», — вспоминала Рената. Это планировалось как разведывательная поездка, которой она рассчитывала доставить удовольствие Пастернаку и одновременно разузнать, каким образом она и госпожа Клаузен могли бы остаться в России летом для работы над книгой.

«Твое предложение приехать этой весной я впервые принял без волнения и забот, но со спокойной, легко понятной радостью. <…> Ты познакомишься с моей женой и с домом, и с жизнью в доме. Потом я отведу тебя к Ольге. Никакое разочарование, ничто насильственно-неестественное не ожидает и не угрожает никому из нас»[380], — написал ей Пастернак. И далее:

> Твоя талантливость, все, что уже было между нами, тому порукой. Только непреходящее, этот неизменный дар природы, соединяло нас. Не ищи в моих словах стремления что-либо преуменьшить или обуздать. Напротив. Нечто большее, еще ожидаемое, твой приход для меня, можно сказать, уже начался, уже начал осуществляться. И никому (и Тебе тоже) не понять, как серьезно, как трудно мое теперешнее положение после всего полученного признания, после всего подаренного мне доверия. О, как все это обязывает!

По собственному признанию Ренаты, только теперь она поняла, что она затеяла своей предстоящей поездкой. Череду событий, все, что происходило до момента реальной встречи с Борисом Пастернаком, Рената принимала с покорностью любящей женщины, знающей не только цену ожиданиям, но и цену награды за страдания[381].

Она так желала встречи с любимым человеком, что сама судьба, казалось, помогала ей во всем. Часто это была не судьба, а служащие госбезопасности, о чем Рената не догадывалась. Ей просто не хотелось думать об этом! Казалось, что таксист со стоянки у «Метрополя» в Москве, такой неприступный на вид, говорит по-немецки случайно. Какими наивными кажутся строки ее воспоминаний об эпизоде в такси, когда она хотела закурить:

> Водитель уже предложил мне зажженную спичку. По его жесту я заключила, что он, верно, тоже курящий, и отдала ему пачку английских сигарет. Удивление и благодарность тотчас изменили его лицо и открыли ему рот. Он знал по-немецки! Он рассказал мне, что побывал в Дрездене, и мы отлично поговорили. С этой минуты мне стало ясно, что я достигну цели.

Когда они достигли цели поездки, шофер, не слушая пассажирку, взял ее чемоданчик, сумку с патефоном и донес все это к дому. Открыла сама хозяйка, которая говорила немного по-немецки и была любезна с гостьей. В своих воспоминаниях Рената говорит о чувстве глубокого покоя, которое пришло к ней, когда

она достигла цели своих устремлений. Рената пишет в своей книге:

> Я могла бы теперь сидеть так часами, но вдруг меня охватило чувство, что я не одна. Я повернула голову и увидела Бориса Пастернака. Его фигура неподвижно стояла в полуоткрытой двери. Мы смотрели друг на друга и не двигались. Его тонкое, чуть смуглое лицо выделялось на темном фоне, как высеченная камея. Но его глаза… Они не были серыми. Две золотые молнии — так показалось мне — вспыхнули из темноты. Я встала, и он медленно подошел ко мне. Мы не сказали друг другу ни слова, мы только обнялись, словно встретились снова после бесконечной разлуки.
>
> Он ничего не говорил. Все еще ничего не говорил.

Не зная всех особенностей жизни Пастернака, сознательно или случайно, Рената подробно описывает встречу. Становится ясно, что Пастернака сковал какой-то страх. Цитирую из книги Ренаты:

> Я распаковывала патефон и была рада, что можно было доставать еще разные вещи, ибо Борис Пастернак был теперь от меня далеко, там, куда я не могла за ним следовать. Его глаза, казалось, превратились в черные бездонные озера. Наконец я услышала низкий, теплый голос. Он стал расспрашивать меня о путешествии, живу ли я в отеле и принадлежит ли автомобиль, которым я приехала, германскому посольству. Я рассказала ему обо всем, что до сих пор случилось со мной в Москве. **Оживление и радость появились теперь на его лице** (курсив[382] мой. — Л. Ф.).

Рената пишет, что они поднялись по широкой лестнице в кабинет, который был ей так знаком по фотографиям. Казалось, она уже бывала здесь, и все было здесь полно значения. Гостья впитывала в себя пейзаж за окном, каждую деталь интерьера, чтобы потом снова и снова вызывать это в памяти, но, признавалась она, «все эти детали исчезнут, и только голова Пастернака и его узкие нервные руки останутся жить во мне, как выжженные в памяти знаки».

Беседа Пастернака и Ренаты касалась многих тем. Заметив утомленную бледность под его смуглой кожей, она спросила: «Ты себя плохо чувствуешь?» Пастернак уклонился от ответа и спросил, получила ли она его последнее письмо. В этом письме

он просил ее отказаться от поездки и писал о том, что ему «было совсем нехорошо в последнее время». Это испугало Ренату, и она стала умолять его пойти к врачу. Между ними произошло объяснение, раскрывающее значение их переписки. Пастернак вспомнил о своем пребывании в больнице в 1958 году: «Я сам не понимаю, почему, собственно, я пошел тогда в клинику. Но можешь себе представить, что бывают моменты, когда просто не знаешь, что делать дальше. Это было ужасное состояние, я не хотел бы еще раз пережить такое. *Если бы ты не написала мне тогда <…> это помогло мне многое преодолеть*» (выделено мной. — *Л. Ф.*).

В своих беседах того земного, реального свидания они коснулись тем из мира искусства. Ренате Швейцер, по ее собственному признанию, для того «чтобы ее творчество не оставалось частным высказыванием», необходимо было признание со стороны мужчины. На роль этого мужчины Ренате Швейцер судьба поспала Бориса Пастернака. Не только выбор, но и правильный момент обращения к этому мужчине — все это ей удалось сполна. И в этом — вся Рената Швейцер.

Пастернак, как и обещал, познакомил свою гостью с Ольгой Ивинской. Рената оставила нам подробное описание не только своего пребывания в доме Пастернака, но и каждого дня и каждого места. Создается впечатление, что ничто не упущено, все упомянуто почти с немецкой точностью.

И с какой настойчивостью в своих двух посланиях вслед уехавшей гостье Пастернак повторяет о «таком еще близком позавчера»! При первом мысленном обращении (в письме от 21 апреля) Пастернака к этому событию получается, что он говорит о дне 19 апреля, который был «зарезервирован (так у Ренаты) для посещения Кремля». Вечером намечался выход в театр, которому противилась жена Пастернака во избежание неприятностей, так как Пастернаку запрещалось общение с иностранцами. Почти утопично выглядит заключение Пастернака: «Никто не догадается, кто я, если я буду в театре». И совершенно реалистично — другое утверждение, сделанное тут же: «Здесь все все знают!»

Ольга Ивинская написала книгу воспоминаний о годах с Борисом Пастернаком после выхода книги Ренаты Швейцер. Ольга Всеволодовна так описывает состояние поэта после отъезда гостьи из Германии: «Упав на колени, Боря говорил, всхлипывая: „Лелюша, Бог меня не простит за то, что тебе не понравилось, как я был ласков с этой Ренатой“»[383].

Когда вскоре Пастернак почувствовал себя по-настоящему плохо, он, по воспоминаниям Ольги Ивинской, опять связал это

со своим отношением к Ренате: «Лелюша, а не думаешь ли ты, что я заболеваю в наказание за тебя из-за этой Ренаты?»[384] Борис Пастернак не случайно говорил о той атмосфере своей жизни, которая его окружала: «Здесь все все знают!»

В годы, когда понадобилось защитить Ольгу Ивинскую, большую и светлую любовь Бориса Пастернака, Рената Швейцер — добрый, умный, пламенный друг — опубликовала свою переписку с автором «Доктора Живаго». Этим она выполнила просьбу Бориса Пастернака: «Когда я умру, не пишите обо мне книг <…> но дайте мне говорить самому!»

P.S.

В «Полном собрании сочинений» Бориса Пастернака (М.: Слово, 2005, т. 10) вы найдете только три письма Пастернака к Ренате Швейцер: от 14 мая 1959 года, от 26 июля 1959 года и письмо от 12 декабря 1959 года. При этом составители комментариев называют Швейцер немецкой писательницей и сообщают, что в книгу «Дружба с Борисом Пастернаком» она включила 27 писем Бориса Пастернака. Местонахождение оригиналов (на немецком) неизвестно. «Невозможность сопоставить их с утраченными (уничтоженными?) оригиналами и некоторые стилистические особенности текста заставляют сомневаться в их полной аутентичности» — таков комментарий, который Рената Швейцер уже никогда не сможет оспорить.

Вышеприведенный анализ переписки Бориса Пастернака и Ренаты Швейцер и интервью с фрау Лаабс были сделаны мною до того, как я стала счастливой обладательницей полного собрания сочинения поэта. Прочитав комментарий, я была несколько ошеломлена. Но если нет в живых Ренаты Швейцер, то, слава богу, живы комментаторы, которые могут ответить на вопросы: на каких основаниях и кто установил «неполную аутентичность» писем Бориса Пастернака Ренате Швейцер? Получилось, что из 27 писем только 3 оказались аутентичны? Для чего было Ренате Швейцер публиковать письма поэта, при этом что-то меняя в них?

Мои звонки в Москву одному из комментаторов, Евгению Борисовичу Пастернаку, сыну поэта, оказались безрезультатными: телефон не отвечал. И тут случается почти чудо, потому что я получила приглашение из Базеля, Швейцария, на вечер-встречу 30 ноября с… Евгением Борисовичем Пастернаком, которую организаторы связывают с 50-летием публикации «Доктора Живаго». Я написала Евгению Борисовичу и попросила организаторов передать ему письмо с вопросами, приложив конверт для ответа. Сын Пастернака позвонил мне. Не стал отвечать в письменном виде.

Из нашей телефонной беседы я узнала, что в определении

аутентичности писем участвовали два профессора: Рольф-Дитрих Кайль из Бонна и берлинский знаток пастернаковского стиля написания писем (его фамилию Евгений Борисович Пастернак запамятовал). Так все вместе определили, что не мог Борис Пастернак писать таких писем Ренате Швейцер! «Как же те три, опубликованные?» — уточнила я. Оказалось, они каким-то образом могли быть аутентичны, потому и попали в полное собрание.

Евгений Борисович считает, что Рената Швейцер была человеком литературным и опубликовала неплохой роман в письмах, который нельзя рассматривать как переписку с его отцом. Даже собственные ее письма в книге отличаются от хранящихся в Москве оригиналов. Это к вопросу, зачем было Ренате Швейцер что-то менять в письмах Бориса Пастернака. Все дело, оказывается, в ее «литературности». В таком случае любая литературная дама не упустила бы случая указать на подробности встречи, которые делают такую книгу еще интереснее. Рената Швейцер не стала этого делать, полагая, как и Борис Пастернак, что и так «все все знают».

И вдруг Евгений Борисович сделал одно уточнение, сказав, что не только письма Ренаты Швейцер публиковались избирательно. В «полное собрание» вошло далеко не полное собрание писем Пастернака.

Да, это заметили и отметили многие, кто знает историю отношений семьи Бориса Пастернака и Ольги Ивинской, потому что письма к ней тоже опубликованы не все. Наверное, многие письма Пастернака другим корреспондентам остались неопубликованными по разным причинам. Что до несовпадений в оригиналах и опубликованных письмах самой Ренаты, то любому известно, что такое встречается часто: черновик отличается от окончательного письма.

Но в неаутентичности писем к Ренате Швейцер виновато, на мой взгляд, только одно письмо — от 7 мая 1958 года (из ее книги), которое характеризовало Ольгу Ивинскую как очень близкого и дорогого Борису Пастернаку человека, пострадавшего от близости к поэту. Это подтвердила и фрау Лаабс, ответив на мой вопрос о цели публикации книги: «Она хотела помочь Ольге!»

Лидия Фогельзанг.

30 ноября 2007 года

Цюрих (Швейцария)

P.P.S.

Поиски какого-либо письменного высказывания профессора Кайля о переписке Ренаты Швейцер с Борисом Пастернаком не дали результата: в библиотеке Боннского университета, где Рольф-Дитрих Кайль преподавал многие годы до самой пенсии, не оказалось такой работы. Но там мне дали совет: позвонить господину Кайлю.

Результат нашего телефонного разговора ошеломил и обрадовал меня: Кайль, профессор славистики, бывший переводчик канцлера Аденауера, переводил стихи Пастернака, но никогда не высказывался о переписке Пастернака с Ренатой Швейцер. Он эту переписку никогда не читал.

Лидия Фогельзанг.

4 апреля 2008 года

Цюрих (Швейцария)

НЕСКОЛЬКО ДОПОЛНЕНИЙ К ТЕМЕ О «ВОСПЛАМЕНЕННОЙ ДУШЕ» РЕНАТЫ ШВЕЙЦЕР

Отношение Пастернака к женщине всегда было особым: трепетным, доверительным и влюбленным. Об этом говорит Ольга Ивинская в комментарии к стихотворению «Женщины в детстве». Если Пастернак встречал женщину незаурядную, с родственной душой, то он в нее искренне влюблялся, как любил жизнь во всей ее красе и разнообразии. Помню, как однажды Ивинская говорила о влюбчивости Бориса Пастернака:

— Если даже малознакомая женщина проявляла к Борису Леонидовичу чувство соучастия и душевного единения, то он уже любил ее и при встрече целовал, как родную. Я однажды говорю Боре: «Почему ты, едва познакомившись, сразу целуешь женщину? Ведь это приводит ее в смущение». На это Боря отвечает: «Но я ведь по глазам вижу, что они этого ждут от меня». Влюбляться в женщину — это естественное состояние поэта, в этом главная тайна его жизни. Иначе не стало бы поэзии.

Об этом говорят письма Пастернака в Грузию, воспоминания Фрейденберг, Чуковской, Герштейн, Баранович-Поливановой, Муравиной и других. В одном из последних писем к Жаклин во Францию в январе 1960 года Пастернак пишет: «Дорогая Жаклин, я люблю Вас, это главное, и пока я жив, это никогда не переменится. <…> Пишу на грани слез. Спасибо за все».

Красноречивы строки из стихотворений Пастернака:

И присутствие женской стихии
Облекало загадкой уклад…
Всем им, мимо прошедшим, спасибо —
Перед ними я всеми в долгу.

Переписка Бориса Пастернака с Ренатой Щвейцер явилась последним проявлением эпистолярной влюбленности поэта в незаурядную и одаренную женщину в далекой, но столь близкой душе Пастернака Германии еще со времени его учебы 1912 году в Марбургском университете у профессора Когена. Книга Швейцер была написана в короткий срок в ответ на клевету, которую стала распространять за рубежом советская пропаганда после ареста и заключения Ивинской и ее дочери Ирины в концлагерь. Книга вышла в Германии в 1963-м и вскоре была переведена на многие языки, защищая честь и достоинство Ольги Ивинской[385].

Рената пишет в своей книге: «Пастернак говорил мне в Переделкине, что работа над романом спасла его от отчаяния, когда Ольга была из-за него арестована. Он сознавал боль как углубление духа и претворял ее в своем произведении. Это было единственное, что он мог сделать для Ольги, — и это была его непрестанная благодарность»[386].

Все последующие тексты писем, а также комментарии Ренаты Швейцер приведены в соответствии с русским текстом, опубликованным в 1965 году в журнале «Грани», № 65.

В откровенном «закрытом» письме к Ренате Швейцер Пастернак написал, что Ольга Ивинская — Лара его романа, и подчеркивал суть их единения: «Ограниченная лишь важнейшим, общность самого существа и есть подлинная, почти абсолютная форма притяжения, притяжения духа, радостного порыва, экзистенциальной родственности»[387].

«Закрытое» письмо Пастернака к Ренате и комментарий к нему опубликовали в 1964–1965 годах центральные газеты и журналы мира, исключая советскую прессу. Своей книгой Рената Швейцер исполнила просьбу самого Пастернака, сказавшего ей в апреле 1960 года в Переделкине: «Когда я умру, не пишите обо мне, но дайте мне говорить самому, моим письмам и моим произведениям».

В переписке Пастернака и Ренаты Швейцер, как говорила Ивинская, произошло «воспламенение душ». В первом письме в марте 1958 года Рената сообщала, потрясенная услышанным по радио чтением главы романа «Смерть Живаго»: «Боже, какие чувства пробудила во мне эта речь, эта сцена (плач Лары над гробом умершего Юры. — Б. М.)! Как мог мужчина так хорошо

понять переживания женщины?»

В июньских письмах Рената и Пастернак говорят о величии и истоках гениальных произведений Гете. Рената отмечает: «Ваш немецкий так ярок, даже немцы могли бы позавидовать выразительности Вашего слога и находкам. <…> Гете, как никто, черпал из личных переживаний».

Рената понимает, что и «Доктор Живаго» отражает мировоззрение и личные, жизненные переживания Пастернака. Узнав о желании Ренаты приехать в Переделкино, Пастернак просит письмом от 12 августа: «Но зачем я Вам до выхода „Доктора Живаго“ в издательстве „Фишера“? Чем я Вас покорю? Чем я Вас завоюю? Потому прошу отложить посещение на год».

Вслед за ним Пастернак уже 16 августа шлет еще одно письмо с тремя своими фотографиями. Получив фотографии, Рената восхищенно пишет:

> Ваша фотография. <…> Вы на ней — как маркиз. Другая — это олимпиец, и вижу незримый лавровый венок[388]. А фотография из больницы? Да, Борис, это самый вневременной снимок из всех, которые я когда-либо видела. <…> Разве не было бы чистейшим безумием желать себе такую сумасшедшую судьбу, как моя сейчас? Точно на меня налетел ураган, в котором не повинны ни Вы, ни я. <…> Когда я ранним утром писала письмо, только Вы, Вы были около меня! Ваше лицо, смотревшее на меня с фотографии, менялось вместе с настроением и образом письма. У меня было одно желание — чтобы этот город был не Берлином, а Москвой!

Рената поясняет в книге, что письмо «с лепестками розы» было ее поздравлением Пастернаку к выходу в свет «Доктора Живаго» и «Автобиографии» в Париже. Написала Рената и о восторженной рецензии на роман в «Нувель литерер».

Открытка Пастернака к Ренате от 31 августа:

> «Дорогая Рената! <…> Ваше последнее письмо с лепестками розы. Спасибо, спасибо, спасибо за все. <…> За присланные две фотографии благодарю».

Рената была удивлена волнением Пастернака за ее возможную негативную реакцию на откровенное, «закрытое» письмо, где поэт пишет об Ольге — Ларе его романа. 18 сентября 1958 года Пастернак отвечает:

> Дорогая Рената! Как я счастлив твоим письмом. <…> Какие еще радости ждут нас впереди. Ты скоро прочтешь мою книгу. Тогда ты прольешь единственные, стоящие слезы, те самые, которые и я не могу сдержать, когда начал читать французский перевод романа. Тебе не надо ни о чем жалеть. Моя близость к тебе будет стоять рядом с тем, о чем ты наконец узнала из письма.

После прочтения романа Рената была уверена, что Пастернак будет удостоен Нобелевской премии, и стала готовиться к поездке в Стокгольм, чтобы встретиться с поэтом, когда ему будут вручать премию.

В начале октября 1958 года Пастернак пишет Ренате:

> Предпоследним летом я написал несколько новых стихотворений, среди них одно о купальщице, Еве. В журнале «Эспайр», Париж, случайно есть его перевод. Привожу тебе последние строфы из него:
>
> О женщина, твой вид и взгляд
> Ничуть меня в тупик не ставят,
> Ты вся — как горла перехват,
> Когда его волненье сдавит.[389]

В этом письме Пастернак замечает:

> Считают, что Нобелевская премия этого года может быть присуждена мне. Я крепко надеюсь, что она меня минует и достанется Альберто Моравиа. <…> В жизни есть положения, когда только своего рода неподвижность обеспечивает равновесие окружающих. Шаг в сторону — и наши ближайшие сожители осуждены на страдания, на ревность, обиды, оскорбления, и все затянувшиеся было раны сердца снова открыты.

В то же время, 6 октября 1958 года, Пастернак пишет сестрам в Англию о том, что если ему будет присуждена Нобелевская премия 1958 года, то он постарается взять с собой в поездку Ольгу Ивинскую. После получения октябрьского тревожного письма Рената в смятении:

> Страдания, которые вынесли юность и здоровье Ольги, — вынесет ли их Пастернак, так долго в 1958 году пролежавший в больнице? Боязнь за его жизнь,

> страх потерять его — я думала, что не смогу перенести этого. Я послала последнюю страницу письма Пастернака в Стокгольм Нобелевскому комитету с просьбой отложить на год чествование Пастернака, если ему будет присуждена Нобелевская премия.

Митя говорил по этому поводу:

— Как ясно видна непоказная тревога и забота о жизни Пастернака у искренне любящих его людей. Естественная реакция влюбленной и верной долгу женщины — уберечь от страданий своего кумира. Как это отличается от трусости и предательств родни Пастернака в нобелевские дни!

В письме к Ренате, отправленном в сентябре 1958 г. Пастернак пишет:

> Мне свойственно желание перезнакомить между собою моих самых избранных и милых друзей. <…> Это скорее круг вокруг Ольги. Наши обычные гости, то есть окружение Большой дачи, мне гораздо безразличнее. <…> Я сказал Ольге, что хочу направить к тебе вышеназванных друзей (Теенса, Руге, и других). Но Ольга была права, возразив, что напрасно думаю, будто такое окутывание тебя сетью друзей доставит тебе удовольствие.

— Никакая женщина не захочет делить с кем-то своего кумира, — заметил в разговоре со мной на эту тему Митя.

Далее в своей книге Рената рассказывает о днях осени 1958 года, когда в Европе обсуждали кандидатуры на Нобелевскую премию: «С 3 по 8 октября 1958 года по берлинскому радио вечерами известный актер Эрнст Шнабель читал главы из „Доктора Живаго“. Это стало огромным событием, привлекавшим тысячи слушателей».

Зная о реальной Ларе романа, Рената посылает Пастернаку большое письмо и приводит в нем удивительное стихотворение древнекитайского поэта Ли Дайбо, где есть строки: «Как долго длится запах мандарина / У женщины, которая его под мышкой спрятала». Как рассказывала мне Ольга Всеволодовна, Борис Леонидович был поражен этими строчками из письма Ренаты.

— Ведь этот аромат я вдыхал по утрам, оставаясь с тобою. Твой горький дурманящий мандариновый запах сопровождал меня весь день. И я описал его в романе, — удивленно говорил он. — А Рената на расстоянии почувствовала его присутствие между нами в самые жаркие часы наших встреч, — восхищенно повторял Боря, перечитывая эти строки письма Ренаты[390].

Восхищаясь талантом и проницательностью Ренаты, Пастернак обращается к ней в письме 22 октября 1958 года будто через третье лицо:

> Теперь второе поручение. Скажи Ренате — мне, понятно, не приходится говорить ей этого, — что ее большое письмо я читал со слезами, что это колебание основ, что это преступление — бросать человеку такие мироохватывающие, творениеподобные письма. Да и что я удивляюсь, как она начитанна. Я и не подозревал, что у Ли Дайбо есть такие строфы. Это ослепительная встреча. Я думал, что это сродство запаха мандарина и легкого нагрева кожи — особенность лично моей памяти, а тут оказывается, что даже самое субъективное, если его правильно увидеть и назвать, общечеловечно!

И в том же письме, дописанном ночью 23 октября 1958 года: «Ты была права с твоим предсказанием. Нобелевская премия мне присуждена, и тебя я тоже поздравляю с ней».

Прошло лишь несколько дней после радостной вести из Стокгольма, как повеяло смертью из СССР. Рената пишет о том ужасе, который охватил ее от подлой травли, которой стал подвергаться Пастернак в России за Нобелевскую премию. Эту травлю широко вели и прокоммунистические издания на Западе.

«Чем и как Пастернак будет жить после того, как Союз писателей, которому принадлежит даже дом, в котором он жил, исключил его из состава своих членов? Ольге с друзьями удалось уберечь Пастернака от рокового шага, к которому он был готов», — пишет Рената.

В 1959 году Рената просит свою знакомую, которая направлялась в Россию, посетить Переделкино и передать Пастернаку подарок, а при возможности и деньги. В книге Швейцер приведено письмо ее знакомой о посещении Большой дачи: «В первый день приезда на дачу мне недовольно сообщили, что Бориса Леонидовича нет дома. Приехала второй раз, и теперь экономка сказала, что его нет дома. Услышала голос Пастернака, который кого-то успокаивал».

В марте 1959 года, после возвращения Бориса Леонидовича из тбилисской ссылки, генпрокурор Руденко заставил Пастернака подписать обязательство «прекратить встречи с иностранцами». Такое обязательство заставили подписать и Ивинскую. Продолжение письма подруги Ренаты, посетившей Бориса Пастернака в Переделкине:

> Пастернак сердечно приветствовал меня и сказал,

что хочет представить гостям, которые собрались к обеду. <…> Он представил меня и познакомил с присутствующими, между прочим, и с сыном Прокофьева. Супруга Пастернака ворчала. Потом мы сидели с ним на веранде, и он говорил о своей уже начатой драме. К нам вышла его супруга и напомнила о его обязанностях хозяина.

Положение было неприятным, я чувствовала себя нежеланным гостем, но не ушла. Теперь это меня радует, и я надеюсь, что гнев госпожи Пастернак скоро улегся. Я стояла между ее немилостью и его довольством. Лучше сотня рассерженных женщин — гнев ведь проходит скоро, чем видеть его разочарованным! <…> Борис Леонидович был трогателен — из-за меня он навлек на себя гнев супруги. <…> Он сказал, что написал Вам все, что хотел, в последнем письме. По собственной инициативе затронул тему денег. <…> Тогда я спросила его, нужны ли ему деньги — простите меня, я не сумела начать умнее! Его ответ: «Это совершенно не касается Ренаты».

Письмо посланницы к Ренате заканчивалось словами:

Он передал много сердечных приветов для Вас и лукошко великолепной красной клубники из собственного сада на дорогу. Меня удивляет, что такой обычный человек, как я, может пережить столько прекрасного и яркого. Сердечно благодарю Вас за ваше доверие. Душевный подъем он, несомненно, получил от контакта с Вами. Как я восхищаюсь этим человеком, который сказал мне: «Я плаваю в море вот уже долгое время и удивляюсь, что до сих пор не утонул — и я не несчастлив!» Какая высота души!

Рената пишет:

Это письмо вызвало во мне образ Бориса Пастернака с такой силой, что все мои художественные проблемы вдруг потеряли всякое значение. <…> В конце августа я оставила Берлин и поехала на родину моей души, остров Силт, уже не раз снимавший с меня горести и заботы повседневности. <…> 29 января 1960 года я получила разом два письма, пришедших из Москвы с интервалом всего в два дня[391].

Письмо Пастернака к Ренате от 25 января 1960 года:

> Ты пишешь мне дивные письма, Рената. Твои обрамленные золотом стихи о последнем звоне часов в новогоднюю ночь очень хороши. И еще чудеснее описание Рождества в Гамбурге. <…> Спасибо тебе за персов. Ты очень хороша, милый друг, на фотографии в профиль.

Письмо Пастернака к Ренате от 27 января 1960 года:

> 1. Ах, как тонко, глубоко и правильно и духовно родственно то, что Генрих Гессе высказывает о Готфриде Келлере! Ты знала, чем поддержать меня. Если тебе попадутся мои строчки о Шопене — сравни их с этими словами Гессе.
> 2. Полтора года тому одна американка, прочитав «Охранную грамоту», сообщила, что Венеция осталась такой, какой я ее видел, но фиалки же нигде, даже в Парме, уже не пахнут так, как они пахли в годы моего отрочества и еще пахнут в «Охранной грамоте».
>
> В первый раз я снова почувствовал этот запах, когда открыл твой конверт с фиалкой. Какое дальнее, давно прошедшее воспоминание! Благодарю тебя за эту встречу, мой ангел.
>
> *Твой Б.*

Рената с волнением стала готовиться к поездке, мучительно думая, что ей привезти Пастернаку и Ольге. Рената пишет:

> В феврале 1960 года я прочитала очерк Хайнца Шеве в газете «Ди Вельт» о праздновании юбилея Пастернака (70 лет!) на даче у Ольги. И не могла себе представить, что спустя два месяца я сама войду в эти комнаты. Шеве написал, что среди подарков были и пластинки с немецкой записью «Фауста», но не было аппарата, чтобы прослушать их. Я немедленно пошла и купила патефон.

Наступил долгожданный апрель, и Рената приехала в Москву. Их группу разместили в Гостинице «Метрополь». В день Пасхи 17 апреля 1960 года Рената вышла из гостиницы, и на подъехавшем такси за доллары ее повезли в Переделкино. «Оказалось, случайно, — пишет Рената, — шофер говорит на немецком языке»[392]. Она сообщает в книге, что «госпожа Зина была со

мной мила и дружелюбна»[393].

Рената описывает беседу с Пастернаком в его комнате наверху:

> Мы сидели друг против друга. На простом стуле не было подушки, на полу не было согревающего ковра. Единственными цветными пятнами в комнате были корешки книг на высокой полке. Там я увидела издания «Доктора Живаго» на различных языках. <…> Я смотрела из окна на его сад, на луга и Переделкино, где вдали виднелась колокольня церкви. <…> Вспомнив о больнице, куда он попал в 1958 году и где впервые к нему принесли мое письмо, мы начали говорить о нашей переписке, о счастливом и тяжелом времени. Историю с Нобелевской премией он быстро исчерпал.
>
> <…> Комсомольцы собирались поджечь его дом, а однажды он видел, как двое подрались из-за него, потому что один из них назвал Бориса Леонидовича предателем.
>
> Острой угрозой для него стало опубликование стихотворения «Нобелевская премия». Его на прогулке грубо усадили в автомобиль и отвезли в прокуратуру, где предъявили обвинение в измене родине. Он дал подписку об отказе встречаться с иностранцами. <…> А вскоре на допрос вызвали Ольгу — это было для него самое ужасное. <…> Я спросила, что же случилось с тех пор? «Пока ничего», — ответил он совсем тихо, и я почувствовала, какая трагедия скрывалась за этими словами.
>
> Солнце стояло уже высоко, когда мы направились к Ольге. Мы прошли через маленькую калитку прямо в лес. Тонкие слои снега еще покрывали там и сям лесную тропинку, торжественные зеленоватые сумерки окружили нас. Лес как бы пел свою песню, которую хорошо отразил в своих стихах Пастернак. Эти стихи никогда не перестанут звучать в моем сердце, ибо все «исполнилось и сбылось». Мы вышли на залитую солнцем широкую деревенскую улицу. Серо-голубое озеро как бы сопровождало нас. Пастернак в светлом костюме легко шагал рядом со мной, как юноша. Он с чувством обнимался и христосовался со встречными знакомыми. Он открывал свой портфель и со счастливым лицом раздаривал припасенные заранее подарки. Он совсем преобразился. Когда мы подошли к даче Ольги,

он взбежал на пригорок, как мальчик[394].

Ольга Ивинская уже открывала нам двери и вскричала: «Я так и думала, что Рената уже здесь, раз вы так поздно пришли!» Она опиралась на палку, поскольку повредила правую ногу, и мы обе смеялись над нашим общим несчастьем. Лишь месяц тому назад в Берлине я также повредила правую ногу. <…> Мы сидели в комнате, о которой я уже читала в очерке Шеве.

На узком столе стояли и чарующе пахли лиловые левкои и нежно-желтая роза. (Любимое Пастернаком сочетание двух цветов. — Б. М.) Я выбрала из корзинки светящееся крашеное яичко, и еще теперь берегу его, красное, как киноварь. Казалось, что мы уже сотню раз сиживали так втроем. Пастернак, оживленный и счастливый, переводил, склоняясь то направо, то налево, так как Ольга не знала немецкого языка, а я — русского.

Казалось, что мы разговариваем на одном языке. Мы пили вино, болтали, смеялись и были счастливы[395]. Время пролетело, как один миг. <…> Пора было возвращаться на Большую дачу. Мы надеялись еще увидеться в театре на спектакле «Братья Карамазовы». Было уже четыре часа дня, когда мы вернулись в «ковчег»[396].

Рената подробно описывает окончание этого первого дня своего посещения Пастернака в Переделкине:

Пастернак приветствовал своих гостей пламенной речью. Затем он переводил мне тосты гостей и объявил, что гости надеются выслушать и мою речь. <…> Я так растерялась, что даже забыла встать. Я рассказала, как смогла, о нашей дружбе, достигшей своего апогея в этой встрече. Я благодарила всех, и особенно Зинаиду Николаевну, за эти праздничные часы, за незаслуженно радушный прием в кругу друзей дома. Пастернак переводил, и мне было неловко от наградивших меня бурных аплодисментов.

День прошел слишком быстро. Пастернак предложил мне поехать с ним в Москву на театральный спектакль, но Зинаида Николаевна не разрешила ему эту поездку.

Я подарила Пастернаку рисунок «Тигр», который сделал мой племянник Генрих Вульф, на что Борис Леонидович написал ему благодарственную открытку. Чета грузинских писателей из Коджори взялась подвезти

меня в Москву на автомобиле.

В среду 20 апреля я приехала последний раз в Переделкино. Пастернак подарил мне книгу стихов «Когда разгуляется», где написал: «Ренате Швейцер… пришла, увидела, победила! До свидания, милая подруга. Живи легко, счастливо, широко, удачливо. Счастливого возвращения, будущее нас не разъединит. Твой Б.»

Вернувшись в Берлин, Рената обнаружила апрельское письмо Пастернака, которое уже не застало ее, так как она уже уехала в Москву. В нем были такие слова:

> Прислали ли тебе мой сборник «Когда разгуляется»? Там превосходные, точные переводы на немецкий[397]. Ты увидишь, до какой степени банально мое настоящее существо в этой точной, мастерской передаче. Плохие переводчики обманывают читателя и сделали меня, благодаря неясности их передачи, непонятным, притягательным, путаным. Не приезжай сюда. Обнимаю тебя.
>
> *Твой Б.*

Рената пишет в своей книге: «Как я была рада, что лишь теперь прочла это письмо. Уже задним числом меня охватил страх, который я должна была испытать, попади письмо в мои руки раньше».

Пришло письмо, написанное Пастернаком 21 апреля 1960 года:

> Я только что вернулся с телефонной станции, откуда пытался позвонить тебе. Как мне Тебя не хватает, мне так грустно, что это было позавчера. Ты так глубоко вошла в мою душу и жизнь. Благодарю и люблю Тебя. И еще так много произойдет и случится.
>
> *Твой Б.*

В те дни Рената заболела:

> Я начала было снова делать покупки — любимые Пастернаком баховские концерты, бетховенские симфонии под управлением Фуртвенглера. Но вдруг я заболела. Озноб и сильный жар. У меня ничего не болело, и врач не мог ничего установить. А когда через

несколько дней я поднялась с постели, пришло письмо из Москвы от 25 апреля, объяснившее мою болезнь.

Письмо Пастернака к Ренате, датированное 25 апреля 1960 года:

> Пишу тебе в постели. У меня страшные боли во всей груди, в спине, в левом плече. Не знаю, что это такое. Грудная жаба? Рак легких? Тем больше моя радость, что мы дошли до конца в нашем узнавании друг друга и любви друг к другу. Это бесконечно милое недавнее прошлое, это еще такое близкое позавчера, в эти дни страшных телесных болей, когда я так спокойно думаю о смерти, кажется мне полным света и обетований, таким, каким в течение всей жизни было для меня будущее. Приходил врач. Нервы, невроз. А боли в лопатке так жестоки, так нестерпимы. Предписания: лежать, не спускаться вниз и т. д.[398]
>
> В деле помощи от меня не создавай себе забот[399]. Оно потребует еще много времени (целые месяцы), надо будет действовать через Ф. Не могу больше писать, пропадаю от боли в сердце.

Рената Швейцер пишет:

> Смертельно больной, в мучениях, он думал о будущем совершенно чужих ему людей. Я была еще настолько слепа, что не понимала, что он умирает. Я поверила в болезнь нервов, просила беречь себя и отправила пакет с вещами, казавшимися мне нужными. Мне не приходила в голову мысль, что он уже не получит его. Когда 6 мая пришла телеграмма, я все еще не догадывалась, что это была последняя весть от Пастернака. Он, истерзанный болями, сообщал в телеграмме: «Прямой опасности нет, но нестерпимые, измучивающие боли в груди, плечах, спине. Прощай. Желаю радостной плодотворной работы. Борис». Следующие дни моей тревожной жизни невозможно описать. <…>
>
> Когда я прочла в журнале дневник больного Пастернака[400]: «Если мне станет хуже, я хотел бы, чтобы ко мне позвали моих друзей», я подала прошение о визе, которую мне дали на 2 июня.
>
> Поздним вечером 30 мая я стояла перед раскрытым чемоданом, в который собирала вещи для поездки к

нему в Переделкино. Было уже за полночь, как вдруг по радио прозвучала, как гром, весть о смерти поэта, Нобелевского лауреата Бориса Пастернака[401].

К ИСТОРИИ ПОЯВЛЕНИЯ ВОСПОМИНАНИЙ ЛИЗЕЛОТТЫ ЛААБС О РЕНАТЕ ШВЕЙЦЕР

В 2003 году я познакомился с приехавшей из Германии Лилией Цибарт — организатором «Цветаевских костров» в Шварцвальде. Одной из тем наших бесед была влюбленность двух больших поэтов России: Марины Цветаевой и Бориса Пастернака. Я рассказывал о своих встречах с Ольгой Ивинской, мы побывали в Переделкине и Измалкове, на могилах Пастернака и Ивинской. В одном из рассказов упомянул о письме Лаабс к Ольге, пришедшем из Берлина в год 80-летия Ивинской. На письме был берлинский адрес, и я попросил Лилю узнать в Германии что-либо о Лизелотте, а быть может, и о жизни Ренаты Швейцер.

Через некоторое время от Лили приходит поразительная весть о том, что Лаабс жива и в апреле 2004 года ей исполнится 100 лет. Лиля с Лизелоттой обменялись письмами. И тогда я поспал через Лилю письмо для Лаабс:

Дорогая фрау Лизелотта!

Мне бесконечно радостно узнать о Вашем письме к моему другу Лилии Цибарт. Ваше явление на мои поиски сведений о Ренате Швейцер — элемент нового чуда, которое меня сопровождает с момента встречи в 1988 году с Ольгой Ивинской — последней, яркой и верной любовью одного из гениальных поэтов XX века Бориса Пастернака. Мне удалось в 1992 году издать в России книгу Ивинской «Годы с Борисом Пастернаком» к 80-летию Ольги Всеволодовны.

В то же время к ней пришло и письмо из Германии от Вас, знавшей Ренату Швейцер, которая очаровала своей перепиской Пастернака. Ольга с теплотой рассказала мне о встрече с Ренатой в Переделкине 17 апреля 1960 года, в день Пасхального Воскресения. В 1999 году оказал помощь в издании первой книги стихов Ивинской, которые она посвятила своему любимому — поэту Борису Пастернаку.

Книгу подготовили дочь Ольги, Ирина Емельянова-Козовая (профессор Сорбонны, с 1985 года живущая в Париже) и сын Ольги Митя (переводчик и поэт, живущий в Москве). Высылаю Вам в подарок эту книгу стихов Ольги «Земли раскрытое окно». Готовлю к изданию книгу о Борисе Пастернаке и Ольге, где приведу череду удивительных стихов поэта, связанных с жизнью и любовью Пастернака и Ольги. Много неизвестных любителям поэзии Пастернака комментариев к этим стихам поведала мне Ольга Ивинская за семь лет наших многочисленных встреч и бесед в ее московской квартирке на Вятской улице. Скончалась Ольга Ивинская 8 сентября 1995 года и покоится на переделкинском кладбище в двухстах метрах от могилы Пастернака. В свою книгу включаю материалы о Ренате Швейцер.

Искренне прошу Вас, любезная фрау Лизелотта, если возможно, прислать мне через Лилю некоторые сведения:

Краткую биографию Ренаты. Особо интересна ее творческая часть. Фотографию Ренаты.

Передать рассказ Ренаты о ее встрече с Пастернаком и Ольгой в Переделкине.

Сообщите, пожалуйста, об усилиях Ренаты по спасению Ольги, когда Ивинскую арестовали после смерти Пастернака.

О контактах Ренаты с Фельтринелли, Жаклин (финансовые, творческие и пр.), если о таковых Вам что-либо известно.

Буду Вам искренне благодарен за любую весточку.

Обнимаю. Ваш Б. Мансуров.

Я послал в Германию с этим письмом к фрау Лизелотте также книгу стихов Ольги Ивинской «Земли раскрытое окно» и копию письма фрау Лаабс к Ольге от 1992 года. Я просил Лилю встретиться с Лизелоттой и узнать что-либо о судьбе Ренаты Швейцер.

Лиля с интересом отнеслась к этому сложному вопросу и обратилась к Лаабс с просьбой о встрече. Фрау Лаабс с готовностью согласилась на встречу и пригласила Лилю в Берлин в дни празднования своего столетия в апреле 2004 года.

Привожу ниже текст беседы Лили с Лизелоттой Лаабс, который Лиля перевела на русский язык.

ИНТЕРВЬЮ С ЛИЗЕЛОТТОЙ ЛААБС

Лизелотта Лаабс, в девичестве — Хенер, отметила 19 апреля 2004 года 100-летний юбилей. В 2000 году в Берлине вышла ее книга «Жизнь Лило Хенер. Калейдоскоп одной древней жительницы Берлина». В этой книге есть описание эпизода «вызволения» денег, подаренных Пастернаком Ренате Швейцер (речь идет о 25 тысячах немецких марок), которые она никак не могла получить. Это было в 1959 году.

Фрау Лаабс любезно позволила мне в начале апреля 2004 года посетить ее и задать несколько вопросов. Об этом меня попросил Борис Мансуров. В Берлине я встретилась с женщиной необычайно ясного ума, сильной и волевой в свои 100 лет. Фрау Лаабс рассказала о том, как она познакомилась с Ренатой Швейцер.

Лизелотта Лаабс: В 1957 году я поступила на работу в клинику Вильмельсдорф в качестве социальной работницы. Помимо иных обязанностей моим долгом было выслушивать людей. В 1959 году мне позвонила одна дама, сказала, что она наша сотрудница, и попросила разрешения прийти. <…> Итак, эта дама пришла и представилась Ренатой Швейцер, сказав, что она работает массажисткой и занята лишь до обеда. До этого я не знала ее.

Она рассказала, что состоит в переписке с Борисом Пастернаком, что это необыкновенная, замечательная переписка, а потом принесла и показала мне несколько писем. Рената сказала, что Пастернак передает ей через одну графиню-парижанку деньги, но деньги эти Рената все еще не получила. Пастернак в каждом письме спрашивает, получила ли она их. И вот Рената Швейцер узнала, что я вскоре еду в Париж. Она попросила меня зайти к этой графине и поговорить от ее имени об этих деньгах. На что я ответила: «Да, но вы должны мне рассказать о себе, чтобы я знала, от чьего имени я выполняю поручение». Понимаете, я подумала, что, вероятно, есть же какая-то причина, из-за которой графиня не переводит деньги.

<…> Рената рассказала, что она много лет была спутницей жизни самого большого у нас по тем временам дирижера Фуртвенглера. Она приехала в Берлин из Гамбурга, чтобы учиться музыке. Происходила из зажиточной семьи. И вот она, живя в Берлине,

впервые идет на концерт. В тот вечер дирижировал знаменитый Курт Фуртвенглер. Он потряс ее. Она, знаете ли, вообще была человеком легко воспламеняющимся, даже непредсказуемым. После концерта она зашла к нему в артистическую комнату. Домой к себе он поехал вместе с нею. Так началась дружба, которая длилась почти 20 лет. Он потребовал, чтобы она оставила учебу, студенчество и была полностью занята им.

Так мы говорили, я узнала многое о ней и спросила, могу ли я использовать эти данные в разговоре с графиней, если понадобится. Ответ был утвердительным. Мне это было необходимо на тот случай, если графиня в Париже подумает, что какая-то одинокая, находящаяся в нужде женщина из Берлина хочет примазаться к имени Пастернака. Приехав в Париж, я позвонила графине. Она назначила время около двух часов дня. <…> Мне открыл служащий. Мы прошли в комнату. Крошечная комната с видом на Сену.

<…> Я пробыла у нее примерно полчаса. Рассказала о причине своего прихода, об этих взаимосвязях. О Фуртвенглере тоже говорила. Мне показалось, что мой рассказ возымел действие и сыграл свою роль. Тогда она не сказала, что вышлет деньги. Мы простились. В беседе она была приятной, но сдержанной. Через 14 дней, когда я вернулась в Берлин, деньги уже давно были переведены. Рената, конечно, обрадовалась, пригласила меня к себе. Она жила тогда в Ланквице. Жила совершенно просто. В однокомнатной квартире. Совершенно просто! У нее была довольно большая коробка с письмами Фуртвенглера, более двухсот писем. Она показывала мне эти письма. Последнее письмо от него было <…> абсолютно невозможным, гнусным! Но его смерть она переживала сильно: несколько месяцев была больна, так безутешна была она из-за его смерти.

Позже я еще раз была у нее. В тот раз она показывала мне письма Пастернака. Это были совсем другие письма — полные любви. Интересные письма.

Однажды она пришла ко мне и сказала: «Я должна непременно поехать к Пастернаку. Не хотите ли вы меня сопровождать? Я не знаю русского, а вы хоть немного можете говорить».

Да, сказала я ей, но вы же помните, что в каждом письме, которое вы давали мне читать, он вам пишет: «Пожалуйста, не приезжай!» Думаю, он настаивал на

этом потому, что на то были как личные, так и политические причины. Она, однако, с этим не считалась. В нашей клинике говорили, что она готова переступить через все, чтобы добиться своей цели! Я напомнила ей, что нам нельзя будет посетить его в Переделкине. Тогда нельзя было.

Несколько дней я думала. Все взвесила, но согласилась. У меня была еще такая мысль: может быть, я смогу ее удерживать от каких-то опрометчивых поступков, потому что я всегда думаю, что делаю. И вот уже все: она мне заказала и визу, и билет, я заболела гриппом с осложнением на легкие. Врачи сказали: «Ни в коем случае!» Сказать честно, это меня не сильно огорчило. Эта поездка была мне не очень-то по душе, говорю это открыто. Мне пришлось извиниться.

Когда она вернулась, то вновь побывала у меня. Создалось впечатление, что она не совсем довольна поездкой. Она рассказала мне все точно, как было. *Я* думаю, что этот рассказ и соответствует истине, а не то, что она потом написала.

<…> В Москве она остановилась (по моему совету) в «Метрополе». *Я* спросила, как же она добралась до Переделкина. «Я заказала такси, заплатила 10 долларов, и таксист повез меня!» — просто ответила она.

<…> Дверь открыла жена Пастернака. Лицо ее было недовольным. Не сказав ни слова, фрау Пастернак указала жестом наверх. Вам знаком этот дом! Рената поднялась по лестнице. Он не знал, что она войдет, ничего не знал. Я рассказываю Вам, как она мне говорила. <…> Потом Пастернак повел ее к Ольге, чтобы представить (все это описывается в книге «Лара»), Позже Пастернак и Рената с дачи уехали. Послушайте, я не знала, что у него была машина. Была у него машина?

Лилия Цибарт-Фогельзанг: У сына.

Лизелотта Лаабс: Итак, они уехали на машине в Москву. В четыре часа Пастернака и Ренаты не было. И в пять они не приехали. Кажется, в половине шестого они явились. Хозяйка дома была очень сердита! Был накрыт длинный стол. В центре было пустое место. Пастернак занял это место и уже совершенно не обращал внимания на Ренату. Вокруг говорили, естественно, только по-русски. Она сказала, что о ней никто не заботился и ей хотелось уйти, но она была очень голодна. Тогда она села на пустовавшее в конце стола место, поела кое-что

и удалилась. Попросила кого-то заказать такси и уехала. Больше она его не видела. Я читала письмо, которое пришло от Пастернака уже через пять дней после ее возвращения. <…> Должно быть, это письмо было передано кем-то. Это было самое прекрасное любовное послание из всех, которые мне приходилось читать! (На этом месте Фрау Лаабс сделала большую паузу. — Л. Ф.).

И все же произошла какая-то перемена. Что-то изменилось. <…> Не могу сказать, что именно, но у меня было ощущение, что она была несколько разочарована. Она мне об этом не говорила. <…> Потом я была в Италии с одной из наших сотрудниц. Там я узнала из газет, что Пастернак умер. «Господи! — воскликнула моя спутница, — это будет опять дело! Мы однажды все это уже пережили, когда умер Фуртвенглер! Это будет ужасно!»

Мы вернулись и узнали, что Рената больна. Дней десять или четырнадцать я подождала, потом позвонила ей в Ланквиц, спросила, будет ли она рада, если я приеду? Мне ее очень жаль. Она ответила согласием. Меня удивило ее состояние. Она была совершенно собранной: ни слез, ни отчаяния. Признаться, меня это удивило. Этого я не ожидала. У нее было какое-то оцепенение. Из-за такого ее состояния она была недель восемь на больничном. Тогда она мне сказала, что написала Ольге. Я еще спросила ее, знает ли Ольга немецкий. Она сказала да. Я не видела писем Ольги.

Кажется, в середине августа Рената получила письмо от Герда Руге: «Ольга в опасности, ей нельзя писать. <…>»

…**В завещании** (курсив[402] мой. — Б. М.) Пастернак упомянул Ренату, оставив ей 83 тысячи долларов. 83 тысячи долларов! На эти деньги Ренатой был куплен домик в Италии. <…> Она была очень образованной, приятной в общении, но сдержанной. Всегда — в гуще жизни. У нее было мало друзей, вернее мало подруг. Была привязана к Фуртвенглеру, как позже — к Пастернаку. Она ведь писала много стихов, и некоторые посылала ему. Он был в восторге.

Лилия Цибарт-Фогельзанг: Вы читали ее стихи?

Лизелотта Лаабс: Некоторые. Я не любительница поэзии, но должна сказать, эти стихи производили впечатление.

Лилия Цибарт-Фогельзанг: Когда вы в последний раз видели Ренату Швейцер?

Лизелотта Лаабс: Я ушла на пенсию в 70 лет, и больше я ее не видела. Мы ведь, собственно, и не общались. Я была два раза у нее в Ланквице, она, может быть, не более двух раз — у меня.

В 1975 году я три месяца лежала в нашей клинике после тяжелого несчастного случая в Амстердаме. Говорят, в это самое время она умерла от рака в этой же клинике, но в другом корпусе. Так мне рассказывали сотрудники, но я не видела ее больше и не говорила с нею. Да мы и не подходили друг другу. Я бы не смогла с нею дружить.

Лилия Цибарт-Фогельзанг: Фрау Лаабс, вы говорите, что не были особенно близки с Ренатой, и все же вам она показывала письма Пастернака и это замечательное последнее письмо. Все это свидетельствует о большом доверии с ее стороны к вам. Об особенном доверии.

Лизелотта Лаабс Пожалуй да. Многие знали, что она переписывается с Пастернаком, но некоторые подробности были тогда известны только мне. Понимаете ли, это все связано с моей профессией социального работника. Мое дело было — и это десятилетиями! — выслушивать людей. Так и она ко мне пришла.

Лилия Цибарт-Фогельзанг: Когда Рената Швейцер издала свою переписку с Пастернаком…

Лизелотта Лаабс: Да, но не всю!

Лилия Цибарт-Фогельзанг: …подарила ли она вам экземпляр?

Лизелотта Лаабс: Да. С посвящением. Кстати, мою фамилию с ошибкой написала.

Лилия Цибарт-Фогельзанг: А то замечательное письмо, о котором вы особенно упоминали, оно вошло в книгу?

Лизелотта Лаабс: Нет! Нет.

Лилия Цибарт-Фогельзанг: Те письма, которые не вошли в книгу, публиковались когда-нибудь позже?

Лизелотта Лаабс: Нет, не думаю. Я ей тогда уже говорила, что дохода ей эта книга не принесет, вряд ли книгу будут покупать. Тогда она сама мне говорила, что спроса не было.

Лилия Цибарт-Фогельзанг: Зато теперь!

Лизелотта Лаабс: Вот и она это предвидела. <…> Она была очень самоуверенной. И красивая была в молодости. Она мне показывала как-то свою раннюю фотографию <…>.

Апрель 2004 г.

Так завершилась беседа-интервью моей доброй знакомой из Германии Лилии Цибарт-Фогельзанг со столетней жительницей Берлина Лизелоттой Лаабс, близко знавшей Ренату Швейцер в те годы, когда Рената вела переписку с Борисом Пастернаком. Видимо, только Лизелотте удалось услышать реальный рассказ Ренаты о встрече с Пастернаком в апреле 1960 года, за месяц до его смертельной болезни и кончины. И где-то у родственников Ренаты в Германии находится то восхитительное «любовное» письмо к Ренате от поэта, осознавшего неминуемость близкой кончины.

В ноябре 2007-го я обратился к Алене Денисевич, живущей в Берлине, знакомой мне по Цветаевским кострам. Попросил ее узнать о здоровье Лизелотты Лаабс и передать ей некоторые новые материалы об Ольге Ивинской. 3 декабря 2007 года Алена сообщила мне прискорбную весть о том, что долгожительница Германии Лизелотта Лаабс скончалась в Берлине 20 сентября 2006 года в возрасте 102 лет.

Мир ее праху, и пусть земля будет ей пухом.

В одном из моих разговоров с Ивинской о последнем годе жизни Пастернака возникла тема его переписки и встречи в Измалкове с Ренатой Швейцер. Ольга Всеволодовна сказала мне:

— Я благодарна Ренате за то, что она дала последний импульс Боре, как умирающему лебедю, сделать прощальный порыв — взлететь к звездам.

Ольга Ивинская вспомнила слова из парижского письма Марины Цветаевой к Борису Пастернаку: «Ты, Борис, как и все поэты, лечишься любовью».

* * * * *

• Рената Швейцер (справа) — главный адресат писем Бориса Пастернака в Германии.

Эта фотография, переданная специально для этой книги, поступила от Л. Лаабс через Л. Цибарт-Фогельзанг. Снимок 1965 г. Публикуется впервые.

• В этой комнате на Большой даче в апреле 1960 г. беседовали Борис Пастернак и Рената Швейцер. 2008 г.

• Веранда на Большой даче, где в апреле 1960 г. прошел пасхальный обед с участием Бориса Пастернака и Ренаты Швейцер. 2008 г.

• Лилия Цибарт-Фогельзанг в гостях у Лизелотты Лаабс (слева) в дни ее 100-летнего юбилея. Берлин, апрель 2004 г.

Приложения

Ольга Ивинская

…бездне унижений
бросающая вызов женщина!
Я — поле твоего сраженья.

Борис Пастернак. «Август»

Ольга Всеволодовна Ивинская родилась 27 июня 1912 года в Тамбове[403]. Ее отец Всеволод Федорович Ивинский происходил из известной в Тамбове богатой семьи. Обаятельный молодой человек с яркой внешностью, он во время учебы на естественном факультете Московского университета влюбился на одной из студенческих встреч в красавицу с курсов Герье — полуукраинку-полупольку Марию Демченко. В семье родилась дочь, которую назвали Ольгой. На мой взгляд, в облике и характере Ольги Ивинской удивительно сочетались красота, необыкновенная ясность и благородство, унаследованные ею от родителей.

После революции жизнь семьи была сломана. Отец Ольги, участник белого движения, пропал без вести в 1918-м. Спустя время, в 1920-е годы, Мария Николаевна вышла замуж второй раз, за Дмитрия Ивановича Костко, работавшего на Курском железнодорожном узле.

Семья Костко переехала в Москву, и Дмитрий Иванович стал школьным преподавателем словесности. Жили в Серебряном бору, там Ольга ходила в школу. Отчим любил стихи, и это повлияло на девочку — она увлеклась литературой, особенно поэзией. Нерабочее происхождение Ивинской не позволило ей поступить на филфак МГУ, и она стала студенткой биологического факультета. После года учебы Ольга перевелась на Высшие литературные курсы, которые вскоре были реформированы в Редакционно-издательский институт. Этот институт затем включили в состав МГУ, который Ивинская и окончила. В 1929 году семья переехала в центр Москвы, обосновавшись в квартире, расположенной в одном из домов Потаповского, бывшего Большого Успенского, переулка.

В начале 1930-х годов Ольга работала в журнале «За овладение техникой», где познакомилась с Варламом Шаламовым, который был одним из редакторов журнала. Шаламов читал молодой журналистке Ивинской свои первые стихи, и много лет спустя он вспоминал о хорошем поэтическом чутье Ольги. В письме к ней в мае 1956 года Шаламов писал: «Ты была первым человеком на свете, который говорил мне то, так и о

том. Ты показывала мне ростки настоящего (редко) и ненастоящего, чужого и фальшивого (часто) в моих стихах».

Дом в Потаповском был полон стихов. Первым на иерархической лестнице у Ольги Всеволодовны стоял Александр Блок. Дети Ивинской, Ира и маленький Митя, тоже оказались в орбите поэтической круговерти и остались в ней на всю жизнь. Ирина пишет в своей книге, что в 1947 году новогодним подарком, который лежал для детей под елкой, был томик стихотворений Лермонтова с маминой дарственной надписью: «Ребята! Ира и Митя! Любите стихи! Это самое лучшее!»

Самыми любимыми поэтами Ивинской были Ахматова, Пастернак, Цветаева, Мандельштам… А с 1946 года, после встречи с Пастернаком в редакции «Нового мира», где Ольга Всеволодовна работала в отделе начинающих поэтов, этот «Бог неприкаянный» стал ее любимым человеком, а она — его любовью и музой.

Эта любовь вдохновила Пастернака на создание стихотворных шедевров «Зимняя ночь» и «Рождественская звезда». Сталинский арест Ольги в октябре 1949 года и ее освобождение после смерти кремлевского палача вызвал к жизни стихи Пастернака, ставшие жемчужинами русской поэзии XX века: «Свидание», «Магдалина», «Осень», «Разлука», «Ева», «Август».

Тогда же родился бессмертный пастернаковский перевод «Фауста» Гете. Образы, судьба и любовь Бориса Пастернака и Ольги Ивинской вошли в лучшие главы всемирно известного романа «Доктор Живаго». На подаренной Ольге рукописи романа Пастернак написал: «Ларе от Юры».

По указанию хозяина Кремля, для приручения непокорного Пастернака в октябре 1949 года Ивинскую арестовали, предъявив обвинение в антисоветской агитации. В подвалах Лубянки в марте 1950-го у Ольги погиб, не родившись, ребенок Бориса Пастернака.

После смерти «хозяина» Ивинскую освободили из концлагеря в мае 1953 года. Ее любовь вдохновила Пастернака на создание стихотворений, ставших шедеврами русской лирической поэзии, родился знаменитый роман «Доктор Живаго». После присуждения Пастернаку в 1958 году Нобелевской премии и начавшейся травли поэта советскими властями Ольга с горсткой верных друзей, первой среди которых была дочь Марины Цветаевой Ариадна, смогли сохранить жизнь и честь Бориса Леонидовича.

В дни последней, предсмертной болезни Пастернака органы и обитатели Большой дачи не допускали к нему «нежелательный элемент, антисоветчицу» Ольгу Ивинскую. 30 мая 1960 года ночью поэт умирает. Ранним утром 31 мая Ольга проходит на

Большую дачу к «еще теплому телу» своего любимого. Эту сцену прощания Лары с умершим Юрой пророчески описал Пастернак в романе «Доктор Живаго».

На похоронах поэта 2 июня 1960 года в Переделкине собрались около трех тысяч человек, несмотря на то что советские власти старались скрыть день и время проведения траурной церемонии. Однако уже на следующее утро центральные газеты всего мира писали о похоронах Пастернака, поместив фотографию прощания с ним Ольги Ивинской — Лары романа «Доктор Живаго».

Об этой трагической минуте прощания Ольги с Борисом Пастернаком Мария Розанова, жена известного литератора и правозащитника Синявского (Абрама Терца), сказала: «Это было явление истинной красоты».

На следующий день, 3 июня, гаврики из КГБ явились на квартиру к Ивинской и отняли у нее и ее детей рукопись пьесы «Слепая красавица», которую Пастернак принес им в конце апреля, предчувствуя трагический исход роковой болезни. 16 августа КГБ, организовав провокацию, арестовал Ивинскую и захватил весь ее архив. В сентябре поспешно арестовали и дочь Ольги Всеволодовны Ирину, опасаясь ее встречи с неожиданно приехавшим в Москву итальянским журналистом Серджо Д'Анджело, получившим в 1956 году из рук Пастернака рукопись романа и сделавшим первый, главный шаг к его изданию в Италии.

Закрытый советский суд в декабре 1960 года осудил Ольгу Всеволодовну на восемь лет, а Ирину — на три года тюрьмы. Итальянский издатель «Доктора Живаго» Джанджакомо Фельтринелли, человек крайне левых взглядов, вступил в борьбу за освобождение невиновных женщин. С помощью сделки с КПСС ему удалось помочь досрочному освобождению Ирины в 1962 году и Ольги Всеволодовны — в 1964-м.

В 1976 году Ольга Ивинская при активной помощи летчика, участника войны, подполковника ВВС Израиля Борисовича Гутчина написала книгу воспоминаний «В плену времени. Годы с Борисом Пастернаком». В 1978-м книга была издана на русском языке во Франции и вскоре еще в 20 странах мира, исключая СССР.

В 1992 году эту книгу удалось издать в России, к 80-летию Ольги Ивинской, тиражом 20 тысяч экземпляров. В 1993-м появился фильм «Лара», снятый по этой книге немецким телевидением с участием Ольги Всеволодовны. В 1994-м Ольга Ивинская с сыном Митей по приглашению Министерства культуры Германии посетила Берлин и Мюнхен, где состоялось

торжественное представление этого фильма на телеканалах европейских стран. Позже режиссер Одельша Агишев создал документальный фильм «Последняя любовь Бориса Пастернака», показанный в 1997 году на телеканале «Культура» в цикле программ «Больше, чем любовь». В немецком и российском фильмах впервые показаны документальные кадры с Борисом Пастернаком и Ольгой Ивинской в Измалкове: их в 1959 и 1960 годах сняла на любительскую кинокамеру Ирина. В 1998 году на том же канале «Культура» был показан фильм В. Шилова «Мело, мело по всей земле…», где рассказывается о жизни и любви Бориса Пастернака и Ольги Ивинской.

Последние годы жизни Ольга Всеволодовна провела в своей московской однокомнатной квартире на Вятской улице, около Савеловского вокзала. С ней постоянно находился ее сын Дмитрий Виноградов.

Ольга Ивинская умерла 8 сентября 1995 года от той же болезни, что и Борис Пастернак. Ольгу Всеволодовну отпевали в церкви Ризоположения и похоронили на кладбище в Переделкине, недалеко от могилы Пастернака.

Я каждый год посещаю могилы Ольги Ивинской и Бориса Пастернака, и каждый раз читаю пастернаковский «Август» и стихотворение Ольги Ивинской «Метель»[404].

Я люблю, когда в мире метель
И ко мне ты приходишь с погоста,
Словно это обычно и просто.
Я люблю, когда в мире метель,
Неживым притворяться тебе ль?

И я вижу твой профиль орлиный,
Молодые глаза и седины,
Теплых губ твоих чувствую хмель.
<…>
Я люблю, когда в мире метель
И с тобою мы так же, как прежде
Поддаемся неверной надежде
Кораблей, обреченных на мель.

Я люблю, когда в мире метель,
Что ты сделал вселенской забавой,
Все заслоны крамольною славой,
Словно ветром, сорвавши с петель.

Я люблю, когда в мире метель…

Мы с тобой тогда ходим по пруду,
И в снегах, навалившихся грудой,
Неживым притворяться — тебе ль?

1960 год

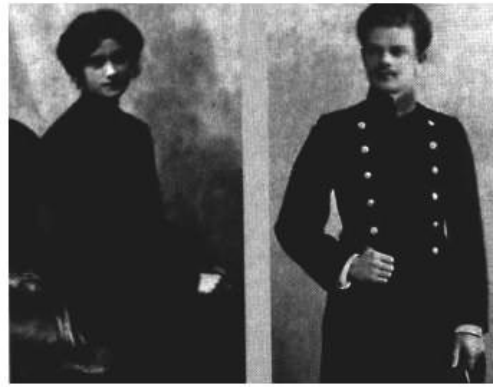
P.S.

Когда я завершал работу над этой книгой, на телеканале «Россия» с большим успехом прошла экранизация знаменитого романа Михаила Булгакова «Мастер и Маргарита». На одном из обсуждений фильма и судьбы замечательного писателя говорили о третьей жене Булгакова — Елене Сергеевне. Ее черты отразились в образе главной героини романа — Маргариты. Елена Сергеевна сдержала слово, данное умирающему любимому человеку, и написала книгу воспоминаний о Мастере. Мне запомнились слова, сказанные на этом обсуждении: «Не столь значимо, какой женой была Елена Сергеевна, гораздо важнее — какой вдовой она стала после смерти Михаила Булгакова».

Ольга Ивинская также была третьей, гражданской женой Бориса Пастернака, его Ларой. Став после смерти Бориса Леонидовича вдовой, Ивинская оставила потомкам живой образ гениального поэта в своей книге «В плену времени». Об этом, прочитав книгу Ивинской, написал известный знаток русской литературы Глеб Струве: «Несмотря на ГУЛАГ, Лара выполнила данное Пастернаку слово. Она будет долго жить в своей прозе, написанной ею как пленником времени. Ее мощное писательское дарование — великолепное описание людей и событий — даст книге долгую жизнь. Пастернак знал, что делал, когда выбрал Ивинскую источником своего вдохновения».

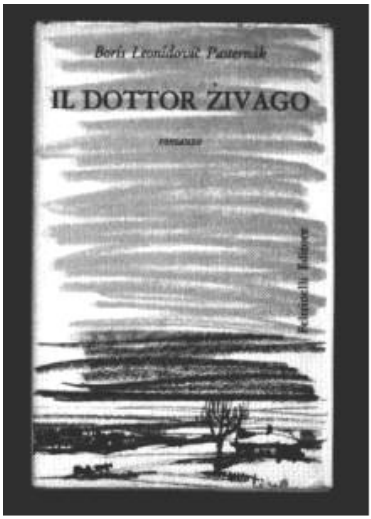
В 1996 году проходила презентация интереснейшей книги Даниила Данина о Пастернаке «Бремя стыда». Мы беседовали с автором, и я подарил ему книгу Ивинской «Годы с Борисом Пастернаком». «Ольга Всеволодовна дважды спасла Пастернака для России, — сказал Данин. — Первый раз она спасла его в нобелевские дни от самоубийства, а затем спасла для России живой образ поэта, написав о нем замечательную книгу».

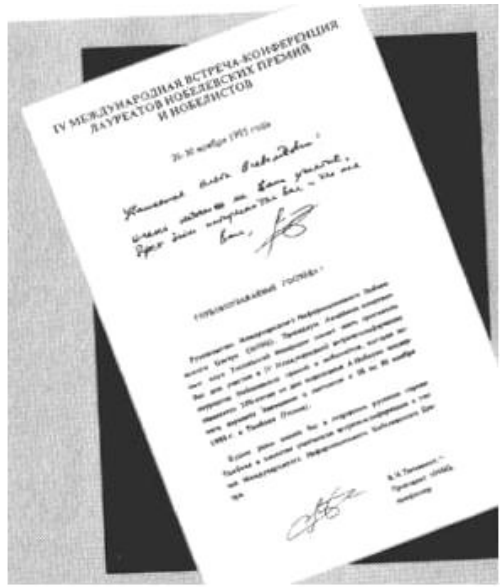
* * * * *



• Ольга Ивинская, 1960 г.

• Мария Демченко и Всеволод Ивинский — родители Ольги Ивинской.





• Первая обложка книги Б. Пастернака «Доктор Живаго», издательство «Фельтринелли», Италия, 1957 г.

• Приглашение на Нобелевскую конференцию, полученное О. Ивинской в мае 1995 г.

• Б. Мансуров с Наташей Орловой — любимой собеседницей Ольги Ивинской.

• Митя (сидит справа) с друзьями у могилы мамы в Переделкине, 2000 г.

Вадим Козовой

Поэзия — кратчайший путь
между двумя болевыми точками.
Настолько краткий, что ее
взмахом обезглавлено время.

Вадим Козовой

Вадим Маркович Козовой родился в 1937 году в Харькове[405]. Во время войны семья Козового эвакуировалась в Казахстан, в город Актюбинск. Вадик жил с отцом, матерью и старшей сестрой Леонорой, которая очень любила его и заботилась о нем все годы. При возвращении из эвакуации в 1944-м Вадик подорвался на снаряде, лишившись глаза и искалечив ногу — врачи санитарного поезда чудом спасли его жизнь.

В Харькове Вадим окончил школу с золотой медалью и в 1954-м поступил на исторический факультет Московского университета Не сумев принять двуличия и жестокости советского режима, молодой человек в 1956 году вступает в тайно организованный на истфаке МГУ кружок Краснопевцева. Участники кружка, преподаватели и аспиранты, боролись за демократический социализм; Вадим был единственным студентом, принятым в него. Летом 1957-го во время Московского фестиваля молодежи и студентов члены кружка были арестованы КГБ за антисоветскую агитацию.

12 февраля 1958 года Мосгорсуд приговорил Краснопевцева, Ренделя и Меньшикова к десяти годам лишения свободы, Козового, Мешкова и Семененко — к восьми, а Покровского, Обушенкова и Гольдмана — к шести годам лагерей. Обушенков встретился с Козовым в одном из мордовских концлагерей через два года. Вадим пользовался авторитетом был активистом группы политзаключенных, куда входили известные правозащитники А. Голиков, В. Трофимов, Б. Пустынцев, В. Кривошеин, Б. Хабуллин и другие. Там, в лагере, Вадим по переписке познакомился со своей будущей женой Ириной Емельяновой. Их лагеря — женский и мужской — оказались рядом. Они оба были увлечены французской литературой и обменивались по конспиративной лагерной почте книгами и статьями о литературной жизни Франции. Книги проникали в лагеря «с воли».

В октябре 1963 года Вадим освободился из лагеря. Ирина была досрочно освобождена в 1962-м. В феврале 1964-го Вадим и

Ирина поженились. На их скромной свадьбе посаженой матерью была Ариадна Эфрон, очень любившая Ирину и посылавшая ей в заключение десятки писем. Ольга Ивинская вышла из мордовского лагеря только осенью 1964 года. В 1965-му Ирины и Вадима родился старший сын, которого назвали Борей в честь любимого Ириного поэта — Бориса Пастернака.

Вадим занимался переводами французских авторов и приобрел широкую известность во франкоязычном мире. В 1974 году Козовой стал членом французского ПЕН-клуба и получил приглашение приехать во Францию. Однако власти не выпустили Вадима из СССР. В 1975-му Ирины и Вадима родился младший сын Андрюша.

В 1978 году в Лозанне вышла в свет книга стихов Вадима Козового «Грозовая отсрочка». Прочитав ее, живший в Париже знаменитый русский музыковед и литератор Петр Сувчинский, который вел интересную переписку с Борисом Пастернаком в последние годы жизни поэта, восклицает: «Я ждал этого 60 лет!»

В 1981 году заболел старший сын Ирины и Вадима Боря, и благодаря усилиям зарубежных политиков и писателей Козовой уехал с ним в Париж на лечение. С 1983-го Вадим уже работал в Центре научных исследований Франции как литератор и переводчик, его принимал президент Франции Франсуа Миттеран. Только в 1985-м, по просьбе правительства Франции, Ирине с младшим сыном Андрюшей разрешили выехать из СССР в Париж к мужу на постоянное место жительства. В связи с этим достижением министр иностранных дел Франции Клод Шейсон направил Вадиму Козовому официальное письмо с поздравлением (письмо было подписано 27 июня 1984 года, в день 72-летия Ольги Ивинской).

Талантливые работы Вадима, высоко оцененные в европейских литературных кругах, отмечены редкой для российских литераторов наградой — он становится кавалером французского Ордена литературы и искусства. Известный парижский литературный критик Катрин Давид еще в 1983 году написала о поэзии Козового: «Его стихи, свирепые, горькие, вулканические, никогда не публиковались в СССР. <… > Его творчество — яростное и разрушительное свидетельство о шести годах, проведенных в ГУЛАГе».

Друзьями и ценителями творчества Козового становятся известнейшие поэты и литераторы Франции: Морис Бланшо, Анри Мишо, Рене Шар, Жюльен Грак, Жак Дюпен, Мишель Деги. Творческая, душевная дружба связывала Вадима с Петром Сувчинским и с эмигрировавшим в 1993 году в Голландию всемирно известным литературоведом Николаем Харджиевым. С

Харджиевым Вадим познакомился еще в Москве. Сувчинский перед смертью завещал Вадиму свой литературный архив с бесценным материалом — своей перепиской с Борисом Пастернаком. Особенно интересны письма 1957–1959 годов, самых трагических и ярких лет жизни Пастернака.

Вадим Козовой написал на тему об этой переписке блистательное эссе «Поэт в катастрофе», отмеченное критикой как наиболее глубокое и живое воплощение этого литературного жанра[406]. Эссе было опубликовано в 1994 году в России в книге Вадима[407], в которой он приводит интереснейшие письма Пастернака, дошедшие до Сувчинского (часть из них была перехвачена КГБ). Эти письма Бориса Леонидовича Петр Сувчинский называл своими «главными драгоценностями».

В 1997 году Вадим организовал в Москве первую в России выставку «Анри Мишо. Поэзия. Живопись». В том же году впервые в России проходит вечер поэзии Вадима Козового в Библиотеке иностранной литературы. Его стихотворения звучали и в петербургском Доме-музее Ахматовой в июле 1998 года.

Обожая свою тещу, Ольгу Ивинскую, Вадим боролся с советской системой за возврат архива Ивинской из казематов КГБ, имея доверенность от Ольги Всеволодовны на ведение всех дел в судах и властных структурах РФ. После выхода в ноябре 1997 года, в разгар суда за архив Ивинской, «лживой и провокационной» (слова Вадима) статьи Дардыкиной в «Московском комсомольце» (№ 216–17726), Вадим добился публикации в газете «Известия» статьи-отповеди провокаторам, которую написали известные парижские профессора-слависты Мишель Окутюрье и Жорж Нива, много лет лично знавшие Пастернака и Ольгу Ивинскую. В своей статье они назвали публикацию Дардыкиной подлостью. В нашем разговоре на эту тему в Париже в мае 1998-го Вадим резко сказал:

— Все эти наследники гэбистов и литературных бонз вновь дорвались до власти. Вновь, как в сталинские времена, будут бессовестно клеветать на свидетелей их подлостей и торговать ворованными ценностями, шагая по трупам.

Отношение Козового к Евгению Борисовичу Пастернаку было крайне негативным. Имея большой лагерный и жизненный опыт, Вадим говорил:

— Евгений Пастернак играет роль консультанта продажных журналистов, призванных травить и дискредитировать образ Ольги Ивинской. Захватившая архив Ивинской группа ему щедро платит, открывая монопольный доступ в спецархивы. Потому с материалами, упрятанными в ЦГАЛИ, он творит все, что хочет, блюдя интересы «группы захвата». Мудрая Ариадна его просто

презирала, считая, что с таким даже сидеть рядом стыдно. Надеюсь, Ире удастся опубликовать письма Ариадны, приходившие в лагерь к Ольге Всеволодовне и Ирине[408].

Тогда, в Париже, я спросил Вадима, как рядовой читатель может распознать друга или недруга в бывшем окружении Пастернака теперь, когда все его хулители примазываются к славе поэта, объявляя себя его сторонниками и защитниками.

— Всегда, когда надо узнать, чего достоин человек из окружения Пастернака, узнай мнение Ариадны Эфрон, — ответил он. — И если она сказала, что этот человек — дрянь, то больше ничего знать о нем не надо. Это и есть дрянь. В том, что касалось Бориса Леонидовича, у Ариадны был высший, гамбургский счет. Ариадна часто напоминала Ольге Всеволодовне наказ Пастернака никогда не иметь дел с Евгением. И мне приходилось защищать Ирину от его угроз и «советов» дружить с властями, особенно когда семейство Пастернак потянулось за зарубежными гонорарами Бориса Леонидовича. Евгений и Леня в 1965 году пытались шантажировать Ирину, чтобы заставить Ольгу Всеволодовну отказаться от наследия Пастернака. Постыдно и то, что другие сочинители поддакивают Евгению Борисовичу, надеясь, что за это их тоже как-нибудь подпустят к столику с архивами — пусть и усеченными, но как желанна такая подачка!

На мой вопрос, почему же он не напишет об этой роли Евгения Борисовича, Вадим с досадой сказал:

— Пока архив Ивинской не вырван из лап ЦГАЛИ, я должен молчать. Но последнее письмо Евгения Борисовича в суд говорит, что ждать хорошего не приходится, и нам пора действовать через международный Страсбургский суд.

Речь шла о письме Евгения Борисовича в Савеловский суд, которое в январе 1998 года с воодушевлением зачитывала на суде директор ЦГАЛИ Наталья Борисовна Волкова. «Козовой, — писал Евгений Борисович в этом письме, — превратно понимает мое неучастие в суде». Евгений Борисович выражал глубокую благодарность ЦГАЛИ и желал, чтобы все архивы Ивинской не покидали стен ЦГАЛИ. Это его желание привело к решению Савеловского суда от 28 августа 2000 года — «Отобрать архив у Ольги Ивинской». Запись выступления Волковой на суде, где она читает письмо Евгения Борисовича, у Вадима уже была.

— Я этим делом с осени займусь вплотную, направлю заявление в Страсбургский суд, — говорил Вадим в мае 1998-го.

Хорошо помню еще один фрагмент нашего с Козовым разговора в Париже. Речь шла об обвинении Лидии Чуковской: якобы после возвращения из лагеря Ольга брала у Чуковской деньги для посылок заключенной Надежде Адольф-Надеждиной,

но «посылок Надеждина не получала, а деньги Ивинская не возвращала, так как тратила их на свою косметику». Вадим не мог понять, как решилась Лидия Корнеевна написать такое в своих «Записках об Анне Ахматовой», ведь Надеждина, вернувшись из лагеря в 1956 году, сама разоблачила эту ложь и написала Чуковской резкое письмо. Это был явный, злобный наговор из-за ревности Лидии к Ольге, которую любил Пастернак[409].

— Женщина в ревности совсем лишается разума, а ее безумная жестокость не знает границ, — говорил Вадим об этой клевете. — Лидия Корнеевна постоянно внушала окружающим ненависть к Ольге Всеволодовне, даже Анне Ахматовой. Ахматова стала избегать встреч с Ивинской, несмотря на то, что об этом ее просил Пастернак. Ахматова не объясняла Пастернаку причину уклонения от его просьб. Она ждала, чтобы Чуковская сама рассказала Борису Леонидовичу о своих претензиях к Ольге. Лидия, безумно влюбленная в Пастернака, чувствовала, что должна была спасти Бориса Леонидовича от пут «авантюристки и воровки», но сама боялась сказать об этом Пастернаку. Конечно, Чуковской несложно было скрывать злобный наговор за ореолом своей принципиальности и бесстрашия, благо и весь женский литературный бомонд, влюбленный и боготворивший Пастернака, ревновал и мстил Ольге Всеволодовне за вторжение в «их сферу». Бомонд считал, что Ивинская «не из их круга, недостойна быть любимой женщиной великого поэта». Но когда действительно надо было проявить принципиальность и бесстрашие, все они, включая Лидию Корнеевну, попрятались, придумывая сотни причин для оправдания предательства по отношению к гонимому властями поэту. Они отсиживались дома, когда Пастернака обливали грязью и изгоняли из Союза писателей в октябре 1958-го.

Достаточно точно писала об этом феномене всеобщей трусости среди советских писателей в нобелевские дни индийская газета: «Ужас положения заключается не в брани борзописцев, а в молчании тех, кто отдает себе отчет в положении вещей, но не смеет выступить в защиту Бориса Пастернака».

И Лидия Корнеевна, и Эмма Герштейн, клеветавшие на Ивинскую, могли прийти на общее собрание писателей 31 октября 1958-го. Они могли если не сказать слова в защиту Пастернака, то хотя бы воздержаться при голосовании, когда Бориса Пастернака клеймили и требовали изгнать из страны. Но они струсили и не явились на это подлое судилище, показав свои истинные бесстрашие и принципиальность. Только Ольга с Ариадной встали насмерть на защиту Бориса Леонидовича, которого предали «друзья» и родные. Между прочим, это хорошо

осознала Анна Ахматова, резко отреагировавшая на наказ властей, ревностно исполнявшийся «семьей», не пропускать Ивинскую к умиравшему Пастернаку: «Какая подлость — не пустить Ольгу к умирающему Борису!»

У Вадима был собран огромный материал о Пастернаке, обо всех перипетиях борьбы за архив Ивинской, но Козовой неожиданно скончался ранним утром 22 марта 1999 года в своей парижской квартире, не дожив до 62 лет. О таланте и значимости личности Вадима, о его словах правды, не раз звучавших и в защиту чести и любви Бориса Пастернака и Ольги Ивинской, говорят письма известных литераторов из разных стран мира. Эти письма Ирина опубликовала в книге «Твой нерасшатанный мир».

Жорж Нива, профессор-славист Женевского университета, лично знавший Пастернака, Ивинскую, Ирину и Вадима:

> «Ни лагерь, ни мытарства не изменили его характера по сути, не исказили остроту взгляда. Он покорил и самых непокорных поэтов — Шара и Мишо. <…> Можно сказать, что Вадим покорил и французскую поэзию».

Антонина Рубишу, литератор, родилась во Франции, в 1972–1973 годах работала в России, где познакомилась с Вадимом и Ириной:

> «Первая встреча: Вадим сам открыл нам дверь — и я остолбенела. Мне показалось, что <…> впервые я поняла, что такое настоящая, яркая личность».

Николай Иванович Харджиев, литератор, выдающийся коллекционер русского авангарда, эмигрировал из СССР. Из письма Харджиева к Вадиму Козовому:

> «Дорогой Вадим Маркович, смотрю на Вас, на моего „близнеца в тучах“, снизу вверх, сквозь толщу времени. Моим первым близнецом был Павел Липский (ранняя юность), вторым — Д. И.Х. (брат Н. И. Харджиева. — Б. М.), третий и последний — Вы. Для трех таких встреч стоило родиться».

Эмзар Квиташвили, грузинский литератор. Из письма к Ирине от 31 марта 2000 года:

> «Хотя Вадим жил и творил в Париже, я как-то всегда ощущал с ним духовную близость. <…> Самое сильное,

неизгладимое впечатление, конечно же, оставило недавно найденное изумительное эссе Вадима „Улыбка“».

Жюльен Грак, известный французский поэт и литератор:

> «В свете пережитого им опыта всякая словесная неясность рассеивалась, абстрактные понятия расшифровывались. <…> Никто уже не заменит этого окна, раскрытого в малопонятный мир, наши замечательные, бесконечные беседы».

Кшиштоф Помян, польский литератор:

> «Он был русским поэтом, русским писателем, русским интеллигентом в самом лучшем смысле этого слова. <…> В его творчестве, как и в личности, осуществился союз России и Франции, которому русская культура обязана несколькими своими вершинами».

Пранас Моркус, руководитель литовского телевидения:

> «В феврале 1991 года черные тучи сгущались над провозгласившей свою независимость Литвой[410]. <…> Вадиму удалось собрать под написанным им самим обращением в защиту Литвы около 60 подписей людей, знаменитейших в Европе».

Анатолий Ромов, редактор газеты «Новое русское слово», США:

> «Мы, хорошо знавшие Вадима, хотим передать Ире: Ира, мы все помним. <…> Не стало Вадима Козового — одного из тончайших, я бы даже сказал, самого изысканного и тонкого из русских критиков и литературоведов новой волны».

Московская «Независимая газета» написала в память о Вадиме:

> «Часть нашей жизни, которую мы думали пройти с ним вместе и дальше, теперь намертво отрезана, и оставшаяся на этом месте пустота невосполнимо зияет и томит».

Парижская газета «Русское слово»:

«Его смерть — смерть поэта. <…> Заканчивается наш век, ушла наша молодость с уходом этого русскоязычного и франкоязычного мальчика».

Привожу одно из первых, провидческих, лагерных стихотворений Вадима Козового:

Когда-то я тебя в объятья заключу,
Судьба хитрющая? О, мне никто не нужен!
С лукавой лаской, неосторожно — чуть —
Костром — Снегурочку, среди снега и стужи.

Как ты улыбчива меж замерзших стволов!
То ножку выставишь, то приоткроешь шубку.
Не ворон я, не лис, не зверолов,
Но я возьму тебя, моя голубка.

Возьму и выпушу. Гуляй, гуляй, шальная.
Что ж не бежишь, глядишь во все глаза.
К чему смотрины? Ты придешь, я знаю
Со смертью-свахою — в последний путь позвать.

Мордовия, 1961 год

Во время нашей последней, долгой парижской беседы в мае 1998-го Вадим мне говорил:

— Вы знаете много важного и принципиального от самой Ольги Всеволодовны, вы видели весь процесс суда над архивом. Митя доверяет вам полностью. Сам он болен и надеется, что вы напишете обо всем без оглядки на эту коварную и беспринципную камарилью из семейства и ЦГАЛИ. Все они заслуживают презрения и ненависти. Когда сталкиваюсь с этими последышами бесчеловечной системы, вспоминаю слова Эжена Ионеско: «Кто не осмеливается ненавидеть — становится предателем».

* * * * *

• Слева направо: Ирина Емельянова, Жорж Нива, Вадим Козовой — будущий муж Ирины.

• Вадим Козовой, Ирина Емельянова и Люба Мансурова. У фонтана Медичи в Париже, 1998 г.

Израиль Борисович Гутчин

Вы помогли русской истории не потерять дорогостоящих страниц жизни Пастернака.
Вы чисты перед Вашей Родиной.

Из письма Евгения Евтушенко к Израилю Гутчину

Израиль Борисович Гутчин — человек интереснейшей судьбы. О своей жизни он написал книгу «Жизнь вкратце», которая вышла в Балтиморе, США, в 2002 году.

Израиль Борисович родился в Чернигове в 1918 году. Окончил ремесленное училище в Днепропетровске, затем — ОСОВИАХИМ и знаменитую Качинскую летную школу. В годы Великой Отечественной войны служил на фронтовых аэродромах. Прошел всю войну, был ранен и награжден десятком боевых орденов. После войны учился в Военно-воздушной инженерной академии имени Жуковского в Москве.

Здесь Гутчин познакомился с талантливыми людьми, среди которых академик, математик Владимир Ваильевич Голубев, генерал Дмитрий Александрович Вентцель, преподававший баллистику, и его жена Елена Сергеевна Вентцель, читавшая в академии теорию вероятностей. Елена Сергеевна, дочь известного петербургского математика С. Ф. Долгинцева, является автором популярного среди специалистов «Курса теории вероятностей». Просвещенному читателю полюбились литературные произведения Елены Сергеевны, которые она публиковала под псевдонимом И. Грекова. В литературных журналах были напечатаны ее рассказы «За проходной», «Дамский мастер», «Под фонарем» и знаменитый «Вдовий пароход», по которому была написана одноименная пьеса, имевшая огромный успех на сцене. Израиль Гутчин пишет в своей книге о поразившем его романе Грековой «Свежо предание», который не мог быть издан в СССР. В нем рассказывалось о судьбах двух юношей, русского и еврея, о борьбе с «космополитами» и о сталинщине. Этот роман был издан впервые только через 30 лет в Америке. Рукопись читал Александр Твардовский, который восхитился умом и талантом Елены Сергеевны, но сказал, что этот роман никогда не издадут в СССР. В доме Вентцель майор Гутчин познакомился с Александром Галичем, превратившим рассказ Елены Сергеевны

«За проходной» в пьесу «Будни и праздники». Спектакль по этой пьесе с успехом шел в филиале МХАТа в 1967–1968 годах. Его сняли с репертуара после знаменитого выступления Галича в октябре 1968-го с «антисталинскими» песнями в новосибирском Академгородке.

В своей книге Израиль Гутчин цитирует слова, сказанные о Галиче директором картинной галереи новосибирского академгородка на памятном вечере при вручении Галичу приза как яркому автору и исполнителю: «Лишь немногие деятели культуры сознательно оказались по другую сторону баррикад, и нам радостно осознавать, что вы — один из них. В нашем паучьем затишье ваш искренний протест против уродливого мира лжи символичен. Мы восхищаемся не только вашим талантом, но и вашим мужеством».

Галич познакомился с Ольгой Ивинской в 1965 году и часто бывал у нее дома на Вятской, где исполнял под гитару свои чудесные песни. Тогда, узнав от Ольги Всеволодовны многое о реальной жизни Пастернака, о ее лагерных годах и архиве, находящемся в ЦГАЛИ, он написал одну из самых знаменитых своих песен «Памяти Бориса Пастернака». В ней есть такие строчки: «А над гробом встали мародеры / И несут почетный / Кара-ул!» Галич написал пронзительное, полное боли за Россию стихотворение «Памяти Живаго» и посвятил его Ольге Ивинской.

Израиль Гугчин пишет в своей книге:

> После того памятного выступления в академгородке имя Александра Галича исчезло с афиш, а также было вымарано из всех титров фильмов и передач, автором которых он был. Его стала преследовать власть, «пасти» органы. Галич сильно заболел, и понадобилась сиделка для ухода за больным. Эту роль взяла на себя Ольга Ивинская. А жена Галича Ангелина Николаевна часто бывала в нетрезвом состоянии.

Александр Галич был исключен из Союза писателей и Союза кинематографистов, а летом 1974 года его выслали из страны.

Галич был крещен священником Александром Менем, а Елена Вентель подарила ему при прощании свой нательный крестик. Галич стал жить в Париже и работать на радио «Свобода», в своих песнях и радиопередачах активно помогая притеснявшимся в Советском Союзе людям науки и культуры. Галич погиб в своей парижской квартире при странных обстоятельствах в декабре 1977 года.

Гутчин в своей книге пишет:

Почти за год до смерти Галича в Париже его мать Фаина Борисовна получила в Москве анонимное письмо: «Принято решение убить вашего сына Александра». По словам Елены Боннер, Андрей Сахаров считал, что это письмо и смерть Галича не случайны[411].

Елена Сергеевна была уверена, что Галича убили.

Первый раз к Ольге Всеволодовне на Вятскую Израиль Гутчин пришел вместе с литератором и правозащитником Александром Гинзбургом, десять лет отсидевшим в сталинских концлагерях. Гутчин пишет в своей книге:

Мы с женой Надей шли на встречу с последней любовью Бориса Пастернака и ожидали увидеть сломленную двумя отсидками старушку, а встретили живую, голубоглазую, безыскусную в своих рассказах женщину средних лет. На вид ей трудно было дать больше 45, а ее фактический возраст тогда был 54 года. Меня просили заранее принести кинопроектор, и мы смотрели любительский фильм о Пастернаке в Измалкове. Его сняла на любительскую кинокамеру дочь Ивинской Ирина.

Ольга Ивинская рассказывала о своей жизни с Пастернаком, приводя удивительные подробности из жизни поэта. Говоря о своих тяжелых лагерных годах, Ольга Всеволодовна не проявляла никакой злобы, рассказывала интересно и даже с юмором.

Мы сразу подружились. Через несколько дней я узнал, что Ивинская заболела, и решил проведать ее. Увидев ее в плохом состоянии, подумал, что если, не дай Бог, она умрет, то погибнут ее бесценные воспоминания о Пастернаке и ее собственной необыкновенной жизни. Я уговорил Ольгу Всеволодовну, что буду приходить к ней с магнитофоном (у меня была «Яуза-20») и постепенно записывать ее рассказы и воспоминания. Наши встречи, в которых принимала участие Люся Попова, проходили регулярно, что, как позже обнаружилось, было под контролем известной всевидящей организации.

Воспоминания Ольги Ивинской, перепечатанные на машинке, я дал своему брату, который жил в Барнауле. Там мой брат Зарик читал своим знакомым эти воспоминания, а также присланные ему стихи Галича и письмо Солженицына съезду писателей.

Через некоторое время его вызвали в КГБ. Я просил брата все валить на меня. Фронтовик, член КПСС, я

работал в стенах закрытого института, где служили культурные люди, и думал, что такое «вольнодумство» найдет естественное понимание. Ведь не при сталинщине мы живем! Однако 5 июня 1968 года меня вызвали в кабинет начальника политотдела института, где уже сидела комиссия из 15 высших офицеров нашей «конторы».

Первым вопросом прозвучало: «Почему Пастернак бежал из Советского союза и не захотел возвращаться назад?» Отвечаю: «Позавчера была восьмая годовщина его похорон на кладбище в Переделкине. Как его положили в могилу, так его больше никуда не отпустили».

Второй вопрос: «Почему Пастернак все свои произведения печатал за рубежами нашей Родины?» Ответ: «Я не душеприказчик Пастернака, но все он опубликовал на Родине, и лишь роман „Доктор Живаго“ напечатан за рубежом. Талант Пастернака был отмечен Нобелевской премией».

Далее шли вопросы такого же гэбэшного уровня[412], благо на столе у комиссии лежала толстенная папка по моему делу, а не несколько листов, которые я передавал брату в Барнаул. Процесс «расследования» шел нудно и долго. Мой добрый знакомый, поэт Евгений Евтушенко, пытался спасти меня и несколько раз беседовал с начальником политотдела нашего НИИ. Но тщетно, результатом работы «комиссии» стал «строгий выговор с занесением в учетную карточку» по партийной линии, а также увольнение из института, где у меня уже была готовая к защите докторская диссертация.

Но свои встречи и записи воспоминаний Ольги Ивинской я не прекратил, думал: пройдя всю войну, неужели покорюсь этим ничтожествам? Когда мы закончили запись воспоминаний и все было перепечатано на машинке, сделали копию всего текста на фотопленке. Ольга Всеволодовна передала пленку мужу Ирины, Вадиму Козовому, который был уже несколько лет связан с французскими писателями и журналами как переводчик французской поэзии и прозы. Начались поиски издателя. Обратились к Рою Медведеву, известному писателю и правозащитнику, но он, одобрив рукопись, сказал, что здесь издательства на такую острую книгу не найти.

Обратились за помощью к Евгению Евтушенко и

встретились с ним на нейтральной территории — у Люси Поповой. Евтушенко пришел на встречу с красивой юной англичанкой Джоан Батлер, его будущей женой. Евтушенко договорился с американским издательством «Даблдей» о публикации книги Ольги Ивинской в Париже.

Вскоре в Москву приехала представительница издательства Беверли Горде. После двух встреч, проходивших в узком кругу с предосторожностями, Ольга Ивинская подписала контракт на издание книги «В плену времени» в парижском издательстве «Файяр», являвшимся отделением американского издательства «Даблдей».

Со сложностями удалось передать в Париж пленку с текстом книги для «Файяра»[413], после чего стало известно, что переводить книгу Ивинской на английский язык будет сам Макс Хейуорд. Он переводил роман «Доктор Живаго» и с охотой взялся за перевод книги, которую, как отметил Хейуорд, «написала Лара — любимая героиня Бориса Пастернака».

Книга вышла в 1978 году на французском, а затем на русском и на английском языках. Издательство «Хоффманн» издало «В плену времени» на немецком языке. Пошел поток восторженных отзывов на книгу Ольги Ивинской, и ее издали еще 20 крупнейших издательств мира — кроме советских.

Израиль Гутчин цитирует в своей книге ряд отзывов на «продолжение романа» — книгу Ольги Ивинской. Французская пресса писала: «По прочтении книги Ольги Ивинской ничего не остается, как вновь перечитывать „Доктора Живаго“. Кто не знает, что Лара — это Ольга Ивинская? Никакая женщина не может мечтать о более высоком призвании!»

Израиль Борисович Гутчин эмигрировал в Америку с семьей. Ольга Всеволодовна подарила ему книгу «Годы с Борисом Пастернаком. В плену времени», вышедшую в России впервые в июне 1992 года с дарственной надписью:

«Израилю Гутчину, дорогому другу и участнику целого периода моей жизни и творческой совместной работы. От любящего автора. Ольга Ивинская».

* * * * *

• Встреча Б. Мансурова с И.Б. Гутчиным в Вашингтоне (США). Фото Л. Мансуровой, 1997 г.

• Интерьер квартиры О. Ивинской на Вятской улице. Москва, 8 сентября 2000 г.

Константин Богатырев

Костя Богатырев — человек бесстрашия и чести.

Ольга Ивинская

Константин Богатырев (1925–1976), сын известного ученого-фольклориста Петра Богатырева, любил поэзию Пастернака с юных лет. Он принимал участие в Великой Отечественной войне и вернулся с фронта с идеями свободы. Отец Кости был знаком с Пастернаком, что позволило Косте бывать у Бориса Леонидовича на Большой даче. В 1951 году по доносу Богатырев был арестован в составе группы студентов, проповедовавших презрение к «тонкошеим вождям». Молодых людей обвинили в подготовке покушения на вождя всего прогрессивного человечества Сталина. Всех осудили на расстрел, но «хозяин» их помиловал — приговорил к 20 годам каторги.

Когда, по выражению Любови Орловой, изверг сдох, появилась надежда на освобождение из концлагеря. Как пишет Ольга Ивинская, Пастернак прислал Косте свой перевод «Фауста» со следующими словами: «Дорогой Костя! Ждать осталось недолго! Мужайтесь, крепитесь. Спасибо за память. Папа Вам обо мне напишет. От души желаю Вам в нужном количестве сил и здоровья — нет, в избытке, больше, чем нужно. И терпения, терпения. Всегда Ваш Б. Пастернак».

Летом 2003 года я встретился в Москве и беседовал с Соней Богатыревой, женой Кости той, «пастернаковской» поры их жизни. От Сони я узнал о беспримерной привязанности и преданности Кости Пастернаку и Ольге Ивинской. О доверии Пастернака к Косте красноречиво говорит эпизод, имевший место в 1959 году, о котором рассказала мне Соня во время нашей долгой беседы в парке имени Горького.

> Осенью 1959-го мы с Костей были на спектакле труппы Грюндгенса из Гамбурга. В тот вечер в театре был Борис Леонидович с Зинаидой Николаевной. После спектакля, прошедшего с большим успехом, Пастернак в еще переполненном зале стал громко просить Костю: «Актеры хотят приехать ко мне в Переделкино. Костя, привезите их ко мне! Но имейте в виду: если поедете на такси, не садитесь в первую или во вторую машину, лучше садитесь в третью. Первые могут быть

подосланы». Зал с удивлением и восторгом внимал этой речи поэта. Монолог Пастернака прервала Зинаида Николаевна, дернув его за рукав и строго сказав: «Пора ехать, машина подана».

О Константине Богатыреве с теплотой пишут известные литераторы и правозащитники Лев Копелев и Раиса Орлова, высланные из страны в 70-х годах, в своей книге «Мы жили в Москве» (М.: Книга, 1990). В книге рассказывается о дружбе Кости с Андреем Дмитриевичем Сахаровым[414]. Костя был также дружен с нобелевским лауреатом, немецким писателем-антифашистом Генрихом Беллем. Богатырев входил в круг талантливых российских писателей-переводчиков «с несоветским мышлением», которых ненавидели литературные бонзы и за которыми постоянно следили гаврики из органов. Раиса Орлова приводит в книге запись из своего дневника:

> Белль с женой Аннемари рассказывают о встрече с официальными лицами из СП. Были Верченко, Озеров, Луконин — «толстый поэт», с женами. Озеров все нажимал: «Вы нам не верите, встречаетесь не с теми людьми, с кем надо». Генрих в ответ: «Я встречаюсь со своими друзьями». Озеров: «Это мы ваши друзья, поймите!» Генрих комментирует: «Озеров считает меня школьником».

Неуправляемость Белля вызывала недовольство, но не пресекалась советскими властями, поскольку немецкому антифашисту и нобелевскому лауреату некоторые вольности были позволены. Ему простили даже демонстративный прием у себя в ФРГ высланного в 1974 году из СССР Александра Солженицына, который первое время после изгнания жил в Берлине у него в доме.

В феврале 1975-го Белль вновь приезжает в СССР. Костя Богатырев сопровождает чету Белль во время их поездки в поселок Жуковку к Сахарову и просит Генриха при беседе с советскими руководителями поднять вопрос о завещании Пастернака. Костя сообщил Ивинской, что Белль обещал это сделать на очередной встрече с руководством КПСС. Об этом Костя говорил и с Леонидом Пастернаком, который передал Косте содержание предсмертных слов отца и обещал Косте помочь.

Белль планировал приехать в СССР в 1976-м, но в апреле, незадолго до его приезда, «неизвестные лица» ударили Костю железной трубой по голове в подъезде его дома. Соня Богатырева рассказала мне, что буквально за полчаса до этой трагедии Костя

звонил ей на работу.

В 1976 году Соня с Костей были уже в разводе, но он постоянно звонил ей, волнуясь за будущее их сына. Летом 2003 года Соня рассказала мне: «В тот день по телефону Костя сказал, что спешит за покупками, так как к нему должны прийти гости[415]. Он обещал перезвонить мне сразу, как только вернется из магазина. Но звонка не последовало, а окровавленного Костю с разбитой головой нашли у лифта соседи и отправили без сознания на „скорой помощи“ в больницу. Через несколько месяцев, не приходя в сознание, Костя умер».

После этого подлого убийства Белль отказался приехать в СССР, потребовав от советских властей найти и покарать убийц Богатырева. Конечно «неизвестных профессиональных убийц» органы не нашли. Книги Белля больше в СССР не публиковались. Ольга Ивинская говорила, что после смерти Бориса Леонидовича убийство Кости стало для нее самым большим потрясением. «Его верность, энергия и порядочность были беспримерны. Бесстрашие и честь были сутью Кости», — сказала Ольга Всеволодовна.

Еще несколько слов о Константине Богатыреве, о том, какую память он оставил у людей, случайно встречавшихся с ним.

В 2004 году, участвуя в спектакле театра «Эльфовы огни», посвященном Рильке, Цветаевой и Пастернаку, где я читал за Рильке, я познакомился с Владимиром Летучим, известным переводчиком поэзии и прозы с немецкого. Летучий перевел стихотворения Рильке для этой пьесы и приходил на репетиции. Однажды в разговоре о немецкой поэзии я спросил Летучего, знал ли он переводчика с немецкого Константина Богатырева. Мой собеседник очень оживился:

— Конечно знал, это был удивительный человек! Я его встретил, когда был еще студентом, в 1974 году в издательстве «Иностранная литература». Тогда готовился сборник переводов стихотворений Рильке к столетию со дня его рождения. Рильке ведь был кумиром таких больших поэтов, как Пастернак и Цветаева. Я приехал, чтобы предложить несколько своих переводов. Редактор взяла их и обратилась к человеку, сидевшему в кабинете с какой-то верстской, попросив посмотреть их. Этот человек стал внимательно читать мои листки, затем улыбнулся и говорит редактору: «Вот эти два стихотворения товарищ перевел лучше меня. Поместите их в сборник вместо моих переводов, хорошо?» Я чуть не рухнул на пол от изумления. Редактор занервничала и говорит: «Но Константин Петрович, ведь у нас уже верстка!» — «И мы должны повысить ее качество», — отвечает Богатырев. Никогда более за 30 лет моей переводческой работы я такого беспристрастия и благородства не встречал.

Важные, на мой взгляд, слова сказала мне в долгой беседе Соня Богатырева:

— Костя понимал бессердечие и жестокость советской системы, но, будучи фронтовиком, не боялся встреч и угроз со стороны органов, так как презирал их и был наделен абсолютным бесстрашием. Его мечтой было увезти сына из СССР, чтобы тот не стал бесхребетным, воспитываясь в этой бесчеловечной системе. Костя взял с меня клятву, что я уеду с нашим сыном из страны. Когда Костю убили, я исполнила его завет: мы уехали из СССР в Америку, где сын женился и живет, как свободный человек[416].

Также, как и Костю, «неустановленные лица» убили в 1979 году замечательного писателя Юрия Домбровского, отсидевшего 17 лет в лагерях. По той же схеме Юрий Осипович получал анонимные звонки с угрозами за антисталинские публикации, дважды его избивали «не установленные» советской милицией лица. В 1979 году, после выхода его романа «Факультет ненужных вещей», он был жестоко избит группой молодчиков и скончался «от повреждения внутренних органов, возникших в результате побоев».

Незадолго до кончины Дмитрия Виноградова в 2004 году я навещал Митю в госпитале, где у нас зашел разговор об очередной клевете и «разоблачении пагубной роли Ивинской в жизни Пастернака» в очередной публикации Евгения Борисовича и Елены Владимировны Пастернак о «папочке».

— Мама часто говорила, что ей так не хватает яркого и бесстрашного Кости Богатырева, — сказал тогда Митя. — Он смог бы дать должный отпор всем эти подлым наветам. Костя часто называл хулителей Пастернака и Ольги Ивинской одним словом — дикари. Быть может, и Бродский слышал это слово от Кости, так как они встречались в Москве.

Работая над книгой, я вновь внимательно прочел текст выступления Бродского в 1992 году на конференции, посвященной 100-летию со дня рождения Марины Цветаевой и проходившей в Амхерсте, США[417]. О комментарии Евгения Борисовича и Елены Владимировны к стихотворению Пастернака «Магдалина» Бродский говорит: «Комментарий представляет собою замечательный пример нравственной и метафизической дезинформации. <…> Говоря жестче, авторы комментария попросту дикари.

Единственное, что их спасает — это то, что утверждение их ложно». Я обратил внимание: непримиримый к фальши и саркастичный Бродский говорит «спасает», а не «извиняет», и это подчеркивает его мысль о том, что даже ложь не может скрыть дикость.

* * * * *

• Соня Богатырева в Москве летом 2003 г. Фотография Б. Мансурова.

• Б. Мансуров ведет запись беседы с Соней Богатыревой.

Серджо Д’Анджело

Преданность и помощь Серджо помогли нам с Борисом Леонидовичем справиться с множеством проблем в трудное время борьбы за издание романа.

Ольга Ивинская

В автобиографической справке к своей книге Д’Анджело пишет, что он родился 30 октября 1922 года в Риме в семье государственного служащего и учительницы. За два дня до его рождения, 28 октября, происходил так называемый «марш на Рим», приведший к власти фашистов. Улицы города были заполнены вооруженными людьми и перегорожены колючей проволокой, поэтому акушер, который должен был помочь Д’Анджело родиться дома (это было тогда в порядке вещей), не смог приехать вовремя. По рассказу мамы Серджо, роды прошли успешно, однако, быть может, эти обстоятельства, как отмечал Д’Анджело, дополнительно повлияли на его антифашистский настрой — им прониклись в те дни его родители и близкие родственники.

Серджо окончил Римский университет с дипломом специалиста по классической литературе, а в 1943 году был призван на военную службу в пехоту. Полк, в который попал Д’Анджело, находился на юге Италии, и, когда 8 сентября 1944-го там высадились войска антигитлеровской коалиции, многие, с кем ему довелось служить в одной части, влились туда добровольцами для борьбы с фашистами. Серджо вступил в Итальянский освободительный корпус.

После войны Д’Анджело стал работать редактором в издательстве, организованном Итальянской коммунистической партией, членом которой стал еще в 1944-м. Он также много писал как внештатный журналист для различных итальянских газет и журналов. В 1953-м Серджо назначили директором Центрального книжного магазина ИКП в Риме, где он проработал три года. «Мне неоднократно предлагали работу партийного функционера в ИКП, но я чувствовал, что это мне совсем не по душе, и решил заниматься научной и аналитической работой для партии», — вспоминал Д’Анджело.

Руководство ИКП предложило Серджо поехать в СССР — вести на московском радио передачи, транслирующиеся на

Италию: в Москве желали видеть проверенных, испытанных жизнью итальянских журналистов. Серджо, прошедшему войну, в это время было 33 года, и такая работа сулила много новых интересных встреч.

Д'Анджело оказался в Москве в разгар хрущевской оттепели — вскоре после «секретного доклада Хрущева» о преступлениях Сталина. Услышав в 1956 году по советскому радио о романе Пастернака, журналист решил поехать к поэту в Переделкино для знакомства. Об этой встрече и перипетиях борьбы за издание романа он впоследствии подробно рассказал в своей книге «Дело Пастернака. Воспоминания очевидца». На презентации книги Серджо говорил: «С помощью Ольги Ивинской, проявлявшей ум, бесстрашие и находчивость, нам удалось отвести смертельные угрозы от Пастернака, сохранить рукопись романа у Фельтринелли и позволить ему издать „Доктора Живаго“ в Италии в ноябре 1957 года».

За заслуги в издании антисоветского романа Д'Анджело поспешно удалили из СССР уже в декабре 1957 года. В книге о Пастернаке он описал множество любопытных и юмористичных эпизодов из своей жизни в нашей стране. После России Серджо работал в издательстве Фельтринелли, но ушел оттуда в сентябре 1960-го, узнав, что Фельтринелли скрыл от него арест Ольги Ивинской. С конца 1960-го Д'Анджело работал в издательстве Автомобильного клуба Италии, сотрудничал в экономическом обозрении «Эль Фиори» и популярном римском еженедельнике «Вита». В этом еженедельнике впервые были опубликованы выступления Серджо в защиту Ольги Ивинской и Ирины, когда их осудили на закрытом суде без вызова свидетелей. Эти выступления Серджо в 1961 году напечатала английская газета «Дейли телеграф». В 1971-м журнал «Вита» направил его для работы собственным корреспондентом в Нью-Йорке. С 1974 по 1979 год Д'Анджело работал официальным пресс-атташе и консультантом при Министерстве экономического планирования Италии, а затем корреспондентом «Юманите» в Нью-Йорке. Эта газета была очень популярна среди читателей во Франции и Италии.

Еще во время работы в издательстве Фельтринелли Д'Анджело перевел на итальянский язык несколько прозаических работ Пастернака, включая его автобиографию. Тогда же вышла книга о хрущевской оттепели, написанная вместе с журналистом Лео Палладини. С ним Серджо сдружился в период работы в Москве, где Лео был корреспондентом газеты «Аванти» — главной газеты итальянской социалистической партии. За 50 лет журналистской деятельности Д'Анджело опубликовал сотни

статей, сообщений и интервью во всех центральных газетах и журналах Италии и Америки.

Друзья постоянно отмечали в его характере стремление к путешествиям и открытиям новых уголков мира. Работая в СССР, Серджо побывал в среднеазиатских республиках, на Кавказе и в Сибири. После войны, еще в молодые годы, он объездил на мотоцикле всю Европу до Финляндии, добрался до пустыни в Сирии. Затем Серджо много путешествовал на машине, а в 1974-м совершил автопробег длиною 20 тысяч километров из Рима в Катманду (Таиланд). Этот автопробег Д'Анджело описал в своих репортажах, которые постоянно публиковались в римском еженедельнике «Автомобиль».

В 2007 году ему была присуждена престижная американская премия «Либерти» за содействие развитию культурных связей между Россией и Америкой. Этой премией награждались такие представители мировой культурной элиты, как Михаил Барышников, Василий Аксенов, Майя Плисецкая, Владимир Спиваков.

«В моей жизни было много увлекательных и неожиданных встреч, но самыми памятными и незабываемыми остаются встречи с гениальным Пастернаком и его любовью и музой Ольгой Ивинской. Свет этих встреч всегда озаряет мою жизнь и напоминает, что я успел сделать в своей жизни что-то важное». Так написал о себе Серджо Д'Анджело.

* * * * *

• Дж. Фельтринелли ведет заседание редакции издательства «Фельтринелли»: обсуждается вопрос об издании романа Б. Пастернака «Доктор Живаго». Милан, 1957 г.

• Серджо Д'Анджело (слева) и Борис Мансуров. Москва, сентябрь 2007 г.

Библиография

ОСНОВНАЯ БИБЛИОГРАФИЯ

Баевский В. А. Борис Пастернак — лирик. — Смоленск.: Траст, 1993.

Бродский И. Сочинения Иосифа Бродского: В 7 т. — СПб.: ММ 1, 2001.

Гладков А. Встречи с Пастернаком. — М.: АРТ-ФЛЕКС, 2002.

Громова Н. Узел: Поэты: дружбы и разрывы: Из литературного быта 20–30-х годов. — М.: Эллис Лак, 2006.

Данин Д. Бремя стыда. — М.: Московский рабочий, 1996.

Д'Анджело С. Дело Пастернака: Воспоминания очевидца. — М.: Новое литературное обозрение, 2007.

Емельянова И. И. Легенды Потаповского переулка: Воспоминания и письма. — М.: Эллис Лак, 1997.

Емельянова И. И. Пастернак и Ивинская: Провода под током. — М.: Вагриус, 2006.

Иванова Н. Б. Борис Пастернак: участь и предназначение. — СПб.: БЛИЦ, 2000.

Ивинская О. В. Годы с Борисом Пастернаком: В плену времени. — М.: Либрис, 1992.

Косачевский В. Послесловие к роману: Из записок адвоката // Москва. 1989. № 10. С. 139–147.

Масленикова З. А. Портрет Бориса Пастернака. — М.: Присцельс, 1995.

Пастернак Е. Б. Борис Пастернак: Материалы к биографии. — М.: СП, 1989.

Пастернак Б. Второе рождение. Письма к З. Н. Пастернак; *Пастернак З. Н.* Воспоминания / Вступ. ст. и коммент. М. Фейнберг. — М.: ГРИТ, 1993.

Пастернак Е. Б. Борис Пастернак: Биография. — М.: Цитадель, 1997.

Пастернак Е. Б. Существованья ткань сквозная: Борис Пастернак: Переписка с Евгенией Пастернак, дополненная письмами к Е. Б. Пастернаку и его воспоминаниями. — М.: Новое литературное обозрение, 1998.

Пастернак Е. Б, Пастернак Е. В. Жизнь Бориса Пастернака: Документальное повествование. — СПб.: Звезда, 2004.

Пастернак Е. Б. Пастернак Е. В. Борис Пастернак: Письма к родителям и сестрам: 1907–1960. — М.: Новое литературное обозрение, 2004.

Фельтринелли К. Senior Service: Жизнь Джанджакомо Фельтринелли / Пер. с ит. И. М. Заславской и Я. А. Токаревой — М.: ОГИ, 2003.

Швейцер Р. Дружба с Борисом Пастернаком: Пер. с нем. // Грани. 1965. № 58. С. 3–94.

Чуковская Л. К. Записки об Анне Ахматовой: 1952–1962: В 2 т. — М.: Согласие, 1997.

Чуковский К. И. Дневник (1930–1969). — М.: Современный писатель, 1997.

Эфрон А. С. Жизнь есть животное полосатое: Письма к Ольге Ивинской и Ирине Емельяновой (1955–1975). — М.: ВИГРАФ, 2004.

Гутчин И. Б. Жизнь вкратце. — Балтимор: ВИА Пресс, 2002.

Козовой В. М. Поэт в катастрофе. — М.: Гнозис, 1994.

Орлова Р., Копелев Л. Мы жили в Москве: 1956–1980. — М.: Книга, 1990.

СБОРНИКИ

«А за мною шум погони…»: Борис Пастернак и власть: 1956–1972 гг.: Документы. — М.: РОССПЭН, 2001.

Воспоминания о Борисе Пастернаке. — М.: Слово, 1993.

С разных точек зрения: «Доктор Живаго» Бориса Пастернака / Сост. Л. В. Бахнов и Л. Б. Воронин. — М.: СП, 1990.

Пастернак Б. Л. Стихотворения и поэмы: В 2 т. / Сост. В. А. Баевский и Е. Б. Пастернак, коммент. В. А. Баевского. — Л.: СП, 1990.

Марина Цветаева в воспоминаниях современников: Возвращение на родину. — М.: АГРАФ, 2002.

СОБРАНИЯ СОЧИНЕНИЙ БОРИСА ПАСТЕРНАКА

Пастернак Б. Собрание сочинений: В 5 т. — М.: Художественная литература, 1989.

Пастернак Б. Полное собрание сочинений: В 11 т. — М.: Слово, 2005.

notes

Примечания

1

Подробнее об этом см.: *Ивинская О. В.* Годы с Борисом Пастернаком: В плену времени. — М., 1992.

2

В письме от 1 ноября 1957 г. к сестрам в Англию Пастернак сообщает: «Надо сказать о той роли, которую последние 10 лет играет в моей жизни Ольга Ивинская, Лара моего романа <…> это единственная душа, с кем я обсуждаю, что такое бремя века, что надо сделать, подумать, написать».

В письме к другу Ренате Швейцер, адресату из Германии, в мае 1958 г. Пастернак пишет: «Во втором послевоенном времени я познакомился с молодой женщиной — Ольгой Ивинской. Она и есть Лара моего произведения, которое я в это время начал писать. Она олицетворение жизнерадостности и самопожертвования. По ней незаметно, что она в жизни перенесла. <…> Она посвящена в мою духовную жизнь и во все мои писательские дела».

3

Евгений Борисович Пастернак, сын Бориса Пастернака от первой жены, Евгении Лурье.

4

Леонид Борисович Пастернак, сын Бориса Пастернака от второй жены, Зинаиды Николаевны Нейгауз.

5

В письме к С. А. Оболенскому в 1954 г., завершая вторую часть «Доктора Живаго», Пастернак пишет: «Зачем хотите Вы приобщить меня благодати соцреализма? Мои труды и стремления поистине между восторгами жизни и смерти, а не между проблемами соцреализма и Второго съезда писателей».

6

Позже я прочитал в письме Пастернака во Францию к Жаклин де Пруайяр о любимом цвете поэта: «В далеком прошлом у меня было любимое сочетание такое устойчивое, что могло бы меня охарактеризовать. Это был темно-лиловый (почти черный) цвет в сочетании со светло-желтым, цвета чайной розы или кремовым».

7

Виноградов Дмитрий Александрович (1941–2004), сын Ивинской, которого мама, сестра Ирина и все друзья называли Митей. С пяти лет он рос в сложной атмосфере жизни и любви матери и гениального поэта, чье творчество полюбил еще в юности. Митя знал наизусть более 200 стихотворений Пастернака.

Ближайшими друзьями Дмитрия были знаменитый актер Владислав Дворжецкий, известная актриса Майя Булгакова, всемирно известный художник Борис Мессерер, произнесший слова прощания на похоронах Мити, актриса Татьяна Лаврова, организатор киноиндустрии Валерий Нисанов… Но лучшим другом Мити была, конечно, его мама, Митя относился к ней с нежностью и восхищением. В дни нобелевской травли Митя был рядом с Пастернаком, сопровождая его в смутное время по пути из Измалкова в Переделкино и во время возвращения из Москвы на Большую дачу. Мите тогда пришлось проявлять твердость и волю для защиты поэта. В память об этих днях Пастернак подарил ему картину своего отца, Леонида Осиповича Пастернака. На портрете Льва Толстого Пастернак сделал дарственную надпись: «Дорогому Мите Виноградову, опрометчивому и одаренному молодому человеку, с пожеланиями, чтобы его крутой и обрывистый юношеский путь выровнялся и стал легче. С любовью и верой в него. *Б. Пастернак».*

Александр Леонидович, брат Пастернака.

9

Ирина Емельянова, дочь О. Ивинской.

10

Эмоционально-яркое предисловие к четырехтомнику написала французская славистка Жаклин де Пруайяр. Она была доверенным лицом Пастернака во Франции и вела с ним большую переписку с 1957-го по апрель 1960 г.

11

Эфрон Ариадна Сергеевна (1912–1975), дочь Цветаевой, познакомилась с Ивинской в 1956 г. после возвращения из туруханской ссылки. Во время тяжелых дней нобелевской травли 1958 г. она приехала из Тарусы к Ольге и была рядом с ней, сражаясь за жизнь Пастернака. Ариадна стала верной подругой Ольги на всю оставшуюся жизнь, а также любимой наставницей Ирины, которую опекала, как дочь. Интереснейшая переписка Ариадны с Ольгой и Ириной опубликована в книге: *Эфрон А. С.* Жизнь есть животное полосатое. — М.: ВИГРАФ, 2004. Эту книгу подготовила И. Емельянова, издал Дом-музей Марины Цветаевой в Москве. Финансировал издание Б. М. Мансуров.

Издательство «Советский писатель».

13

Еще до августовских событий 1991 г. я организовал специальное предприятие «Чернобыль-пресс», где стала работать Ольга Никифорова, дочь нашей сокурсницы из МЭИ Нонны Вулис. Ольга приложила много усилий, чтобы успеть выпустить книгу ко дню юбилея Ивинской — 27 июня 1992 г.

14

По воспоминаниям ветеранов-большевиков, в 1923 г., когда Ленин тяжело заболел, Сталин приказал выпустить один экземпляр газеты «Правда» со статьей Ленина: ведь вождь мирового пролетариата стал пересматривать взгляды на социализм. Этот единственный экземпляр газеты привезли больному Ленину в Горки, а тираж «Правды» вышел без его статьи.

15

В день получения тиража Митя рассмешил меня своим признанием: «А я со второго раза понял, что вы не засланный казачок. Когда в ноябре 1988 г. мы закончили пить чай и я с мамой вышел покурить, то вы вымыли посуду. А гаврики из органов никогда за собой посуду не моют, следов не оставляют. Кстати, когда к маме на Вятскую пришел Отар Иоселиани, он также вымыл после ужина всю посуду». На это я с серьезным видом заметил Мите: «Так поступают все настоящие грузины, ведь моя мама — грузинка». Ольга Всеволодовна весело смеялась.

16

На мой взгляд, таким Лермонтовым для них стал замечательный русский поэт Александр Галич, друживший с Ольгой с 1965 г. до своего изгнания из СССР. Он написал знаменитое стихотворение «Памяти Б. Л. Пастернака», где есть строки: «Разобрали венки на веники, / На полчасика погрустнели, / Как гордимся мы, современники, / Что он умер в своей постели!.. Мы поименно вспомним всех, / Кто поднял руку!.. А над гробом встали мародеры / И несут почетный… / Ка-ра-ул!» Ивинская вспомнила, как Галич, часто гостивший у нее на Вятской, рассказывал, что, когда в новосибирском академгородке он пел свою песню «Памяти Пастернака», весь зал молча встал. Этого ему власти не простили. В 1971 г. за антисоветские публикации и выступления Галич был изгнан из Союза писателей, затем — из Союза кинематографистов и Литфонда. В 1974 г. Галича вынудили уехать в эмиграцию. В том же году выслали и Солженицына. Галич стал активно работать на радио «Свобода», посвятил много передач защите узников совести в СССР, брошенных в тюрьмы и психушки. Галич погиб странно и неожиданно: его нашли мертвым в парижской квартире с зажатым в руке электропроводом.

Позже Митя показал мне стихотворение Галича «Памяти Живаго» с указанием «Посвящается Ольге Ивинской». Реабилитация Галича произошла в 1988 г., когда его посмертно восстановили в Союзе писателей и Союзе кинематографистов. Как я заключил, слушая рассказы Мити, Галич и Ольга Ивинская — это большая увлекательная история, которую теперь может описать только Ирина Емельянова, дочь Ольги Ивинской.

17

Эфрон Георгий Сергеевич, сын Марины Цветаевой, которого в семье называли Муром.

18

Об этом пишет в своих воспоминаниях поэт Виктор Боков, приехавший вместе с Пастернаком проводить Цветаеву. Она с сыном уехала в эвакуацию на теплоходе 8 августа 1941 г., а 31 августа 1941 г. покончила с жизнью в захолустном городке Елабуге на берегу Камы. Могила ее неизвестна, стоит лишь камень с надписью: «В этой стороне кладбища похоронена Марина Цветаева».

19

В Болшево находился поселок НКВД, где содержали мужа Цветаевой Сергея Эфрона.

Это нежелание Зинаиды Николаевны помочь Цветаевой привело к разрыву Пастернака с женой в начале 1941 г. В апреле 1941-го Пастернак написал в Ленинград сестре О. Фрейденберг: «Главное мое недовольство — зря потраченной жизнью и собою. Мне опять захотелось сломать и по-иному сложить свою жизнь. Полтора месяца назад я поссорился и расстался с Зиной. <…> Я снова преобразился и снова поверил в будущее».

21

Актриса МХАТа Нина Яковлева в своих воспоминаниях о Цветаевой описала эту историю: «Они (Марина и Арсений. — *Б. М.*) познакомились у меня в доме. <…> Встретились, взметнулись, метнулись. Поэт к поэту. В народе говорят: любовь с первого взгляда. <…> По традиции в Доме литераторов каждую весну устраивается книжный базар. Так было и весной 1941 года. Мне нездоровилось. Марина пошла одна. Она вернулась вне себя от гнева. Поэт был не один. Он не подошел к ней. Даже не поклонился. Будто даже знакомы небыли… Это была их последняя встреча» (*Яковлева Н.* Она существовала как-то над жизнью… // Марина Цветаева в воспоминаниях современников: Возвращение на родину. — М.: АГРАФ, 2002. С. 100–104).

22

Ивинская рассказывала, что тогда Фадеев сильно пил: из лагерей возвращались десятки выживших реабилитированных писателей, репрессированных в годы сталинского террора. Под многими списками расстрелянных и осужденных стояла — по требованию кровавого хозяина — подпись Фадеева. 13 мая 1956 г. Фадеев застрелился на своей даче в Переделкине. На прощании в ЦДЛ перед его гробом Пастернак сказал: «Так Фадеев себя реабилитировал».

Символично звучат эти слова на фоне утверждений советских пастернаковедов о том, что Пастернак встречался с Ивинской только из сострадания, о ее пагубном влиянии на творчество поэта, об ее алчности, дворянской и антисоветской сущности и т. п. В секретной записке КГБ, направленной в феврале 1959 г. в ЦК КПСС, докладывалось: «В результате наблюдения за Пастернаком установлено, что ряд лиц из числа его близкого окружения <…> подогревает озлобленность Пастернака. К числу таких лиц относится сожительница Пастернака Ивинская О. В. <…> из дворян, характеризуется как умная, но морально разложившаяся женщина. <…> Ивинская не прочь эмигрировать с Пастернаком за границу <…> высказывает антисоветские настроения. Пастернак находится под ее большим влиянием» (цит. по: «А за мною шум погони…»: Борис Пастернак и власть: Документы: 1956–1972. — М.: РОССПЭН, 2001. С. 186).

Многие секретные документы из архива ЦК КПСС и КГБ о действиях советских властей и слежке за Пастернаком и Ивинской впервые были опубликованы в 1994 г. во Франции. Об этом рассказала Ирина Емельянова на радио и по телевидению в январе 1998 г. в интервью по поводу провокационной статьи журналистки Н. Дардыкиной, очерняющей Ивинскую. Эта заказная статья вышла в ноябре 1997 г. в газете «Московский комсомолец» перед заседанием Савеловского суда в Москве по делу «архива Ивинской». В России эти секретные документы были опубликованы только в 2001 г., когда Савеловский суд отнял у детей Ивинской ее архив (см.: Там же).

24

Отец Нины Михаил Кузнецов (впоследствии прошедший Великую Отечественную войну) и три его сестры после раскулачивания их родителей в 30-х годах остались жить одни в сарае возле кузьмичевской избы. В 50-х им помогали выживать Пастернак и Ивинская. Ольга оформила к себе на работу в доме одну из сестер, также по имени Ольга. Нина Михайловна с благодарностью говорила, что это помогло «тете Оле» с возрастом получить официальную пенсию. С 1953 г. Ивинская несколько лет писала письма в разные инстанции и добилась посмертной реабилитации семьи Кузнецовых. Она вспоминала, что Пастернак постоянно приходил в старый домик к сестрам, активно участвовал в подготовке этих писем и был очень рад реабилитации. «Олюшка, тебе это зачтется. А твой свет и доброта отразились в образе Лары», — говорил он Ольге. Затем Ивинская долго боролась за предоставление сестрам как семье репрессированных квартиры. И победила: им выделили квартиру в г. Одинцове Московской области. У Ирины до сих пор сохранились материалы переписки, которую вела Ивинская, отстаивая права семьи Кузнецовых.

25

После возвращения из лагеря Шаламов жил за 101-м километром, на станции Решетниково Ленинградской железной дороги, работал на торфоразработках в поселке Туркмен. Весной 1956 г., после письма к Ольге, он стал в Измалкове желанным гостем и интереснейшим собеседником, высоко ценимым Пастернаком. Увлекательная переписка Пастернака с Шаламовым началась за несколько лет до его возвращения из концлагеря, до встречи с Ольгой в Москве весной 1956 г. Об этом пишет Ирина в своей книге «Легенды Потаповского переулка».

В июне 2007 г. Ирина сообщила мне любопытную подробность: случилось так, что Шаламов написал литературный реферат, который нужен был ей для поступления в Литературный институт. Весной 2007-го, в год 100-летнего юбилея Шаламова, Ирина передала этот реферат для публикации в журнале «Грани».

26

Козовой Вадим Маркович (1937–1999) — муж Ирины, поэт, эссеист и блистательный переводчик с французского. В 1957 г., будучи студентом истфака МГУ, он был арестован в составе «группы Краснопевцева» и стал узником советского концлагеря, где и познакомился с Ириной. Козовой награжден редким для российского гражданина французским Орденом литературы и искусства. Подробнее о Козовом см. в разделе Приложения.

27

Ивинская говорила мне: «Борис Леонидович не хотел уезжать из Переделкина, но Зинаида по настоянию властей увезла его из Москвы, чтобы исключить возможность встречи с приезжавшей в феврале 1959 г. в Москву английской правительственной делегацией. Боря рассказал после возвращения, что вновь, как и в дни нобелевской травли, возникла угроза исключения Лени из университета в случае, если отец встретится с членами делегации».

В воспоминаниях Зои Масленниковой есть запись ее разговора с Пастернаком 19 февраля 1959 г.: «Я с вами заодно и прощаюсь, завтра я улетаю в Тбилиси. Предстоит приезд правительственной делегации (английской), и все, особенно жена, настаивают, чтобы я уехал, а мне не хочется». Тогда во всем мире шла волна возмущения жестокостью советских властей, травивших Пастернака, «как зверя в загоне». Новая волна в защиту Бориса Леонидовича поднялась после публикации в Англии 11 февраля 1959 г., к 69-летию поэта, его стихотворения «Нобелевская премия».

28

Евтушенко Евгений Александрович (р. 1933) — известный поэт-шестидесятник, приносивший свои первые стихи к Ивинской в «Новый мир», где она заведовала отделом начинающих авторов. Встречался с Пастернаком. В 70-х годах помог вывезти рукопись книги Ивинской в Париж.

29

Лаврентий Берия, последний сталинский председатель КГБ, расстрелянный в 1953 г. после смерти Сталина.

30

Часть архива Ариадны Эфрон удалось уберечь от ЦГАЛИ, его передала в ГЛМ Ада Шкодина, верная подруга Али по туруханской ссылке и последним годам жизни в Тарусе.

31

Фельтринелли К. Senior Service: Жизнь Джанджакомо Фельтринелли. — М.: ОГИ, 2003. С. 180.

32

См.: *Емелянова И.* Легенды Потаповского переулка: Б. Пастернак. А. Эфрон. В. Шаламов: Воспоминания и письма. — М.: Эллис Лак, 1997.

33

См.: *Пастернак З. Н.* Воспоминания // Б. Пастернак. Второе рождение. Письма к З. Н. Пастернак; З. Н. Пастернак. Воспоминания / Вступ. статья и коммент. М. Фейнберг. — М.: ГРИТ, 1993. С. 235–426.

34

См.: Воспоминания о Борисе Пастернаке / Сост., подготовка текста и коммент. Е. В. Пастернак, М. И. Фейнберг. — М.: Слово, 1993.

35

Богатырев Константин Петрович (1925–1976) — фронтовик, блестящий переводчик с немецкого, бесстрашный правозащитник. Был арестован органами в 1951 г. «за покушение на жизнь великого вождя — Сталина» и осужден на смертную казнь. «Хозяин» заменил расстрел на 25 лет тюрьмы. После смерти Сталина Богатырев вышел из концлагеря и стал верным другом Пастернака и Ивинской. В мае 1960 г. он был главным вестовым от Ольги к Борису Леонидовичу, умиравшему на Большой даче под присмотром органов. Был убит неизвестными лицами в 1976 г. Подробнее о нем см. в главке «Константин Богатырев» раздела Приложения.

36

В письме к Жаклин во Францию от 30 марта 1959 г. Пастернак просит: «Позаботьтесь о том, чтобы большая часть средств, примерно три четверти, временно остались за границей у Вас. Насколько возможно, пусть не раззваниваются суммы». 17 апреля 1959 г. Пастернак сообщал Жаклин: «Дорогая Жаклин, неотвратимая и злополучная новость. Под видом примирения со мною государство хочет присвоить плоды, которые приносят мои работы во всем свободном мире. <…> Вам знакомы их повадки. Я буду отказываться подписать неограниченное право Госбанка на все будущие и настоящие суммы. Все мое существо восстает против подобной расписки, против этого договора Фауста с Дьяволом, против ужасной системы, которая захватывает и подчиняет живую душу, делая ее своею собственностью, системы еще более ненавистной, чем была крепостная зависимость крестьян. <…> Пользуясь Вашей доверенностью, захватите то, что еще можно спасти». 14 ноября 1959 г. Пастернак пишет: «Я просил Х. Шеве установить способ помощи, который при постоянном использовании не исчерпал бы (в итоге) более десятой части общей суммы».

37

Митя обратил мое внимание на то, что никогда и нигде Пастернак не изъявлял желания, чтобы хранителями его могилы стали Зинаида или Евгений Борисович.

38

Похороны Паустовского в 1968 г. прошли при многотысячном стечении народа. Ивинская говорила, что было такое же море людей, как и при прощании с Пастернаком в Переделкине. Наутро после похорон друзья писателя увидели осквернённую могилу. Эта дикость повторилась и на следующее утро. Тогда друзья Паустовского устроили ночью засаду и схватили мерзавцев, которые по указанию органов надругались над могилой непокорного писателя. Об осквернении могилы Паустовского в Тарусе написал в журнале «Мир Паустовского» Петр Двигун, который был одним из участников ночной засады.

Паустовский защищал Пастернака в дни нобелевской травли, а в день его похорон демонстративно, наперекор властям и литературному бомонду, взял под руку Ивинскую и прошел с ней к гробу, чтобы вместе вторично поклониться и проститься с поэтом.

39

В воспоминаниях Зои Масленниковой есть запись ее разговора с Пастернаком в Переделкине после того, как она увидела Евгения. «А сын похож на вас». — «Что вы, мне кажется, нет!» — с некоторым ужасом воскликнул Борис Леонидович (см.: *Масленникова З. А.* Портрет Бориса Пастернака. — М.: Присцельс: Русслит, 1995).

40

В письме к сестре Лидии в Англию от 10 января 1957 г. Пастернак отмечает: «Я не поклонник домашних традиций, врожденных черт характера, семейного сходства и т. д.».

41

См.: *Ивинская О.* Указ. соч. С. 55.

42

Волкова Наталья Борисовна, тогдашний директор ЦГАЛИ. — *Б. М.*

Откровенно говоря, меня эта весть тогда несколько смутила, ибо в такое трудно было поверить. Но затем, участвуя с Митей с 1994 по 2000 г. в заседаниях Савеловского суда по делу об архиве Ивинской, я узнал и о других фактах продажи за рубеж в 90-х годах сотен материалов с грифом ДСП, «Секретно» и «Сов. секретно» из госархивов. Оказывается, этим нелегально занимались еще в 1967 г. и родственники Пастернака. В книге «Пастернак и власть…» приводится секретная записка главлита СССР от 12 мая 1967 г., док. № 98, с донесением: «Витторио Страда вновь отправился в Москву, откуда возвратился с очень интересной добычей — „Письмами грузинских писателей“ Б. Пастернака, приобретенными им непосредственно у родственников писателя. Большая часть этих писем не издана даже в СССР».

Яркий пример тайной продажи за рубеж секретных документов из архивов ЦК КПСС приведен в воспоминаниях В. Кеворкова:

> Осенью 1993 г. в бюро ИТАР-ТАСС в Бонне, которое я возглавлял, раздался телефонный звонок из немецкого журнала «Неделя», ФРГ. «Мы готовим к публикации секретные протоколы заседания Политбюро, касающиеся выдворения Солженицына из вашей страны. В них упоминается ваше непосредственное участие в решении этой проблемы». Я был очень удивлен. Секретные протоколы оставались в архивах ЦК КПСС и КГБ. Для меня это шокирующая новость. «В том-то и их ценность. Это исторический материал. Причем в оригинале!» — «Вы покажите мне ваши протоколы, чтобы я не комментировал фальшивку» — «За протоколы заплачены огромные деньги, а потому показывать их до публикации мы считаем опасным».
>
> 30 сентября 1993 г. «Неделя» опубликовала протоколы заседания Политбюро ЦК КПСС от января 1974 г. Также воспроизведена записка от 7 февраля 1974 г., направленная Андроповым к Брежневу. Стоило мне пробежать глазами по документам, как я убедился, что это подлинники. Именно с ними ознакомил меня член Политбюро ЦК КПСС Ю. В. Андропов.
>
> *(Кеворков В. Солженицын был козырной картой в*

игре против Андропова // Караван-коллекция. 2007. № 1. С. 161)

44

Ныне известная писательница, заместитель главного редактора литературного журнала «Знамя».

Жорж Нива и Мишель Окутюрье.

46

Текст письма см.: *Фельтринелли К.* Указ. соч. С. 117.

47

Гольдони Карло (1707–1793) — знаменитый итальянский комедиограф, автор остроумных пьес.

48

В книге «Борис Пастернак и власть» (М.: РОССПЭН, 2001) имеется глава «Дело Ивинской» (см. с. 307–328), где опубликованы некоторые документы этой волны протестов. Среди них телеграмма известного писателя Грэма Грина, письмо от международного ПЕН-клуба, публикации из итальянского журнала «Темпо презенте», письмо Д'Анджело и др. Опубликованы также секретные записки КГБ и ЦК КПСС с требованием не разглашать материалы судебного дела по обвинению Ивинской и ее дочери.

49

Закрытый суд над Ивинской и ее дочерью Ириной прошел 7 декабря 1960 г. «Женщины Пастернака» были осуждены, и их отправили по этапу в Тайшет, Сибирь, в начале января 1961 г. Уже 21 января в передаче на заграницу по радио прозвучала ложь о контрабандистках, которых разоблачили советские органы.

Эта ложь разоблачается материалами, приведенными в книге «Пастернак и власть». Например, на с. 252 помещен текст письма Пастернака в ЦК КПСС от 1 апреля 1959 г., где он заявляет: «В Советском Союзе мои книги не издаются, а имеющиеся договоры фактически приостановлены действием, и, следовательно, на заработок внутри страны я рассчитывать не могу. В Инюрколлегии мне сказали, что я могу получить деньги, которые хранятся для меня в швейцарском банке. <…> Свое разрешение или запрещение доведите, пожалуйста, до моего сведения по адресу: Москва, Потаповский пер. д. 9/11 кв. 18 — Ольге Всеволодовне Ивинской. Тел. Б-7–33–70». Ответ из ЦК с отказом на эту просьбу Пастернака в книге не поместили.

51

Фельтринелли К. Указ. соч. С. 119.

В дневнике болезни Пастернака есть его запись от 30 апреля 1960 г.: «Сегодня купили новую „Волгу“». В опубликованных в 1993 г. дневниковых записях Зинаиды Николаевны также сообщается, что в апреле 1960 г. купили Лене «Волгу» за 45 тысяч рублей. В апреле Пастернак вернул ряд долгов, которые сделал из-за безденежья в начале года. Так, в воспоминаниях Л. Чуковской говорится о том, что Пастернак в апреле вернул Корнею Ивановичу 5 тысяч рублей долга. Это стало возможно потому, что в феврале 1960 г. журналист Гарритано привез из Италии для Пастернака большую сумму от Д'Анджело. Как он сообщает в своей книге «Дело Пастернака», «Борис Леонидович выдал Гарритано расписку о получении 44 тысяч рублей в феврале 1960 г.».

Конечно, никакой возможности доказать свою невиновность Ольге Всеволодовне и Ирине на суде не предоставили. В 1988 г. в журнале «Столица», № 10, адвокат В. Косачевский написал о деле Ивинской и ее дочери Ирины: «Суд прошел в закрытом режиме. Никого из свидетелей, привозивших деньги Пастернаку и Ольге Всеволодовне, на заседание не вызвали. Невиновных за один день осудили, а меня выгнали из коллегии адвокатов».

53

Митя обратил мое внимание на это место в письме Суркова и сказал: «Органы изъяли все эти письма у мамы при аресте, но большинство из них странным образом куда-то сгинуло. В описи от 14 февраля 1961 г. среди оригинальных писем, взятых представителями ЦГАЛИ в КГБ из архива Ивинской, есть лишь одно письмо от Фельтринелли с датой 10 октября 1957 г. и одно письмо от Д'Анджело с датой 2 февраля 1960 г. Куда делась „пачка оригинальных писем", которые сохранила Ивинская, известно лишь группе, захватившей архив Ивинской».

Фельтринелли К. Указ. соч. С. 181.

55

Примечательны слова Фельтринелли в письме к Хайнцу Шеве: «Я думаю, не стоит распространяться о той роли (большой или малой), которую я сыграл в освобождении Ольги и Ирины. Состоялся контакт между здешней и московской партиями. Возможно, я оказал русским услугу, передав им документы, о которых Вы знаете. Но Ирина не должна об этом знать. Мы должны сохранить лицо, и лучше, чтобы девушка знала как можно меньше о событиях, предшествовавших ее выходу на свободу».

У Ивинской было больное сердце, а Ирина была неожиданно заражена вместе со своим женихом, аспирантом из Франции Жоржем Нива, неизвестной тяжелой болезнью. В книге «Легенды Потаповского переулка» Ирина рассказывает: «Жоржа упрятали в больницу, чтобы предотвратить нашу женитьбу, а затем выслали из СССР, устроив в аэропорту провокацию». А в книге «Пастернак и Ивинская» (М.: Вагриус, 2006) Ирина ясно пишет, что ее и Жоржа «заразили препаратами из лабораторий КГБ». Как говорила мне Ольга Всеволодовна, последствия этой неизвестной болезни привели к тяжелому заболеванию старшего сына Ирины Бориса, родившегося в 1965 г.

Пастернак З. Н. Указ. соч. С. 351.

Даже в объемной и оригинальной биографии «Борис Пастернак» Д. Быкова, которая получила премию «Национальный бестселлер» в 2006 г., повторяются ложные наговоры на Ивинскую. Подробнее об этом — в главе «Как сбылось пророчество Бориса Пастернака».

59

В делах НКВД на Пильняка, Мандельштама, Мейерхольда сфабрикованы показания на Пастернака как на «английского шпиона».

60

Мною выделены слова Евгения Пастернака, возмутившие Митю.

61

См.: *Косачевский В.* Послесловие к роману: Из записок адвоката // Москва. 1989. № 10. С. 147.

62

Моя статья «Тайны архивов Бориса Пастернака», в которой я привел рассказ Ивинской о содержании «завещания Пастернака», печаталась с декабря 1999 г. в журнале «Большой Вашингтон» в США. Ее публикацию организовал И. Б. Гутчин, с 1993 г. живущий в эмиграции в Америке (о нем подробнее написано в главке «И. Б. Гутчин»), После выхода первой части статьи в начале 2000 г. некто посоветовал Ирине написать в редакцию письмо о том, что поскольку завещание Пастернака никто не обнаружил, то и писать об этом не следует. Подписать это странное письмо она уговорила и Митю. А ведь он, как сам рассказал мне уже в 2001 г., тогда, в июне 1960 г., рвался поехать в Грузию на поиски потерянного завещания Пастернака. Ивинская в отчаянии согласилась на это, но совет Ариадны выбросить из головы эту затею его остановил: «Капиташка (так любовно называла его Ариадна Сергеевна — *Б. М.*) не только ничего там не найдет, но и мы уже не найдем самого Митю».

В файле — полужирный — *примечание верстальщика.*

Рассказав мне об этом письме, Митя отметил: «Весь тон и язык письма показывают влияние на Иру французской культуры. Сказывается ее многолетний опыт преподавания славистики в Сорбонне. Но она забывает, что пишет для деятелей из России, где другой менталитет и где важен лишь чистоган».

Пастернак Борис. Письма к родителям и сестрам. — М.: НЛО, 2004.

11-томное собрание сочинений Бориса Пастернака вышло в 2005 г. в московском издательстве «Слово».

67

Это письмо цитирует Ивинская в своей книге. Оно впервые было опубликовано на русском языке в Парижском журнале «Грани», № 58,1965 г.

68

Это письмо опубликовано в книге: *Пастернак В.* Письма к родителям и сестрам….

69

Это важное письмо Пастернака к Жаклин было опубликовано в журнале «Новый мир», № 1, 1992 г.

Такие же слова прозвучали на «Русском радио» в Париже после смерти Ольги Ивинской 8 сентября 1995 г. Известный российский литератор и правозащитник Александр Гинзбург сказал: «Ивинская являла собою удивительное сочетание всепобеждающей женской красоты и доброты с талантом. Ее любовь к Пастернаку была абсолютной и озаряющей».

В файле — полужирный — *прим. верст.*

В наших беседах о событиях того времени, когда Сурков и Ко лихорадочно пытались остановить выход романа, Ивинская рассказывала о нескольких случаях подделки подписи Пастернака в письмах, посылавшихся за рубеж. Она говорила, что Борис Леонидович назвал имя шулера из СП, который выполнял «пикантные поручения» по подделке его подписей.

73

Ирина рассказывала мне, что летом 1965 г., когда она ждала рождения первого сына, к ней на дачу приехали Евгений и Леонид Пастернаки и настойчиво требовали повлиять на Ольгу Ивинскую, чтобы та отказалась от распоряжения зарубежными гонорарами Пастернака. Их настойчивость и напор так раздражили Ирину, что Вадим прогнал сыновей Пастернака. Об этом Ирина пишет в своем письме к Евгению Борисовичу, которое она направила ему в 2005 г. Это письмо приведено в главе «Как исполнилось пророчество Бориса Пастернака».

74

В книге К. Фельтринелли на с.153 приведены сведения о том, что Х. Шеве привозил деньги для Пастернака по поручению Фельтринелли семь или восемь раз.

Это было стихотворение «Недотрога».

Здесь и далее цит. по: *Ивинская О.* Годы с Борисом Пастернаком: В плену времени. — М.: Либрис, 1992.

77

О чтении Пастернаком 6 февраля 1947 г. первых глав романа у Юдиной говорится в воспоминаниях Л. Чуковской. Е. Берковская воспоминает: «Начало февраля 1947 г. Борис Леонидович пригласил нас к Юдиной на чтение глав романа. Замерзшие, с мороза, с метели, которая мела по всей земле в тот вечер, мы вошли в теплую комнату. Борис Леонидович сел за стол и стал читать: „Шли и шли и пели вечную память…“».

78

Из письма Юдиной к Пастернаку от 4 февраля 1947 г., опубликованного в журнале «Новый мир», 1990 г., № 2 с подробными комментариями литературоведа А. М. Кузнецова: «Дорогой и замечательнейший Борис Леонидович! Как праздника я и мои друзья ждем четверга (6 февраля 47 г. — *А. Кузнецов*). <…> Я позвала Алпатовых, Анциферовых, Фаворского. <…> Кроме моей свекрови (речь шла о несостоявшейся свекрови Е. Салтыковой, урожденной Куракиной. — *А. Кузнецов*), у коей Вы были с Анной Андреевной, и моей сестры — это все и составляет вместе с Вашими друзьями и Журавлевыми (семья чтеца Д. Н. Журавлева. — *А. Кузнецов*) 17–19 человек. <…> Адрес: Беговая ул., 1-А, корпус 5, кв. 4. Трамваи 16, 31, 23. или от Белорусского вокзала автобус № 10 до остановки „Бензоколонка“». После этого вечера Юдина написала Пастернаку восторженное письмо 7 февраля 1947 г.: «Дорогой Борис Леонидович! Я постараюсь быть краткой, но это почти невозможно. Тень от исполинского роста Вашего заслонила не только всех нас, вчерашних слушателей (кроме Фаворского), но и все наши собственные мысли, работы, замыслы. <…> Как поклонялся бы Вам Кирилл (К. Салтыков, музыкант, жених Марии Юдиной, погибший в 1939 г. на Кавказе при восхождении на гору Бжедух. — А. Кузнецов), если бы он дожил до такого вечера. <…> О стихах и говорить нельзя. Не обиделись ли Вы на Рильке, т. е. на „сравнение“. Но Бетховен ведь не хуже оттого, что соседит с Моцартом. Если бы Вы ничего, кроме „Рождества“, не написали в жизни, этого было бы достаточно для Вашего бессмертия, на земле и на небе. <…> Будем ждать чтения второй части».

79

В 2006 г. я неожиданно получил удивительную весть от моего друга по «Цветаевским кострам», инженера Геннадия Михайловича Абольянина (1932–2007), создавшего в 1972 г. в Новосибирске уникальный музей Пастернака, Цветаевой, Ахматовой и Мандельштама. Ему в руки невероятными путями попал сборник стихов Пастернака 1947 г. Оказалось, что несколько экземпляров этой книжки удалось спрятать и сохранить от варваров, уничтоживших почти весь ее тираж.

80

26 марта 1947 г. в Лондоне на выступлении перед журналистами генсек СП А. Фадеев заявил: «Пастернак никогда не был популярен в СССР в силу исключительного индивидуализма и усложненной формы его стихов, которые трудно понимать». 6 апреля того же года в письме в ЦК ВКПб Фадеев докладывает: «Довожу до Вашего сведения, что секретариат СП не разрешил выпустить в свет уже отпечатанный сборник Б. Пастернака. К сожалению, сборник был отпечатан по нашей вине. <…> В сборнике преобладают формалистические стихи аполитичного характера. <…> К тому же сборник заканчивается пошлым стихом ахматовского толка „Свеча горела“. В современной литературной обстановке оно звучит как издевка».

81

Сотрудница журнала, подруга Ольги Ивинской.

82

13 мая 1956 г., в день, когда стало известно, что Фадеев застрелился, К. Чуковский сделал запись в своем дневнике: «Как рассказала Ольга Всеволодовна, жена Пастернака, третьего дня Фадеев в хорошем настроении на машине подвез ее до Москвы» (см.: *Чуковский К. И.* Дневник (1930–1969). — М.: Современный писатель, 1997).

83

21 декабря 1949 года Сталину исполнилось 70 лет.

Об этом можно прочесть в воспоминаниях Галины Нейгауз, жены Станислава Нейгауза, обсуждавшей эту тему с Борисом Пастернаком.

85

Ольга Ивинская первый раз была арестована при Сталине 6 октября 1949 г.

86

На встречах в Доме-музее Пастернака в Переделкине, где я часто бывал, неизменно выступает А. Вознесенский. Когда его просили прочитать его любимое стихотворение Пастернака, он бросал лукавый взгляд на директрису музея и начинал: «Я дал разъехаться домашним, / Все близкие давно в разброде…»

87

В квартире Ивинской в Потаповском переулке телефона тогда еще не было.

88

В опубликованных письмах Ариадны Эфрон к О. Ивинской и Ирине есть примечательные слова. В письме от 2 сентября 1966 г. она пишет Ирине: «Милый Аришик, каждый раз, когда вижу твой почерк, поднимается из запечатленных глубин — всегда! — Борис Леонидович. Я-то знаю, что именно ты — дитя его души, больше знаю, чем знал он сам и чем знаешь ты. Ты — частица его сердцевины!» (См.: *Эфрон А. С.* Жизнь есть животное полосатое: Письма к Ольге Ивинской и Ирине Емельяновой (1955–1975). — М.: ВИГРАФ, 2004.).

89

Первой женой Б. Пастернака была художница Евгения Лурье (1898–1965), мать Евгения Борисовича.

90

Об этой своей вине — первой женитьбе и ее последствиях — Пастернак написал Жаклин де Пруайяр. Жаклин, литератор-славист, была другом и доверенным лицом Пастернака во Франции, а также одним из переводчиков «Доктора Живаго» на французский язык. В письме к ней от 20 августа 1959 г. Пастернак пишет: «<…> этот обман длился восемь лет. <…> Некрасивый ребенок — следствие отцовского преступления…» (см.: *Пастернак В.* Письма к Жаклин де Пруайяр // Новый мир. 1992. № 1.С. 175).

91

О содержании спасенного Ивинской от уничтожения архива и перипетиях суда за его возврат подробно рассказано в главе «Судьба архива Ольги Ивинской».

Из воспоминаний Ренаты Швейцер о встрече с Пастернаком в апреле 1960 г. в Переделкине: «Рассказывая о периоде ареста и лагеря Ольги, Пастернак сказал, что лишь работа над романом спасла его от отчаянья, когда Ольга была из-за него арестована. <…> Он сознавал боль как углубление духа и претворял ее в своем произведении. Это было единственное, что он мог сделать для Ольги — это была его непрестанная благодарность!» (См.: *Швейцер Р.* Дружба с Борисом Пастернаком: Пер. с нем. // Грани. 1965. № 58. С. 24.).

Ивинская О. В. Указ. соч. С. 120.

93

Тексты протоколов допросов Ивинской на Лубянке в 1949–1950 годах были опубликованы в 1994 г. в «Литературной газете» (№ 11 от 16 марта 1994 г.). Там же приведено постановление об аресте Ивинской: «Проявляла антисоветские настроения, а также настроения террористического характера». Осуждена решением особого совещания при МГБ СССР (внесудебной «тройкой») по политической статье 58–10 ч. 1 «За антисоветскую деятельность и связь с лицами, подозреваемыми в шпионаже».

Секретные сотрудники и доносчики.

Копировальная техника того времени выдавала страницы с темным, синеватым или фиолетовым оттенками. Копии называли «синьками».

96

Поэт Андрей Вознесенский, хорошо знавший историю жизни и любви Пастернака и Ивинской, в своих воспоминаниях, опубликованных в 1993 г., написал: «Какая русская, московская даже, Чистопрудная у Пастернака Магдалина. <…> Жила она у Чистых прудов. Звали ее Ольга Всеволодовна. Он звал ее Люсей. <…> Мне всегда виделась его Магдалина русоволосой, блондинкой по-нашему, с прямыми рассыпчатыми волосами до локтей. Я знал ее, красивую, статную, с восторженно-смеющимися глазами».

97

См.: Сочинения Иосифа Бродского: Собрание сочинений: В 7 т. — СПб, 2001. Т. VII. С. 179.

Справка об освобождении из концлагеря была выдана Ивинской 4 мая 1953 г.

99

О первой встрече Ивинской после лагеря с Борисом Пастернаком в мае 1953 г. «у любимой скамейки» на Чистопрудном бульваре рассказано в комментарии к «Фаусту».

100

Содержание этого письма от 2 июня 1954 г. приведено в книге: *Пастернак Е. В.* Существованья ткань сквозная: Борис Пастернак: Переписка с Евгенией Пастернак (дополненная письмами к Е. Б. Пастернаку). — М.: НЛО, 1998. С. 506. Евгений Борисович пишет: «Папочка, мне очень понравились твои стихи в „Знамени“. Я их знал, но прочел с большим пониманием и чувством. Только одно — „Разлука“ — меня не тронуло. Причина — чуждое мне сравнение, вернее, сопоставление пустыни и моря и развернутое растолковывание их сходства с тоской, проведенное по формальным признакам».

Об этом рассказано подробнее в главе «Как сбылось пророчество Пастернака».

Евгения Лурье, мать Евгения Борисовича.

103

Имея неограниченный доступ к архивам Ивинской, находящимся в ЦГАЛИ, Евгений Борисович приводит письмо Бориса Леонидовича от 27 июня 1954 г. в книге «Существованья ткань сквозная» (с. 507–510). Пастернак в частности пишет о стихах Евгения: «Элегизм содержания слишком житейски-личный, слишком подчинен каким-то действительным счетам, недостаточно широк, не поднят до какой-то более общей значительности. <…> Сюда же надо отнести общую бледность и неяркость всех построений. <…> Очень часты, и даже в лучших стихах, случаи немного поспешного и чересчур уверенного самовозведения в поэты. Много ли радости в этом слове? Я уже сказал, как мне чужды некоторые оттенки его значения. Скажу, что преждевременность этого самопроизводства непоэтична».

104

Вячеслав Всеволодович Иванов, сын писателя Всеволода Иванова и Тамары Ивановой. Они были соседями по даче Пастернака в Переделкине и тесно дружили с Борисом Леонидовичем все годы.

Генриху Нейгаузу.

106

Асеев Николай Николаевич (1889–1963) — поэт, бывший друг Пастернака, имел дачу в Переделкине. О донесении Асеева по поводу появления Ивинской в Переделкине написала Зинаида Николаевна в своих воспоминаниях (см.: *Пастернак З. Н.* Указ. соч. С. 351).

107

Этот эпизод подробно описан в главе «Как сбылось пророчество Бориса Пастернака». Сам Евгений Борисович скрывает эту неприятную историю, несмотря на свои многочисленные публикации о «папочке».

108

В воспоминаниях Л. Чуковской о дне похорон отмечается: «В толпе шныряло много гавриков, которые щелкали в упор фотоаппаратами, фиксируя лица пришедших на похороны Поэта».

За это «самовольничание» его прорабатывали на парткоме.

Символично, что другой великий русский поэт, нобелевский лауреат Иосиф Бродский в день преждевременной смерти 28 января 1996 г. оставил на своем письменном столе неоконченное стихотворение под названием «Август».

111

История этого стихотворения имела неожиданное продолжение уже после смерти Ивинской (она умерла 8 сентября 1995 г.). В 1997-м на телеканале «Культура» был показан фильм режиссера О. Агишева «Последняя любовь Бориса Пастернака». Впервые с экрана открыто рассказали о трагической и яркой любви поэта к Ольге Ивинской, о рождении поэтических шедевров Пастернака, озаренных этой любовью. В фильме звучит пронзительное и печальное стихотворение, обращенное к Ольге: «Чтобы в тоске найти слова / Тебе — для песни колыбельной». И чтец в эмоциональном порыве пропускает две строки о парусниках, будто их в этом коротком стихотворении никогда и не было. Помню недоверие Мити, когда я ему об этом радостно сообщил: он смотрел фильм Агишева и не заметил пропуска строк. Специально повторно смотрели с ним этот фильм, и Митя, выдающийся знаток поэзии Пастернака, сдался, признав верность исключения красивых, но «слишком вычурных» для такого пронзительного стихотворения строк.

112

Поэт успел написать еще два «Ветра».

113

Речь идет о книге стихов Пастернака «Когда разгуляется», которая вышла в Западной Германии в феврале 1960 г. в издательстве С. Фишера. Эту книгу с автографом Пастернака в адрес Ольги подарил мне Митя в августе 2000 г.

114

«Однажды, — рассказывал Митя, — к маме напросилась и пришла на Вятскую одна из пожилых поклонниц, знавшая Пастернака в 50-х годах, и стала слезно просить от мамы расписку в том, что „Недотрога“ посвящена Пастернаком лично ей. Мама, конечно, такую бесцеремонность не приняла и попросила поклонницу покинуть квартиру. С той случилась истерика, когда ей показали книгу стихов с автографом Пастернака „Олюша, на стр. 69 твое стихотворение“ — это была „Недотрога“. „Этого не может быть, так он не мог сам написать“, — причитала расстроенная поклонница». Мите с трудом удалось отправить ее домой. «При этом многие официальные биографы Пастернака, — добавил Митя, — распускали и продолжают распускать слухи о том, что стихи он посвящал не Ольге, да и письма к ней от Пастернака она сама придумала и никто этих писем не видел».

115

В июле 1992 г., когда я привез пять пачек книг «Годы с Борисом Пастернаком» в Дом-музей Пастернака в Переделкине для продажи поклонникам его поэзии, директриса музея Н. А. Пастернак заявила, что «этой книги в стенах музея никогда не будет: Ивинская много всего в своей книге выдумала, а писем Пастернака к ней никто не видел — и существуют ли они в действительности?» Когда я распрощался с ней и пошел к воротам дачи, она догнала меня и просила продать ей один экземпляр. Я подарил ей книгу Ольги Ивинской.

116

Банников Николай Васильевич (1918–1996) — литературовед, переводчик, редактор Госиздата.

117

Одна из любимых Пастернаком собак с Большой дачи.

Емельянова И. Пастернак и Ивинская. — М.: Вагриус, 2006. С. 162–164.

119

Писатель Петр Павленко (1899–1951), написавший роман «Счастье», жил в Переделкине на этой улице.

120

В книге воспоминаний М. К. Баранович о Пастернаке приведено его письмо от 10 августа 1955 г.: «Дорогая Марина Казимировна! <…> Сильнейшее мое желание, чтобы Вы прочитали вторую книгу в рукописи. <…> Когда прочтете роман, напишите мне по адресу О. В.: Москва, Потаповский переулок, д. 9–11, кв. 18, ей — без упоминания моего имени на конверте. Крепко целую Вас. Ваш *В. П.»* Митя, прочитав «Переписку Баранович с Пастернаком», которую составил ее внук Константин Поливанов, обратил мое внимание на текст записки и речь Поливанова на радио: «Призванный на радио „Россия“ теми органами, которые отняли у мамы архив, Поливанов, чтобы не подвести заказчика, сообщает: „Главной женщиной для Пастернака была Зинаида“. Но этой „главной женщине“ Пастернак не желал показывать волновавшие его письма близких ему друзей. Эти письма он не направлял и на адрес бывшей жены Е. Лурье, тем более к Евгению. С ними он никогда не говорил о своем творчестве и замыслах. Пастернак направлял такие письма и записки на наш адрес в Потаповский переулок. Мама была его главным советчиком и адресатом его стихов». Об этом написал Пастернак 1 ноября 1957 г. своим сестрам в Англию: «Ольга Ивинская <…> это единственная душа, с кем я обсуждаю, что такое бремя века, что надо сделать, подумать, написать <…>».

Ивинская рассказала, что особая напряженность у Пастернака с Зинаидой возникла в конце 1955 г., когда Леня не поступил в МВТУ им. Баумана. В следующем году его должны были забрать в армию. Зинаида считала, что Пастернак не привлек свои связи для поступления Лени. Но в МВТУ, как мне объяснил Митя, не принимали с сомнительным пятым пунктом анкеты (национальность): таких абитуриентов включали в «группы смерти» и легко заваливали. С начала 1956 г. Зинаида потребовала от Бориса Леонидовича задействовать все свои знакомства для обеспечения поступления Лени в МГУ, где, как ей сообщили, были мягкими требования к анкете в части пятого пункта. Сам Пастернак категорически отвергал использование связей и знакомств ради благ родственников: у него был уже унизительный опыт, когда он написал письмо Маленкову, чтобы вызволить Евгения из армии. Но Леня был для Бори особым случаем, и ради его будущего Пастернак поступился принципами. Об этом свидетельствует его письмо к старшему сыну Евгению, который в те годы работал преподавателем в вузе.

В письме от 3 марта 1956 г. Пастернак пишет: «Дорогой Женя! Отовсюду доходят сведения (и Леня в этом уверен), что вопрос поступления в университет — дело родственных и ведомственных связей, подкупа, всяческих происков и т. д. Зинаида Николаевна готова состязаться в подмазывании нужных пружин, но не знает места приложения своей готовности. Меня все время винят, что я чего-то не делаю, не пишу нужных писем неведомо кому. <…> Мне очень бы хотелось, чтобы в какой-то части преподавательской, экзаменационной среды Леню, очень немногословного и застенчивого, узнали и чтобы знакомство с тобою и Мишей Поливановым (окончил физфак МГУ и преподавал физику. — *Е. Б.*) было бы первым шагом. <…> Леня постепенно узнал бы и, если бы это явилось нужным, сказал бы мне, к кому мне нужно обращаться с просьбой или письмом» (*Пастернак Е. В.* Существованья ткань сквозная… С. 523). Летом 1956 г. Леня поступил на физфак МГУ. Второй раз Пастернак пошел против своих принципов ради будущего Лени в октябре 1958 г., послав в Стокгольм телеграмму с отказом от Нобелевской премии.

122

Не случайно на пике травли Пастернака за роман критики приравнивали антисоветизм Юрия Живаго к антисоветизму Клима Самгина из романа Горького.

123

Емельянова И. Легенды Потаповского переулка…. С. 311.

124

Помню слова Мити во время нашего разговора о судьбе Шаламова, о его «колымской мечте» — встрече с Ольгой Ивинской. Удивительно то, что стихи Пастернака и мечта о встрече с Ольгой, как фантастическое стечение обстоятельств, давали Шаламову силы выжить в лагерях. Не скрывая гнева, Митя говорил: «Узнал от мамы эту трагическую страницу в судьбе Шаламова, пережившего страшные годы колымских лагерей ради встречи со своей давней любовью. Но он отступил перед любовью своего кумира — Пастернака, наступив на горло собственной песне. Его истерзанное сердце лагерника, сознавая высоту и непобедимость любви Пастернака и мамы, не взорвалось гневом, а обмякло и заныло перед волею судьбы. Поражает низость морали и степень злобы сочинителя биографии Пастернака (см.: *Пастернак Е. Б.* Борис Пастернак: Биография. — М.: Цитадель, 1997), написавшего, что „с 1953 года Пастернак уже не любил Ивинскую, а поддерживал с ней отношения только из благодарности“. Можно себе представить, что мог бы сделать Шаламов, закоренелый зэк, после колымской каторги, если бы хоть на секунду засомневался в 1956 году в искренности слов Пастернака о его безмерной любви к Ольге Ивинской».

125

В те дни Ивинская два раза приводила Нину Табидзе в Кремлевскую больницу к Пастернаку.

Примечательно, что в конце лета 1956 г. произошла полная реабилитация Шаламова — «за отсутствием состава преступления». Вскоре Шаламов женился на Ольге Сергеевне Неклюдовой. Он переехал в Москву и стал работать в журнале «Москва», а в 1957 г. увидели свет его стихи в журнале «Знамя». В 1961-м появилась первая книга шаламовских стихов «Огниво». В том же году вышла первая в Советском Союзе книга стихов Марины Цветаевой. На это совпадение обратила внимание Ариадна Эфрон.

По этому поводу раздался окрик из ЦК КПСС польскому руководству с требованием закрыть журнал как источник антисоциалистической пропаганды. Журнал «Опинион» был закрыт в Польше без промедления в 1957 г.

За роман «Счастье», где прославлялась счастливая жизнь советского народа под мудрым руководством вождя всего прогрессивного человечества Сталина, Павленко получил Сталинскую премию. Пастернак никогда не удостаивался никаких премий в СССР ни при Сталине, ни при Хрущеве. Ивинская рассказывала, что в ноябре 1958 г. ей позвонил Шаламов, рассерженный на Пастернака за его отказ от Нобелевской премии. Ольга объяснила, что он вынужден был это сделать, чтобы не превратить в трагедию будущее своих детей. Шаламов тогда сказал ей: «Одна литературная Нобелевская стоит тысячи холуйских Сталинских премий».

129

О своем счастье Пастернак говорил Зое Масленниковой, которая с лета 1958 г. лепила его портрет на Большой даче. Она более двух лет вела дневник своих встреч и бесед с поэтом. Запись разговора Зои с Пастернаком от 31 октября 1958 г., в дни нобелевской травли поэта: «„Я вам дам один телефон, — говорит мне Б. Л. и пишет номер Ольги Ивинской (Б-7–33–70). — Она все обо мне знает, и она все всегда берет на себя. Если придется уезжать, я буду просить, чтобы ее выпустили со мною“. — „Хорошо, что у Вас есть такой друг“. — „Это мое счастье!“» Выполненный Масленниковой портрет нравился и Пастернаку, и Ольге. «Пастернак хотел, чтобы после его смерти портрет был установлен как памятник на его могиле», — пишет Масленникова. Об этом его желании написала и Ивинская в своей книге.

130

Пастернак всегда искренне и порывисто реагировал на явление женской красоты, о чем написал Н. Вильмонт в своих воспоминаниях. Однажды, это было в 1920-х годах, во время их беседы на улице Борис Леонидович вдруг прерывает разговор и говорит: «Посмотри, Коля, какая красивая женщина идет нам навстречу!»

131

О причине инфаркта у Пастернака рассказал Ивинской бывший генсек СП Фадеев за несколько дней до самоубийства. Разговор произошел во время случайной встречи и поездки Ольги на машине с Фадеевым в Москву в начале мая 1956 г. В смятении после февральского съезда КПСС, где Хрущев обнародовал преступления Сталина, Фадеев говорил Ольге: «В начале осени 1952 г. по требованию Сталина я представил списки писателей-евреев — в СССР по указанию вождя готовилась большая акция выселения еврейской интеллигенции из крупных городов в специальные зоны. Сталин вычеркнул из моего списка на выселение несколько фамилий, в том числе и Пастернака. Когда я сообщил об этом Борису, он пришел в бешенство. Через несколько дней у Бориса случился обширный инфаркт». Фадеев застрелился на даче в Переделкино 13 мая 1956 г.

132

«Доктор Живаго» вышел в Милане в издательстве Фельтринелли на итальянском языке 23 ноября 1957 г.

133

В воспоминаниях писательницы Э. Герштейн говорится о раздраженном отношении Ахматовой к «Вакханалии». Герштейн пишет также о недовольстве Анны Ахматовой такими стихами Пастернака, как «Хмель» и «Ева».

Ивинская рассказала, что книга стихов, подаренная ей самой Анной Ахматовой с дарственной надписью «Дорогой О. В.», была отобрана органами при аресте в 1949 г. Эту книгу стихов МГБ уничтожило в 1950 г. вместе с десятком других изъятых у Ольги книг и рукописей, проходивших как «материалы, не относящиеся к делу».

135

Подробно о содержании архива читайте в главе «Судьба архива Ольги Ивинской».

Об этом в 2003 г. мне и Лилии Цибарт, приезжавшей из Германии, рассказывала в деревне Измалково Нина Михайловна — дочь сына Михаила из раскулаченной семьи Кузнецовых. Ирина Емельянова рассказывала, как Ивинская переписывалась с прокуратурой, добиваясь реабилитации семьи Кузнецовых, и ей удалось это сделать. Затем Ольга Всеволодовна затеяла новую борьбу за справедливость: семье репрессированных власть обязана выделить квартиру. В результате сестры Кузнецовы, брат которых Михаил участвовал в Великой Отечественной войне, получили квартиру в Одинцове. В архиве Ирины сохранилась эта переписка.

Ивинская отказалась что-либо дополнять и разъяснять в российском издании, так как считала невозможным появление книги «В плену времени» при живых гонителях Пастернака и их многочисленных наследниках. В 1990 г. она сказала мне: «Попробуйте издать в России то, что вышло в Париже в 1978 году».

138

В июне 1992 г. Ольге Всеволодовне исполнилось 80 лет.

139

В своей записке от 30 апреля 1960 г. к Ольге в дни предсмертной болезни Пастернак писал: «Олюша, радость моя, займи себя какой-нибудь большой работой. Начни описывать свою жизнь скупо, художественно законченно, как для издания».

Говоря о предсмертных записках Пастернака, Митя заметил: «Обратите внимание на выдумки Евгения Борисовича о том, что Пастернак просил его писать о жизни отца. Об этом нет ни одной записки, ни одного письма, как нет подобных упоминаний и в последних дневниковых записях умиравшего на Большой даче Пастернака. Борис Леонидович боялся сговора Зинаиды и Евгения с властями, от которого, как говорила Ариадна Эфрон, могло родиться лишь глазированное вранье о жизни Пастернака».

140

Подробнее о Ренате Швейцер мне помогла узнать моя знакомая из Германии по «Цветаевским кострам» Лилия Цибарт. В 2004 г. она встретилась в Берлине со столетней жительницей Германии Лизелоттой Лаабс, хорошо знавшей Ренату Швейцер в те головокружительные годы. Интервью Лилии с Лизелоттой приведено в главе «Пастернак и Рената Швейцер».

141

Об этом подробно рассказано в главе «Как сбылось пророчество Бориса Пастернака».

142

В 2001 г. в книге «Борис Пастернак и власть» появилось подтверждение того, что эту открытку к Жаклин «наблюдатели» из КГБ перехватили.

143

Немецкий писатель и журналист.

Митя заметил: «Всякое гениальное произведение кажется написанным именно о тебе». Митя был талантливым переводчиком поэзии и хорошо знал стихи поэтов Серебряного века. Умер Митя после долгой болезни в июле 2004 г., похоронен на переделкинском кладбище рядом с мамой, которую очень любил. На поминках, проходивших в кафе у «шалмана», его близкий друг Валерий Нисанов рассказал историю о состязании в ресторане ЦДЛ лет 25 тому назад между Митей и известным актером Михаилом Казаковым. Митя и Казаков были хорошо знакомы и читали по памяти, друг за другом, стихи Пастернака. После пятого десятка стихов Казаков стал задумываться, а Митя мгновенно читал новое стихотворение Пастернака. После очередного стихотворения, с легкостью прочитанного Митей, Казаков надолго замер, а затем в сердцах отбросил стул и зло сказал Мите: «Иди ты к черту!» Это вызвало победный клич Митиных друзей.

145

В письме от 25 ноября 1956 г., отвечая на письмо сестер, прочитавших рукопись романа, Пастернак пишет: «Дорогие Жоня и Лида! <…> Я счастлив; если я чем-нибудь и измучен, то только счастьем. <…>Ты чудно написала о Ларе, Жоня, что она как природа. О как все живо, велико и достойно, если бы вы знали. Знайте одно — мне хорошо последние годы — и не бойтесь, не страдайте за меня» (*Пастернак Б.* Письма к родителям и сестрам…. С. 791).

После болезни, которая внезапно скрутила Бориса Леонидовича в марте 1957 г., он пишет сестре в Лондон 7 августа: «Дорогая Лида. <…> Моими последними впечатлениями перед болезнью, в феврале и начале марта были: подготовка „Марии Стюарт“ в моем переводе в Художественном театре (она потом у них шла с большим успехом и славой для театра), когда я лежал в больнице».

В письме от 1 ноября 1957 г., посланном оказией через Италию, Пастернак сообщает сестрам важнейшие обстоятельства своей нынешней жизни: «Я надеюсь, что приближается исполнение моей тайной мечты о публикации романа за границей. <…> Мой успех будет либо трагическим, либо ничем не омрачненным. В обоих случаях это радость и победа, и я не мог бы добиться этого в одиночку. Здесь надо сказать о том участии и той роли, которую последние десять лет играет в моей жизни Ольга Всеволодовна Ивинская, Лара моего романа, перенесшая четыре года заключения (с 1949 года) только за то преступление, что была моим ближайшим другом».

146

В последние годы жизни у Ивинской на Вятской улице жила ее любимая собачка Арон редкой породы.

Об этом случае Ивинская написала в своей книге.

148

Нина Михайловна, внучка из семьи «середняков» Кузнецовых, репрессированных в 30-е годы, жила в детстве в Измалкове рядом с домом Кузьмича и хорошо знала Ольгу Всеволодовну и Бориса Леонидовича. Когда мыс Лилией Цибарт встречались с Ниной в Измалкове, она говорила о красоте и доброте Ивинской. Особо запомнились Нине постоянные заботы о кошках и собаках, которых спасала Ивинская. Большой радостью для сестер Кузнецовых и детей были регулярные приходы в их тесный сарай Бориса Леонидовича с пакетами еды. Сестры угощали Пастернака чаем из старого самовара и отвечали на его вопросы о раскулачивании и теперешних заботах разоренной семьи. Своим певучим голосом Борис Леонидович утешал сестер и говорил, что «все это обязательно надо записать и оставить потомкам». Как считала Ивинская, отголоски этих рассказов сестер присутствуют во второй части романа «Доктор Живаго».

Подробнее об этом рассказано в Приложении.

150

О казусах, приключавшихся с актером Б. Ливановым после выпитого даже на приемах в Кремле, рассказал в 2004 г. другой известный актер Евгений Весник в многосерийном фильме, показанном по телеканалу «Культура» к 80-летию Е. Весника.

151

Речь идет о Ленинской премии, которую получил в апреле 1959 года известный драматург Николай Погодин за трилогию пьес о Ленине. Борис Ливанов при «хозяине» получил пять Сталинских премий.

См.: *Ивинская О.* Указ. соч. С. 352.

153

Во время нашего разговора на эту тему в 1998 г. В. Козовой обратил мое внимание: «Полный текст письма Пастернака к Ливанову, как и само стихотворение „Милый хлам“, Ольга Всеволодовна впервые опубликовала в 1978 г. в своей книге. О „милом хламе“ не написал ни один из многочисленных советских пастернаковедов, включая сочинителей биографий и воспоминаний о нем. Все эти специалисты по Пастернаку дружно молчат о письме Бориса Леонидовича к Ливанову. Только Василий Ливанов, сын того Бориса Ливанова, вынужден был огрызнуться на Ольгу Всеволодовну за опубликование письма, когда вам удалось издать ее книгу в России. А другое стихотворение Пастернака, написанное им в апреле 1960 г. о круге ничтожеств и кривляк с Большой дачи, вообще не появляется на страницах стихотворных сборников Пастернака, издаваемых в России. Только во втором томе пятитомника сочинений Пастернака, видимо, по недосмотру, оказались эти стихи. При этом Евгений Борисович на всякий случай исключил себя из числа составителей и комментаторов стихотворных сборников пятитомника. В книге Зои Масленниковой, где помещены ее откровенные диалоги с Пастернаком, имеется примечание относительно стихотворения о „милом хламе“: Разбирая архив Пастернака после его смерти, я нашла неопубликованное стихотворение без даты: „Б. Ливанову. Друзья, родные — милый хлам“»…

154

Ивинская передала Вадиму Козовому и Мите генеральную доверенность на участие в суде за архив, который органы отняли у нее при аресте.

155

О малодушии Евгения Борисовича говорил мне Митя: «Вы только посмотрите на его хитроумные зигзаги в целях угодить и свято блюсти интересы ЦГАЛИ! Он исчезает из составителей сборника к юбилею Пастернака — тогда ни маму, ни Зою Масленикову в этот сборник (вышел в 1993 г.) не включили. Но с 1994 г. начинается суд с ЦГАЛИ за архив Ивинской, и он вдруг пишет хвалу книге Зои Масленниковой „Портрет Бориса Пастернака“. Когда в 1988 г. ее беззастенчиво унижали Лев Озеров, Валентин Асмус, Татьяна Иванова и прочие, Евгений Борисович тихо молчал — тогда он не написал ни слова в защиту Масленниковой». Об этом подробнее рассказано в главе «Друзья, родные — милый хлам».

156

Президиум СП постановил: «Реакционные круги встретили морально-политическое падение Б. Пастернака с одобрением. <…> Роман „Доктор Живаго“ является воплем перепуганного обывателя <…> Учитывая политическое и моральное падение Б. Пастернака, его предательство по отношению к советскому народу — лишить звания советского писателя, исключить из числа членов СП СССР. <…> (Принято единогласно)». Это постановление опубликовано 28 октября 1958 г. в «Литературной газете».

О роли в этой истории Евгения Борисовича подробнее написано в главе «Как сбылось пророчество Бориса Пастернака».

158

Сына Евгения Пастернака, родившегося в 1957 г., назвали Петром.

159

В воспоминаниях Елены Чуковской, дочери Лидии Корнеевны, описано, как вечером 24 октября 1958 г. Зинаида Николаевна обсуждала с Ниной Табидзе, в каком платье ей ехать получать Нобелевскую премию. «Но Борис Леонидович, — пишет Елена Цезаревна, — не хотел брать с собою Зинаиду Николаевну». В письме от 6 октября 1958 г. к сестре Жоне в Англию, говоря о возможном присуждении ему Нобелевской премии, Пастернак сообщает, что постарается взять с собою в поездку Ольгу Ивинскую.

160

Вспоминая о событиях нобелевских дней, Митя отмечал: «Факт появления Евгения и Лени на Большой даче 28 октября с ультиматумом отцу советские пастернаковеды скрывают». Молчит об этом и Евгений Борисович. Однако в воспоминаниях Л. Чуковской о дне 28 октября 1958 г. читаем: «Приехала в Переделкино. Пошла к Пастернаку. Что я скажу Борису Леонидовичу? Вчера его исключили из Союза писателей. Как я перенесу обычную грубость Зинаиды Николаевны? <…> Иду <…> страх уже тронул меня. <…> Напротив дома стоял „Виллис“ с подслушивающим устройством. Борис Леонидович был дома — вышел. <…> „Исключили?“ — „Да“. — „Как вы думаете, и Лене они сделают худо? У меня отнимут дачу?“».

В воспоминаниях Зинаиды об этих днях говорится скороговоркой, но промелькнул отголосок отказа семьи от Пастернака: «Одна я была за то, чтобы он уехал за границу. Он спросил: „С тобой и Леней?“ Я ответила: „Ни в коем случае. <…> Нам с Леней придется отречься от тебя — конечно, это будет только официально“» (*Пастернак З. Н.* Указ. соч. С. 372).

161

После выхода книги Ивинской в России в 1992 г. многие «специалисты по Пастернаку» внушали мне, что «никакой попытки самоубийства у Пастернака не было. Это придумала Ивинская, так как никто об этом никогда не написал. И даже в воспоминаниях Зинаиды не сказано о таком желании Пастернака». Но в книге «Борис Пастернак и власть» приведено письмо К. Федина в ЦК от 28 октября 1958 г. (док. 34, с. 160) о трагическом состоянии Пастернака, пришедшего к мысли о самоубийстве. В 1998 г. Ирина в беседе со Светланой Сорокиной на канале НТВ сообщила, что книга с секретными материалами из архивов ЦК и КГБ была издана в Европе еще в 1994 г.

162

Текст телеграммы, посланной Пастернаком в Нобелевский комитет: «Ввиду того значения, которое получила присужденная мне незаслуженная награда в обществе, к которому я принадлежу, не сочтите мой добровольный отказ за оскорбление».

163

Евгений Борисович преподавал в МЭИ, где я в те годы, 1954–1960, учился. Как я уже написал во вводной главе, в конце октября 1958 г. мой сокурсник по МЭИ, член КПСС Халик разъяснял нам антисоветскую сущность Пастернака. Халик читал нам выдержки из обличающего Пастернака письма, опубликованного в журнале «Новый мир» за подписями А. Твардовского, К. Федина, А. Дементьева и других: «Даже это письмо не выражает меры негодования и презрения, какую вызвала у нас, как и у всех советских писателей, нынешняя постыдная, антипатриотическая позиция Пастернака».

Митя обратил мое внимание на публикации Евгения Борисовича, где он, не стесняясь, пишет, что в дни травли «папочки» за Нобелевскую премию у них с Леней не было никаких проблем и неприятностей.

164

Валерия умерла в 1966 г. и похоронена на кладбище в Тарусе, где в 1975 г. похоронили и Ариадну.

165

На суде над О. Ивинской и Ириной в 1960 г. «за контрабанду» зачитывались обвинительные показания семейства Пастернаков, а также показания Н. Табидзе и др. Семейство заявило, что ни о каких деньгах не знало, хотя Зинаида в своих воспоминаниях пишет: «Я каждый месяц получала от Пастернака по несколько тысяч рублей на содержание дома и Большой дачи, а больше меня ничто не интересовало». Пастернак ежемесячно посылал деньги своей первой жене Е. Лурье, помогал Ариадне, Асе Цветаевой и многим нуждающимся писателям, освободившимся из концлагерей.

Ивинская подробно рассказывала: «В 1957 г. власти развернули бурную кампанию, пытаясь заставить Пастернака забрать рукопись у Фельтринелли. Гослитиздат заключил с Пастернаком договор на издание романа в СССР. После венгерской кровавой драмы в 1956 г. советская власть могла и у нас пойти на крайние меры. Федин говорил об угрозе ареста, если Пастернак не остановит издание романа в Италии. Я бросилась спасать Борю, уговаривала его: власти сами дали нам возможность переиграть их в главном — издать роман. Если заключили договор, значит, согласились на его издание. Надо послать телеграмму на задержку издания, а о возврате рукописи вообще не упоминать. Боря говорил, что он тогда не доживет до дней появления романа. — А если тебя посадят в тюрьму, как сообщил Федин, то шансов дожить до выхода романа еще меньше, — возражала я. Подключила к уговорам Д'Анджело, который убеждал Пастернака, что Фельтринелли никогда не поверит телеграмме и не остановит издание романа, т. к. уже заключил договоры с другими издательствами. Он лишь задержит издание, чтобы уберечь Пастернака от ареста. У нас был уговор с Фельтринелли: верить посланиям Пастернака, только если они будут написаны на французском языке. Боря согласился подписать наш текст телеграммы к Фельтринелли на русском языке: „Гослитиздат взялся издавать мой роман. Прошу задержать итальянское издание „Доктора Живаго“ до 1 сентября 1957 г. Ответ прошу направить в адрес Гослитиздата — Басманная, 19, Москва. *Пастернак*“».

Телеграмма была отправлена в феврале 1957 г. Так власти сами попали в мышеловку, которую готовили для Пастернака. В воспоминаниях главного редактора Гослитиздата А. И. Пузикова («Литературное обозрение», 1996) приведен текст телеграммы, предложенной Пастернаку властями: «Италия, Милан, Фельтринелли. Продолжаю работу над романом „Доктор Живаго“, который готовится к изданию Гослитиздатом. Будут дополнения и изменения. В связи с этим прошу направить рукопись романа в Гослитиздат по адресу… *Б. Пастернак».* Эту телеграмму Пастернак не подписал.

В. Козовой по этому поводу говорил: «Сразу видно, что это „две большие разницы“. Какой же умницей была Ольга Всеволодовна — так изящно оставила с носом всю писательскую камарилью! Не случайно группа, выпускавшая сборник воспоминаний о Пастернаке, не включила воспоминания

Пузикова об истории с романом. Ведь Евгений Борисович уже трубил о „насилии Ивинской над Пастернаком, которая заставила его подписать ненавистную телеграмму к Фельтринелли“». Роман вышел в Италии у Фельтринелли в ноябре 1957 г.

Все договоренности на переводы Ивинской, которыми она хорошо зарабатывала, также расторгли. Ее переводы теперь публикуются в сборниках, куда входят работы известных поэтов-переводчиков С. Маршака, Н. Тихонова, К. Симонова, В. Леоновича, Б. Ахмадулиной и Б. Пастернака.

168

Текст телеграммы к Поликарпову: «Благодарю за двукратную присылку врача. Отказался от премии. Прошу восстановить Ивинской источник заработка Гослитиздате».

169

В книге Х. Шеве, которая вышла в Германии в 1974 г., дан текст его письма от 06.06.1960: «По воле Бориса Леонидовича Ольга является единственной наследницей и единственной уполномоченной для распоряжения его заграничным состоянием. Я это знаю и могу об этом свидетельствовать».

170

В письме в концлагерь к Ирине 15 октября 1961 г. Аля пишет: «Касательно того Бориного и о нем, что сохранилось у меня, все перейдет Литархиву по моему завещанию (архив Государственного литературного музея. — *Б. М.*) абсолютно помимо семейства Пастернаков. Они от меня никто ничего не получат — Бог им судья. Все вспоминаю Борю в этой маленькой жаркой комнатенке с закрытыми занавесками — ах ты Господи, кого из них могу хотеть увидеть?! Кроме разве Генриха (Нейгауза), да и то — на черта он мне сдался!» Ариадна требовала, чтобы письма Пастернака к ней и к ее матери, Марине Цветаевой, остались в Литархиве и не попали в руки семейства Пастернаков.

171

Мне еще раз пришлось убедиться в истинности этих слов Ариадны в беседе с Анной Саакянц, много лет сотрудничавшей и дружившей с Ариадной Эфрон. О своем разговоре с Саакянц я написал в главе «Как сбылось пророчество Бориса Пастернака».

В своих воспоминаниях Л. Чуковская, член Союза писателей, пишет, что испугалась идти на это собрание. «Уже на следующий день в Переделкине слышала, как выясняли, кто гнуснее поносил Пастернака», — записала Чуковская в своем дневнике.

173

Из письма Ариадны Эфрон от 1 января 1959 г.: «Дорогой мой Боренька! <…> Все время думаю о тебе, о вас двоих, и то, что было подсказано чутьем, теперь превратилось в убеждение. <…> Произошла великая переоценка ценностей, величайшее испытание чувств на прочность, слов на действие. И это — наш праздник, тех, кто по-настоящему с тобой. <…> Сейчас все раскрыто, все обнажено, отметено все лишнее, осталось правдивое, верное, насущное, как воздух. И какое, о Господи, счастье, что встала рядом с тобой на суд веков — навечно — эта женщина, жена (Ольга!). Встала противовесом всех низостей, предательств, выспренностей и пустословий. <…> Приезжайте сюда. Вам предлагают дружбу, кров, дрова, дивный простор и помощь в переезде и устройстве здешней немудреной жизни друзья К. Г., мои и ваши Елена Михайловна и Николай Давидович. У них прелестная дача в Тарусе, есть телефон, а главное — люди милые, умные, настоящие. К. Г. сейчас в Ялте, он болен. Только что получил в грубой форме отказ „Нового мира“ печатать его уже объявленный в журнале автобиографический роман (последняя часть „Дальних лет“), и после этого состояние его ухудшилось. Приезжайте к встрече старого Нового года (к 13 января 59 г.), мы бы его чудесно, сказочно встретили все вместе. Все уладится и устроится, только приезжайте. Мне хочется, чтобы ты познакомился с чудесными людьми, с чисто Ольгиной простотой и радушием предлагающим вам передышку под их кровом и крылом. Вы сможете быть самими собой без оглядки на все и вся. Целую тебя крепко, дорогой мой, люблю тебя и всегда с тобой. Твоя *Аля*». Об истории с отказом Пастернака уехать в Тарусу Ивинская пишет в своей книге, но в нашей беседе выяснилось много важных, ранее не известных читателям подробностей.

Комментируя эти сентенции Суркова, Митя говорил: «Разве отличаются речи советских лгунов и демагогов от геббельсовской пропаганды? Советская еще более изощренна».

«Как это похоже на выдумки Евгения Борисовича о том, что „Пастернак не любил Ивинскую, но не мог ей отказать в ее прихотях“», — указывал Митя, читая выдержки из сочиненной Евгением Борисовичем биографии Пастернака.

176

В книге Ивинской на с. 393 описан эпизод ее допроса на Лубянке в 1950 г.: «Прокурор Тикунов, „человек без шеи“, заявляет мне: „Ловко вы замаскировались. Но нам-то известно, что роман не Пастернак писал, а вы. Вот что Пастернак сам пишет (читает из письма Бориса Леонидовича): „Это все ты Лелюша! Никто не знает, что это все ты, ты водила моей рукой, стояла за моей спиной — всем, всем я обязан тебе““. По этому поводу Вадим, сам проведший пять лет в концлагере, говорил мне: „Этот пещерный уровень следователей, с которым сталкивался и я, сохранился со сталинских времен“».

177

Полный разрыв Лидии Чуковской с Ольгой произошел в 1949 г., когда стало известно, что Ивинская ждет ребенка от Б. Пастернака.

178

Пастернак переживал, считая, что бросил Ольгу на растерзание властям. В письме от 3 марта 1959 г. из Тбилиси он пишет Ольге: *«Если ты жива, не арестована и в Москве* (курсив мой. — *В. М.*), я надеюсь, как обычно (о счастье), позвонить тебе по телефону, <…> надеюсь увидеть тебя в Измалкове, как бывало».

179

В книге «Борис Пастернак и власть» приведена секретная записка Руденко в ЦК КПСС, док. 47, где говорится: «Направляю копию допроса Пастернака Б. Л. На допросе Пастернак вел себя трусливо. Мне кажется, что он сделал необходимые выводы из предупреждения об уголовной ответственности. Генпрокурор СССР *Р. Руденко*».

«Маму также вызвали в прокуратуру и заставили подписать отказ от встреч с иностранцами. Примечательно, что ни Зинаиду, ни Евгения подобной чести КГБ не удостоил. Видимо, в их благонадежности там никогда не сомневались», — обратил мое внимание Митя.

180

Митя отмечал: «Официальные пастернаковеды нигде не приводят настоящий текст стихотворения „Нобелевская премия“. Но в книге Масленниковой „Портрет Б. Пастернака“, за которую на нее набросилось окружение Большой дачи, есть запись ее разговора с Пастернаком 11 февраля 1959 г.».

Масленникова записала монолог Пастернака: «Борис Леонидович тихо и медленно говорит: „На днях я ходил гулять и вернулся в страшно тяжелом настроении. Мне показалось, что вокруг меня непроходимый дремучий лес и выхода мне из него нет“. Б. Л. достает тетрадку из ящика. „В разгар этих событий мой друг сказала мне, что она больше так не может, что надо быть вместе. А я жизнь ломать не могу и не буду. Это была не размолвка, нет, все осталось по-старому, но тень размолвки. Это нашло отражение в стихах. Но с таким концом нельзя было давать читать, я написал другой, хуже. А вам сейчас напишу настоящий“. Б. Л. зачеркивает последнее четверостишье и вписывает два других».

На с. 182 книги Масленниковой приведена фотокопия листка со стихотворением, где зачеркнуто четвертое четверостишье — «Силу подлости и злобы / Одолеет дух добра». Рукой Пастернака вписаны истинные четвертое и пятое четверостишья: «Друга сердца нет со мной. <…> / Чтобы слезы мне утерла / Правая моя рука».

181

В книге «Борис Пастернак и власть» приведен текст «совсекретной» записки КГБ в ЦК КПСС от 18 февраля 1959 г: «Не считаясь с возмущением советской общественности, Пастернак не желал отказаться от Нобелевской премии, а сделанные им заявления в печати носили двурушнический характер. Как это установлено в ходе контроля за корреспонденцией Пастернака, он пытался отправить за границу ряд писем, в которых подтверждал свое удовлетворение присуждением ему Нобелевской премии и уполномочил получить ее свою знакомую, графиню де Пруайяр, проживающую во Франции. <…> В письме от 3 янв. 59 г. некоему Мак Грегору Пастернак пишет: „Петля неясности, которая все больше затягивается вокруг моей шеи, имеет целью силой поставить меня в материальном отношении на колени, но этого никогда не будет. Я переступил порог нового года с самоубийственным настроением и гневом“. В последнее время озлобленность Пастернака усилилась. <…> В результате наблюдения за Пастернаком установлено, что ряд лиц из его близкого окружения не разделяет точки зрения советской общественности и своим сочувствием подогревает озлобленность Пастернака. К числу таких лиц относится сожительница Пастернака Ивинская О. В. <…> В настоящее время выказывает антисоветские настроения. Пастернак находится под ее большим влиянием. <…> Отрицательно также влияют на Пастернака писатель Всеволод Иванов и его жена, Эфрон А. С. — дочь поэтессы М. Цветаевой. По последним данным, Пастернак проявляет беспокойство в связи с ожидаемым приездом английской делегации. <…> 18 февраля 1959 г. Председатель КГБ Шелепин». Записка КГБ была направлена главному идеологу КПСС М. Суслову.

«Примечательно, что среди лиц, по наблюдениям КГБ, дурно влияющих на Пастернака, нет ни родственников, ни завсегдатаев Большой дачи: Зинаиды Нейгауз, Бориса Ливанова, Евгения Борисовича Пастернака, Асмуса, Нейгауза и пр.», — отметил Митя. В воспоминаниях Галины Нейгауз, жены Станислава Нейгауза, о тех нобелевских днях, есть такая запись: «Пастернак растерянно спросил Зинаиду Николаевну и Леню, поедут ли они с ним, если его насильно вышлют. З.Н. отказалась, а Леня промолчал. Мне было физически больно за Б. Л. На кухне он мне с грустью сказал: „Вот видите, Зина и Леня отказались уехать! А там мне сказали, что со мной хоть на край света!“ Я с ехидством заметила: „Но на Запад, а не на Север“. — „Вы несправедливы, но

с вашей стороны это естественно. А на Севере она уже была и стойко все вынесла“. Речь шла об Ольге Ивинской».

Тексты писем Ивинская опубликовала в своей книге.

183

После ареста О. Ивинской и Ирины советская пропаганда развернула кампанию клеветы на Ольгу в передачах по радио, которое вещало из Москвы. По решению ЦК КПСС появилась серия злобных статей в красной прессе зарубежных компартий, получавших финансовые вливания от КПСС. В 1963 г. Рената опубликовала в защиту Ольги свою переписку с Пастернаком. На русском языке эта переписка вышла в Париже в журнале «Грани» в 1965 г., № 58. О Р. Швейцер подробно написано в Приложениях, глава «Пастернак и Рената Швейцер».

184

В очередной книжке со «скромным» названием «Жизнь Бориса Пастернака» утверждается (на с. 493), что «в январе 1959 г. Пастернаком написаны последние стихи». Видимо, эти авторы «Нобелевскую премию» еще признают за стихи, а стихотворение «Перед красой земли…», которое написал Пастернак в апреле 1960 г., уже считают простой публицистикой. К тому же и солнечное стихотворение «Единственные дни», родившееся в марте 1959 г., также, по мнению написавших «Жизнь Пастернака», должно остаться за бортом творчества поэта.

185

Первый, сталинский арест Ивинской произошел 6 октября 1949 г.

На мой взгляд, от последующих преследований Ивинскую защитил дорогой подарок Дж. Фельтринелли советским властям. Он обменял в 1962 г. автографы работ К. Маркса, переданные им в архив ЦК КПСС, на свободу и неприкосновенность Ольги и Ирины, о чем пишет Карло Фельтринелли в своей книге об отце. На с. 184 книги Карло приведен текст письма Дж. Фельтринелли к Х. Шеве от 2 июля 1962 г.: «Я думаю, не стоит распространяться о той роли (большой или малой), которую я сыграл в освобождении О. (Ольги!) и И. (Ирины!). Состоялся контакт между здешней и московской партиями. Возможно, я оказал русским услугу, передав им документы, о которых Вы знаете. Но Ирина не должна знать об этом (Ирину освободили досрочное 1962 *г. — Б. М.*). То, что сделали русские в отношении освобождения Ирины и, возможно, для скорого освобождения Ольги, было сделано по их доброй воле, без давления и переговоров. Мы должны сохранить лицо, и лучше, чтобы девушка знала как можно меньше о событиях, предшествовавших ее выходу на свободу». «Для последующего освобождения Ольги в 1964 г., — пишет Карло, — отцу пришлось оказать давление на Фиделя Кастро».

187

О восприятии «Рождественской звезды» написано во многих воспоминаниях о Пастернаке. Э. Герштейн, присутствовавшая на читке глав романа в 1947 г., где прозвучала «Рождественская звезда», писала об ошеломляющем впечатлении подлинности и достоверности образов стихотворения, «включая Ангела». «Все мы слушали, как озаренные, будто сами в этот холодный апрельский вечер присутствовали при рождении нового сознания. Это стихотворение говорило о новой эре, когда земля ждет нового гения».

В. Виленкин, известный литератор, заведовавший литературной частью МХАТа, пишет, что Пастернак прислал больному Василию Качалову, выдающемуся актеру, главы романа и тетрадку стихов Юрия Живаго, где была и «Рождественская звезда». Пораженный гениальностью стихотворения, Качалов говорил, что «это так же высоко, как Рембрандт, но гораздо ближе мне».

Марина Юдина, потрясенная стихотворением, написала Пастернаку: «Духовная Ваша мощь вдруг отбросила все второстепенное. <…> Если бы Вы ничего, кроме „Рождества“, не написали в жизни, это стало бы достаточным для Вашего бессмертия на земле и на небе».

188

Во время моей поездки в Америку в 1999 г. на встрече в Нью-Йорке я рассказывал о книге Ивинской «Годы с Борисом Пастернаком». Один из знатоков поэзии сообщил, что в 1990 г. присутствовал на встрече с Бродским в связи со 100-летием Пастернака, где Бродский, говоря о поэзии Пастернака, назвал «Рождественскую звезду» гениальным стихотворением XX века.

189

Об этом пишет Пастернак в письме к П. Сувчинскому в Париж 24 сентября 1958 г. в ответ на восторженный отзыв Сувчинского на перевод «Фауста», который прислал ему Борис Леонидович. Переписку Пастернака с Сувчинским опубликовал в 1994 г. Вадим Козовой в книге «Поэт в катастрофе», снабдив письма глубокими и увлекательными комментариями.

190

Первый перевод «Фауста» в России сделал молодой поэт Э. Губер. Он показал его Пушкину и получил одобрение поэта. Однако в свет перевод первой части «Фауста» вышел уже после смерти Пушкина.

191

Грузинский поэт Тициан Табидзе, которого знал и любил Пастернак, отказался славословить кремлевского хозяина и разоблачать врагов по указанию председателя НКВД Берии. Табидзе был арестован в 1937 г. и вскоре расстрелян.

192

Пастернак не мог простить себе малодушия, когда направил к Ольге Зинаиду, узнав, что Ольга ждет от него ребенка.

193

Александр Фрейденберг, брат Ольги, был арестован и погиб в 1938 году.

194

Ответ Пастернака Але от 19 января 1950 г.: «И опять ничего не напишу тебе. Из-за невозможности рассказать тебе главную свою печаль, что было бы глупо и нескромно и что вообще невозможно по тысяче иных причин». Пастернак своей чуткой и ранимой душой понимал, что Але в суровых условиях туруханской ссылки будет больно узнать, что ее кумир и любимый человек страдает из-за другой женщины. И эта другая женщина так же дорога и нужна Пастернаку, как и Ариадна. Аля была уверена, что ни одна женщина на свете не могла посягнуть на ее безмерную любовь к Пастернаку, которая перешла к ней по наследству после гибели Марины Цветаевой.

Конечно, речь шла не только и в первую очередь не столько о стихах.

196

Подробные протоколы допросов О. Ивинской на Лубянке в 1949–1950 гг. опубликовал журналист Николаев на пике перестройки в «Литературной газете» от 16.03.94 г., № 11.

197

Из рассказа Люси Поповой о тех днях: «Вскоре после ареста Ольги и меня стали вызывать на беседы-допросы по поводу террористической деятельности Ивинской и антисоветского романа, который пишет Пастернак. Я, конечно, называла все это чепухой и говорила, что они совсем не такие люди, чтобы заниматься какой-то антисоветской агитацией или тем более террористической деятельностью. Они очень любят друг друга, и Пастернак свои главные произведения посвящает Ольге как близкой ему по духу и любимой женщине.

В марте 1950 г. Бориса Леонидовича вызвали на Лубянку, чтобы что-то отдать. И он думал, что ему отдадут их ребенка. Я вызвалась пойти с ним, чтобы помочь получить ребенка. Дело в том, что у меня недавно родился сыночек Кирюша, и я кормила его грудью. После утреннего кормления я, как приговоренная, шла на Лубянку для очередного допроса. Борис Леонидович явился к следователю на вызов, и тот стал передавать ему письма и книжки, которые Пастернак дарил Ольге с удивительными надписями. Пастернак стал возмущаться тем, что у Ольги отбирают его подарки. Затем потребовал, чтобы Ольгу выпустили, а его посадили вместо нее, т. к. это он, а не Ольга, пишет что-то неугодное власти. Но его не тронули, а отправили домой с его письмами и книжками».

А. Кривицкий, заместитель главного редактора «Нового мира», которого опасался даже Симонов, периодически зловеще повторял: «Мы знаем, какой антисоветский роман пишет Пастернак». Напечатанный в 1947 г. сборник стихов Пастернака тиражом 25 тысяч экземпляров запретили к распространению и уничтожили. Правление Союза писателей приняло постановление о вредном для советских читателей сборнике стихов Пастернака, которое было направлено в ЦК ВКПб. Фадеев и Сурков выступили с резкими нападками на творчество индивидуалиста Пастернака. Эти злобные наветы тиражировали «Литературная газета» и «Культура и жизнь». В статье «О поэзии Пастернака» Сурков клеймил «реакционно-отсталое мировоззрение Пастернака». О реальном отношении Фадеева к стихам Пастернака уже рассказала О. Ивинская в своем комментарии к стихотворению «Зимняя ночь».

В феврале 1948 г. к Пастернаку из Рязани приехала Ариадна Эфрон, чему он был несказанно рад, но это вызвало раздражение Зинаиды. В феврале 1949 г., ко дню рождения Пастернака, Ариадна вновь нелегально приезжает в Переделкино. В том же феврале Ариадна была арестована в Рязани и сослана на вечное поселение в Туруханск. Пастернака лишали встреч с самыми дорогими ему друзьями. С весны 1948 г. на все лето дачу Пастернака заняли какие-то строители, что, по сведениям в писательских кругах, было сделано по рекомендации самого кремлевского горца. Об этом пишет в своих воспоминаниях Нина Муравина, знавшая Пастернака и встречавшаяся с ним в 50-е годы.

О той встрече во МХАТе ее организатор Гладков написал: «Горячий прием актерской братии Пастернака трогательно и немного жалко растрогал. Я сидел и думал: все-таки, наверно, он очень одинок, если ему нужны такие нехитрые триумфы. <…> Когда я сказал Пастернаку, что эта встреча как праздник, Борис Леонидович неожиданно обнял меня, неуклюже поцеловал в щеку и несколько раз повторил: „Спасибо! Спасибо!“»

200

Галина Нейгауз, жена Станислава, написала в своих воспоминаниях: «С 1946 г. с весны до осени — все свободное от гастролей Стасика время — я прожила в Переделкине, под одной крышей с Борисом Леонидовичем. Пастернак написал письмо к Жаклин во время поездки Станислава в 1958 г. на конкурс в Париж. Он просил выдавать Стасику деньги из сумм гонорара за вышедший во Франции роман „Доктор Живаго“. Примечательны напутственные слова Пастернака, сказанные Стасику перед его поездкой: „Если ты захочешь остаться во Франции, то Жаклин будет регулярно выдавать тебе деньги. Ведь это так удачно, что роман напечатан во Франции, а Жаклин — мой официальный распорядитель всеми гонорарами“».

201

Министр Госбезопасности СССР.

Об этом и о разговоре с Пастернаком в Переделкине есть запись в воспоминаниях Исайи Берлина, известного английского журналиста и литератора.

203

Рассказ Ивинской: «Мой отец был из дворян и воевал в белой армии. Он пропал без вести в 1918 г. Мама вышла замуж второй раз в 20-х годах за школьного учителя Дмитрия Ивановича Костко. Он был сыном священника и должен был скрывать это. Маму арестовали по доносу за анекдот про Сталина. Мне удалось ее вывезти во время войны из лагеря, куда я поехала с какими-то продуктами, по комиссованию из-за полной дистрофии». Мама Ивинской и Д. М. Костко похоронены на кладбище в Переделкине. Там же захоронили прах Ольги Ивинской в 1995 г.

Ивинская рассказала: «Видимо, человек-паук, не давая мне погибнуть, хотел сохранить жизнь поэту-небожителю. Сталин помнил о самоубийствах Есенина и Маяковского, а третьим в той святой троице поэтов, с которой Сталин лично беседовал в начале 20-х годов и поручал стать глашатаями эпохи, был Борис Пастернак. Сталин, на мой взгляд, мистически боялся возможности самоубийства Пастернака в случае моей гибели в концлагере. Этим объяснял Боря скромный срок моего осуждения — на пять лет лагерей общего режима по политической статье 58–10».

Ивинская называла ЦГАЛИ «могильником истины и судеб тысяч загубленных душ».

«Когда читаешь перевод „Фауста“, который Борис Леонидович посвятил маме, понимаешь, какой низостью звучит утверждение постсоветских пастернаковедов о том, что „Пастернак уже не любил Ольгу Ивинскую после ее возвращения из лагеря в 1953 году“!» — говорил мне Митя.

207

Речь шла об иллюстрации «Маргарита у окна».

208

В мае 1958 г. Жорж Нива приезжал в Оксфорд на учебу и поселился у Лидии Слейтер-Пастернак, сестры Бориса Леонидовича.

209

Речь шла о Нине Табидзе.

Вадим Козовой при чтении этих протоколов допросов Ивинской говорил мне: «У Ольги Всеволодовны было врожденное чувство бесстрашия и чести. А поражавшая при первой же встрече ее женская красота и добрая душа, конечно, покорили поэта сразу и навсегда».

211

«Захваченная чтением стихов любимого поэта, конечно, только какая-нибудь случайно проникшая в зал дура могла крутить головой и высматривать, а кто же здесь сидит и каков у посетителя статус», — едко отреагировал Вадим на этот фрагмент допроса.

212

«А рядом стояла еще толпа из пятидесяти человек, — с юмором уточнил Вадим. — Ведь предела глупости и подлости, усиленной бескультурьем, у следователя Лубянки нет. Сам я это испытал много раз». В. Козового в хрущевские времена, в 1957 г. арестовали и много месяцев подвергали допросам на Лубянке как участника правозащитного движения. Он был осужден на шесть лет концлагерей.

213

Эту ложь до сих пор распространяют постсоветские биографы Пастернака, делая вид что не знают о политической статье 58–10, ч. 1, по которой была осуждена Ивинская. Приговор Ольге выносила «внесудебная тройка» на Лубянке, которая рассматривала только политические дела. Об этом пишет лагерная подруга Ольги Надежда Надеждина в горьком и резком письме к Лидии Чуковской. О принципиальном конфликте Надеждиной с Чуковской рассказано в главе «Друзья, родные — милый хлам».

Гладков А. Встречи с Пастернаком. — М.: АРТ-ФЛЕКС, 2002.

215

У Ивинской как у самого близкого к Пастернаку человека с началом скандала из-за романа по давней сталинской методике были разорваны все договоры на переводы.

216

День вручения Нобелевских премий.

217

В книге «Борис Пастернак и власть» на с. 185 в «совсекретной» записке КГБ говорится: «Пастернак не желал отказываться от Нобелевской премии, а сделанные им заявления носили двурушнический характер. Как это установлено в ходе контроля, Пастернак пытался отправить за границу ряд писем, где выражал свое удовлетворение присвоением ему Нобелевской премии и уполномочил получить ее свою знакомую Жаклин де Пруайяр».

218

В «Вакханалии» есть строки: «Молодежь по записке добывает билет».

Емельянова И. Легенды Потаповского переулка: Б. Пастернак. А. Эфрон. В. Шаламов: Воспоминания и письма. — М.: Эллис Лак, 1997.

Возглавлял Всесоюзный комитет по охране авторских прав.

221

Секретарь СП, куратор от органов Воронков оговаривал с Зинаидой время и процедуру похорон Пастернака.

222

Я невольно обратил внимание на публикацию в «Новой газете» в 2004 г. о болезни и смерти Ю. Щекочихина, получившего уже в больнице странное заболевание с теми же симптомами, о которых пишет в книге Ирина.

223

В книге Д’Анджело «Дело Пастернака» рассказано об истинной причине ареста больной и беспомощной Ирины. Серджо пишет, что 4 сентября 1960 г. он с женой приехал в Москву в надежде встретиться с Ольгой, от которой не было вестей. При выезде из Италии Фельтринелли ему не сказал, что Ольга была арестована еще 16 августа. Серджо пришел вечером 4 сентября на Потаповский, где незнакомая женщина, открывшая дверь Ольгиной квартиры, сказала ему, что Ольга Всеволодовна и Ирина в санатории. Серджо обещал прийти на следующий день. Ирине, конечно, об этом ничего не сообщили — вызвали рано утром 5 сентября на Лубянку и арестовали. Органы исключали любую возможность контакта Ирины с иностранцами, чтобы скрыть факт ареста Ивинской от прессы за рубежом. Протесты в зарубежной прессе зазвучали сразу после известия о прошедшем в декабре 1960 г. закрытом суде над Ольгой Всеволодовной и Ириной.

Емельянова И. Указ. соч. С. 203–206.

225

Там же. С. 231.

Требование Ивинской и ее адвоката Косачевского вызвать Шеве на суд в качестве свидетеля было отклонено. Советский суд, «самый гуманный суд в мире», проходивший в кабинете председателя Мосгорсуда в закрытом режиме, отклонил также требование вызвать на заседание Фельтринелли, Гарритано, Д'Анджело, Жаклин и других свидетелей, т. е. тех, кто с декабря 1957 г. присылал и привозил непосредственно Пастернаку деньги в качестве части гонорара за роман.

227

См.: *Косачевский В.* Послесловие к роману: Записки адвоката // Москва. 1989. № 10. С. 139–147.

228

В дневнике Лидии Чуковской есть запись от 14 мая 1960 г.: «Неужели я видела Бориса Леонидовича в конце апреля последний раз, когда он приходил к отцу, чтобы отдать долг 5 тысяч рублей?»

229

Об этом эпизоде «утери» важнейших документов пишут и Ольга Всеволодовна, и Ирина в своих воспоминаниях о Пастернаке.

См.: *Фельтринелли К.* Senior Service: Жизнь Джанджакомо Фельтринелли. — М.: ОГИ, 2003.

231

Жена Фельтринелли, немка, знакомая с Шеве.

См.: Новый мир. 1992. № 1.

233

Как пишет в своей книге Ирина, знакомившаяся с материалами дела в архиве КГБ, ордер на арест Ивинской был подписан самим генпрокурором Руденко 6 августа 1960 г.

В беседе со мной Ивинская недоумевала: «Почему эти изверги арестовали в сентябре больную, всю в струпьях Ирину? Ведь за ней непрерывно следили, не давали возможности позвонить Жоржу, запустили в квартиру подсадную утку и заставляли Митю врать о санатории».

235

Ивинская пишет в своей книге: «Алексаночкин убеждал меня отказаться от услуг адвоката».

236

С такой формулировкой при сталинском аресте Ольги в 1949 г. были уничтожены изъятые у нее книги Ахматовой с дарственными надписями автора, дневник Ивинской, 157 писем и стихи «запрещенных» поэтов на 460 листах. Об этом написал в статье о «деле О. Ивинской» журналист В. Ковалев (см.: Литературная газета. 1994 г. № 11. 16 марта. С. 6). Ковалев привел протоколы допросов Ольги на Лубянке из следственного дела Ивинской № 3038, которое было начато 12 октября 1949 г. и закончено 5 июля 1950 г. Ряд выдержек из протоколов допроса Ивинской на Лубянке был приведен в комментариях к «Фаусту».

Нины Табидзе.

Емельянова И. Указ. соч. С. 231.

Conquest R. Courage of Genius: The Pasternak Affair. — Philadelphia: N.Y.: Lippincott 1962. P. 124–126.

240

«Органы вывезли из квартиры даже ложки, чашки, постельное белье, подушки и т. п.», — рассказала Ирина в январе 1997 г. в беседе с Майей Пешковой на радио «Эхо Москвы».

241

В книге «Пастернак и власть» в документе № 62 приведена Записка отдела культуры ЦК КПСС от 22 января 1959 г. Министру культуры Фурцевой докладывают: «Письмо Пастернака означает, что если ему не будут выплачивать денег и предоставлять работу, он уполномочит названных в письме буржуазных писателей получать причитающиеся ему деньги за границей, а сам будет получать гонорары за их издания в нашей стране».

242

Жена и дочь неожиданно умершего в 1976 г. Леонида Пастернака.

243

Как читатель уже знает, Пастернак еще в начале октября 1958 г. написал сестрам в Англию: если ему будет присуждена Нобелевская премия, он возьмет с собой в поездку Ольгу.

«Через 34 года после смерти Пастернака, которого эти женщины в глаза не видели», — отметил Митя.

Помню разговор с Ивинской в 1994 г. после одного из заседаний суда. Митя рассказал маме о том, как Волкова сообщала суду, будто «думала, что Ивинская — жена Пастернака, и потому ей РГАЛИ вначале хотел отдать архив». Но затем Волкова поняла, «что Ивинская — не жена Пастернака, а только его секретарь. Потому РГАЛИ не отдаст ей архив». «Этот наивный лепет из уст сотрудницы спецсистемы, знающей все секретные донесения на Пастернака, — сказала Ольга Всеволодовна, — в который раз показывает, в какой аморальной и жестокой системе страна продолжает существовать. Видимо, у Волковой есть и личная неприязнь ко мне, ведь ее муж И. Зильберштейн (1905–1988) когда-то приходил безуспешно свататься ко мне».

«Ее назначили директором Дома-музея Пастернака в Переделкине, но она ратовала за изъятие архива Ивинской не для экспозиции музея и показа почитателям поэта, а для ЦГАЛИ», — подчеркивал Митя.

247

Митя рассказал мне, как в январе 1990 г. Н. А. Пастернак лично приезжала к Ивинской, чтобы подписать новое соглашение в связи с окончанием срока действия предыдущего. Новое соглашение было подписано 31 января 1990 г. при участии начальника отдела Инюрколлегии СССР Е. А. Куличева сроком на 20 лет, то есть до 2010 г.

248

См.: *Пастернак Б.* Стихотворения и поэмы: В 2 т. — Л.: Советский писатель, 1990.

249

Портрет Пастернака.

Чуковский К. И. Дневник (1930–1960). — М.: Современный писатель, 1997.

251

Речь шла о «Слепой красавице».

252

В цивилизованном мире это называется «гражданская жена». Так в своих дневниках и письмах называли Ивинскую Корней Иванович Чуковский и Ариадна Эфрон.

253

Митя в 1997 г. говорил мне: «Этого донесения КГБ в статье Дардыкиной, конечно, нет. Как нет и десятков секретных записок КГБ, доносов и решений комиссий ЦК КПСС на Пастернака и Ивинскую, которые были опубликованы в Европе еще в 1994-м. Все они находятся в руках „специалистов“, готовивших дардыкинскую клевету в „МК“, и тщательно скрываются от граждан России».

Как говорила мне Ивинская, никто из членов семьи и окружения Большой дачи не знал о том, что Пастернак передал Фельтринелли конфиденциально: «Ни одному из моих посланий на русском, английском или немецком языке нельзя верить ни при каких условиях. Достоверными можно считать только послания, написанные на французском языке».

Д'Анджело С. Дело Пастернака: Воспоминания очевидца. — М.: НЛО, 2007. С. 55.

За лето 1958 г. «Доктора Живаго» издали во Франции, Германии, Англии и Америке, включая европейское издание на русском языке, что позволило представить роман со стихами Пастернака разных лет на соискание Нобелевской премии по литературе. Эта главная в мире литературы премия была присуждена Борису Пастернаку 23 октября 1958 г.

257

Д’Анджело пишет в своей книге о потрясении, которое вызвало у него сообщение о прошедшем закрытом суде над Ольгой и Ирочкой: их осудили за контрабанду денег, о получении которых, как заявляли советские власти, ничего не знал Борис Пастернак. Серджо срочно в январе 1961 г. дал несколько интервью итальянским и французским газетам, рассказав о том, что деньги с гонорара за роман привозили Пастернаку уже несколько лет. И главное, что у него есть личная расписка Пастернака о получении 44 тысяч рублей в феврале 1960 г. Вскоре Серджо написал письмо в адрес Хрущева, в котором просил исправить ошибку суда, освободить невиновных женщин Пастернака. С письмом он послал копии расписок Пастернака о получении денег за роман.

Ивинская рассказывала мне: «При аресте и обысках следователь Алексаночкин с улыбочкой говорил: „Неужели вы думали, что нам неизвестно о ваших денежных оказиях и тайниках? Наша система имеет огромный опыт работы с антисоветским элементом, а добровольных помощников доложить о ваших с Пастернаком проделках хоть отбавляй“».

259

О том, что Дардыкина приходила к Евгению Борисовичу с материалами статьи, говорила мне также Ольга Ильинична (Люся Попова), которой звонила по этому поводу жена Евгения Борисовича Елена Владимировна.

См.: *Пастернак Е. Б.* Борис Пастернак: Биография. — М.: Цитадель, 1997.

261

Характерно упоминание о Леониде Пастернаке в книге Д. Данина «Бремя стыда». В этой работе Данин показывает впечатляющую картину противостояния поэта советской системе. О разговоре с Леонидом Данин написал: «Когда я задавал вопросы Лене Пастернаку о заветах отца перед смертью, Леня отмалчивался либо говорил уклончиво: „Может быть, может быть“».

262

Уже в 2001 г. я прочитал в книге «Пастернак и власть» на с. 337 документ 98 — секретную записку Главлита СССР от 12 мая 1967 г. в адрес ЦК КПСС. В ней сказано: «Приезжавший в Москву итальянец В. Страда приобрел непосредственно у родственников Пастернака письма грузинских писателей. При этом большая часть этих писем от 20-х до 60-х годов не издана даже в СССР».

Аргументы и факты. Москва. 2002. № 14.

Старший сын Ирины и Вадима Борис родился в 1965 г., младший, Андрей, — в 1975-м.

Об этом мне неоднократно говорили в 1992 г. многие «благожелатели» после выхода в России книги Ивинской «Годы с Борисом Пастернаком».

Подготовленная Ольгой Ивинской рукопись книги была вывезена Евгением Евтушенко в Париж. В 1978 г. парижское издательство «Файяр» напечатало книгу Ольги Ивинской «В плену времени» на русском языке. В том же году книга вышла на английском, а вскоре — еще на более чем десяти языках.

267

Речь идет о стихотворении «Недотрога». Я уже упоминал о том, как под впечатлением от позорного решения суда, отнявшего архив Ивинской, я сказал Мите: «Ты напиши, что добровольно подарил мне эту уникальную книгу, а не то РГАЛИ и ее отнимет у меня, заявив, что я стащил книгу у наследников». Митя улыбнулся и с ремаркой «ты прав» написал на книге знаменательные для меня слова: «Эта книга подарена мною Борису Мансурову, испытанному, верному любящему другу моей мамы, О. В. Ивинской, и в порядке наследования — моему. В судный день 28 августа 2000 г. Д. А. Виноградов — сын О. В. Ивинской». И дописал: «Б. Пастернак выразил бы Боре Мансурову свою признательность более многословно. Но — что делать!»

См.: Воспоминания о Борисе Пастернаке: Сборник. — М.: Слово, 1993.

269

Об этом написала в своих воспоминаниях Зинаида Николаевна. Галина Нейгауз, жена Стасика Нейгауза, также пишет об отказе Зинаиды и Лени ехать с Пастернаком в случае его изгнания из страны. Пастернак об этом говорит и Зое Маслениковой, как это видно из ее воспоминаний, опубликованных в журнале «Нева» в 1988 г., № 9.

См.: *Пастернак З. Н.* Воспоминания. — М.: ГРИТ, 1993.

Митя остроумно заметил: «Та свинья, о которой говорил Семичастный, конечно, должна кушать». Семичастный вскоре был назначен Хрущевым на пост председателя КГБ СССР, однако в 1964 г. предал своего благодетеля: он активно участвовал в перевороте, в результате которого Хрущев был смещен и его место занял Брежнев. Семичастный рассказал в интервью журналу «Огонек» (1989 г., № 24) о подготовке речи к тому пленуму. «Хрущев вызвал меня и сказал: „Ты не возражаешь? В докладе надо Пастернака проработать. Давай сейчас мы наговорим, а завтра Суслов посмотрит — и давай“. Надиктовал он две странички. Конечно, с его резкой позицией о том, что даже свинья не позволит себе гадить. <…> Надо быть умным генеральным», — сетовал через 30 лет Семичастный.

Ивинская говорила мне о ходившей в писательских кругах версии причины этого инфаркта. Ей рассказал об этом Фадеев. Рассказ Ивинской: «В 1952 году Сталин вовсю разворачивал дело врачей, разгромив перед этим еврейский антифашистский комитет и расстреляв его членов — видных деятелей советской науки и культуры. Сталин дал указание подготовить в Казахстане концлагеря для массовой высылки туда евреев с 1953 года. Фадеев сказал, что по требованию Сталина принес ему списки известных писателей-евреев. И Сталин вычеркнул из большого списка на выселение несколько имен, в том числе и Пастернака. Когда Фадеев рассказал об этом Борису, тот закричал и схватился за сердце. Речь его в адрес Сталина была нецензурной. Сам Боря об этом никогда мне не говорил. Но отголоски этой версии есть в воспоминаниях Исайи Берлина, литератора из Англии».

В сборнике «Воспоминания о Борисе Пастернаке» (М.: Слово, 1993. С. 531) Исайя Берлин пишет: «После первой встречи в 1945 году я не видел Пастернака 11 лет. К 1956 году его отчуждение от политического режима, господствовавшего в стране, было полным и бескомпромиссным. К тому времени его друг, Ольга Ивинская, целых пять лет уже провела в лагере. Министр госбезопасности Абакумов сказал ей во время допроса: „А твой Борис, наверное, презирает и ненавидит нас?“ „Они были правы, — сказал мне Пастернак. — Она и не отрицала этого“. Он обнял меня и сказал, что многое произошло за те 11 лет, что мы не виделись, в основном ужасное. Затем остановился и спросил: „Вы, наверное, хотите мне что-то сказать?“ И я выпалил с невероятной бестактностью (если не сказать идиотизмом): „Борис Леонидович, я очень рад видеть вас в добром здравии. Самое замечательное — это то, что вы выжили; некоторым из нас кажется это просто чудом!“ (Я имел в виду антисемитские преследования периода Сталина.) Тут лицо Пастернака помрачнело, и он посмотрел на меня с нескрываемым гневом. „Я знаю, что вы думаете“, — сказал он. — „Что, Борис Леонидович?“ — „Я знаю, все знаю, что у вас на уме, — твердил он срывающимся голосом, слушать его было страшно. — Не виляйте, я читаю ваши мысли яснее, чем вы собственные“. — „Что же у меня на уме?“ — спросил я снова, огорченный и расстроенный его словами. — „Вы думаете — я знаю, что вы думаете, — что я сделал что-то для *них*“».

Стасик Нейгауз — младший сын Генриха и Зинаиды Нейгауз, талантливый пианист, притеснявшийся в СССР. Ивинская считала, что таким подлым способом власть оказывала давление на Пастернака.

Большая часть денег, привозившихся от Фельтринелли и от Жаклин за роман, отдавалась Зинаиде Николаевне на расходы по Большой даче.

Ивинская О. В. Указ. соч. С. 436.

Там же. С. 438.

Там же. С. 439.

278

В записках прикрепленного к Пастернаку врача Анны Голодец, постоянно находившейся на Большой даче, сказано, что 10 и 11 мая «были самые светлые дни за время болезни».

279

Соня Богатырева, тогдашняя жена Кости, рассказала мне при встрече в Москве летом 2003 года: «Костя приходил к болевшему Пастернаку, не встречая никого на пути от ворот к дому. Но 12 мая ему преградил путь в дом Александр Леонидович Пастернак. Зная решительный нрав Кости, видимо, там решили, что только Александр Леонидович может его остановить». В день похорон Пастернака подойти к Ольге, чтобы «предупредить об исключении эксцессов», Александр Леонидович не решился, семейство поручило сделать это Евгению Борисовичу. Этот эпизод, описанный в книге Ирины, я привожу в главе «Как сбылось пророчество Бориса Пастенака».

280

В 1961 г. в письме из тюремного лагеря к Люсе Поповой Ивинская писала об этом бессердечии и предательстве Н. Табидзе: «Боря перевернулся бы в гробу, узнав о такой низости своей Ниночки».

281

Ивинская О. В. Указ. соч. С. 369–372.

Из воспоминаний врача А. Голодец об эпизоде утра 31 мая 1960 г.: «В 6 утра во дворе появилась расстроенная, плачущая женщина, громко кричавшая: „Теперь вы меня можете пустить, теперь меня бояться нечего“. Все многочисленные обитатели дачи попрятались, осознав, на мой взгляд, всю низость и бесчеловечность своего поступка, но даже в этот час не допустив Ольгу проститься с умирающим Борисом Пастернаком». Ахматова сказала по этому поводу: «Какая жестокость семейства — не пустить Ольгу к умирающему Борису». Лагерное выражение Ариадны в адрес семейства, переданное мне Митей, я не могу повторить.

Ирина пишет в своей книге об этом дне: «Мама поднялась на крыльцо, открыла дверь — никого не было. Она пошла по коридору, и тут ее встретила Татьяна Матвеевна, домработница Пастернака. Борис Леонидович ее очень любил, а она его — без памяти, несмотря на крайнюю внешнюю суровость, с которой проявляла свои чувства. Она провела маму к Б. Л. И там мама оставалась с ним, наверное, с полчаса. В комнату никто не зашел. Они простились. Митя и Марина (медсестра) ждали за воротами». Об этом «свидании» Ольги с Пастернаком мне также рассказывал Митя.

См.: Там же. С. 374–375.

За этот благородный и смелый поступок власть отомстила Паустовскому, рассыпав в 1960 г. набор его книги. И через восемь лет, после смерти Константина Георгиевича, власти ему мстили. Ариадна Эфрон, постоянно жившая в Тарусе, рассказала Ольге, как после похорон Паустовского на тарусском кладбище власти дважды ночью посылали группы гавриков, которые разоряли могилу писателя. На третью ночь друзья Паустовского устроили засаду на кладбище и поймали изуверов, изрядно отколотили их и отняли удостоверения карательной организации.

284

Соня Богатырева рассказала мне при встрече летом 2003 г., что в середине мая 1960-го, после того как стало ясно, что органы закрыли доступ к Пастернаку, Костя уехал в командировку с немецкой делегацией, где работал переводчиком. Костя не успел вернуться к похоронам Бориса Леонидовича, о чем горько сожалел.

285

В письме к сестрам в Англию в октябре 1958 г. Пастернак сообщал об этом своем желании: «Если Нобелевская премия этого года будет присуждена мне и появится необходимость или возможность поехать мне за границу, я не вижу причин, чтобы не попытаться и не захотеть взять с собою Ольгу».

Председатель КГБ СССР.

287

В 2006 г. Евгений Борисович сообщил в одном из интервью по телеканалу «Культура»: «В 1989 году для поездки в Стокгольм за Нобелевской премией власти оформили мне зарубежную визу за один день».

288

В 2001 г. стало известно, что только КГБ осмелился написать: «Пастернак не оставил завещания». Эта фраза содержится в «совсекретной» записке КГБ, направленной 22 сентября 1961 г. в ЦК КПСС. Текст записки опубликован в книге «Пастернак и власть», документ № 84. Митя говорил мне: «Эту ложь повторил только Евгений Борисович спустя 37 лет по настоятельной просьбе РГАЛИ в своем заявлении в Савеловский суд. Это заявление от Евгения Борисовича читала в январе 1998 г. на суде директор РГАЛИ Наталья Волкова».

289

Пастернак Е. Б. Указ. соч. С. 727.

290

Еще 17 апреля 1959 г. в письме к Жаклин во Францию возмущенный Пастернак пишет: «Я буду отказываться подписывать неограниченное право Госбанка на все будущие и настоящие суммы. Все мое существо восстает против подобной расписки, против этого договора с дьяволом».

Митя заметил по этому поводу: «Странная и аморальная по отношению к Борису Леонидовичу поспешность, так как его сестра Лида 2 июня 1960 г. еще не приехала из Лондона. Она смогла прорваться через препоны и приехать в Переделкино только 5 июня. По человеческим канонам характер памятника определяют после совета с родными сестрами умершего, в первую очередь учитывая его желание, высказанное при жизни».

При встрече с Зоей Масленниковой в 2001 г. я услышал ее рассказ об этой постыдной истории с памятником. Она сказала: «Как пророчески Пастернак написал о них — лжецы и трусы».

293

Из стихотворения О. Ивинской памяти Пастернака.

См.: Москва. 1993. № 10.

295

Увлекательную переписку Пастернака с Сувчинским опубликовал Вадим Козовой в своей книге «Поэт в катастрофе». Сувчинский, ценя талант и абсолютную порядочность Козового, завещал ему свой архив. Впервые представив читателям тексты всех писем Пастернака к Сувчинскому периода 1957–1959 гг., Вадим дал широкий и глубокий комментарий к ним.

Козовой В. М. Поэт в катастрофе. — М.: Гнозис, 1994. С. 272.

См.: *Ливанов В. Б.* Невыдуманный Борис Пастернак. — М.: Дрофа, 2002.

Пастернак оказывал ежемесячно материальную помощь своей первой жене Евгении Лурье, а также Цветаевой, Ахматовой, Ариадне Эфрон, Шаламову, десяткам осужденных и бедствующих писателей и поэтов, включая адресатов за рубежом.

299

«Главной бедой, корнем будущего зла была утрата веры в цену собственного мнения. <…> Вообразили, что теперь надо петь с общего голоса и жить чужими, всем навязанными представлениями», — писал Пастернак.

300

«Я в гроб сойду и в третий день восстану. <…> / Ко мне на суд, как баржи каравана, / Столетья поплывут из темноты», — написал Б. Пастернак.

Знамя. 2003. № 11. С. 207.

Емельянова И. Легенды Потаповского переулка. С. 190.

303

Фильм режиссера Агишева «Последняя любовь Бориса Пастернака» впервые был показан в 1997 г. на канале «Культура» в цикле «Больше, чем любовь». В этом фильме Вознесенский говорит о женских кланах, ревновавших Ольгу к Пастернаку, что рождало наговоры и сплетни с целью очернить Ивинскую.

См.: *Чуковская Л. К.* Записки об Анне Ахматовой: В 3 т. — М.: Согласие, 1997. Т. 2.

305

О. Ивинская была осуждена 29 июля 1950 г. «особым совещанием при МГБ», то есть «тройкой», за «антисоветскую деятельность и связь с лицами, подозреваемыми в шпионаже» по статье 58–10, части 1. Материалы по делу Ивинской из КГБ опубликованы в Литературной газете (1994, № 11 от 16 марта).

306

Речь идет о книге Л. Чуковской об А. Ахматовой, вышедшей в 1980 г. в США.

307

Знаменитое крылатое выражение писателя Фазиля Искандера из эссе «Кролики и удавы».

Громова Н. Узел: Поэты: дружбы и разрывы: Из литературного быта 20–30-х годов. — М.: Эллис Лак, 2006. С. 186.

309

Чуковская Л. Записки об Анне Ахматовой: В 3 т. — М.: Согласие, 1997. Т. 1. С. 101.

310

Нина Ольшевская, актриса и режиссер, самая близкая подруга Ахматовой еще с лицейских лет, жена писателя Виктора Ардова. В их доме постоянно останавливалась Ахматова, приезжая в Москву.

Громова Н. Эвакуация идет. — М.: Совпадение, 2008. С. 295.

Пастернак З. Н. Указ. соч. С. 351.

313

По воспоминаниям писателя Александра Афиногенова, в 1937 г. он неоднократно слышал, как Зинаида кричала на Бориса Леонидовича, требуя от него идти на собрания, где клеймили «врагов народа».

Существованья ткань сквозная: Борис Пастернак. — М.: НЛО, 1998. С. 503.

315

Подорванное в концлагере здоровье не позволило Ивинской сохранить ребенка. В августе 1954 г. у нее случился выкидыш. Так погиб второй ребенок Пастернака и Ольги.

316

Вадим имел в виду эссе нобелевского лауреата Иосифа Бродского о стихотворении Б. Пастернака «Магдалина». Бродский, прочитав комментарии Е. Б. и Е. В. Пастернак к «Магдалине», назвал комментаторов «дикарями» (см.: Сочинения Иосифа Бродского: В 7 т. — СПб.: Фонд Бродского, 2001. Т. VII. С. 184).

По поводу этой публикации Вадим говорил: «Браво культуре „Огонька“! Браво его бесстрашию в защите любви и чести ПОЭТА и Ольги!»

318

Полный текст этого письма впервые опубликован в книге «Пастернак и власть», документ 32, с. 153.

319

См.: *Пастернак Е. Б.* Нобелевская премия Б. Пастернака // Новый мир. 1990. № 2. С. 191–194. Статья датирована 20 декабря 1989 года.

Об этом пишет Ирина в своей книге «Легенды…». Я услышал рассказ о тех днях в 2003 г. от участника «Ириной команды» Тимура Зульфикарова, с которым познакомила меня моя сестра Алла, литератор. Тимур учился вместе с Ирой Емельяновой в Литинституте и рассказывал нам с сестрой о своих поездках в октябре — ноябре 1958 г. вместе с Пастернаком и Ольгой Ивинской в электричках для их защиты от возможных провокаций. Тимур говорил об особом очаровании этой поэтической пары. Он написал удивительно нежную и мелодичную песню «Золотоволосая» в честь музы поэта — Ольги Ивинской. Зульфикаров стал известным прозаиком, поэтом и драматургом, получившим несколько литературных премий в России и в Европе.

321

См.: *Пастернак Е. Б.* Борис Пастернак: Материалы для биографии. — М.: Советский писатель, 1989.

322

Георгий Эфрон вернулся в Москву в 1943 г.

323

В рассказе Ивинской в 1994 г. это упоминание о Муре для меня звучало как-то нереально и фантастично. Однако в конце 2007-го издательство «Вагриус» опубликовало дневники Георгия Эфрона в двух томах, где есть большой ташкентский раздел. В томе 2 на с. 247 имеется запись Мура от 1 июня 1943 г.: «Встретил вчера сына Пастернака. Он уже лейтенант Академии бронетанковых войск. В общем, он — странный и скорее противный тип».

324

Как иллюстрация к вышесказанному примечательна цитата из воспоминаний Зинаиды Николаевны: «Боря давал мне на хозяйство 10 тысяч рублей в месяц. Из этих денег мне удалось отложить около 20 тысяч. 14 апреля 1960 г. мы узнали, что в г. Владимире продается новая „Волга“ за 45 тысяч рублей. Денег не хватало, а я не хотела трогать свою сберкнижку и сказала об этом Боре. Он пошел гулять и вечером, к моему удивлению, принес мне недостающие 25 тысяч рублей» (*Пастернак З. Н.* Указ. соч. С. 384).

325

29 мая 1961 г. в письме к Ирине в лагерь Ариадна сообщила: «Зинка, говорят, заболела — инфаркт. Так ей и надо — стерве».

326

В письме от 17 декабря 1961 г. Аля пишет: «Женя заболела психически и помещена в соответствующее лечебное заведение — сообщила Мандельштамиха».

«А за мною шум погони…»: Борис Пастернак и власть. — М.: РОССПЭН, 2001. С. 57.

Там же. С. 303.

329

Там же. С. 298. Митя обратил внимание на то, что в заявлении сыновей с просьбой отдать им зарубежные гонорары Пастернака никакого упоминания о желании помочь антисоветчице Ивинской нет и в помине.

330

Ада Александровна Шкодина, подруга Ариадны по ссылке.

331

В книге Ивинской назван день 23 апреля 1960 г., когда Пастернак в последний раз пришел в Измалково и передал Ольге рукопись пьесы.

Евгений Борисович, сочиняя «Биографию» (1997) и «Жизнь Бориса Пастернака» (2004), игнорирует предсмертные дневниковые записи Пастернака, которые были опубликованы и подробно прокомментированы в 1974 г. Эти дневники поэта цитируют все зарубежные исследователи жизни и творчества Пастернака, но советский пастернаковед о них ничего не знает или делает вид, что их нет.

Ивинская О. В. Указ. соч. С. 74.

Там же. С.75.

6 августа 2007 г. «Новая газета» опубликовала текст совсекретного постановления ЦК ВКПб от 5 августа 1937 г. и приказ НКВД № 00447 о плановых заданиях органам на репрессии, где были определены квоты на расстрел и ссылку в концлагеря «антисоветских элементов». В Грузии квота на отстрел, установленная Сталиным, составила 2 тысячи человек. Я обратил внимание на то, что в Узбекистане она составила 750 человек при численности населения республики более 15 миллионов человек, в то время как численность населения Грузии тогда не превышала 3 миллионов. Это объясняется просто: в Грузии оставалось много свидетелей криминальной и провокаторской деятельности Сталина в Закавказье. В 1937 г. застрелился поэт Паоло Яшвили, а затем был арестован и расстрелян поэт Тициан Табидзе. Их знал и любил Борис Пастернак. Выполняя указания вождя, внесудебные «тройки» и органы обеспечили перевыполнение заданий в два-три раза, расстреляв за четыре месяца 1937 г. более 240 тысяч человек, а затем потребовали выделить новые, увеличенные квоты на расстрел и ссылку в лагеря.

335

См.: *Баевский В.* Пастернак — лирик: Основы поэтической системы. — Смоленск, 1993.

Эту книгу нашла для меня в 2004 году моя сестра Алла Мансурова. Литератор, окончившая литфак МГУ в 1972 г., Алла написала более 70 литературоведческих работ, книг и учебников. Особый восторг вызвал у меня ее «Толковый словарь этнографической лексики» (М., 2001) — результат исследования языка писателей-билингвов малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока. В словаре дано толкование слов и выражений из корякского, мансийского, ненецкого, саамского, ульчского, нанайского, эвенкийского, эскимосского и других базовых языков исчезающих малочисленных народов России. Удивительные тайны неповторимого быта и любви к ее величеству Природе, яркие вспышки поэтики, наблюдательности и юмора этих народов открывает изумленному читателю «Словарь этнографической лексики».

См.: Пастернак Б. Стихотворения и поэмы: В 2 т. / Сост., подгот. текста и примеч. В. С. Баевского и Е. Б. Пастернака. — Л., 1990.

337

Согласно официальной версии жена Сталина, Надежда Аллилуева, покончила с собой.

Надо понимать, что за организацию подобного славословия в адрес Пастернака, если оно не санкционировано лично хозяином Кремля, могли полететь с плеч головы многих функционеров от литературы. Таких примеров было множество, но большинству читателей памятен случай сталинской кары за организацию вставания на литературном вечере при выступлении Анны Ахматовой.

Поразительно, но не Горький от имени Съезда писателей принимает «сталинский» подарок, а Пастернак! Кто же так пожелал распорядиться? Неужели кто-то, кроме хозяина Кремля?

Этот случай описан и в книге Ольги Ивинской.

341

Сталин назвал Маяковского «лучшим, талантливейшим поэтом советской эпохи».

Вождь назначил Пастернака в составе «святой троицы» глашатаем эпохи и обязал играть эту роль. Но двое из троицы покончили с жизнью (Есенин и Маяковский), не выдержав тяжкой участи — прославлять бесчеловечную систему. Третьего надо уберечь от такого шага, но держать на поводке. Третий должен жить и подчиняться воле вождя. Ведь вождь всего прогрессивного человечества никогда не ошибается.

343

А по терминологии Евгения Борисовича — «врал» всем четверым.

344

Литфонд — организация, распределяющая блага среди писателей.

Удивительно, но в обширном сочинении Евгения Борисовича под названием «Жизнь Бориса Пастернака» (2004) вообще исчезли слова завещательного распоряжения Бориса Пастернака сыновьям, которые Евгений Борисович ранее привел в биографии поэта в 1997 г.

346

Во вступительной главе этой книги приведены два перевода этого предложения из английского письма Бориса Леонидовича, которые сделаны профессиональным литератором-переводчиком и мальчиком Борей, учеником второго класса английской школы. Переводы эти совпадают даже в деталях, но полностью противоположны по смыслу переводу, приведенному в книге Е. Б. и Е. В. Пастернак. Привожу перевод специалиста, литератора с 30-летним стажем: «Если Нобелевская премия этого года (как доходят вести) будет присуждена мне и будет возможность поехать за границу, я не вижу никаких причин не постараться и не захотеть взять с собой Ольгу в эту поездку».

347

Панферов Федор Иванович (1896–1960) — функционер СП, сподвижник Суркова, который называл Пастернака «личным врагом».

348

6 июня 1960 г. Ивинская вместе с Ириной встречались в Переделкине с приехавшей из Англии сестрой Бориса Пастернака Лидией Слейтер-Пастернак.

Однажды Ивинская в разговоре со мной о встрече с Лидией в Переделкине сказала, что в завещании Пастернака могло быть какое-то указание о передаче его прав в Англии сестрам.

Жена скончавшегося в 1976 г. Леонида Пастернака.

Как мне говорила О. Ивинская, особенно возмущалась таким поступком Ирины непреклонная Ариадна, считая, что «отдавать документы человеку, предававшему отца, — верх дурости и безумия».

352

Дачный поселок рядом с Переделкиным.

353

Представитель Инюрколлегии СССР.

Книга Д’Анджело разъяснила причину этой спешки в действиях советских органов.

355

С января 1961 г., после отправки Ольги Всеволодовны и Ирины в концлагерь, советская пропаганда и газеты зарубежных компартий вели широкую кампанию по дискредитации Ивинской — «антисоветчицы, занимавшейся контрабандой за спиной Пастернака и утаивавшей от наивного поэта и его семьи большие зарубежные гонорары, которые аморально использовала для личного обогащения».

356

См.: *Пастернак Б.* Письма к родителям и сестрам. — М., 2004. С. 835–837.

357

См.: Новый мир. 1992. № 1. С. 183. Митя говорил мне в 1992 г.: «Почему в этом письме нет и тени волнения Бориса Леонидовича за обитателей Большой дачи? Он хорошо знал, что Зинаида и сыновья полностью следуют советам органов и им ничто не угрожает. Красноречивые материалы о работе органов и секретных доносах советских писателей Симонова, Маркова, Полевого, предпринимавших огромные усилия по дискредитации Бориса Пастернака, чтобы исключить его выдвижение на Нобелевскую премию, приведены в главе „Враждебная нам акция“ книги „Пастернак и власть“. Сам Евгений Борисович написал пространную вводную статью для этой книги, где в очередной раз заявил о „пагубной роли Ивинской“».

Воспоминания о Борисе Пастернаке. — М.: Слово, 1993.

359

Определение Б. Мансурова, которое нахожу в случае Б. Пастернака и Р. Швейцер очень подходящим.

360

Открытка от 12 июля 1958 г.

361

Определение самого Пастернака: см. открытку от 12 июля 1958 г.

362

Письмо от 7 июня 1958 г.

363

См. об этом подробнее в интервью Лилии с Лизелоттой Лаабс, приведенном ниже.

364

Это письмо Пастернак написал 7 мая 1958 г. Ивинская передала его с оказией в Италию, чтобы оттуда его переслали в Берлин к Р. Швейцер, куда оно пришло в сентябре 1958 г. — *Б. М.*

365

Ольга Ивинская забеременела от Б. Пастернака осенью 1949 г. В октябре ее арестовали. Их ребенок погиб в Лубянской тюрьме. — *Б. М.*

366

Без сокращений это письмо приведено в журнале «Грани», 1965, № 58, с. 26–28.

367

Пастернак находился в больнице, куда, по его собственному выражению, он попал «из-за вторично возобновившегося в этом году отвратительного заболевания ноги».

О ее работе в то время см. в интервью с Л. Лаабс.

369

Как переводчик «Фауста» Пастернак получил из Германии запрос с просьбой прислать свою фотографию и автограф и сообщить свое мнение о «Фаусте».

Так в немецком оригинале. В переводе опечатка («Грани», № 58, с. 15).

371

В открытке от 12 августа 1958 г. Эту тему затрагивала и Л. Лаабс (см. далее интервью).

372

Из открытки от 12 июля 1958 г. Пастернак писал это из больницы, куда попал уже второй раз за сравнительно короткое время.

Из рассказов Л. Лаабс видно, какой независимой личностью была Рената Швейцер.

Судьбе было угодно, чтобы они встретились лишь в апреле 1960 года. Время, когда «ничтожная мелочь может иной раз разрушить большую иллюзию», было отодвинуто более чем на полтора года (см. далее интервью с Л. Лаабс).

375

См. письмо Ренаты Швейцер от 13 апреля 1958 г. Она была потрясена прослушанным по радио отрывком из романа Пастернака («Смерть Живаго», прощание Лары с любимым): «Как мог мужчина так хорошо понять переживания женщины!» Рената сама тяжело пережила в 1954 г. смерть Курта Фуртвенглера.

376

Травля и изоляция поэта после присуждения Нобелевской премии.

Воспользоваться этими большими деньгами на собственные нужды и по своему усмотрению в Советском Союзе Пастернак не мог.

378

Речь о Жаклин де Пруайяр.

В Париж ездила Лизелотта Лаабс (см. далее интервью).

Пастернак пишет об этом, помня письмо Ренаты от 2 августа 1958 г., в котором есть слова: «я ведь знаю, какая ничтожная мелочь может иной раз разрушить большую иллюзию, а поэтому, Борис, из чувства самосохранения я должна все продумать и быть ко всему готовой».

381

Накануне отъезда в Россию Рената оступилась и получила травму ноги. Она везла Пастернаку подарки, переживая, пропустят ли таможенники ее багаж и т. д.

В файле — полужирный — *прим. верст.*

383

Ивинская О. В. Годы с Борисом Пастернаком. — М., 1992. С. 366.

Там же. С. 366.

385

Еще в 1993 г. Ольга Ивинская, рассказывая о Ренате Швейцер, подарила мне письмо Л. Лаабс, которое пришло к Ольге из Берлина в 1992 г. в дни ее 80-летия. В том письме Лизелотта писала: «Я Вас знаю из рассказов Ренаты Швейцер, которая посетила в начале 1960 г. Пастернака, который и привел ее к Вам. После возвращения Рената рассказывала о Вас с большой любовью. Прочитала в газетах, что Вам исполнилось 80 лет, а мне уже более 90 лет. Я много работала с госпожой Швейцер в здешней больнице, но ее уже давно нет в живых. <…> После скоропостижной смерти Пастернака, о чем ей написал Руге, она не могла с Вами переписываться, так как боялась подвергнуть Вас опасности. <…> Я очень надеюсь, что эти неприятности уже позади. Пишу Вам из желания сообщить о хорошей выставке, посвященной Пастернаку, которая проходит в Берлине. На плакате изображен портрет Пастернака, написанный его отцом. На выставке представлены книги, рукописи, картины. <…> Надеюсь, Вы получите мое письмо, и буду очень признательна, если Вы ответите на него. С дружеским приветом. Лизелотта Лаабс». Ивинская ответила на письмо и послала Лаабс свою книгу, вышедшую в России в июне 1992 г.

В 1993 г. по материалам Ольгиной книги «Годы с Борисом Пастернаком» немецкие кинематографисты сняли документальный фильм «Лара». Один из эпизодов фильма — интервью с Ольгой Ивинской. Осенью 1994 г., уже слабая и больная, Ольга Всеволодовна по приглашению министерства культуры Германии решилась поехать в Германию с сыном Митей на представление фильма «Лара». Их принимали с большой теплотой. Фильм широко показывали по немецкому телевидению, а затем демонстрировали в странах Европы. В России пресса об этом скромно умолчала.

Примечательно, что отобранные, как сказал Митя, «нейтральные отрывки» из воспоминаний Ренаты Швейцер были включены в российский юбилейный сборник воспоминаний о Борисе Пастернаке, вышедший с большим опозданием только в 1993-м (во всем культурном мире 100-летие поэта широко отмечалось в 1990-м). Купирование воспоминаний Ренаты в российском сборнике сделано так, чтобы скрыть главную причину, из-за которой Рената решила срочно опубликовать свою переписку с Пастернаком, — рассказать о встрече с Пастернаком и Ольгой в Переделкине: «Для защиты чести и достоинства Ольги и Бориса Пастернака».

Эти слова Пастернака из книги Ренаты советские составители воспоминаний о Пастернаке не приводят, как не приводят и текста «закрытого» письма Пастернака к Ренате. Пастернак написал его 7 мая 1958 г., и Ольга передала его нарочным в Италию, чтобы письмо из Рима переслали Ренате в Берлин.

387

Известный литератор Борис Парамонов, исследуя роман «Доктор Живаго» и одновременно изучая книгу Ивинской «В плену времени», в парижском журнале «Континент» пишет: «Ольга была не только любовью Пастернака, она была его ТЕМОЙ!»

388

В Европе уже шло обсуждение кандидатур на Нобелевскую премию 1958 г.

389

Ольга Ивинская рассказывала, что в разгар переписки с Ренатой Пастернак написал стихотворение «После грозы», где есть строфа: «Не потрясения и перевороты / Для новой жизни очищают путь, / А откровенья, бури и щедроты / Души воспламененной чьей-нибудь». В своей книге «Легенды Потаповского переулка» Ирина сообщает, что Борис Леонидович приносил в Измалково и читал ей и Жоржу Нива письма Ренаты, восхищаясь ее талантом и «воспламененной» душой.

390

В романе описан пленительный эпизод на елке у Свентицких, где появляется запах мандарина. В части третьей, главе 14 Пастернак пишет:

«Юра стоял в рассеянности посреди зала и смотрел на Тоню, танцевавшую с кем-то незнакомым. <…> Она была очень разгорячена. В перерыве Тоня утоляла жажду мандаринами, которые она без счета очищала от пахучей легко отделявшейся кожуры. Она поминутно вынимала из-за кушака или из рукавчика батистовый платок, крошечный, как цветы фруктового дерева, и утирала им струйки пота по краям губ и между липкими пальчиками.

Смеясь и не прерывая оживленного разговора, она машинально совала платок назад за кушак или оборку лифа. В танце, задевая сторонившегося и хмурившегося Юру, Тоня мимоходом шаловливо пожимала ему руку и выразительно улыбалась. При одном из таких пожатий платок, который она держала в руке, остался в Юриной ладони. Он прижал его к губам и закрыл глаза. Платок издавал смешанный запах мандариновой кожуры и разгоряченной Тониной ладони, одинаково чарующий. Это было что-то новое в Юриной жизни, никогда не испытанное и остро пронизывающее сверху донизу».

391

В советских публикациях воспоминаний о Пастернаке к его 100-летию, подготовленных Е. В. Пастернак и М. Фейнберг, как говорила Ивинская, «с учетом советов ЦГАЛИ» эти письма не приводятся.

Уместно здесь вспомнить рассказ Сони Богатыревой о том, как в 1959 г. во МХАТе Пастернак громогласно, на весь зал напутствовал Костю Богатырева, поручая ему привезти актеров немецкой труппы Грюндгенса в Переделкино: «Костя, только не садитесь в первое и даже во второе такси, так как они могут быть подосланы. Садитесь в третье такси». Конечно, Ренате такой рекомендации Пастернак не успел дать.

Это заявление Ренаты вызывает некоторое удивление из-за контраста с тем, какой недружелюбный прием оказала Зинаида недавней посланнице Ренаты, приезжавшей в Переделкино. Нечто другое звучит и в воспоминаниях Л. Лаабс. Ей в апреле 1960 г. подробно рассказала о своей поездке в Переделкино сама Рената после своего возвращения в Берлин. Это отражено в интервью с Л. Лаабс.

394

Дача Ольги находилась на пригорке, над фадеевским шалманом.

395

О дне 17 апреля 1960 г., проведенном в Измалково с Ренатой, Ольга написала: «Рената была оживленной и счастливой. Говорила, что такими нас и представляла себе — Пастернака и Лару. Боря смешно и неловко защищался от ласк Ренаты, а она, не в силах сдержать своих восторгов, поминутно к нему бросалась. „Какая нахалка!“ — лицемерно возмущался он, опасаясь моей ревности. А я конфузилась — что, если Рената понимает русские слова?»

Как рассказывала мне Ивинская о той пасхальной встрече, Рената просила Ольгу «одолжить ей Пастернака хотя бы на недельку». Ивинская вспоминала: «Увидев на столике ночник с царем и Шамаханской царевной, Рената восхитилась им и стала разыгрывать Борю: мол, по чину султану или цезарю, каким она представляла Пастернака по фотографиям, следует иметь несколько жен, причем из разных стран. И Рената соглашалась быть его первой германской женой. Говорили о стихах и письмах, строили планы на будущее, на встречу в Германии, откуда Пастернаку приходило множество приглашений».

Так назвала Большую дачу Рената.

397

Перевод стихотворений Пастернака из цикла «Когда разгуляется» на немецкий язык выполнил Рольф-Дитрих Кайль. Эту книгу, как я уже написал, подарил мне Митя в «судный день» 28 августа 2000 г. с удивительной надписью.

398

В записке к Ольге в тот день Борис Леонидович сообщил: «Был врач. Нашел сердечное расстройство, которому приписывает эти адские боли в левой части спины. Мне трудно представить, чтобы такая прочно засевшая боль сводилась только к явлениям сердца».

399

В письме, посланном через Жаклин, Пастернак дал распоряжение Фельтринелли перевести Ренате 5 тысяч долларов.

400

Ольга смогла передать дневник в руки Шеве.

401

Глубоко символичное воспоминание приведено в книге Даниила Данина «Бремя стыда». Он пишет, как с друзьями услышал трагическую весть о смерти Пастернака поздно вечером 30 мая 1960 г. Данин находился в высокогорной обсерватории на горе Арагац в Армении и на всю жизнь запомнил тот момент: «Как обычно, радист обсерватории слушал эфир, в котором носились сотни голосов со всего света, в гомоне которых нельзя было разобрать никаких вразумительных слов. Эфир многоголосо дышал и пульсировал. И вдруг, примерно к полуночи, внезапно все затихли. Стояла небывалая в эфире звенящая тишина. Мы изумленно и тревожно переглядывались. И на пике нашего волнения спокойный голос на английском языке сообщил миру о смерти лауреата Нобелевской премии Бориса Пастернака: „После продолжительной болезни <…>. На даче“» <…>. Данин помнил тех, кто был рядом с ним в тот час на Арагаце: академики Алиханян, Мигдал, Окунь, Гольдман и еще многие. Помнил, как Бруно Понтекорво услышал то же сообщение по-итальянски, когда крутили рукоятку настройки — в надежде поймать русское сообщение из Москвы. «<…> Весь мир со скорбью сообщал о смерти ПОЭТА. Лишь Москва молчала. Молчала страна, славу которой принес своим творчеством Борис Пастернак».

О реакции советских властей на смерть Нобелевского лауреата, всемирно известного поэта Бориса Пастернака, написала Ольга Ивинская в своей книге: «Только 2 июня 1960 г. „Литературная газета“ сообщила о смерти писателя, „члена литфонда“ Пастернака Бориса Леонидовича. В газете ни слова о времени и месте похорон. На это Самуил Маршак зло и резко сказал: „Мерзавцы! Подлые мерзавцы!“»

В файле — полужирный — *прим. верст.*

403

Материалы к биографии Ольги Ивинской приводятся по текстам предисловия, написанного ее дочерью Ириной Емельяновой к книге стихов: *Ивинская О. В.* Земли раскрытое окно. — М.: Синее яблоко, 1999.

404

Это стихотворение Ольга Всеволодовна начала писать в тюрьме после ареста и суда, о чем сообщил ее адвокат (см.: *Косачевсиий В.* Послесловие к роману // Москва. 1989. № 10. С. 139–147).

Это краткое повествование написано на основе публикаций Ирины Емельяновой о Вадиме Козовом, приведенных в книге «Твой нерасшатанный мир» (М.: Прогресс-Традиция, 2001).

См.: Книжное обозрение. 1995. № 37.

См.: *Козовой В.* Поэт в катастрофе. — М.: ГНОЗИС, 1994.

408

Интереснейшие письма Ариадны Эфрон к Ольге Ивинской и Ирине Емельяновой были опубликованы в 2004 году (см.: *Эфрон А. С.* Жизнь есть животное полосатое. — М.: ВИГРАФ, 2004).

См. об этом подробнее в главе «Друзья, родные — милый хлам».

410

В январе 1991 г. произошел кровавый разгон советскими войсками митинга около телецентра в Вильнюсе.

По зловещему совпадению в период появления этого письма в 1976 г. был убит правозащитник Костя Богатырев, пытавшийся отыскать завещание Бориса Пастернака. А в ноябре 1976 г. скоропостижно скончался за рулем своей машины Леонид Пастернак. Ему было только 37 лет.

Поразительно, но вопросы политкомиссии, допрашивавшей подполковника Гутчина, были того же уровня интеллектуальности, что задавал Ивинской в 1949–1950 гг. на Лубянке следователь НКВД Семенов. Протоколы допросов Семенова были опубликованы (см.: Литературная газета. 1994. № 11. С. 6).

И. Гутчин при нашей с ним встрече в Вашингтоне в 1999 г. рассказывал, что рукопись книги Ивинской сумел перевезти в Париж Евгений Евтушенко.

414

Выдающийся физик, академик, трижды Герой Соцтруда, всемирно известный правозащитник, отправленный советской властью из Москвы в нижегородскую ссылку под надзор органов «без права перемещения».

415

Вадим Козовой пояснял, что телефон Кости стоял на прослушке у органов.

416

Соня Богатырева ведет курс русской литературы в одном из университетов США. Она известна в мировой литературной среде как выдающийся знаток творчества Мандельштама. Ее родители были в близких отношениях с Надеждой Яковлевной Мандельштам, завещавшей в случае ее неожиданной гибели им и Соне весь свой архив. Однако Надежде Яковлевне посчастливилось выжить и самой издать свои воспоминания о Мандельштаме.

417

Это выступление было опубликовано в журнале «Звезда» (1996, № 1), а также в 7-томном собрании сочинений Иосифа Бродского (СПб., 2001. Т. VII. С. 179, 184).